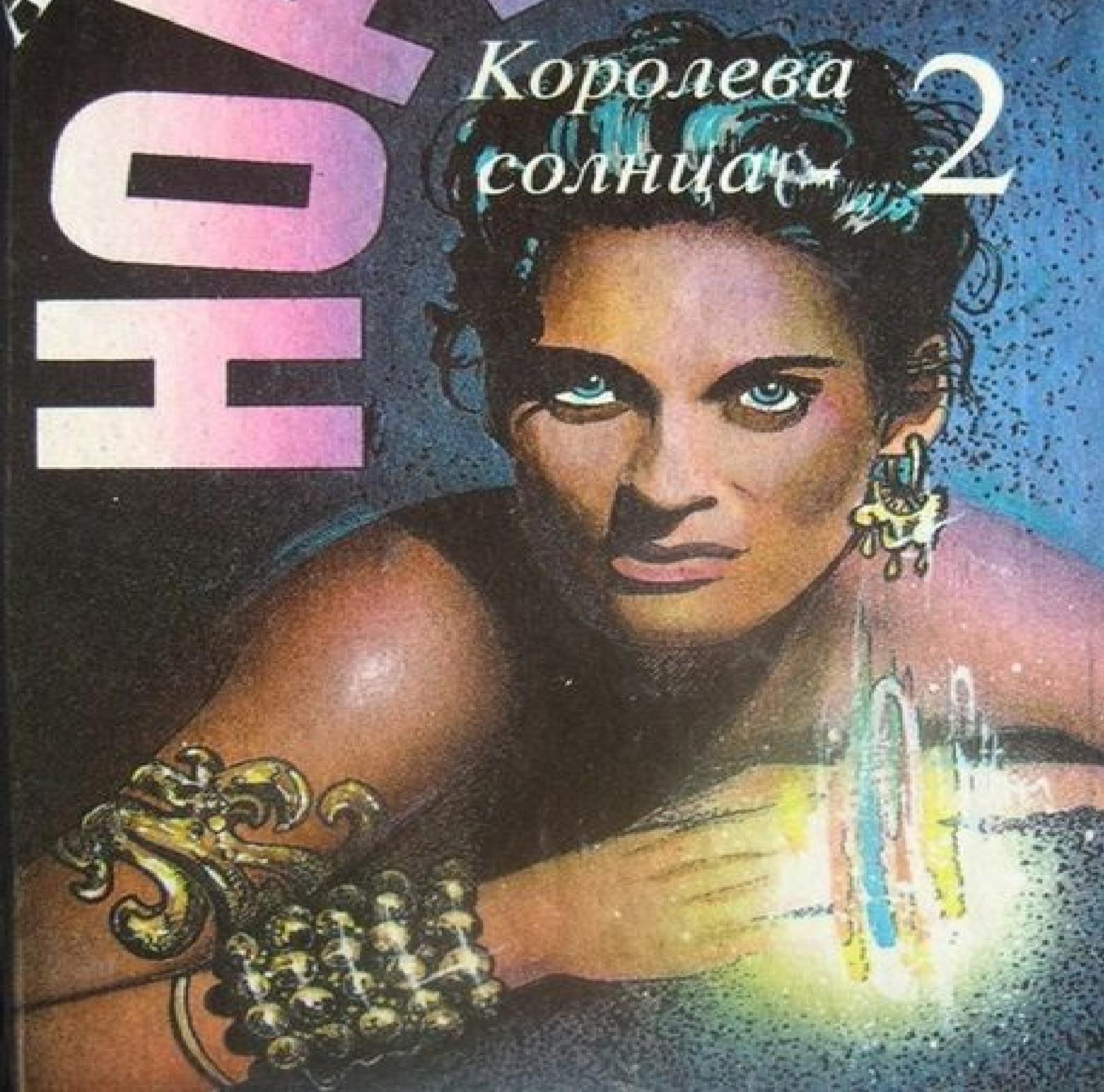

Андрэ

СОРАТЛОН

Королева
солнца 2

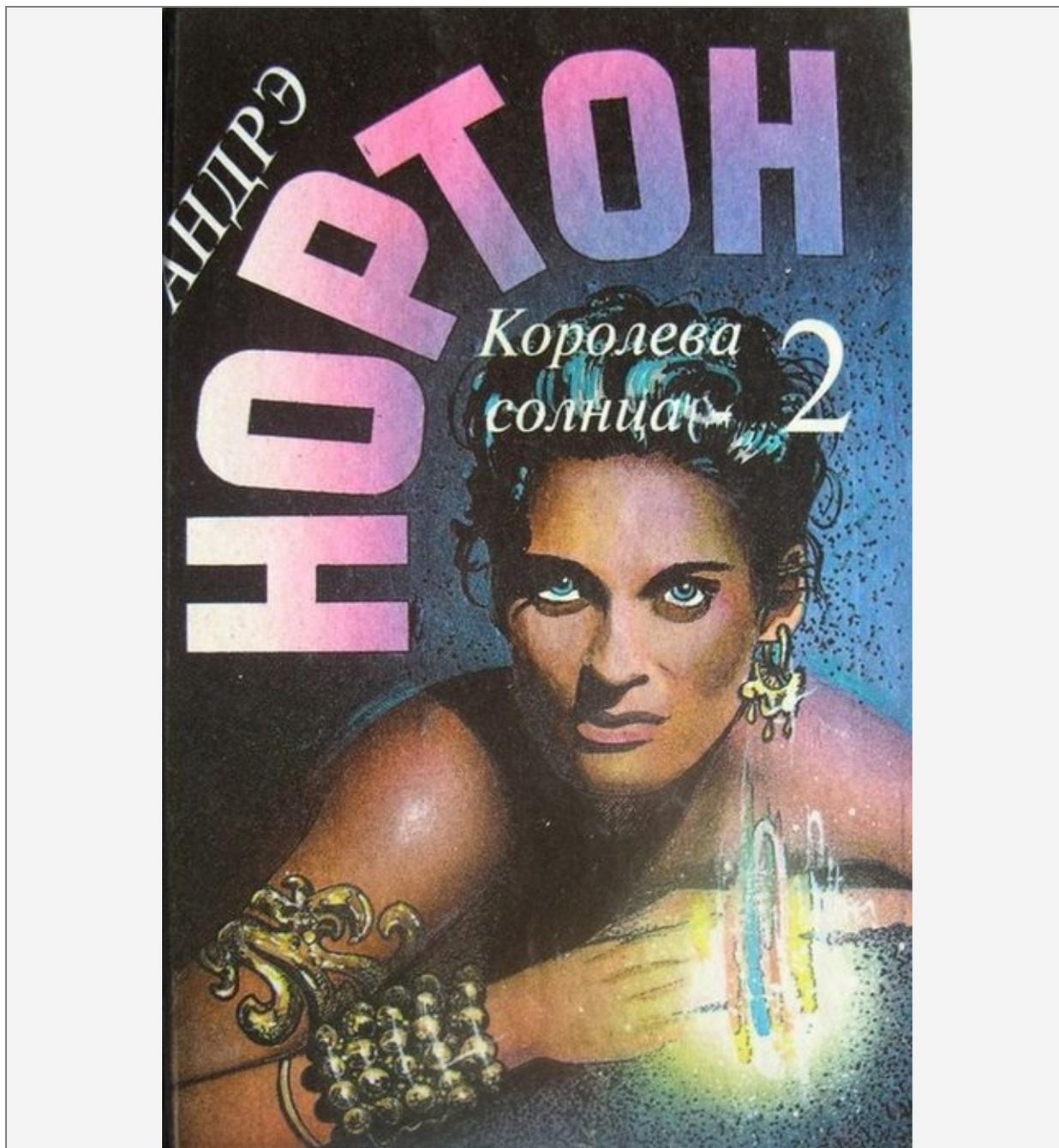
- [Андрэ Нортон](#)
- [Королева Солнца – 2](#)
- [Том 13](#)
- [Андрэ Нортон](#)
- [Том 13. Королева Солнца – 2](#)
- [Андрэ Нортон, Полин Гриффин. Подчеркнуто звездами](#)
-
- [Предисловие](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

- [Корона из сплетенных рогов](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [Опасные сны — 2](#)
 - [Часть третья. Уходи из моего сна](#)
 - [Часть четвертая. Кошмар](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
-
-

Андрэ Нортон

Королева Солнца – 2

Том 13

Название: Королева Солнца – 2
Автор: Андрэ Нортон

Серия: Андрэ Нортон

Издательство: Зеленоградская книга, Амбер Лтд., Сигма-Пресс

Год издания: 1992-1997

Формат: fb2

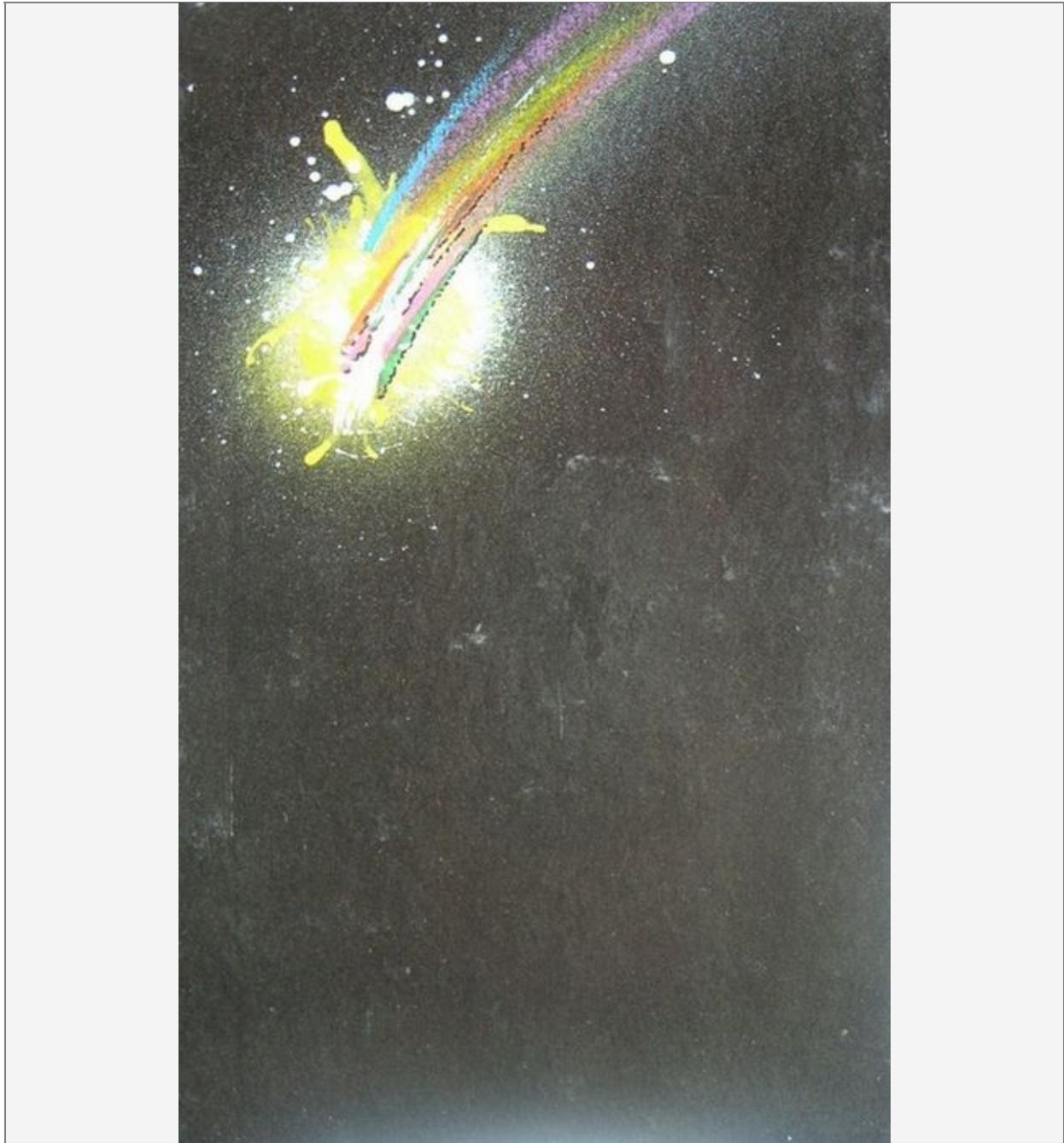
АННОТАЦИЯ

В 1992-1997 издательствами Зеленоградская книга, Амбер Лтд. и Сигма-Пресс было выпущено 40 томов Андрэ Нортон.

Андрэ Нортон (1912-2005) - известная американская писательница.

Ею написано множество фантастических произведений, неоднородных по качеству.

Некоторые произведения Нортон вошли в золотой фонд всемирной фантастики.

В тринадцатый том включены произведения Андрэ Нортон разных жанров. В книгу помещен роман из цикла о вольных торговцах космоса «Подчеркнуто звездами», роман о предыстории колдовского мира «Корона из сплетенных рогов» и путешествие по альтернативным мирам «Опасные сны».

Андрэ Нортон, Полин М. Гриффин. Подчёркнуто звёздами
Андрэ Нортон. Корона из сплетённых рогов

Андрэ Нортон. Опасные сны - 2

Андрэ Нортон

Том 13. Королева Солнца – 2

**Андрэ Нортон, Полин Гриффин.
Подчеркнуто звездами**

Предисловие

«Королева Солнца» появилась в 1954 году в ответ на просьбу одного из первых издательств научно–фантастического жанра – «Гном–пресс». Я тогда готовила к печати рукописи в этом издательстве и потому воспользовалась псевдонимом Андрэ Норт. Издатели просили сочинить космические приключенческие истории, которые отличались бы от повсеместно распространенных тогда милитаристских сюжетов.

Меня давно интересовали исторические последствия приключений купцов в нашем собственном мире в прошлом, и потому я придумала вольных торговцев, связав их в своем сознании с их ранними земными предшественниками, а также с пешими путешественниками наших дней – я сама принимала участие в одном из таких путешествий.

Я постаралась придумать экипаж, у членов которого разное прошлое, разные характеры, и подвергнуть его испытаниям в приключениях, которые естественны для такого образа жизни. Так возникли четыре книги: «Саргассы в космосе», «Зачумленный корабль», «Планета колдовства» и «Проштемпелевано звездами».

Мисс Гриффин, создатель справедливо пользующейся популярностью серии «Звездные командос», согласилась со мной, что «Королева Солнца» и ее экипаж снова могут выйти на орбиту – с некоторыми добавлениями, а именно с появлением в составе экипажа женщины. И вот «Королева Солнца» предпринимает очередное роковое путешествие.

Андрэ Нортон

Моему дорогому дяде Майклу Мерфи Мне хочется поблагодарить Андре Нортон за разрешение работать во вселенной «Королевы Солнца» и за ее замечания, предложения и поддержку в работе над этой книгой.

Я благодарю также Джима Френкеля за помощь в подготовке рукописи к печати.

П. М. Гриффин

Глава 1

– «Космическая развалина»! Вот более подходящее для него название!

Дэйн Торсон передвинулся, чтобы лучше видеть говорящего, стараясь при этом не толкнуть стоявшего рядом Рипа Шэннона. Кают–компания «Королевы Солнца» никогда не предназначалась для размещения всего экипажа, и когда созывалось такое совещание, приходилось втискиваться всем двенадцати.

– Он совсем не так плох, Али, – негромко сказал он помощнику инженера, – и до сих пор неплохо для нас потрудился.

– Совершенно верно, мой младенец, но теперь почтовый контракт «Королевы» кончился, и что во имя космоса будем мы делать с этой «Развалиной»? Не так–то легко найти для нее покупателя – поэтому мы сами и смогли ее заполучить, а эксплуатировать оба корабля с половиной экипажа на каждом бесконечно нельзя, тем более если мы снова собираемся заняться настоящей торговлей. И у нас нет средств, чтобы пополнить состав обеих экипажей.

Врач Крэйг Тау кивнул.

– Он прав, мы не можем так летать больше. Напряжение уже начинает сказываться, а у нас пока настоящих неприятностей не было. Пора кончать, не дожидаясь серьезных происшествий.

Джелико, капитан «Королевы Солнца», молчал, слушая высказывания членов экипажа. Он осматривал собравшихся взглядом своих серых глаз. За столом рядом с ним сидели старшие офицеры: Ван Райк, вероятно, лучший суперкарго в рядах вольных торговцев, а может, и всей торговли; марсианин по происхождению инженер связист Тан Я; Стин Вилкоккс, штурман «Королевы»; главный инженер Иоганн Штоц; Тау; и кок–стюард Фрэнк Мура. Вокруг стояли трое помощников: Дэйн, работавший под началом Ван Райка; Рип, подчинявшийся Вилкокксу; и Али Камил. Рядом с ними, замыкая список, располагались могучий Карл Кости и его хрупкий бледный помощник Джаспер Викс, оба, подобно Али, из секции Иоганна Штоца. Хороший экипаж, подумал капитан. Он надеялся, что не оплатит им за службу тем, что уничтожит все надежды на выгодную сделку.

Покупка «Мести космоса» <Английское слово wrack можно перевести как «месть», но у слова есть и значение «развалина»> на первое время оправдала себя. Они смогли получить контракт на перевозку почты между Трюсом и Ригинией и более чем оправдали свои

первоначальные затраты, но теперь, похоже, отделаться от корабля будет не так легко.

Черт побери все это! «Королева Солнца» и ее экипаж – вольные торговцы. Их место в глубинах космоса, вне регулярных звездных линий, они не должны все время перелетать от одной планеты к другой в пределах одной и той же системы.

И простая перевозка почты им не пристала. Конечно, они были рады получить этот контракт в свое время и сами получили от него немало, но все же прибыль невелика, и работа не приносит удовлетворения. Пора возвращаться к торговле, какой они ее знают, со всеми ее опасностями и химерами неожиданного обогащения или такой же неожиданно ужасной смерти, возникающими в каждом полете. Если им придется снова взяться за перевозку почты, потому что они не смогут избавиться от второго корабля, это означало бы уничтожение экипажа; однако если терпеливые запросы и поиски, начатые Ван Райком и им самим, не принесут результата, у них просто не будет другого выбора. Лучше это, чем оказаться не в состоянии оплатить портовые расходы и превратиться в шатеров, чтобы не умереть с голоду.

Настроение капитана улучшилось, когда он взглянул на суперкарго. Ван Райк не насвистывал, но в его выражении ясно читалось торжество.

Крупный, рослый суперкарго почувствовал на себе взгляд капитана.

Брови его, седые, как и редющие волосы, приподнялись.

– Вы что-то придумали, капитан?

– Просто гадаю, что придумали вы. Вы выглядите так, будто нашли горсть солнечных камней в мешке соли.

Ван Райк усмехнулся.

– Ничего такого драматичного, но у меня есть кое-какие предложения.

– Ну, тогда выкладывайте, – выпалил капитан. Ему не хочется лишать своего друга возможности поразить всех одним из своих неизменных чудес, но когда дело идет об интересах всего экипажа, он предпочитает быть информированным.

Глаза Ван Райка сверкали.

– Все в свое время, капитан. – Он сразу стал серьезным. – У нас есть потенциальный покупатель «Мести».

– Что?

– Почему во имя космоса!..

– Вернее, покупательница. Она связалась со мной только несколько минут назад. Я собирался рассказать, когда капитан созвал совещание.

– Что за предложение? – спросил Джелико. – И кто эта

покупательница?

– Никаких возможных покупателей он не мог припомнить. Наиболее вероятный кандидат – правительство Трюуса, но у колонии на планете нет подготовленного экипажа, а нанимать нужных людей очень дорого. Придется вести долгие и сложные переговоры, чтобы убедить жителей планеты в разумности подобного шага.

– Никто иная, как Раэль Коуфорт, действующая от лица своего знаменитого брата, конечно.

Если суперкарго собирался поразить своих товарищей, ему это превосходно удалось. Тиг Коуфорт за свою относительно недолгую карьеру добился таких успехов, что стал легендой торговли. Когда он что-то делает, у него всегда есть определенная цель.

Коуфорт мог выбирать самые выгодные контракты, и то, что он заинтересовался этим, свидетельствовало о прочной базе, заложенной «Королевой» в открытии регулярной торговли между Трюосом и Ригинией. Зачем бы ни понадобился ему корабль, очевидно, что за этим стоит прежде всего желание перехватить эту торговлю. Такой корабль, как «Месть космоса», легко найти на звездных линиях, особенно если есть достаточно кредитов.

Торговому принцу нет необходимости забираться так далеко. Космос, да он может заказать новый корабль на любой верфи!

Джелико задумчиво потер пальцем шрам от бластера на правой щеке. В переговорах их позиция слабая, но если Коуфорту не нужен на самом деле корабль, переговоров вообще не будет. Он не филантроп и постарается заключить выгодную сделку, но о нем идет слава, как о честном человеке.

Можно ожидать не меньшего и от его сестры. Если представители «Королевы» поведут себя умно, они могут неплохо выйти из этого положения.

Несколько секунд все молчали. Молчание нарушил Дэйн. Он однажды видел знаменитого торговца, но женщину никак не мог вспомнить.

– Не помню, чтобы видел ее с Коуфортом на аукционе. Она была там?

Тан Я улыбнулся.

– Если бы была, ставлю все свои кредиты, что ты бы ее запомнил.

Али шевельнулся.

– Красивая?

Торсон нахмурился, но сразу устыдился своей реакции. Сам помощник инженера поразительно красив, так что кажется даже карикатурой, стереотипом бесстрашного звездного видеогероя. Почему его не должна интересовать красота других? А что касается остального, то Камил не

виноват в своей наружности и манерах, которые постоянно раздражали помощника суперкарго. Никто не может усомниться в его компетентности и храбрости, когда в них возникает нужда.

Инженер связист пожал плечами.

– Красота часто встречается во вселенной. Да, она красива, но в ней есть что-то уникальное, необычное. На аукционе ее не было. Раэль редко сопровождает брата, когда он занимается делами на планетах. Поэтому, дети, никто из вас ее не видел.

– Но на рынки она ходит, – сообщил Джелико. Его обычно холодные глаза смеялись, когда он взглянул на Ван Райка. Это заслуженная расплата за сюрприз, который преподнес им суперкарго.

Ван Райк что-то проворчал и вздохнул.

– Мне выпало несчастье заниматься делом в тот день, когда эта парочка что-то покупала, – сообщил он. – Мог и дома оставаться. Перед запасами кредитов Коуфорта и глазами его сестры не устоит никто, и на рынке не остается ничего – буквально ничего – ценного, когда там появляется торговый принц.

– Зачем им столько ценностей? – с любопытством спросил Рип.

Ван Райк взглянул на своего помощника.

– Ответь ему.

– Тиг Коуфорт имеет дело с влиятельными людьми на высокоразвитых планетах, а также на менее развитых, но с очень сложно устроенным обществом. Он должен везти товары высокого качества, не безделушки, иначе с ним не будут разговаривать.

– Совершенно верно.

Торсон про себя облегченно вздохнул. Вопросы и испытания – участь помощников, часть процесса их обучения, который постепенно преобразует новичка, только что вышедшего из Школы, в опытного знающего мастера. Но ему не нравилось постоянное перемещение в классную аудиторию, тем более боялся он ответить неправильно, поставить в неловкое положение себя и своего шефа. Но он с ноткой гордости сообразил, что публично адресованный ему вопрос – это комплимент. Ван Райк ожидал от своего помощника правильный ответ.

– Когда приземлилась «Блуждающая звезда»? – спросил Стин Вилкокс.

– Не приземлялась ни она, ни другие корабли Коуфорта, – ответил Ван Райк. – Наш разговор был коротким, и я не успел расспросить ее об этой загадке. Может, сама объяснит, когда придет на борт для переговоров.

– А когда это будет? – спросил капитан.

– Через несколько часов. Я хотел получить время для подготовки.

Ван Райк тяжело вздохнул. Да, это время им надо использовать получше.

Все преимущества на стороне покупателя. Им необходимо избавиться от этого фрейтера, и Раэль Коуфорт знает об этом не хуже них.

Глава 2

Джелико настолько привык к своей коричневой торговой форме, что она не беспокоила даже со всеми креплениями на месте и с жестким воротником, натиравшим шею. Ему предстояла важная встреча, которая занимала все его внимание.

Он изучал сидевшую напротив него и Ван Райка женщину внимательно, насколько позволяли приличия. Тан был прав, назвав Раэль Коуфорт привлекательной, и столь же справедливо его замечание, что в ее внешности есть нечто необычное. Нелегко указать, из какой она торговой субрасы, или назвать ее родную планету. Она родилась в космосе.

Среднего роста, стройная, с гибким, прекрасно координированным телом ветерана космических линий. Впрочем, космического загара у нее нет, хотя ее бледность совсем не та, что у Джаспера Викса. Кожа не потемнела, но была живой и светилась собственным мягким теплом.

Черты лица тонкие, на первый взгляд хрупкие, и поэтому глаза с густыми ресницами выглядят невероятно огромными. Они светло-фиолетовые, и кажется, что их оттенок меняется с каждым изменением ее настроения или хода мыслей.

Волосы рыжеватые, золотистые, как шкура земного льва. Длинные, убранные в прическу типа короны – такие приняты у женщин космонавтов.

Руки – он видел, как они перебирают содержимое небольшого портфеля, прекрасной формы, с длинными пальцами. И очень маленькие. Ладонь уместится поперек ладони Ван Райка. Да и его самого.

Она выбрала документ и протянула им.

– Свидетельство о праве вести дела от имени Тига Коуфорта с «Блуждающей звезды».

Суперкарго взял документ и прочел его, как принято у торговцев.

– Датирован сегодняшним утром?

Она кивнула.

– Он передал его по факсу, когда я рассказала о возможной сделке.

– Мы не сообщали о своем намерении продать «Мечь космоса», – заметил Ван Райк.

Молодая женщина улыбнулась и слегка пожала плечами.

– Приземлившись, я побродила, порасспрашивала и пришла к некоторым выводам. Тиг велел мне заключить сделку, если условия окажутся разумными.

Ван Райк откинулся в кресле.

– Мисс Коуфорт, должен признаться, что нахожу затруднительным поверить, будто вы прилетели на Трюс для поисков и покупки такого фрейтера. Торговля здесь идет не так уж бойко, и даже здесь, на границе, можно в других местах отыскать корабль, не говоря уже о внутренних линиях, которые вы часто посещаете. Особенно когда располагаешь достаточным запасом кредитов.

– Разумеется, меня сюда не посылали. Я прилетела на «Русалке».

– «Русалка» улетела вчера утром.

Глаза ее сверкнули гневом, который до сих пор она скрывала.

– Мне не нравилось, как Риф Слейт управляет кораблем.

Брови Ван Райка поднялись.

– Он просто отпустил вас или вы формально уволились?

– Уволилась. Он не смел меня удерживать. У него люди не задерживаются. – Губы ее сжались в тонкую холодную линию. – Большинство капитанов экономят, когда дела идут плохо, но никто не экономит на системах жизнеобеспечения. В пути погиб помощник. В обстоятельствах, которые никогда бы не сложились на любом другом корабле. По-моему, это было явное убийство.

– Вы можете это доказать? – резко спросил Джелико.

– Нет, и я не настолько глупа, чтобы всем сообщать свое мнение.

Просто сказала о рейсах, которые преследует несчастье, и Слейт разорвал со мной контракт, прежде чем я запугала весь экипаж. Они могли бы поинтересоваться, почему на корабле за последние годы погибло столько людей. И так у него достаточно обеспокоенных людей.

– И что вы собирались делать, освободившись? – спросил Ван Райк.

– Остаться живой. Очень привлекательная идея, даже если придется на какое-то время застрять на планете и выпрашивать себе на еду. Рано или поздно что-нибудь подвернулось бы.

Раэль расправила плечи.

– Если вы удовлетворены, может, займемся «Местью космоса», вместо того чтобы углубляться в мою неинтересную историю.

Суперкарго склонил голову.

– Каковы условия Коуфорта?

Рано или поздно до этого должно было прийти. Тиг Коуфорт может купить у них корабль на своих условиях. И им придется согласиться или же отказаться от переговоров.

– Мы выплатим вас столько, сколько вы первоначально заплатили за него.

– Плюс десять процентов за ту работу, что мы с ним проделали.

Женщина покачала головой.

– Наша цена справедлива. Износ составляет не меньше, и сейчас корабль связывает вам руки. Больше вы все равно не получите, а если будете ждать, одни портовые расходы и обслуживание обойдутся вам дороже.

– Мы много затратили. Нам нужно вернуть свои затраты, или сделка не состоится.

– Я говорю, что вы их уже вернули. Чартер у вас был не очень богатый, но надежный и постоянный.

Ван Райк откинулся в кресле, как бы прерывая обсуждение.

– Очень жаль, мисс Коуфорт. Нам нельзя оставаться без прибыли. Если придется немного подождать или взять еще один почтовый рейс, что ж, пусть будет так. «Месть космоса» – хороший корабль, один из лучших в своем классе. Со временем и на него найдется покупатель.

Она задумчиво смотрела на него.

– У меня есть разрешение брата поставить личное условие.

Ван Райк снова наклонился к столу.

– Будем счастливы помочь вам, если это соответствует интересам «Королевы». Что вы предлагаете?

– Десять процентов, которые вы упомянули, в обмен на полет на Кануч, планету звезда Халио. Предпочтительно, чтобы я исполняла на корабле какие-то обязанности и получала за это плату. Несколько лишних кредитов мне не помешают, и не думаю, чтобы вы разочаровались в моей работе. Вы ведь все равно туда направляетесь, – практично добавила она, – так что я вас не задержу.

– Почему вы считаете, что мы туда летим?

– Кануч – ближайшая планета, где вы можете рассчитывать на получение приличного чартера и пополнить ваш запас товаров для торговли.

Суперкарго взял жетон, который она ему протянула. Он пристально посмотрел на нее.

– Врач?

Раэль кивнула.

– Да. Со всеми правами.

Она протянула руку и взяла свой жетон.

– Я знаю, что вам не нужен помощник врача на борту. Ни один корабль класса «Королевы» не позволяет себе этого; разве что врач корабля собирается на пенсию и хочет подготовить своего преемника. Я буду

работать у всех на подхвате.

– На «Королеве» полный штат, – вмешался Джелико. – Никого из постоянных членов экипажа я не отпускаю.

– Конечно, – согласилась она, – но в любой секции не откажутся от помощи: мистер Ван Райк, когда поступают или размещаются грузы; инженерная секция во время профилактического обслуживания; даже стюард и врач будут рады освободиться от части своих обязанностей. Я не предлагаю свою помощь на мостике. Я не хуже многих разбираюсь в астронавтике, может, даже лучше, но это дело разумнее предоставить специалистам.

Ее улыбка обезоруживала. Раэль была уверена, что получит место, но ей этого было мало.

– Я хочу быть частью «Королевы Солнца», – откровенно сказала она, хотя бы на один рейс.

– Почему? – резко спросил Джелико. – «Королеве» не сравниться с другими кораблями, особенно с «Блуждающей звездой», в удобствах. И вы можете поручиться своими кредитами, что мы не станем останавливаться в самых фешенебельных космопортах Федерации.

Женщина вздохнула.

– Вы говорите о нас, будто мы миниатюрная компания. Уверю вас, ничего подобного. У нас было несколько удач, да, но мы все же вольные торговцы, подобно всем остальным. Мы не живем мягкой жизнью.

– Мой интерес к «Королеве Солнца» объясняется двумя причинами.

Во-первых, ваш прежний помощник суперкарго, Мара Ингрэм, наш лучший суперкарго. Она получила превосходную подготовку, и хоть на «Звезде» ей хорошо, она всегда только с гордостью и любовью вспоминает то время, когда была членом вашего экипажа. Во-вторых, поведение ваших помощников и мистера Викса, когда вы были на зачумленном корабле. Они оказались способны к быстрому мышлению, сумели выработать план и осуществить его в труднейших условиях. В конце концов «Королева» вышла из этого испытания не только платежеспособной, но с неплохим контрактом и сумела отомстить своим недругам. Я думаю, что за один-два рейса с вами я научусь большему, чем за десять лет блужданий на границе.

Фиолетовые глаза серьезно смотрели на них.

– Никаких тайных мотивов у меня нет. Вы непосредственно не соперничаете с моим братом, и даже если бы соперничали, Тиг играет честно.

– Никто никогда не отрицал этого, доктор Коуфорт, – спокойно ответил капитан.

Она тщательно закрыла свой портфель.

– Предложение сделано. Подумайте, но подумайте хорошо. Предложение щедрое, потому что мы серьезно заинтересованы в приобретении корабля, а вам в обозримом будущем не удастся обменять его или продать более выгодно.

Ван Райк помолчал.

– В этом нет необходимости. Мы принимаем предложение вашего брата.

Хотите осмотреть «Месть»?

– Конечно, так же, как и наш инженер, когда прибудет экипаж. Но это всего лишь формальность. Вы летали на корабле, а никто из вас не кажется самоубийцей. А моя просьба?

– «Королева» возьмет вас, но если хотите работать, то только неквалифицированная работа помощника без доли в прибыли. – Придется договориться об оплате. Только большие трансгалактические корабли и большинство пассажирских лайнеров на внутренних системах используют неквалифицированную рабочую силу. Здесь, на границе, ни один капитан не может позволить себе такую роскошь. У каждого члена экипажа есть свои обязанности, а в случае необходимости он может заменить других.

– Тогда все, мистер Ван Райк. – Она взглянула на Джелико. – Если согласен капитан. Наем члена экипажа выходит за рамки обязанностей торговой секции. Нужно спросить капитана.

– Я согласен, доктор.

– Прекрасно. Благодарю вас, капитан Джелико.

Раэль встала.

– Я скоро. Прихвачу свои вещи и подготовлю формальный контракт. Можете проверить его, а подпишем, когда я вернусь.

Глава 3

Ван Райк опустил голову. Он сделал все, что мог, а мог он в данном случае немного. Старшие члены экипажа оценят это, но он знал, что остальные ожидают от него чуда. Черт возьми, он сам почти ожидал его...

Джелико взглянул на него.

– Не так уж плохо, – довольно сказал он. – Первоначальную стоимость и затраты мы уже вернули, так что это чистая прибыль. Неплохой урожай для «Королевы».

Напряжение спало, все столпились вокруг суперкарга, поздравляя его.

– Единственный вопрос – что нам теперь делать с новым членом экипажа?

– заметил Стин.

– Об этом не беспокойтесь, – ответил Тау. – Я смогу занять ее. Я проводил, вернее, пытался проводить изучение межвидовых–межрасовых передач вирусной или бактериальной инфекции на планетарном, межпланетном и межзвездном уровнях. Один только ввод информации – галактическая работа.

Если Раэль Коуфорт с ней справится, по–моему, она окупит свой рейс; а с ее медицинской подготовкой она сможет и интерпретировать данные.

– Вы считаете, она ничего не задумала? – настаивал Рип, выражая общее сомнение. У всех были основания вспоминать некоторых недавних пассажиров.

– Насколько вообще в этом можно быть уверенным, – ответил Ван Райк. Как указала доктор Коуфорт, мы не в том классе, чтобы конкурировать с ее братом, и в данный момент у нас нет даже чартера или еще чего–нибудь, что он захотел бы отобрать. Да и если бы захотел, то действовал бы в открытую.

Он не собирается начинать торговую войну из–за почтового рейса. Конечно, нужно связаться с ним и получить подтверждение полномочий Раэли, но если все подтвердится, можно без опасений принимать ее на борт. Это нам не повредит, даже не учитывая ее помощи Тау. Она доказала, что может торговаться.

– Верно. – Капитан изумленно покачал головой. – Тверда, как титанон, хотя кажется хрупкой, как одна из призрачных лоренских лилий.

Крэйг Тау усмехнулся.

– Обычная ошибка нашего пола. Хрупкое телосложение еще не

эквивалент слабости или некомпетентности. Эта женщина родилась на борту вольного торговца. Удивительно было бы, если бы она не владела этим делом, особенно в ситуации, когда у нее в руках бластер.

– Совершенно верно, – согласился Джелико. Он встал. – Начну программировать компьютер на Кануч. Когда наш новобранец появится, пошлите ее ко мне в каюту.

Раэль Коуфорт расправила плечи и резко постучала в дверь рабочего кабинета капитана. Получив приглашение, вошла.

По описанию Мары она знала, чего ожидать, поэтому не вскрикнула удивленно, но глаза ее восхищенно сверкнули, когда она увидела на стенах трехмерные изображения некоторых редчайших представителей фауны Федерации.

Снимки были сделаны с высочайшим профессиональным и художественным мастерством и заслуженно отвели капитану Джелико место в первом ряду наиболее известных ксенобиологов ультрасистемы.

Но здесь должно быть нечто большее, чем просто изображение причудливых форм жизни. Она искала и нашла то, что хотела увидеть. За столом капитана в маленькой раскачивающейся клетке сидело одно из самых странных существ, каких ей приходилось видеть, единственное встреченное ею во плоти. Похоже на помесь жабы с маленьким попугаем, с ярким голубым оперением, с воротником вокруг шеи, с шестью ногами, две из которых заканчиваются клешнями, размещенными по-паучьи вокруг всего тела.

– Квикс! – восхищенно воскликнула она и быстро подошла к Хубату. – Ты замечательный!

Джелико уставился на нее. Обычно Квикс вызывал совсем не такую реакцию. Для всех предыдущих посетителей и для большинства членов экипажа он – воплощение ужаса.

Он снова посмотрел, на этот раз на Хубата. Вместо обычного приветственного пронзительного вопля сирены, за которым следовал меткий плевок, существо перебирало ногами прутья клетки, просовывая клешни и производя мягкий негромкий гул; конечно, не скрипичная соната, но все же первый отчетливо музыкальный звук, какой приходилось услышать от него человеку.

С лицом, горящим от восторга, Коуфорт просунула тонкий палец и легко почесала существо по голове. Хубат принял это с выражением явного удовольствия.

Неожиданно, будто вспомнив, где и зачем она находится, женщина

отступила, сильно покраснев.

– Простите, сэр, – извинилась она. – Мара рассказывала о нем, и все эти теленовости...

– Интересное существо, – грубовато согласился Джелико. – Похоже, вы умеете обращаться с животными, – добавил он, классически недооценивая то, что произошло с Хубатом.

– Да, со всеми формами, обладающими хоть зачатками интеллекта.

Понимаете, они мне нравятся. И словно понимают это и отвечают тем же. И растения у меня хорошо развиваются. Я работала в оранжерее на «Блуждающей звезде» и на ее предшественнике, сколько себя помню.

– Возможно, нам это окажется полезным.

Джелико взял ее жетон, вставил в регистратор.

– Ваша служба начинается с этого момента и до того времени, как «Королева» готова будет покинуть Кануч, с правом договора на еще один рейс или на более постоянный контракт, если это устроит нас обоих.

Раэль кивнула.

– Согласна. – Она улыбнулась. – Рынок драгоценных камней?

– Да, мистер Ван Райк испытает ваши возможности в этом.

– Рада буду служить «Королеве», хотя в покупке камней всегда нужна удача.

– Мы понимаем это, доктор.

Капитан задумчиво взглянул на жетон в своей руке, потом снова перевел взгляд на женщину.

– Присядьте ненадолго, доктор Коуфорт.

Он молчал, пока она не села, потом продолжил.

– Я связался с вашим братом.

– Это логичный ход с вашей стороны, особенно после того, как я рассказала, что разорвала контракт с «Русалкой». – Она больше ничего не сказала, хотя его молчание свидетельствовало, что он ждет дальнейших комментариев.

Пришлось продолжать капитану.

– Коуфорт подтвердил вашу высокую квалификацию, особенно в области медицины.

– Однако? – она уловила интонацию его голоса. Тиг не стал бы ради нее лгать.

– Коуфорт сообщил, что вы не очень хорошо реагируете на зрелища страданий и серьезных увечий.

Взгляд женщины мгновенно прояснился.

– Он тоже. – В следующее мгновение она снова стала серьезной.

Правда, что я вовлекла его в несколько конфликтов, которых он предпочел бы избежать.

– Я не могу допустить, чтобы то же самое произошло с моим экипажем, резко сказал Джелико. – Капитан вольного торговца, капитан любого звездного корабля отвечает не только за корабль и груз, но и за все живое на борту. Он не может действовать, как не связанный ответственностью индивидуум. Иногда у него не бывает выбора. Приходится закрывать глаза.

Это справедливо по отношению к вашему брату и еще более по отношению к нам. У нас разные финансовые возможности.

– Я понимаю это, капитан Джелико. Слишком хорошо понимаю. Мне пришлось уйти с «Русалки», удовлетворившись спасением своей шкуры, вместо того чтобы обвинить Слейта в преступной небрежности.

Опустив глаза, она прикусила губу.

– Надеюсь, кто-нибудь сделает это. – Снова подняла голову, не скрывая ненависти. – И скоро.

– Не рассчитывайте на это, если экипаж не так недоволен, как вы говорите. – Он сунул жетон в рекордер и нажал кнопку, официально утвердив нового члена экипажа. Сделав это, он вернул ей жетон. – Добро пожаловать на борт, доктор. Торсон ждет вас снаружи, чтобы показать вам корабль. Вам как раз хватит времени, чтобы осмотреться и уложить свои вещи до взлета.

Глава 4

Дэйн взглянул на часы. Что держит там эту женщину? Его первый разговор с капитаном занял несколько секунд, необходимых для того, чтобы зарегистрировать жетон...

Он посмотрел на дверь, сердясь на женщину и на себя самого, потому что понимал: его гнев вызван собственной неуверенностью.

Черт возьми, подумал он. Он, как и все, знал, что смешанный экипаж предпочтительней, но «Королева» прекрасно обходилась только мужчинами с того момента, как он на ней, и ему не хотелось никаких неприятностей.

Достаточно их со стороны. Не хватало только иметь их в собственном обществе.

Несомненно, не возможное мастерство Раэли Коуфорт или его отсутствие беспокоили его. И, разумеется, не ее пол. На его курсе в Школе было мало женщин, но все же они составляли около трети всех курсантов. Все оказались вполне пригодны к работе и несли всю тяжесть индивидуальных и групповых обязанностей.

Он вздохнул про себя. Способности новичка его в данный момент не интересовали. Он просто боялся того, что она может сделать. Он любит «Королеву Солнца» такой, какая она есть. Все устоялось, удобно, и ему совсем не нравится мысль о переменах, которые может принести новобранец.

Новобранец! Ведь Коуфорт даже не звали на корабль. Она сама ворвалась на него.

Торсон начал вспоминать, и раздражение его улеглось. Он не так давно на «Королеве», чтобы забыть о сомнениях и страхах своих первых дней. Эта женщина старше, она специалист, а не помощник, но он не верил, что она хотя бы отчасти не испытывает те же чувства, которые вначале так мучили его. И он будет настоящим подонком, если добавит к ее испытанию свою враждебность.

Нет, решительно сказал он себе, по всей справедливости ей нужно дать шанс, может быть, даже несколько, но если только она станет источником неприятностей, если только попробует разрушить то...

Дверь раскрылась, и в коридор вышла Раэль Коуфорт. Она быстро улыбнулась ему.

– Все сделано, – сказала она. – Я полноправный член...

Крик, резкий, как сигнал тревоги, заглушил ее слова. Даже отсюда

было слышно, как Джелико ударил по дну клетки, но на этот раз обычное средство не подействовало. Сирена продолжала звучать.

Торсон сморщился.

– Интересно, долго ли старик будет это выносить. Или Квикс. Почему эти удары не вытрясают ему мозги?

Женщина рассмеялась.

– Ну, нет. Ему это нравится.

– Он должен быть еще более необычным, чем выглядит, чтобы ему нравилось такое обращение.

Она странно взглянула на него.

– Вы не читали о хубатах?

– Боюсь, что нет. Слишком был занят, изучая торговое дело, – ответил он, стараясь не говорить слишком резко. Раньше Али заставлял его так чувствовать себя своим видом превосходства. Иногда и сейчас заставляет.

Торсон подумал, что это, может быть, общее свойство красивых людей, обладающих к тому же высокоразвитым интеллектом. – А вы, наверно, читали?

Раэль не заметила его смущения.

– Меня заинтересовал рассказ Мары, и я провела небольшое исследование. Очень интересные маленькие создания. Могу понять, почему капитан принял одно из них, особенно учитывая его интерес к внемным формам жизни.

– Это больше, чем можем утверждать мы все, – заметил Торсон. Его любопытство было основательно возбуждено. – Не поделитесь ли своими открытиями?

Она рассмеялась.

– Конечно. Хубаты родом с Табора, и даже там они редки, заполняя очень специфическую нишу. Живут они в нескольких каньонах, туннелях, продуваемых ветром, и всю жизнь проводят, прицепившись к выступам камня и торчащим ветвям. Ждут, пока что-нибудь съедобное не окажется вблизи. Им не нужно часто есть, и они охотятся, конечно, как сделал Квикс, когда загнал этих ваших переносчиков болезни.

– Птенцы растут в свободно подвешенных гнездах, на тонких ветках, что спасает их от хищников. Оба родителя кормят их в короткий период зависимости, но в остальном хубаты – одиночные существа. Поэтому Квикс хорошо себя чувствует в изоляции от своих сородичей. Что касается ударов, то они его действительно успокаивают, это возврат к прежней жизни, когда он висел в гнезде. В сущности, хубату, чтобы оставаться здоровым, нужны резкие движения.

Дэйн улыбнулся. Капитан Джелико нежно раскачивает птенца хубата, чтобы успокоить его. Эту картину стоит запомнить, хотя рассказывать о ней в присутствии капитана он не станет.

– Вы ведь не думали, что он сознательно обижает животное или держит его в невыносимых условиях?

– Нет, – серьезно ответил он после короткого молчания. – Вернее, не подумал бы, если бы это пришло мне в голову. Я читал кое–какие статьи Джелико, и в них слишком много любви и уважения к животным, чтобы я заподозрил его в жестоком обращении с ними.

Он взглянул на часы.

– Давайте пробежимся по «Королеве» и забросим ваш багаж. Скоро нужно будет пристегиваться.

– Хорошая мысль. – Она подняла свою сумку, которую во время разговора поставила на пол.

Торсон взглянул на нее. Обычного размера, достаточно легкая, но все же она в три раза больше, чем та, с которой он впервые поднялся на борт «Королевы».

Но тут ему на помощь пришел здравый смысл. А чего еще он ожидал?

Раэль Коуфорт – не новичок только что из Школы. Она ветеран звездных линий, она буквально родилась в торговле и жила и росла в условиях относительного процветания. Естественно, у нее собрались кое–какие вещи. У него, с другой стороны, нет родственников, которые поддержали бы его, и он принес на корабль только самое необходимое и немногие жалкие личные вещи, которые смог приобрести.

Вначале помощник суперкарго провел Раэль через мостик и показал каюты работающих тут. Потом они спустились по центральной лестнице на следующую палубу, где помещаются двигатели и управление ими и где командует и живет со своими помощниками Йоганн Штоц.

Ниже каюты помощников. Здесь же кают–компания и камбуз, царство Фрэнка Муры, плюс небольшое помещение с приспособлениями для чтением и другими средствами, помогавшими развеять скуку долгих перелетов.

Еще ниже, рядом с трюмами, емкостями для топлива и выходами двигателей, что составляет большую часть объема «Королевы Солнца», находятся каюты суперкарго, самого Торсона, Фрэнка Муры и доктора Тау, а также две крошечные пассажирские каюты. Одна из них отведена Раэли на все время ее пребывания на корабле. И, наконец, комбинация санузла и освежителя – обязательная часть любой палубы, где живут люди.

Раэль быстро осмотрела свою каюту и опустила сумку на пол у койки.

Помещение маленькое даже по космическим стандартам, так как не предназначается для постоянного поселения, но вполне удобное. Койка полного размера, достаточно стенных шкафов для одежды и других вещей.

Можно откинуть металлическую панель, которая служит столом, а роль стула выполняет койка. Она заметила, что освещение расположено удобно и позволяет читать и работать.

Раэль не стала распаковываться, но сразу вышла, чтобы вслед за Торсоном спуститься на самую нижнюю палубу. Вряд ли у нее будет время осмотреть все подробно, и она сомневалась, что ее впустят в трюмы, хотя сейчас они почти пусты. Вольные торговцы обычно очень осторожно относятся к посетителям своих трюмов.

Уровень, на котором они оказались, наиболее интересовал Коуфорт.

Здесь находится лазарет, операционная доктора Тау и лаборатория, а также оранжерея, большая комната, где размещаются растения, восстанавливающие запас кислорода на корабле, очищающие воздух от продуктов дыхания, а также поставляющие свежие фрукты и овощи, чтобы разнообразить монотонную диету из концентратов, обычную на дальних звездных линиях.

Вход в оранжерею полупрозрачен, и они остановились, восхищаясь буйной зеленью.

– Как много! – воскликнула Раэль. – И какое разнообразие! Мне казалось, вам пришлось все здесь уничтожить, когда вы подцепили эту чуму с Саргола.

– Да. Мистер Мура много работал, чтобы восстановить оранжерею.

Открывая дверь, Дэйн глубоко вдохнул. Как всегда, он наслаждался свежим запахом растительности. Везде на корабле воздух безжизненный, многократно переработанный. Здесь он живой.

Почувствовав, что что-то прикоснулось к его ногам, он посмотрел вниз.

Большой кот в оранжевых полосках протиснулся между ними и традиционно приветствовал его, прежде чем обратить внимание на новичка.

Коуфорт легко опустилась на колени.

– Здравствуй, парень, – сказала она, протягивая ему руку, чтобы он принялся. – Ты глава секции контроля, мне кажется?

– Да, – подтвердил Торсон. – Это Синдбад, почетный член нашего экипажа.

– По справедливости. – Она вздрогнула. – Не решилась бы лететь на корабле, на котором нет хорошего кота.

– Вы и не найдете таких, – согласился он.

Она взяла Синдбада на руки.

– Какой огромный! Наши – котята по сравнению с ним.

– На «Блуждающей звезде» их несколько?

Она кивнула.

– Старший специалист и два помощника, которые находятся в его подчинении.

Раэль потеряла кота под подбородком, получив в ответ одобрителное урчание.

Потом неохотно опустила его и встала. Одобрительно принялась к насыщенному ароматами воздуху.

– Я поняла бы, что на борту есть настоящий повар, если бы Мара не рассказывала мне об этом. Тимьян, шалфей, базилик, медовое семя – все старые верные приправы. Но я чувствую еще некоторые.

– Чувствуете? Мы далеко от них и...

– У меня острые чувства, включая запах. – Она наморщила нос. – Не всегда это преимущество. К тому же я много работала в оранжерее «Звезды» и более или менее знаю, чего ждать от хорошей оранжереи.

Одного знакомого запаха не доставало.

– Вам следует развести лаванду, – сказала она. – Ничего лучше не освежает воздух, и она даже в маленькой каюте не подавляет.

В интеркоме прозвучали три свистка.

– Приказ на подъем, – без особой необходимости заметил Дэйв, потому что это сигнал универсален на всех звездных линиях.

Они тщательно закрыли дверь оранжереи, предварительно выпустив Синдбада, потом с привычной легкостью поднялись по лестнице, чтобы пристегнуться в своих каютах. Очень скоро «Королева» окажется в космосе и начнет прыжок в гиперпространство и долгий перелет к планете звезды Халио Канучу.

Глава 5

Скука – настоящая чума межзвездных перелетов, но Раэль Коуфорт не страдала от нее в последующие дни. В основном она работала с Крэйгом Тау, но проводила немало времени во всех секциях, в зависимости от их потребности и ее подготовки.

Уже наступило время обеда, но она оставалась в терминале Тау, очевидно, глубоко поглощенная своим занятием. Она даже не заметила, как в помещение операционной вошли главный врач и Джелико. Не замечала она и неудобства своей позы, которую приняла по какой-то причине: сидела так далеко, что ей приходилось выгибать спину и вытягивать руки, чтобы дотянуться до клавиатуры.

При приближении мужчин перспектива изменилась, и они получили ответ.

Пушистая голова и лапа лежали на приподнятой правой руке женщины.

Остальная часть тела большого кота находилась у нее на коленях.

При приближении мужчин Синдбад открыл глаза. Широко зевнул, потом грациозно спрыгнул на пол, где вытянулся во всю свою длину. По-прежнему удовлетворенно мурлыкая, он вышел, высоко задрав хвост, и возобновил обход звездного корабля – своей вселенной и своего владения.

Коуфорт нежно улыбнулась, разминая затекшие руки.

– Я так люблю их, что иногда мне кажется, что я была одним из них.

– Реинкарнация? – спросил Тау, как всегда, интересующийся магией и верой в нее.

– Да, – ответила она, по-прежнему улыбаясь, – но в чисто поэтическом смысле. Я считаю, что нам, людям, дается только один шанс, чтобы проявить себя. Но мне нравится думать, что племя Синдбада может возвращаться, когда и сколько хочет. Их продолжительность жизни настолько короче нашей, что мы можем встретиться с другом своей юности в последующие года.

Она некоторое время смотрела на них, словно ожидала ответа, потом снова согнула плечи и взглянула на экран.

– Пятая секция почти закончена. Работа медленная, но сложная.

Достаточно, чтобы сделать ввод информации интересным.

– Трудная работа, – сказал Джелико. – Вы выглядите уставшей.

Врач рассматривал ее.

– У вас есть успокоительное?

– Конечно. – Успокоительные капли широко использовались по всей Федерации.

– Уходите отсюда и примите их. Это исследование рассчитано надолго, и даже если мы убьем себя на работе, до Кануча до конца не доберемся.

– Знаю, доктор, – печально согласилась она. – Просто мне трудно остановиться, когда компьютер запрограммирован на такую работу и она идет хорошо.

Она встала.

– Не возражаете, если я сначала загляну к Квиксу, сэр? – спросила она Джелико. – Я сегодня еще не видела его, и...

– Знаю. С самого утра ни минуты покоя. Обязательно повидайтесь с ним и отныне ежедневно проводите с ним не менее тридцати минут. Мне нужно спокойствие, по крайней мере в своей каюте.

– Спасибо, капитан!

– Это вовсе не награда, доктор Коуфорт! – свирепо сказал он.

– Я знаю, сэр, но все равно.

И женщина вышла, взмахнув рукой.

Джелико смотрел, как она исчезает за дверью. Если она устала, на ее походке это никак не отразилось, но он все же бросил на своего товарища строгий взгляд.

– Я хочу полностью использовать ее, Крэйг, но не убивать. У нас не рабовладельческий корабль.

Тау отвернулся к ящику, где держал свои инструменты и более сложные медикаменты.

– Не могу представить себе, что она покорно подчиняется угнетению. Закатайте рукав, капитан. Больно не будет.

– Вы это говорите каждый раз.

– Да, когда делаю иммунизационный укол. Такова медицинская традиция.

Он молчал, пока готовил лазерную иглу, потом продолжил:

– Традиция также, что никто на корабле не помнит свое расписание уколов.

– Могли бы и пропустить этот, – проворчал капитан. – Сколько ни делаете уколов против квандонской лихорадки, неизбежно возникает новая мутация, и ты все равно заболеваешь, несмотря на все уколы.

– Но не так тяжело. Мы надеемся. К тому же зачем давать приют старым версиям? Все они нежелательные жильцы.

Когда Джелико почувствовал жар иглы, врач уже дезактивировал ее.

Капитан мельком взглянул на красное пятнышко и вернул рукав на место.

– Как дела у вашей помощницы?

– У Коуфорт? Если бы я передал заказ непосредственно правящему духу космоса, не мог бы получить ничего лучше. Во всяком случае для этого своего исследования.

– Ну, это более или менее по ее части, не так ли? Она эпидемиолог.

– Вряд ли это слово дает полное представление. Раэль Коуфорт знает все подробности обо всех эпидемиях со времен домеханической Земли. Да и о других больших катастрофах знает не меньше. Она мне даже больше помогает в сопоставлении и интерпретировании данных, чем во вводе информации.

– А как с практической медициной?

Врач пожал плечами.

– Пока нам везет, и мне не пришлось испытывать ее в этом отношении.

Крэйг опустил на стул, оставленный Раэлью.

– Что докладывают остальные?

– По словам Иоганна, она компетентна. Не гений, может быть, но использовать ее он может. Тан может посадить ее за приборы в любой момент.

Стин говорит, что она знает теорию, в том числе достаточно сложную, но реальные расчеты – совсем другое дело. Вероятно, если понадобится, она доведет корабль до цели. Он просто не хотел бы лететь на этом корабле.

– Астрогация – очень специальное искусство, – заметил врач.

– Хирургия тоже. Никто из нас не хочет проверять ее в этом.

– А мнение Фрэнка?

– Не нужно приставлять ему бластер к голове, чтобы он поел приготовленное ею, но он предпочел бы, чтобы она занималась оранжереей.

Клянется, что она способна вырастить зелень в открытом космосе.

Тау кивнул.

– Она вообще любит иметь дело с живым, что естественно для врача.

А что говорит Ван? У людей торговли самое широкое поле деятельности.

Джелико широко развел руки.

– Она хорошо знает товары, особенно предметы роскоши, но может ли выторговать что-то, остается только догадываться. Ее переговоры с нами не доказательство. Мы ее племени, да к тому же у нее были все преимущества.

Примерно это Тау и ожидал услышать.

– Сильна в биологических областях, достаточно компетентна с машинами и математикой. – Обычный случай. Большинство людей склоняется в одну или другую сторону. – Уровень ее достижений во всех этих областях выделяет ее.

По-моему, Тиг Коуфорт был не очень доволен, когда она покидала «Блуждающую звезду».

– Ставлю на это все кредиты, – согласился Джелико. Даже если брат и испытывал облегчение от ее ухода.

– А как вы сами? Смогли что-нибудь узнать? – Он знал, что большую часть своего свободного времени Раэль проводит в обществе капитана, хотя на мостике она мало чем может ему помочь.

– Не очень много. У нее любительские познания о животных, но широкие и подробные. Она их любит, поэтому я считаю, что она просто запоминает прочитанное. Со мной то же самое. Во всяком случае я с ней еще об этом не говорил.

Он нахмурился.

– Квикс стал совсем другим. Он все время ищет ее. Точнее, требует ее присутствия.

– Может, ей почаще бывать с ним, – серьезно предложил врач.

Товарищ недоверчиво взглянул на него.

– Мы не знаем об этой проклятой женщине почти ничего, кроме ее имени.

– Будьте разумны, капитан, – невинно продолжал Крэйг. – Мы можем установить прецедент, создать новую должность. Смотритель хубата первого класса...

Слишком поздно Джелико заметил искру в темных глазах. Он красочно описал, что советует Крэйгу сделать со своим предложением.

Через несколько мгновений оба снова стали серьезны.

– Она не очень много сообщает о себе, – согласился Тау. – Масса подробностей о самых разных вещах, но ничего о Раэли Коуфорт. У вас есть какие-то подозрения или догадки?

– Просто множество вопросов без ответов.

– Проверяли?

Капитан резко кивнул.

– И я, и Ван. Что могли. Легенда звездных линий – ее брат, не она. О ней не так много информации.

– Она хорошо адаптируется, – заметил врач.

– Может, да, а может, нет. Если только я правильно заметил, Коуфорт не очень ладит с младшими членами экипажа. Она старше них и давно уже

не помощник, и она так хороша, что может показаться им угрозой.

– Дэйн?

Капитан кивнул.

– Он пытается сдержаться, но он не так давно из Школы и, когда мы только его подобрали, был не самым веселым новобранцем.

– Школа не доставляла ему радости. Бойтись за свою работу?

– Вероятно, нет. Врач вряд ли будет охотиться за ней, но ему еще многому предстоит научиться, и потому он без всякого удовольствия слушает рассказы Вана о ее успехах на рынке.

– Ну, Шеннона она не может расстроить. По вашим словам, она не звезда на мостике.

Джелико рассмеялся.

– Конечно. Рип Шеннон настолько уверен в себе и своем положении, что это даже пугает. К тому же ему нравится все или почти все на двух и большем количестве ног.

– А как Али? – спросил Тау. – Для него Раэль тоже не опасна. Машины не ее дело.

Капитан почувствовал неуверенность.

– Мы забираемся в вашу область, Крэйг, – извинился он.

Тау только улыбнулся.

– Пожалуйста, продолжайте. Пока вы держались верного направления.

– У Камила особый характер. Да, он знает, что Раэль Коуфорт не может занять его место в секции, но, мне кажется, ему перемены, даже временные, нравятся еще меньше, чем Торсону. Ему нужна, отчаянно нужна стабильность, и любые перемены в персонале угрожают этому. Он достаточно умен, чтобы понять, что ничем не может помешать Раэли и ее присутствию на корабле, но все же не встречает с распростертыми объятиями то, что кажется ему опасным.

– Подлинной вражды между ними нет, – заверил врач капитана. – Я в этом смысле слежу за всеми.

– Но даже сама возможность такой вражды заставляет меня нервничать, сухо сказал Джелико.

Глаза врача сузились.

– Что это? Если у вас есть что-то определенное против Раэли Коуфорт, остальные должны об этом знать. Я не помню, чтобы ваши инстинкты подводили вас.

– Я уже сказал: целая галактика вопросов.

– И один из них: зачем ей место на таком корабле, как «Королева Солнца»?

– Этому действительно можно удивиться. Мысль о том, что сестра Тига Коуфорт бродит по далям космоса в поисках стоянки, хоть кого удивит.

– Конечно, если только она не говорит правду. Дух космоса видит, это довольно логично, и она никогда не утверждала, что намерена всю жизнь провести здесь. Набрав практического опыта, она сможет вернуться в организацию брата на своих собственных условиях или связаться с каким-нибудь кораблем на внутренних линиях. Нельзя винить ее в том, что она не прошла психотест. После этого следуют долговременные договоры. А если она хочет вернуться к своим в ближайшем будущем, ей незачем связываться с другими.

– К тому же для нее пограничные районы очень удобны, – продолжал Тау.

– Здесь она может применить свои знания, не опасаясь, что ввяжется в торговую войну с Тигом. Мы никогда не работаем на одних и тех же рынках, по крайней мере не угрожаем друг другу регулярно.

– Я вижу, вы тоже обдумывали эту проблему, несмотря на весь ваш энтузиазм относительно нашего нового работника.

– Естественно. Надеюсь, я еще не совсем спятил. Просто хочу использовать ее способности, пока гадаю о ней.

– Я тоже. Если принять, что она та, за кого выдает себя. Но в этом мы убедиться не можем: почти все, что мы о ней знаем, исходит от самой Раэли Коуфорт.

Некоторое время Джелико молчал, потом вздохнул.

– Она так хороша во всем, Крэйг. Почему Коуфорт отпустил ее? Она утверждает, что хотела испытать себя, но у Тига есть несколько фрейтеров, и еще несколькими он владеет частично. Все его помощники находят место в его же организации, когда заканчивают обучение. Просто не имеет смысла, что он не смог организовать того же для сестры.

Джелико резко взмахнул головой.

– Что с ней? Не могу понять, но Коуфорт явно хотел избавиться от этой женщины.

– Даже то, как она вписалась к нам, говорит против нее. Она слишком старается. Нужно все время держать себя под контролем, чтобы всегда давать правильные ответы. – Капитан нахмурился. – Что из того, что мы видим, подлинная Раэль Коуфорт, а что – тщательно сооруженная маска?

Лицо капитана застыло.

– Сейчас я жалею, что мы приняли ее предложение. Возможно, я принял на борт «Королевы» потенциальную сверхновую звезду – или что–

нибудь еще похуже.

Глава 6

На следующий день у Джелико не было времени задумываться над этой загадкой. «Королева» должна была приземлиться на Кануче вечером, и все были заняты множеством дел, всегда сопровождающих приземление.

Все были возбуждены. На быстро приближающейся планете решится их непосредственное будущее.

Удастся ли им найти чартер, выгодных пассажиров или груз, чтобы оправдать расходы на следующий перелет?

Какими товарами смогут они пополнить свои опустевшие трюмы?

Драгоценные камни, ткани, предметы роскоши, огромное количество промышленных товаров, местные продукты – рынок планеты предлагает их все, а также множество других, более экзотических товаров, которые торговцы привозят в космопорт. Невозможно предсказать, что именно и в каком количестве и составе встретится им во время очередной стоянки.

Скоро они начнут получать ответы на эти вопросы. А тем временем можно только гадать и готовиться к тем возможностям, что обязательно появятся на планете Халио Кануче.

Дэйна Торсона разбудили рычание и рев, словно из пасти легендарного оборотня.

Прохладный воздух подсказал ему, что на «Королеве» еще ночное расписание, но он всего лишь отметил это краем сознания, осторожно пробираясь к двери почти в полной тьме. Он не собирался включать свет, пока не узнает, в чем дело. Что-то, несомненно, произошло. Все, что на космическом корабле отличается от обычного распорядка, должно рассматриваться с подозрением, а шум среди ночи равнозначен объявлению тревоги, особенно на чужой планете.

Осторожно он чуть-чуть приоткрыл дверь. Шума больше не было, но, выглянув наружу, он застыл.

Значит, у них все-таки есть пассажир, пробрался за то короткое время, какое был открыт вчера люк. Синдбад выследил его и напал на чужака, но тот представлял реальную опасность. Крупный зверь, добрый фут в длину, не считая тонкого, как хлыст, безволосого хвоста. Тощее гибкое тело с мощными мышцами. Когти на лапах не опасны; они, очевидно, и не предназначались для защиты от противника размером с кота. Другое дело зубы в пасти на длинной усатой морде. Очень острые, и существо

действует ими быстро и решительно.

Оба уха Синдбада разорваны, и сбоку челюсти глубокая рана.

Но кот все же сильнее. Коричневая шерсть чужака покрыта кровью, силы его, очевидно, на исходе. Синдбад видел это. Он прижался к земле, внимательно наблюдая. Изредка только хвост его яростно дергался, в остальном же он оставался неподвижен, скорее статуя, чем живое существо.

Неожиданно, без малейшего предупреждения – Дэйн во всяком случае ничего не заметил, – Синдбад прыгнул. Мощный прыжок подбросил его высоко и круто опустил на спину противника. Сильные, острые, как иглы, зубы сомкнулись на шее. Несколько секунд спустя он встряхнул зверя и бросил его на палубу, тот дважды дернулся и затих.

Дэйн посмотрел на него, потом снова на кота. Он осторожно поднял его на руки. Тот получил не просто царапины. Необходимо немедленно остановить кровотечение и оказать медицинскую помощь. Какие бы иммунизационные уколы ни делались, укус чужака – всегда самый потенциально опасный инцидент на звездных линиях. Никакая профилактическая серия не может защитить от всего разнообразия микроорганизмов, которые могут проникнуть в тело таким способом. А многие из них способны размножаться с огромной скоростью и смертоносным результатом в организме, не подготовленном природой к сопротивлению.

Губы Дэйна сжались в жесткую линию. Держа кота на руках и стараясь остановить кровотечение, пока животное не ослабло, он неожиданно понял, что не видит больше в Синдбаде просто полезное животное, которое должно служить своим хозяевам–людям. Нет, это друг, полноправный член экипажа «Королевы», в сущности глава секции контроля, как его назвала Раэль Коуфорт. Да, в общении между членами экипажа и котом большие ограничения, но суперкарго и их помощники привыкают работать с совершенно чуждыми расами и умудряются устанавливать выгодные торговые отношения...

Остановив кровотечение, Торсон беспокойно нажал кнопку своего интеркома. Четвероногая жертва или двуногая, ситуация требует немедленного вмешательства врача. А его задача – вызвать помощь и помочь в дальнейшем.

Не успел Дэйн начать сжато пересказывать случившееся, как Раэль соскочила с койки и надела брюки. В следующий момент она сунула босые ноги в туфли, руки – в рукава рубашки, подхватила медицинскую сумку,

лежавшую рядом, даже когда она спала, и вылетела из каюты.

Бегом добралась до каюты Торсона, на секунды опередив старшего врача.

Поискала взглядом и тут же нашла пациента.

– О, Синдбад! – негромко воскликнула она. – Что с тобой случилось, мой маленький храбрый воин?

Женщина поставила сумку в ногах кровати, при этом раскрыв ее.

Движения ее, хотя и быстрые, оставались ровными и спокойными, чтобы не встревожить раненое животное.

– Подержите его, Дэйн, – попросила она. – Хочу осмотреть эти укусы, прежде чем заняться ими.

– Держу, – ответил он.

Раэль работала быстро, все ее внимание было поглощено маленьким пациентом.

Дэйн с чем-то близким к благоговению следил, как ее пальцы движутся будто по собственной воле, мягко и уверенно. Медицину часто определяют как искусство, и он понял, что присутствует при таком ее проявлении, что действия женщины направлены не только на излечение тела, но и души.

Синдбад спокойно лежал у него на руках, несмотря на возбуждение схватки, боль ран и необычность процедур.

Дэйн взглянул на Тау и уловил одобрительный кивок. Врач видел, что искусство женщины превосходит простое мастерство.

Наконец все было кончено. Коуфорт несколько раз провела рукой по спине и бокам Синдбада, получив в ответ довольное урчание. Коснулась губами его головы, потом посмотрела на помощника суперкарго.

– Вы хорошо поступили, сразу остановив кровотечение. Иначе пришлось бы прибегнуть к переливанию, а для животных это всегда болезненно.

– Он выздоровеет? – с беспокойством спросил Дэйн.

– Да. Доктор Тау осмотрит его завтра...

– Для пациента вредно менять хорошего врача в процессе лечения, вмешался Крэйг. – Естественно, я готов дать любые консультации, но нынешний врач прекрасно справляется.

– Благодарю вас, доктор. – Заявление Тау для всего экипажа свидетельство ее права быть первым врачом на сцене.

Раэль взяла кота у Торсона.

– Сейчас парню нужна теплая уютная кровать на ночь. Не возражаете, если он разделит с вами вашу, Дэйн?

– Нет. Синдбад часто спит со мной. – Ему нравилось общество кота, ощущение мягкой теплой шерсти рядом, но он про себя вздохнул, когда кот, словно поняв их разговор, спрыгнул с рук женщины и улегся головой на подушку с математической точностью в центре постели. У него не хватит духа подвинуть своего ночного гостя, и если Синдбад сам не подвинется, придется провести ночь, свернувшись калачиком вокруг их раненого защитника.

Эта возможность была очевидна и для его товарищей, которые столпились в тесной каюте, хотя, учитывая обстоятельства, они воздерживались от открытых шуток.

В глазах Раэли все еще дрожал смех, когда она встретила взглядом с капитаном и увидела, что он тоже смеется.

Это продолжалось всего мгновение, затем холодное стальное выражение вернулось в его взгляд. Джелико вышел в коридор.

– Давайте взглянем на его противника.

– Портовая крыса, – сообщил им Рип Шеннон, – и, космос, какая огромная! Синдбад легко отделался.

Капитан склонился к трупу чужака, не касаясь его, но с интересом, преодолевшим врожденное отвращение землянина к этим животным.

– Крысу нельзя винить в том, что она сражалась за свою жизнь.

Коуфорт одобительно улыбнулась, но глаза ее, устремленные на животное, оставались темными.

– Да, – согласилась она. – Впрочем, когда Синдбад ее загнал, настоящей схватки не было.

– Все равно ему повезло. Она такая большая, что могла причинить немало вреда, не говоря уже об инфекции.

– На Кануче они очень большие, – сказала Раэль. – Они там по всему городу, в морском и космическом портах, на складах, в городе Веселья.

Придется все время закрывать люк сеткой, и даже в этом случае нам повезет, если на корабль не проникнет их несколько. В прошлый раз «Блуждающая звезда» прихватила с собой пару. Их прикончили наши коты, но это стоило им кусков шкуры.

Все без особого удовольствия выслушали эту информацию. Кошек человек сознательно захватил с собой в космос, а другие, менее желательные обитатели родной планеты последовали за ним по собственной воле. Мало кто из первых поселенцев, еще до введения строгих федеративных правил ветеринарного контроля, сумели избежать нашествия этих крыс, невероятно способных к адаптации.

Странно, но крысы редко нарушали экологию, что обычно делали на

Земле. Они жили вблизи поселений своего древнего хозяина и соперника.

Некоторые выростали крупнее прототипа, чаще становились меньше под давлением отличий среды, но всегда представляли собой проблему. Обычно с ними удавалось справиться; но в нескольких случаях, когда их обнаружили не сразу или проявили преступную беззаботность, они превратились в бич, угрожающий существованию самой колонии.

– Сделаем, что сможем, хотя бы чтобы избавить Синдбада от новой схватки, – пообещал капитан. – А теперь выбросьте это существо, Торсон, и ляжем спать на остаток ночи. Завтра у нас много дел.

Глава 7

Выйдя из люка «Королевы» на трап, Раэль в отвращении сморщила нос.

Кануч, планета звезды Халио, высокоиндустриализованный мир, в нем большую роль играют тяжелая и химическая промышленность. И с каждым прилетом сюда ей все труднее выносить тяжелую атмосферу. К счастью, запах только неприятен и на здоровье не отражается, но чувства задевает очень сильно. К счастью также, ей никогда не приходилось надолго задерживаться здесь. Тиг всегда останавливался, только чтобы забрать несколько образцов, и как можно скорее снова улетал.

– Куда сначала? – спросила она у своих спутников. Ей с тремя помощниками дали целый день на личные дела и знакомство с планетой. Но когда они вернутся вечером, офицеры ждут от них подробные доклады обо всем, связанном со специальностью каждого.

– На склад снаряжения, – ответил Али. – Впервые после почтового рейса мы можем позаботиться о себе, а у нас многое нуждается в замене.

Дэйн мысленно поддержал это предложение. Впервые оказавшись на «Королеве» сразу после окончания школы, в физическом отношении он был мальчишкой. С тех пор он возмужал, плечи его стали шире, мышцы выросли.

Одежда плотно обтягивала тело и вообще не могла бы служить ему, если бы не Фрэнк Мура с его иглой. Дэйн с радостью заменит ее, хотя это и проделает большую брешь в его небольшом запасе кредитов.

Несколько часов спустя они вчетвером в хорошем настроении вышли со склада снаряжения. Мужчины кое-что из своих покупок надели, остальное несли с собой. Только Раэль не несла ничего. Она пришла на корабль с достаточным запасом одежды и сказала товарищам, что сохранит свои кредиты для рынка.

– Давайте оставим добычу и поищем настоящей приличной пищи, предложил Шеннон. – Вы в этом эксперт, Раэль: никто из нас до сих пор не был на Кануче. Какие предложения? Может, где-нибудь в городе Веселья?

– Нет, – сразу ответила она. – В северной части города есть отличные рестораны, но нам не захочется платить за еду в них.

– Это планета рабочих людей. Давайте поедем в любой промышленный район, скорее всего рядом с большими заводами на берегу.

Там множество столовых, не роскошных, но с настоящей хорошей и относительно недорогой пищей.

– Ведите, дорогой доктор, – сказал Али с подчеркнуто изысканным жестом руки. – А позже мы вполне сможем отвести детишек в город Веселья и показать его достопримечательности.

Она нахмурилась.

– Это здешнее злачное место. Никакой гарантии безопасности. Вообще–то азартные игры запрещены для торговцев. Слишком часто космонавтов тут раздевали.

– Мы выглядим такими невинными? – ядовито спросил Камил. – К тому же никто не предлагает отправляться туда ночью. Сейчас все заведения, кроме больших ресторанов, будут закрыты. Нам не повредит, если мы бросим взгляд.

Только нужно держаться вместе. – Последнее он сказал вполне серьезно. В галактике много мест, где чужакам желательно не разъединяться, и район удовольствий на Кануче, его город Веселья, на самом верху списка. По крайней мере постоянно ходили слухи о космонавтах, ушедших туда вечером повеселиться и так и не вернувшихся на корабль.

Город Веселья скоро надоел Дэйну. Возможно, по вечерам, когда горят все огни, когда его улицы заполнены народом, жадным до увеселений, он полон возбуждения, но сейчас, как и предсказал Али, большинство заведений было закрыто, а их обитатели спали при свете местного солнца Халио. Все выглядело грязным, закопченным, кричащим и немного печальным, как надежда, которая начинает развеиваться.

На Кануче разрешается сводничество, азартные игры и продажа многих наркотиков, но районы, в которых можно заниматься этой деятельностью, строго ограничены. В результате возник ряд районов удовольствий, по одному на каждую провинцию, на которые делится большая планета.

Не было необходимости скрывать основной род занятий жителей города Веселья, и никаких попыток к этому не делалось. На каждом квартале встречался один или несколько эротических домов с ярко–алыми фасадами, с плакатами и рекламами, полными эротических символов и описаний того, что можно найти внутри. Между ними размещалось поразительное количество питейных заведений и курилен, и во всех рекламировались также азартные игры и другие развлечения. В некоторых имелись помещения для танцев и еды; в последних предлагались легкие

блюда, предназначенные для людей, заинтересованных в других продуктах; но иногда им все же необходимо перекусить между посещением различных более привлекательных заведений города Веселья. В немногих заведениях предлагались помещения для более тайных занятий: им там предавались в стороне от взглядов полиции и звездного Патруля.

В остальных зданиях размещались обычные столовые; самые претенциозные из них громко именовали себя ресторанами. Они тоже были закрыты, и по их внешнему виду Дэйн решил, что они совершенно правильно поступили, удовлетворившись столовой на берегу. Он сомневался, чтобы в них могли дать что-нибудь равноценное по количеству и качеству.

Конечно, в северной части города это было бы не так, там размещены театры и дорогие рестораны, но они не предназначались для помощников скромного корабля вольных торговцев.

Торсон покачал головой. Вряд ли стоило удивляться наличию заведений, подобных тем, что сейчас окружали их. В каждом значительном космопорту можно получить аналогичные услуги, и за всеми там внимательно присматривали, чтобы обеспечить безопасность космонавтов. Просто его поразило количество заведений, размеры города Веселья. Он не привык к такому, особенно после аскетических лет, проведенных в Школе. Подобное стремление к чисто физическим удовольствиям обескураживало его, тем более что он знал: такие города веселья не единичны во вселенной. На многих планетах такое же отношение к развлечениям, везде есть зланные места, как правило, пользующиеся дурной славой. Там, где стремились побольше заработать, заставить космонавтов оставить свои деньги, всюду возникали такие районы.

Вскоре Дэйн перешел от общих размышлений по поводу этого культурного феномена к наблюдениям над непосредственным окружением. И тут же насторожился. На улицах было мало народу, но все проявляли необычный интерес к пришельцам.

Точнее этот интерес привлекала Раэль Коуфорт. За время, проведенное ею на борту «Королевы Солнца», Дэйн привык к ней и перестал поражаться ее красоте. Но к жителям Кануча это не относилось, а по их мнению, только одна причина могла вызвать появление красивой женщины в подобном районе.

То же относилось и к привлекательным мужчинам. И на Али поглядывали особенно внимательно.

Торсон почувствовал, как нарастает его гнев и озабоченность. Конечно, вчетвером они отобьются от любого, но у того поблизости

обязательно есть друзья. А против толпы есть только одно оружие – бежать.

Немного погодя он начал успокаиваться. То, что они привлекают внимание, совершенно неизбежно. Они явно чужаки и потому подозрительны. А внешность Раэли и Али лишь усиливают эту подозрительность. Удивительно красивая пара по стандартам любой хотя бы отдаленно гуманоидной расы, а там, где красота – товар, их естественно будут рассматривать особенно пристально.

Пока они ведут себя осторожно, неприятностей не будет, по крайней мере в это время суток. Город Веселья тих, его обитатели не возбуждены наркотиками и ночным оживлением. А они в конце концов не просто чудачки, они с других планет. И от них не ждут, что они будут соблюдать все условности этого места.

Ему пришлось откровенно признаться самому себе, что космонавты так же не свободны от подобной ошибки, как и жители планеты. Они обычно относятся к жителям планет терпимо. Это отношение почти универсально распространялось на все расы и виды: от чужаков менее строго требовали придерживаться местных законов и обычаев, и наказания за их нарушение обычно не так строги. И космонавты должны быть благодарны за это.

Возможно, теоретически такое отношение унизительно, но оно позволяет эффективно вести дела на планетах с замкнутыми обществами, мораль и обычаи которых резко отличаются от того, что принято на звездных линиях.

Немного успокоившись, Дэйн снова занялся наблюдениями над молчаливым выжидающим городом. Они проходили мимо узкого переулка, разделяющего два ряда зданий, и он задержался, разглядывая его.

Длинный темный проход, похожий на множество других, виденных во время прогулки. На одну ступень ниже оснований зданий вымощен гладким темным материалом, не пачкающимся и способным выдержать напряженное утреннее движение, когда сюда приезжают тяжелые грузовики с различными припасами и увозят отбросы и мусор.

Дэйн заметил, что каждое здание могло отгородить свою часть переулка при помощи тяжелых изгородей из цепей и решеток; сейчас все изгороди были сняты, и машины легко могли подходить к выходам. Он вслух удивился: «К чему эти ограды?» Никакого реального объяснения интересу владельцев к грязным кусочкам земли он не видел.

Али бросил на него снисходительный взгляд, который по-прежнему раздражал Дэйна.

– Ну, мой мальчик, – возвестил он, – подумай, какое количество людей,

обычно совершенно чужих, посещают эти достойные заведения. И многие хотят насладиться их удовольствиями незаметно и так же незаметно удалиться, сохранив свои деньги. Владельцам такие действия не нравятся, и потому они устраивают изгороди, чтобы нельзя было легко уйти.

– А к чему тогда эти цепи? – спросил Торсон, стараясь не поддаваться раздражению. – Сплошную металлическую изгородь труднее преодолеть, особенно тому, кто немного выпил.

– Пощадите нас, Али, – со смехом взмолилась Раэль. – Ответ очень прост.

Помощник инженера нахмурился, но потом просто пожал плечами.

– На самом деле ответа я не знаю, – признался он.

– Это делается для того, чтобы полиция и Патруль могли сразу все увидеть. Они часто посещают эти места, причем не по регулярному расписанию, – сказала Раэль. – Поэтому же и требуется минимум освещения.

Конечно, пьяных продолжают грабить, расправляются и с беспокойными клиентами или теми, кто не торопится платить, но все же подобная практика ограничена.

Пока она говорила, Дэйн приблизился к стене, чтобы рассмотреть механизм изгороди. Товарищи попытались присоединиться к нему, но Раэль быстро отступила.

– Космос, что за вонь!

Али откашлялся.

– Там, где много пьют и употребляют другие снадобья, – осторожно заметил он, – следует ожидать зловония у заднего выхода.

– Ну, ладно, Али, – вмешался Рип Шеннон. – Мы уже все поняли.

Камил улыбнулся привередливости своего товарища, но с готовностью последовал за другими подальше от грязного двора. Он не чувствовал никакого неприятного запаха, пока Коуфорт не сказала о нем, но теперь и он уловил тяжелую смесь мускуса с аммиаком.

Четверо задержались у фасада заведения, бара под названием «Красный гранат». Он был открыт. В нем не просто шла уборка и подготовка к вечеру, но он принимал посетителей.

– Не заглянем ли? – Дэйн сам удивился своему вопросу. Весь этот район вызывал у него отвращение, и чем дольше он там оставался, тем сильнее становилось отвращение, но он испытывал и любопытство. Черт возьми, он хочет посмотреть, что там внутри в таком заведении.

Помощник инженера колебался. Они, конечно, свободны, но он чувствовал, что вряд ли им стоит знакомиться с другими заведениями

города Веселья, кроме ресторанов.

– Если зайдем, придется что-то заказать...

– Но не всем, – резко сказала Раэль.

Брови Камила поднялись.

– Дайте мне время, доктор. Я как раз хотел сказать, что заказывать будут только двое. А остальные не будут. Это вы одобряете?

Она коротко кивнула.

– Да. Вероятно, это лишняя предосторожность, однако...

– Совершенно верно, доктор. Там, где торговля что-то запрещает, космонавты должны быть осторожны. Теперь стратегия наша выработана, и нужно только отобрать двух заказывающих. Я пас. Дэйн – один из них, ему принадлежит идея. Не хотите ли составить ему компанию, Коуфорт?

– Нет, благодарю вас, – холодно ответила женщина.

– Вы не пьете, доктор? – спокойно спросил он.

– Не в таких притонах!

– Шеннон, придется тебе.

Али довольно улыбнулся про себя: ему все-таки удалось пробить броню Коуфорт и вывести ее из себя. Никто лучше него не понимал право человека на изолированность, на создание защитной преграды и на право не объяснять причины этого, но Раэль Коуфорт делала это с таким успехом, что даже небольшая щель в ее защите принесла ему чувство облегчения. Он как будто убедился, что она тоже человек.

Глава 8

Войдя в дверь, Дэйн сразу пожалел о своем предложении. «Красный гранат» оказался обычным баром, куда люди приходят выпить посильнее. Не очень привлекательный и совсем не интересный. Оживление и разговоры, которые позже заполнят эту единственную большую комнату, сейчас отсутствовали.

Процесс уборки подходил к концу, столы передвигали на свежeweымытый пол с полдюжины крепких мужчин. Стулья все еще были сложены грудой у стены один на другой.

Бармен поднял голову и заметил вольных торговцев.

– Открыто, космические псы. Что закажете?

– Пару пива для этих детишек, – небрежно ответил Али, видя, как подозрительно сузились глаза бармена, – после чего нам придется кончить игру и возвращаться на корабль, если мы не хотим провести остаток жизни, чистя местную канализацию.

Последнее было адресовано его товарищам. Рип понял, что Али старается снять напряжение, ответил соответственно, и они с Торсоном подошли к стойке, чтобы подтвердить заказ.

Обслужили их очень быстро. Шеннон прихлебнул золотистую жидкость.

– Очень неплохо, – заявил он.

Канучец саркастически поклонился, принимая этот удивленный комплимент.

– Местного приготовления, – сообщил он. – Мы много его экспортируем.

Можете упомянуть об этом приятелям в космопорту. Нам хотелось бы видеть побольше космонавтов в городе Веселья.

Он взял из кредиты и вернулся к прежнему занятию, расставляя стаканы, но космонавты видели, что он продолжает поглядывать на них своими маленькими подозрительными глазками.

То же делали и рабочие или каково там было их настоящее занятие.

– Если бы это была приключенческая лента, – прошептал Рип помощнику суперкарго, – нас уже к концу сцены споили бы и утащили на чужой корабль.

– Знаю, – мрачно ответил Дэйн. – Это была не лучшая моя мысль.

Споили и утащили на чужой корабль. Такое обыкновение из прошлого

земного флота проникло в космос, оно такое древнее, что его происхождение забыто. Может, только Ван Райк его помнит. Суперкарго – настоящий кладезь древних познаний.

Но все же либо хозяева не думают об этом, либо не решаются осуществить, мрачно подумал Дэйв. Коуфорт и Камила продолжали рассматривать, как и на улицах, только откровеннее и внимательней. Вряд ли их посмеют открыто захватить и увести в эротический дом, но возможны и более законные предложения в этом районе. Может, вот эта широкая лестница справа ведет не только в игорное заведение, но и в помещение, где предаются более тайным порокам.

Если это так и хозяева начнут действовать, они с Рипом могут оказаться на дне залива...

Он посмотрел на Камилу. Если черноволосый помощник встревожился, то внешне никак этого не проявлял. Торсон старался как можно лучше подражать спокойствию помощника инженера. Он понимал, что, возможно, его подозрения ни на чем не основаны, но все равно лучше никак не проявлять своего беспокойства и тревоги. Это само по себе может спровоцировать инцидент.

Они уступают в числе, и им нелегко будет вырваться отсюда.

Раэль Коуфорт продолжала держаться рядом с Али. Она быстро утратила интерес к бару. «Красный гранат» ей не понравился, и ей хотелось как можно быстрее уйти отсюда. Когда наконец эти двое прикончат свое пиво?

Рукой она судорожно сжала горло. Почувствовала, что задыхается.

Чувствуя, как ускоряется пульс, она пыталась воспользоваться своей медицинской подготовкой. Дух космоса, что с ней? Ее охватил ужас от какого-то подсознательного предупреждения. Но что вызвало эту панику?

Она пыталась овладеть собой, но не могла справиться с ужасом. Ей казалось, что комната превратилась в огромную пасть, готовую пожрать ее.

Левой рукой она схватила товарища за руку.

– Али, пошли отсюда Быстрее! Пожалуйста.

Тут ее выдержка кончилась, и она выбежала из бара.

Ее бегство возбудило канучцев. Они распрямились и принялись осторожно подходить к космонавтам.

Торсон инстинктивно приблизился к товарищам и собрался. Два к одному.

Само по себе плохое соотношение, к тому же противники извлекли ножи, длинное острое оружие убийц, которое легко проходит между ребрами жертвы или при ударе в спину перерубает позвоночник. А они

безоружны...

Не совсем, неожиданно увидел он. Камил снял с пояса цепь. К одному ее концу было прикреплено широкое кольцо, за которое удобно держать и которое защищает руку владельца. А на другом конце три изогнутых зловещих когтя.

Али холодно улыбнулся, привычно взмахнув над собой цепью. Противники отступили. В темных переулках отлично знали это оружие и очень его опасались.

Дэйн с трудом глотнул. Помощник инженера пережил войну кратеров и ее последствия. Он никогда не говорил об этих страшных годах, но теперь показал одно из средств, которое помогло ему выжить.

Космонавты быстро вышли на улицу, Камил при этом шел последним, и пошли назад, в том направлении, откуда пришли. На углу переулка их ждала Раэль Коуфорт, все трое сердито посмотрели на нее.

– Спокойней, – приказал Али. – Они не пойдут за нами на улицу.

– А что их остановит? – напряженным шепотом спросил Рип.

– Не пойдут, – заверил его Али. – Пока наше слово против их слова.

Они нам словесно не угрожали, и обе стороны пользовались запрещенным оружием. К тому же в полуквартале отсюда полицейский участок. Мы поднимем шум, и полиция будет тут как тут.

– Они могут пройти переулками и ждать нас где-нибудь впереди.

– Именно поэтому мы не хотим, чтобы они видели, куда мы идем. Они ни за что не подумают, что мы задержались у их задней двери.

Говоря это, Камил небрежно прицепил свою смертоносную цепь к поясу.

Дэйн незаметно вздрогнул. Помощник инженера носил оружие так естественно, что никто этого не заметил, хотя если бы кто-то из старших офицеров его увидел, цепь конфисковали бы. Вольные торговцы ходят вооруженными, только когда им угрожает явная опасность и только по приказу своих офицеров, а Кануч у звезды Халио – вполне уважаемая планета.

Он обратил свое внимание на другие вопросы. Взглянул на врача.

Но Али опередил товарищей.

– Что это, во имя всех дьяволов, вы сделали? – спросил он. – Вы знаете, что из этого едва не получилось?

– Простите, – сказала она тихо, еле слышно.

– Ну, это не ответ, – резко сказал Али.

Рот Коуфорт сжался. Али требует объяснения. Все трое требуют.

– Там что-то очень плохое. Не знаю, грозила ли нам непосредственная

опасность, но что-то очень плохое окружало нас. – Она закрыла глаза. Клянусь, оно было там...

Дэйн произнес любимое ругательство Ван Райка, но Али резким взмахом руки заставил его замолчать. Он странно взглянул на женщину.

– Если бы вы сказали об этом мне, доктор, я бы включил все двигатели и убрался бы еще быстрее.

Рип удивленно взглянул на него, но не стал участвовать в споре. Что бы ни вызвало страх Коуфорт, этот страх был подлинным. И она по-прежнему ощущала его. На первый взгляд она казалась обычной, но зрачки ее глаз расширились, стали огромными и круглыми, как у кошки в смертельном ужасе.

Почти вопреки своему желанию, он почувствовал к ней жалость.

Взглянул на переулок, чтобы чем-то отвлечь на время внимание товарищей.

– Тут действительно очень тщательно моют переулок, – заметил он, не зная, что еще сказать. – Ступеньки и часть тротуара просто выскоблены!

Женщина поднесла руку ко рту.

– Дух космоса! – прошептала она. – Правящий дух космоса!

Остальные смотрели на нее, будто она начала разговор с шепчущими.

– А сейчас в чем дело? – резко спросил Торсон. Что-то явно неладно.

Глаза Раэль, и так большие, теперь казались невероятно огромными, а лицо ее совершенно потеряло краску.

– Никто не моет ступеньки и три шага от них. Либо моют все, либо совсем не моют.

Она слегка дрожала, но заставила себя внимательнее осмотреть это место.

Что-то белое торчало из щели, где единственная ступенька соединялась с тротуаром.

– Смотрите. Они, должно быть, это не заметили. – Спина ее распрямилась. – Если я права, это нам понадобится.

Глаза Дэйна сузились. Несмотря на свой ужас и отвращение к этому месту, Коуфорт явно намерена достать этот белый предмет.

– Подождите. Я достану.

Он чувствовал себя глупцом, играющим роль героя в нелепой приключенческой ленте, но Раэль очень испугалась, она все еще боится, хотя и скрывает это сейчас. Нехорошо разрешать ей делать это, он сам не испытывает страха.

Она крепко сжала его руку.

– Нет. Мы даже не вооружены.

В голосе ее звучала паника.

– Может, это просто ловушка шепчущих, но я думаю...

– Что здесь происходит?

Четверо космонавтов повернулись. Поглощенные своими разговорами, они не заметили неслышного приближения флаера, который теперь висел над тротуаром. Рядом с ним стояли двое в черно–серебряной форме звездного Патруля.

– Патруль! – с явным облегчением воскликнула Раэль. – Слава богам, правящим Канучем! Лучше вы, ребята, чем местные полицейские. Не знаю, в каких они отношениях с владельцем этого заведения.

На патрульных это не произвело впечатления.

– Что вы тут делаете? – спросил тот, что уже обращался к ним.

Сержант. На этот раз вопрос его прозвучал резко.

– Я считаю, что вон тот предмет – улика серьезного преступления. Мы хотели подобрать его и принести к вам, когда вы тут появились. До утра он явно исчезнет, если не раньше.

– Ну, хорошо, – ответил сержант хмуро. – А что за преступление?

– Убийство. Жестокое, ужасное убийство. И неоднократное.

Глава 9

Пятеро мужчин смотрели на врача.

– Убийство? – Голос сержанта Патруля звучал по-новому резко.

Раэль покачала головой. Она полностью овладела собой. Теперь на ней тяжелая ответственность, и она не должна показывать свой страх; ей нужно убедить представителей власти серьезно воспринять ее странную и противоречивую теорию.

– Я хочу поговорить с вашим командиром. Возможно, это большая операция, в которую вовлечены влиятельные люди.

Сержант кивнул.

– Мы поиграем в твою игру, но если это розыгрыш, ты не будешь смеяться, когда наша старуха до тебя доберется.

– По-вашему, мне очень смешно, сержант?

– Нет, – согласился он. – Не смешно. Кейл, возьми эту «улику», и полетим в штаб-квартиру.

Дэйн видел, как напряглась Раэль, у него самого стянуло мышцы живота, но патрульный через несколько секунд вернулся без всяких происшествий.

Дэйн почувствовал себя глупо, он бросил быстрый вопросительный взгляд на женщину. О чем она думает? И в какую историю втравила их?

– Крысы! – Сине-серые глаза полковника Патруля Урсулы Кон недружелюбно разглядывали более молодую женщину. – И вы хотите, чтобы мы в это поверили, доктор Коуфорт?

– Надеюсь, я ошибаюсь, полковник, ради тех многочисленных несчастных мужчин, а может, и женщин, которые, как я считаю, погибли в этом месте, спокойно ответила Раэль, – но все же не думаю, что я ошибаюсь. Улика косвенная, но она есть.

– И вы единственная, кто ее заметил и сразу догадался. А ведь вы чужая на Кануче и не знаете его обычаи.

– Мои спутники подтвердят, что у меня необыкновенно обостренные чувства. Я бывала вблизи большой массы портовых крыс и знаю этот запах, но на открытом воздухе мне никогда не приходилось так явно ощущать его.

Другого объяснения этого запаха просто не может быть. Если бы крысы составляли большую стаю, их встречали бы по всему городу, и тогда они представляли бы собой серьезную и близкую опасность для людей.

Несомненно, предупреждены были бы коммерческие космические корабли, принимались бы меры к истреблению крыс. Но ничего этого нет, и потому я заключила, что большое количество грызунов кто-то сознательно держит под замком.

Насколько мне известно, в городе Веселья нет ни лабораторий, ни промышленного производства, где требовались бы крысы; да я и не могу себе представить эксперименты такого размера. Я была в совершенном замешательстве. – Рот ее затвердел. – Пока Рип не упомянул очистку.

– Очистку?

– Ваши агенты тоже видели это. Никто не станет мыть одну ступеньку и полосу около нее.

– Вы и я не стали бы, – поправила полковник. – Стандарты чистоты, принятые во флоте, не применимы в этих переулках. Там обычно убирают бросающуюся в глаза грязь, только чтобы удовлетворить санитарный контроль.

– После нормальной ночи будет не одно грязное место, верно? Но в переулке ничего этого не было. Если судить по отсутствию грязи и по следам машин, похоже, часть переулка основательно вымыли; причем в разное время мыли его разные части. И все это длится долгое время.

– И у вас есть объяснение всему этому?

Рыжеволосая женщина-космонавт кивнула.

– Мотив я не знаю, но довольно ясно представляю себе события.

Какой-нибудь бедняга, соответствующий критериям жертвы, сильно напивается; может, его сознательно спаивают или окуривают наркотиками; беспомощного и больного, его вытягивают через задний вход в переулок. Крысы уже ждут его, или их тут же выпускают. Они, очевидно, приучены к этой работе; их очень много, и им не требуется много времени, чтобы завершить ее. Через несколько минут их отзывают; может быть, снова кормят, чтобы наградить за послушность и быстрое возвращение, а грязное пятно убирают. Крови остается немного, асфальт ее не впитывает, если ее быстро вытирают.

– Патрульный Робертс отправился туда и вернулся без всякого труда, заметила Кон.

– Естественно, хотя я тогда очень за него боялась. Эти крысы не могут все время находиться на свободе. К тому же их должны хорошо кормить, чтобы держать под контролем и в необходимой концентрации. Им нет необходимости бродить при дневном свете.

– Странно, что никто из соседей ничего не заметил. Ведь вы считаете, что это происходит длительное время, верно?

Раэль взглянула на свои плотно сжатые руки.

– Один инцидент не займет много времени. Падение жертвы, вероятно, служит сигналом грызунам. Им не может служить открытая дверь: ее открывают все время. Должно быть, бедняга, если он в сознании, слабо вскрикнет, немного побьется, но не больше. Они действуют быстро.

Глаза ее холодно сверкнули; в них блеснул гнев, глубокий, как межзвездный космос.

– Однако я согласна, что долго скрывать это невозможно. Должны быть вовлечены хозяева питейного заведения напротив и, вероятно, работники еще и соседних заведений. Третье и четвертое здания по обе стороны, возможно, ни при чем. Там эротические дома. Из них через задний ход выходят редко, а окна у них покрашены или закрыты ставнями. А что касается прохожих и клиентов внутри, то в общем шуме вряд ли кто-нибудь заметит и станет расспрашивать. Чтобы привлечь внимание, звук должен быть громким и продолжительным.

– У вас на все есть ответы, верно? – Лицо полковника оставалось невыразительным, глаза смотрели жестко, не мигая.

– К несчастью, нет. Как я уже сказала, я не понимаю мотив, хотя, вероятно, это алчность. Вовлечено несколько заведений; значит, причина не безумие и не месть, разве только все заведения принадлежат одному владельцу. Но даже в этом случае он ничего не добился бы без ведома и соучастия многих помощников.

– А кто, по-вашему, жертвы?

Раэль покачала головой.

– Трудно сказать, не зная точно мотива. Вероятно, одиночки, люди, отсутствие которых не скоро будет замечено; у них нет друзей, по крайней мере влиятельных, которые подняли бы шум по поводу их исчезновения. Но может быть верно и прямо противоположное. Я просто не знаю!

Ее охватило сильное чувство, которое она до сих пор сдерживала, но в следующее мгновение женщина вновь овладела собой.

– Это все, полковник. Я рассказала вам о всех своих предположениях, которые могут оказаться полезны.

Стук в дверь заставил ее оглянуться через плечо. Сержант взял у вошедшего патрульного записку и передал своему командиру. Кон взглянула на нее и разрешила войти.

В уже заполненную комнату вошло еще двое. При виде вошедших настроение Раэли улучшилось. Джелико и Ван Райк! Она понятия не имела, зачем они сюда пришли, но теперь ей стало гораздо легче. Команда в составе капитана и суперкарго вольного торговца на любом уровне

заставит считаться с собой, даже если перед ними высокопоставленные офицеры звездного Патруля. Хоть она и недолго прослужила на «Королеве Солнца», но успела понять, что эти двое из числа лучших на звездных линиях. На их поддержку можно рассчитывать... если они поверят в ее историю.

Капитан остановился перед столом командира Патруля.

– Джелико, капитан «Королевы Солнца», – сказал он. – Это Ван Райк, мой суперкарго.

– Полковник Патруля Урсула Кон.

Джелико холодно взглянул на своих подчиненных.

– Что умудрились на этот раз натворить эти четыре блуждающие звезды?

Ваш агент сообщил мне, что они у вас, но неприятности им не угрожают.

– Конечно, нет, если только они не устроили сложный розыгрыш. Но я в это не верю, – торопливо добавила она, видя, как вспыхнули глаза Раэли. Но, с другой стороны, они могли и ошибиться. Доктор Коуфорт, пожалуйста, повторите то, что только что рассказали мне. У меня все записано, но я хотела бы послушать вторично в живом виде.

Женщина–врач повиновалась. Хоть она очень устала и нервы ее были напряжены, эта просьба подбодрила ее. Она означала, что Кон серьезно отнеслась к ее рассуждениям.

На этот раз ей потребовалось гораздо меньше времени. Ее не прерывали, и рассказ у нее получился гораздо более стройным.

Когда она закончила, все некоторое время молчали, потом полковник сжала руки, словно отбрасывая от себя что–то.

– При втором прослушивании звучит не менее дико.

Джелико подошел к стулу, на котором сидела Раэль, и положил руки ей на плечи. От него, казалось, исходит сила, вливается в нее, и Раэль слегка расправила плечи.

– Права она или сбилась с навигационной карты, – спокойно объявил капитан, – у доктора Коуфорт не было ни морального, ни законного права умолчать о своих подозрениях.

Старшая женщина вздохнула.

– Так же как у меня нет другого выбора, кроме проверки ее обвинений.

Предположение, конечно, безумное и нелепое, и офицер местной полиции скорее всего отмахнулся бы от него, как от вздора, но Патруль знает и не о таких злодеяниях. Это не самое страшное из них. Если вспомнить, что люди делали в прошлом с другими людьми – и не в таком

уж далеком прошлом, – это предположение вполне в рамках возможного.

– Тогда почему вы нас задерживаете? – спросил Али. Он понял это по замечанию капитана и слишком хорошо помнил, как обращался с ними Патруль, когда они были на зачумленном корабле. Ему происходящее вовсе не казалось забавным.

– Вас четверых не должны видеть, пока я не проведу некоторую предварительную подготовку. Не хочу, чтобы доказательства были уничтожены, прежде чем попадут к нам в руки. Если кто-то видел, как мои парни подобрали вас в переулке, скоро станет известно, что вы задержаны по обвинению в контрабанде, и все о вас забудут. Хотя вероятность невелика, я не хочу, чтобы кто-нибудь из участников заговора увидел вас на свободе, сделал необходимые выводы и начал уничтожать доказательства.

– Зачем в таком случае было вызывать капитана?

– Потому что звездный Патруль не держит невинных людей без связи бесконечно долго.

Зажужжал передатчик на столе, требуя внимания. Полковник несколько минут слушала, потом поблагодарила говорившего на другом конце.

Старательно отключила передатчик и повернулась к собравшимся в комнате.

– Звонили из лаборатории, – серьезно сказала она. – Похоже, ваша улика верна, доктор Коуфорт.

– Кость?

Кон кивнула.

– Человеческая. Человек умер совсем недавно. И кость вся изгрызена будто огромным количеством мелких зубов.

Глава 10

– Я не собираюсь вмешиваться в ваши дела, полковник, – сказал после нескольких мгновений общего мрачного молчания Ван Райк, – но, по моему, нужно как можно скорее еще раз посетить этот переулок.

– Сегодня же вечером, мистер Ван Райк. Мы все там будем. – Она кивнула, когда он изумленно поднял брови. – Я временно мобилизую вас шестерых. У меня не хватает людей, и вы мне понадобятся. Кейл, раздобудьте ногу быка, большую и с хорошей костью.

Торсон нахмурился.

– А подействует ли это, полковник Кон? Они убили недавно, очевидно. Хоть жертвы их безымянны, они выдадут себя, если будут убивать слишком часто. Если грызуны заперты в клетке...

– Все равно попробуем. Ставлю кредиты, что падение относительно тяжелого тела вблизи ступени вызовет их. Если они выйдут в достаточно большом количестве, у нас есть доказательство. Если же нет, потеряем кусок мяса. Мы все равно проверим эти питейные заведения и эротические дома.

Если там есть портовые крысы, мы их найдем. А если повезет, найдем и документы, но на это я не рассчитываю.

– Вы можете так быстро получить ордер? – удивленно спросила Раэль. И с такими немногими доказательствами?

– Нам не нужен ордер. Такие тонкости к городу Веселья и аналогичным местам не приложимы.

Она увидела, как нахмурились космонавты, и пожала плечами.

– Правительство Кануча не одобряет того, что происходит в этих районах. Законодатели были достаточно умны, чтобы понять: запрет такой деятельности только загонит ее в подполье и откроет путь к более тяжелым преступлениям. Отведя этой сомнительной деятельности строго определенные районы, они могут держать ее под контролем.

– Те, кто работает в районах удовольствий, могут сорвать большую прибыль. Часто так и бывает. Но они подписывают документ об отказе от претензий при постоянных и тщательных проверках всего их дела и жилищ, которые обычно размещаются в этих же районах.

– Немногие жалуются. Большинство действуют несколько лет, забирают прибыль и уходят, и такая политика заставляет даже самых недобросовестных оставаться относительно честными. Продажа рэклика,

крэкса и с полдюжата других сильнодействующих наркотиков, растление несовершеннолетних, азартные игры на большие суммы плюс все то насилие, которое обычно их сопровождает, приняли бы угрожающие размеры без постоянного неослабного контроля, так что даже большая часть нынешней постоянной клиентуры была бы отпугнута. Нет необходимости говорить, что это все равно происходит, но в незначительных размерах и под угрозой очень серьезных наказаний.

– Но ведь это не работа Патруля, – заметил Ван Райк. Межзвездные силы размещены на Кануче, одной из наиболее развитых планет системы, для предотвращения контрабанды и оказания помощи попавшим в беду на соседних звездных линиях кораблям. Они не должны особенно вмешиваться во внутренние дела планеты.

– Да, – согласилась Кон, – мы в основном предотвращаем ввоз незаконных материалов. Делами города Веселья обычно занимается местная полиция, хотя по закону мы имеем на это все права. Мы следим, чтобы космонавты не попадали в неприятности и не вызывали их, но обычно этим и ограничивается наша деятельность на планете. Когда нас просят, мы, конечно, вмешиваемся. Или если замечаем, что что-нибудь не так. А в остальном мы предоставляем дела Кануча канучцам.

Халио уже сел, когда флаер покинул штаб-квартиру. Раэль Коуфорт сидела на заднем сидении, зажата между Джелико и Торсоном. Полковник Кон и патрульный Кейл Робертс сидели впереди, Робертс вел машину. Их товарищи вылетели на несколько минут раньше под командой сержанта, тоже в гражданской машине, чтобы подойти с другого направления. Те, кто должен был обыскать питейные заведения и эротические дома, либо уже на месте, либо вскоре подойдут. Космонавты никого из них не видели.

Когда несколько минут спустя флаер долетел до цели, их уже ждали патрульные, укрывшись в глубокой тени. Машина высадила их в нескольких кварталах от «Красного граната» и вернулась в штаб.

Кейл нахмурился. Переулок за четыремя подозреваемыми зданиями был погружен в абсолютную темноту.

– Мы их можем привлечь за нарушение приказа об освещении, – почти беззвучным шепотом сказал он командиру.

Кон с отсутствующим видом кивнула, выбираясь из флаера. Благодаря слабому освещению от эротических домов кое-что она видела. Вдоль всего переулка были натянуты изгороди, все, кроме тех, что должны были отделять подозреваемые здания друг от друга. Вот как. Что бы здесь ни происходило а теперь она не сомневалась, что происходит нечто

необычное, – все эти четыре заведения сотрудничают или по крайней мере активно помогают друг другу.

Музыка заполняла воздух, она звучала от всех домов, заглушая гул голосов.

Здесь ничего не двигалось. Слишком рано, чтобы выносить первые порции мусора, которые увезут утром грузовики; слишком рано, чтобы пьяницы начали выходить на воздух и облегчать свои желудки. Никаких маленьких движущихся существ не видно...

– Ну, хорошо, мистер Торсон, – сказала Кон, протягивая ему двадцатидвухфунтовую бычью ногу. – Похоже, среди ваших младших офицеров вы самый сильный. К тому же и самый высокий. Взбирайтесь на изгородь и швырните эту штуку туда.

– Нет!

Кон пристально взглянула на суперкарго.

– В чем дело, мистер Ван Райк?

– Посмотрите на изгородь!

Рот офицера Патруля отвердел: Кон поняла, что имеет в виду Ван Райк.

– Спасибо, мистер Ван Райк, – негромко сказала она. – Простите, мистер Торсон. Не знаю, какой заряд у этой изгороди, но если бы вы были ранены или еще что похуже, виновата была бы я. Что бы ни говорили о теории доктора Коуфорт, эти сыновья скифских обезьян заняты странным делом. И дело их грязное и большое.

Она посмотрела на свою машину.

– Кейл, приведите сюда машину. Торсон сможет бросить ногу с ее кузова.

– Я могу просто перелететь и уронить ее, – предложил патрульный.

– Нет. Нас смогут заметить. Держитесь подальше от изгороди. Не будем рисковать. Ничто не исчезает быстрее, чем улики преступления.

Внешне корпус машины ничем не отличался от множества гражданских флаеров, но внутри все соответствовало военным образцам. Флаер поднялся совершенно беззвучно. Как ни старались космонавты, они ничего не услышали.

Шум их не выдаст. Только если кто-нибудь выйдет случайно, но тогда их все равно увидят.

Дэйн вскарабкался на закругленный купол. Джелико напрягся, как для схватки. Флаер гладко поднимался, пока не оказался на одном уровне с верхом изгороди. Здесь он повис. Торсон осторожно встал, привычка к космическим перелетам помогла ему удерживать равновесие. Он

приготовился метнуть мясо.

Джелико оглянулся на стоявшую рядом с ним женщину. Раэль Коуфорт выпрямилась и стояла совершенно неподвижно. В этот момент испытания она казалась совершенно одинокой, и, как и в кабинете полковника Патруля, он положил ей руку на плечо, на этот раз одну.

Он чувствовал, как она напряжена. В следующие несколько секунд ее теория будет подтверждена или опровергнута. Само по себе это заставляло нервничать, а если Раэль права, они могут оказаться перед той же опасностью, о которой свидетельствовали жалкие остатки изгрызенной кости.

Должно быть, она, сумевшая предвидеть все это, просто боится. Остальные явно побаиваются.

Нет, подумал он, он ошибается относительно Коуфорт. К этому времени он уже кое-что знает о ней. Раэль не сомневалась в точности своих рассуждений; у нее достаточно воображения, чтобы представить себе исход стычки. Но она думает о жертвах, попавших в ловушку, тщетно старавшихся освободиться; думает о тех, кто еще попадет сюда, если они потерпят неудачу.

Дэйн сделал бросок. Послышался резкий треск: торчавшая из ноги большая кость ударилась о поверхность тротуара рядом со ступенькой.

Джелико медленно извлек оружие. Как и у остальных, оно было настроено на широкий луч, чтобы создать как можно лучшую защиту. Он снова оглянулся на Раэль и удовлетворенно кивнул. Она тоже держала оружие наготове.

Он почувствовал жесткую решимость. Если случится худшее, если им придется сражаться с ордой и они не смогут вырваться, он позаботится, чтобы эта женщина встретила чистую смерть; он окажет эту милость и своим товарищам, прежде чем упадет сам. Это тоже на ответственности капитана звездного корабля...

Несколько секунд никакой реакции не было, потом у основания здания появилась более темная полоска. Она двинулась вперед. Это наступление сопровождалось пискom, исходящим из сотен маленьких глоток. В следующее мгновение приманка скрылась.

– Включите свет, – приказала Кон приглушенно. В ее голосе слышался ужас.

Прожекторы флаера способны пробить тьму худшего ада Федерации. Они осветили серо-коричневое море борющихся, волнующихся тел; звери сражались друг с другом за право ухватить добычу.

Мириады зверьков на краю оглянулись, смотрели злобными

кровавыми глазами, обнажая жестокие клыки.

Крайние грызуны направились к людям, но остановились в нескольких дюймах от изгороди. И стояли в затруднении. К мясу им мешала подобраться сплошная масса других крыс, а на людей не давала накинуться заряженная изгородь.

– Вот почему она заряжена, – прошептала Кон.

Она поднесла к губам зажатый в руке передатчик.

– Крысы здесь, – напряженно сказала она ожидавшим приказа патрульным.

– Идите, но ради всего святого будьте осторожны при очистке подвалов. Эти звери пришли оттуда. Они могут вернуться, или там может оказаться их еще много.

Глава 11

На следующее утро экипаж «Королевы Солнца» собрался в кают-компанию.

Слушали, как капитан Джелико пересказывает только что полученное сообщение Урсулы Кон.

– ...Патруль получил все необходимое: документы, крысы, и четвероногие, и двуногие. Последние как раз начинают петь, чтобы спасти шкуру. Впрочем, все равно остаток дней им придется провести в галактической тюрьме.

– Отвратительное дело. На Кануче, очевидно, добывают много драгоценных камней, в основном аметистов среднего качества и гранатов, иногда попадаются небольшие солнечные камни, чтобы старатели продолжали свои поиски. Они бродят год-два, ищут, потом приходят с находками.

Крупномасштабная добыча экономически невыгодна, но в целом добывают немало камней, обогащая местный рынок. Камни обрабатывают, стоят они сравнительно недорого, и их покупают рабочие. Они постоянно имеются в продаже.

– Возможно, это стоит запомнить и привезти с собой запас полудрагоценных камней, если мы собираемся сюда вернуться, – сказал будто про себя Ван Райк. – Но продолжайте, капитан. Какое отношение имеет несколько не очень ценных камней к убийству при помощи крыс?

– Камни нельзя съесть, – мрачно ответил Джелико. – Старатели в целом делятся на два типа. Большинство работает несколько лет, потом получает деньги и использует их для завершения образования, или начинает какое-то свое дело, или финансирует торговлю, или исполняет какое-то свое затаенное желание. Другая часть – постоянные бродяги, не очень отличающиеся от бродяг по всей Федерации, маргиналы, многие средних лет или старше; они постоянно говорят, что вот-вот найдут большое гнездо солнечных камней и будут жить в роскоши, но это так и остается разговорами. Им не хватает честолюбия и решимости. Некоторым действительно везет, они находят достаточно, чтобы оставить работу и жить в роскоши, но большинство продолжает раскопки на своих участках, пока те не истощатся; тогда они их продают и покупают новые, а остаток денег прокучивают в городе Веселья или в другом районе удовольствий за несколько вечеров.

– Значит, целью были старатели? – спросил Джаспер Викс.

Капитан кивнул.

– Да, в основном бродяги. У других есть планы на свою добычу, они не способны потратить все в кутежах. Если и показываются в городе Веселья, то с тощим кошельком.

– И они не глупы. Не хотят, чтобы их подстерегли в темном переулке, после того как они оплатили крупный счет за местные удовольствия. Вначале они приобретают права на новый участок или помещают кредиты для безопасности в банк, прежде чем начать веселиться.

– Но есть и такие, кто сразу, получив хоть немного кредитов, начинает выпивать и кутить, к радости недобросовестных владельцев. Какими бы ни были их первоначальные намерения, кончается это тем, что их очищают от всего.

– Лет двенадцать назад владелец «Красного граната» решил упорядочить этот источник поступления доходов. Прежде всего он нанял людей, которые выслеживали старателей в конторе по распределению заявок или в других увеселительных заведениях и заманивали их в «Красный гранат».

– Вторая проблема заключалась в том, чтобы удержать их, пока они не потратят все кредиты. По словам полковника Кон, большинство канучцев предпочитают попробовать все и переходят от одного заведения в другое, стараясь извлечь как можно больше удовольствий. Чтобы противостоять этому, он привлек соседей. Он понимал, что ему все равно придется это сделать, если он хочет довести свой план до конца. Они и так сотрудничали уже в контрабандной доставке товаров и шулерстве, и он знал, что ему нетрудно будет их убедить. С самого начала он сохранял контроль за всей операцией, постепенно вводя все новые ее аспекты.

– Он, конечно, с самого начала понимал, что, несмотря на азартные игры и прочее, у него нет или почти нет законных способов отнять у жертв камни, если те у них есть. А ведь обычно богатство старателей заключено именно в камнях. Но их не разрешено принимать в качестве платы за услуги города Веселья, и полиция строго следит за соблюдением этого правила.

– Можно ограбить пьяных в темном переулке, – заметил Шеннон.

– Но очень немногих, и власти сразу поймут, в чем дело. Но если жертва исчезнет – быстро, беззвучно и окончательно, операция может продолжаться неопределенно долго, пока преступники не пожадничают или не потеряют осторожность.

– Двенадцать лет? – прошептал Дэйн.

– Примерно.

– Крысы?

– Их завели почти с самого начала, – сказал капитан. – Им был отдан весь подвал «Красного граната». Содержали их в клетках, но по рампе у них был доступ в переулок. Их приучили избегать изгороди. Такие же изгороди мешали им проникнуть в здание и в дома остальных заговорщиков. Их всегда хорошо кормили, чтобы они оставались в клетках и не пытались убежать. Но дважды в год, когда распределяются права на участки и в городе в большом количестве появляются старатели, их переставали кормить.

Крэйг хмурился.

– Но в таком заговоре должно участвовать множество людей. Я понимаю хозяева. Но все подчиненные? И такое долгое время?

– Да, контроль за операцией не представлял для них проблемы, – мрачно сказал Джелико. – в их распоряжении был рэклик и другие наркотики, а если кто-то проявлял недовольство, в этот вечер крысы наедались.

– Кстати, все четыре питейных заведения были вовлечены в операцию. А эротические дома по обе стороны не участвовали.

Джелико серьезно посмотрел на Раэль.

– Патруль объявляет вам благодарность за это дело. Возможно, еще одну получите от Торговли. а последние несколько часов слухи о старателях, бесследно исчезнувших в городе Веселья, приобрели совсем новый смысл. Особенно для Ван Райка, мрачно подумал Джелико. Его старый товарищ по Школе, одинокий неудачник, был среди исчезнувших в этом проклятом месте.

Раэль вздрогнула.

– Я была бы довольна, если бы это все кончилось.

– Все кончено. Остается только суд и наказание, – заверил он ее.

– Один вопрос, Раэль, – вмешался Рип Шеннон. – Если бы эти два агента нас не накрыли, вы тоже отправились бы сразу в Патруль?

Врач удивилась.

– Естественно. Мне нужно было доложить о своих подозрениях. Обычно с местной полицией все в порядке, но пришелец с другой планеты никогда в этом не уверен. С другой стороны, в звездном Патруле коррупции почти нет, и многие его агенты умеют думать. К тому же, – практично добавила она, Тиг всегда говорит, что любому кораблю не помешает дружба Патруля и сотрудничество с ним. Конечно, если он этим не злоупотребляет.

– Вряд ли вы так говорили бы о парнях в черном и серебряном, если бы разделили наш недавний опыт знакомства с ними, – лениво заметил Али.

– Они только выполняли свою работу! Этих работников компании, которые подставили вас, следовало бы сослать в лунные рудники за попытку преднамеренного убийства, но для Патруля вы были потенциальные носители чумы. У него не было выбора.

– Очень великодушно с вашей стороны, – с тем же ленивым сарказмом сказал Али, – особенно если судить с безопасного расстояния.

Раэль положила руки на стол. Посмотрела на них.

– Да, правда, я не проходила через такие испытания. Но мне приходилось испытывать нечто подобное.

Она подняла взгляд и тут же снова опустила его. У нее было серьезное выражение, она вспоминала.

– Я тогда была еще маленькой. Отец приземлился на планете с домеханической цивилизацией и вел переговоры с ее жителями в одном из торговых центров, когда мы обнаружили какую-то странную болезнь в поселке, именно в том районе, где мы действовали. Эпидемия началась медленно, но потом ее ход все убыстрялся. К этому времени мы уже несколько дней находились на планете, ежедневно контактировали с обитателями зараженного района, и наш врач смог бороться с болезнью не успешней, чем его примитивные собратья с планеты. Для нас возможен был только один способ действий, и мы поступили так же, как поступали до нас в подобной ситуации космонавты. Мы не могли рисковать, разнося неизвестную, неизлечимую, высокозаразную болезнь по космосу, и потому остались на месте. Мы даже не могли уйти из зараженного района, опасаясь перенести эпидемию в другие районы планеты.

Пальцы ее побелели.

– Наши страхи поблекли перед последовавшей реальностью. В этом районе жило и работало около трехсот тысяч человек. Десять месяцев спустя сто тысяч из них умерло, причем восемь тысяч – за одну ужасную неделю. Среди них были семь членов нашего экипажа, включая моего отца.

– Наш врач тоже был среди них, но ему удалось определить источник болезни, и перед смертью он создал вакцину, которая, как прочной стеной, остановила распространение эпидемии. Жители планеты понимали, что мы для них сделали; они сознавали, что мы, несмотря на опасность, предпочли остаться с ними и разделить их участь. Они были благодарны, и когда Тиг наконец увел наш корабль, у нас было достаточно средств, чтобы купить хороший новый корабль, пополнить экипаж и заполнить трюмы

первоклассными товарами.

Она неожиданно пристально взглянула в глаза Камилу, потом по очереди посмотрела на всех остальных.

– Но это никак не смягчает ужас десяти месяцев, не помогает забыть о них. Болезнь и смерть – только часть этого ужаса. Человеческие несчастья, страх, растущее отчаяние и наряду с этим отвратительное поведение многих.

Я тогда была слишком молодой и чужой на этой планете, но понимала, какая это грязь и зло.

– Нельзя позволять, чтобы такое несчастье постигло планету, если только его можно предотвратить. Это справедливо, какая бы опасность ни угрожала при этом отдельным людям или кораблям.

– Не думаю, чтобы кто-то из нас стал возражать, доктор, – после нескольких секунд мрачного молчания негромко сказал Джелико. – Если бы мои парни на самом деле поверили, что «Королева Солнца» заражена чумой, она бы встретила свой конец в сердце звезды. Дух космоса! Если бы я подумал, что они способны поступить по-другому, я сам направил бы «Королеву» туда, прежде чем потерял сознание.

Раэль улыбнулась.

– Знаю. Если бы я в этом сомневалась, никогда бы не поднялась на борт.

Джелико покачал головой, глядя через несколько минут на выходящую женщину. Какой она тогда была молодой, подумал он, должно быть, не старше одиннадцати лет, когда прошла через эту эпидемию. В любом возрасте это тяжелое испытание. Можно понять ее постоянную серьезность и увлеченность массовыми заболеваниями и другими катастрофами.

Ее нельзя в этом винить. У каждого взрослого есть своя защита и свой способ глядеть на окружающую вселенную. Те, кто испытал серьезные травмы, физические и душевные, должны были к ним приспособиться, особенно если это произошло в ранние годы, когда характер еще не сформировался. Массовые убийства войны кратеров разбила детство Али. Он сумел выжить в этой бойне, но превратился в наблюдателя жизни. И не позволяет ничему пройти через тщательно сооруженную броню. Раэль Коуфорт прошла через испытания в более старшем возрасте, и сами испытания длились меньше, но и у нее есть своя броня и свои шрамы...

Капитан увидел, что суперкарго собирается выйти.

– Ван, подожди.

Тот подождал капитана и пошел рядом.

– Ну и история! – заметил он.

– Да.

– Ты в нее веришь? – спросил Ван Райк. – Она так и не назвала ни корабль, ни планету.

– Ну, это легко проверить. Время и остальные обстоятельства совпадают. Коуфорт возник неожиданно и в очень молодом возрасте; происходит он из торгового клана, который в обычных обстоятельствах не способен купить совершенно новый корабль и оснастить его. – Остальная часть его истории, конечно, результат удачи и тяжелой работы, но начало его пути вызвало немало разговоров среди вольных торговцев.

Джелико пожал плечами, на время отказавшись от размышлений по этому поводу.

– В данный момент меня интересует сама Раэль. Вы с Торсоном скоро отправитесь на рынок. Возьмите ее с собой и дайте ей возможность свободно действовать – в рамках благоразумия, конечно. Хочу посмотреть, на что она способна.

– Брат никогда не использовал ее для этого, – с сомнением заметил Ван Райк. – Насколько я знаю, она выбирала товары, но торговался сам Коуфорт.

– Ну, во всяком случае проверьте это.

Ван с любопытством взглянул на него.

– К чему нам это?

Капитан пожал плечами.

– Может, как ксенобиолог, я ищу новые данные. Как не нее ни взглянуть, эта Коуфорт – сплошная загадка. – Глаза его сузились. – Мы с тобой старые лисы, но даже если бы у нас была та информация, что у нее, смогли бы мы так быстро прийти к заключению?

– Ни за что, – согласился суперкарго.

– Такая способность к дедукции может быть очень выгодна вольным торговцам. Конечно, если ее использовать в более земных целях, а не для раскрытия преступных заговоров.

– Да, на этом карьеру не построишь, – сухо согласился его собеседник.

– Конечно, если не хочешь стать добычей шепчущих или связать себя навсегда с Патрулем – что одно и то же.

– Ты не думаешь, что Раэль планирует это? – спросил суперкарго.

– Кто может понять, о чем думает женщина? – устало ответил капитан.

Ван Райк внимательно взглянул на него.

– Крэйг упомянул, что у тебя есть серьезные подозрения на ее счет.

Джелико улыбнулся.

– Да, но теперь я по крайней мере понимаю, почему Коуфорт выпроводил ее.

Светлые брови Вана поднялись.

– Я этого не могу сказать о себе.

– Некоторые особо способные люди вызывают неприятности. Мне кажется, доктор Коуфорт – пример такого человека.

– Приносит несчастья?

Джелико коротко рассмеялся.

– Разве в организации Коуфорта есть какие-нибудь признаки несчастий?

Нет, но у Раэли, по-видимому, преувеличенное представление о справедливости; а может, вид несчастных провоцирует у нее сильную защитную реакцию. Какой бы ни была причина, результат вызывает постоянную головную боль у капитана и других членов экипажа, если даже не связан с катастрофами.

– Посмотри, как она вела себя в переулке, Ван. Она очень испугалась, но все равно намерена была достать эту проклятую кость, а потом на всех парах нестись к Патрулю. У нее совершенно нет инстинктивного стремления любого торговца убраться как можно дальше от неприятностей и осложнений.

Вспомни, она сама говорила, что вовлекла брата в несколько конфликтов, которых он хотел бы избежать. И ты поймешь, какая это проблема.

– Но к чему нам тогда неприятности? Нужно от нее побыстрее избавиться.

– Может быть, простое любопытство, – возразил капитан. – К тому же до старта она связана с нами. Хочу посмотреть, какова она в торговле.

Возможно, «Королева» извлечет из этого какую-нибудь прибыль.

– Ну, хорошо, дам ей попробовать себя на рынке, – пообещал суперкарго. – Ты тоже иди с нами. Она понимает, что находится под наблюдением. На рынке могут появиться крупные промышленники. Они так обычно делают, когда прилетают новые корабли, а за последнюю неделю их прилетело несколько. Возможно, удастся найти чартер.

Джелико кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – Я хотел еще немного подождать, но небольшая прогулка мне не повредит.

Глава 12

Али Камил ускорил шаг и догнал Раэль.

– Простите, – негромко сказал он, – похоже, я сбился с курса.

– Я тоже, – с горечью ответила она. – Непростительно так отвечать. Я знаю, через что вы прошли в детстве.

– Не больше, чем вы.

Он нахмурился и сделал шаг в сторону, давая возможность пройти Дэйну и Рипу. Найти на корабле место для разговора наедине, кисло подумал он, так же легко, как заарканить астероид из чистой платины. По крайней мере для помощника, у которого нет роскошного рабочего кабинета.

Женщина чувствовала, что его что-то угнетает, но Камил не собирался говорить об этом в полном людьми коридоре.

– Я хочу проверить кое-какие ростки, – сказала она. – А вы поможете.

Будете снимать подносы с ростками, если у вас есть время.

– С удовольствием, доктор.

Раэль глубоко вдохнула свежий воздух оранжереи. На корабле это ее любимое место. То же самое было и на «Блуждающей звезде», где она служила под началом брата. Не хватает только лаванды...

Помощник инженера подошел к стойке с подносами.

– Который? – спросил он.

– Два верхних. У вас хватает роста, чтобы не пользоваться лестницей.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы снять подносы и осторожно поставить их на рабочий стол.

Али всмотрелся в тесные аккуратные ряды крошечных растений; каждый росток имел два листочка.

– Что это? – с любопытством спросил он. – Вероятно, тут разные растения, но трудно сказать с уверенностью. Они такие маленькие.

– Большинство проросло только сегодня утром, остальные вчера вечером.

Еще какое-то время их будет трудно распознать. На одном подносе эстрагон, на другом серый перец. Они нужны мистеру Муру для камбуза. Он хочет попробовать новые специи.

– Ну, это всегда хорошо.

Оба молчали, пока Раэль проверяла наличие воды и азотистых

удобрений в почве и осматривала сами ростки. Надо как можно раньше рассмотреть болезнь, иначе она погубит всю поросль.

Наконец она распрямилась.

– Все дети хорошо себя чувствуют, – объявила она. – Можете вернуть их на стойку, мистер Камил.

Он подчинился. Закончив работу, Али оперся на стойку и задумчиво взглянул на женщину.

– Как это у вас все так хорошо получается, доктор? В таких разных делах? – Его собственный шеф не пел ей хвалы, как Тау и Мура, но Йоганн Штоц вообще редко хвалил кого–нибудь. Если он за день ни разу тебя не ругнул, это уже комплимент.

– Ну, просто я многому научилась. Мне все было интересно, я хотела приносить пользу, а не быть бесполезным грузом, пока официально не смогу занять какое–нибудь положение.

– А, да. Вы выросли в комфортных условиях своего клана.

– Мне повезло, – серьезно согласилась она, – особенно потому, что я люблю торговлю. – Лицо ее неожиданно омрачилось. – Но, Али, я никогда не была предоставлена самой себе, у меня не было возможности убедиться, что я в состоянии справиться одна. В Школе я не училась. Все мои курсы, даже медицинские, я изучала по лентам, а клинический опыт приобретала в больницах, когда мы приземлялись.

Помощник резко взглянул на нее.

– А это разрешается?

– Конечно. Экзамены очень строгие; для успешной сдачи нужно набрать на десять процентов больше баллов, чем в Школе.

– Вероятно, для вас это никогда не было проблемой.

– Да. Не забудьте, у меня на корабле был полный набор учителей.

– А психологические тесты?

– Я никогда не просила назначения на корабль, так как все время оставалась в своем клане. Но общая классификация ясна – вольный торговец.

– Никогда не пытались работать на большие компании?

Раэль рассмеялась.

– Да на корабле компании я бы и двадцати четырех часов не выдержала!

Выражение ее лица снова стало мрачным.

– Впрочем, и на «Русалке» у меня не очень хорошо получилось.

– Вы все оставили и ушли. В данных обстоятельствах это самое разумное. – Голос Али смягчился. Она не скрывает своих неудач. – Вы

справитесь. Торговое дело вы знаете и не возражаете против занятий им.

Для Камила это нечто новое – утешать и поддерживать. Он смолк, не зная, что еще сказать.

Разве что... Коуфорт распутала это невероятное преступление.

– Доктор, – неожиданно сказал он, не давая себе возможности отступить, – вы можете держать рот на замке?

– Я врач. Это одно из условий нашей работы. И не думаю, чтобы вы сообщали о нашем разговоре всей вселенной.

– Не буду. – Он серьезно смотрел на нее. – Что вы думаете о Кануче?

– Я испытываю к нему отвращение, – удивленно ответила она. – Мне нравятся великолепные дикие планеты или красивые цивилизованные, где существуют строгие законы по защите живой природы, полные пушистых, пернатых и чешуйчатых существ, а не зловонного химического варева.

– Возможно, это не самое плохое на Кануче.

Глаза Раэли Коуфорт сузились.

– Что вы хотите сказать, Али? – негромко спросила она. Никогда раньше не видела она его таким серьезным.

Целую минуту помощник инженера молчал.

– Может быть, я и сам не знаю, – сказал он наконец. – Не хочу попадать в объятия психомедиков, как жертва шепчущих.

– Я не психомедик и достаточно времени провела на звездных линиях, чтобы знать: случаются очень странные происшествия, оправдывающие самые дикие теории.

Камил отвернулся от нее.

– Многие удивляются, как мне удалось выжить в войне кратеров. Я ведь только начинал ходить в школу, когда мы попали под удар.

Она не ответила, а он, успокаиваясь, продолжал:

– В ту ночь я проснулся сразу после полуночи, проснулся в ужасе, в холодном поту. Если бы я был старше, поумнее, я бы разбудил родителей, но тогда мне пришел бы конец. Меня бы успокоили, снова уложили в постель, и я погиб бы с остальными. А так я просто убежал. Пожарная лестница проходила рядом с моим окном. Я спустился по ней и побежал. Страх мой был так велик, что я, не останавливаясь, пробежал через весь город и вышел за его пределы, когда от усталости не мог двигаться дальше. Но в это время начали падать бомбы. Из тридцати с лишним тысяч жителей я единственный выжил.

– Какое-то время об этом никто не знал. Обычно я голодал, мне всегда было холодно, но я выдержал несколько лет. Что-то внутри меня заставляло держаться подальше от людей. Они, конечно, помогут, но они

же помешают мне убежать, если снова придется.

– И пришлось: дважды от бомбардировки и дважды от массовых убийств...

Когда враг проходил через нашу местность, и когда его прогоняли назад.

– После этого дела пошли спокойнее. Конечно, опасности были, но не такие большие, и я научился избегать их. Больше таких предупреждений у меня не было.

Али начал расхаживать, будто это движение помогало ему четче формулировать мысли.

– Когда я достиг зрелости, началось нечто другое, и оно продолжается до сих пор. Если я оказываюсь на месте большой трагедии, как бы давно она ни произошла, я испытываю страшную тяжесть, печаль ложится мне не только на плечи и тело, но на душу, на дух. В переулке я этого не испытывал вероятно, трагедия должна быть большего масштаба, – но я испытал это на месте крушения «Небесной надежды», когда она погибла со всем экипажем и пассажирами. Я испытывал это в развалинах Лимбо и в Большом Ожоге на Земле, хотя никому не говорил. К тому же у нас тогда хватало неприятностей, чтобы беспокоиться о бедах прошлого.

Он рискнул взглянуть на врача. Та стояла прямо, внимательно слушая его излияния.

Женщина глубоко вздохнула.

– Вы чувствуете то же самое на Кануче?

Камил мрачно улыбнулся в ответ.

– Доктор, мне нужно находиться непосредственно на месте, чтобы почувствовать. Да, чувствую. Почувствовал сразу, как только мы вошли в атмосферу этой проклятой планеты. Хуже того, впервые с дней войны кратеров меня охватила паника. И она все время со мной. Иногда я с трудом удерживаюсь, чтобы не ворваться на мостик и не направить «Королеву» как можно дальше отсюда.

Он овладел собой.

– Кануч, планета звезды Халио, одна сплошная трагедия, какая-то огромная катастрофа. От ее прошлого несет бедой, и будущее ее тоже темно.

Это подлинно зловещий мир, и, доктор Раэль Коуфорт, мы ничего с этим можем сделать, потому что ни одна душа в мире мне не поверит. Дела будут совершаться, как обычно, с обычными затратами времени, и я молюсь всем богам Федерации, чтобы неизбежное произошло после нашего отлета.

Глава 13

Потребовалось немало времени, чтобы развеять холодок от мрачных предчувствий Алим, но огромный открытый рынок города Кануча послужил отличным противоядием. Глаза Раэли Коуфорт сверкали, когда она осматривала длинные ряды киосков, стоек и столов, заполненных предметами, предназначенными для продажи или обмена. В столице были, конечно, и крытые рынки, но они не предназначались для независимых вольных торговцев, которые искали товаров для примитивных планет на краю мира.

Их здесь было вполне достаточно. Раэли нравилось бродить по большому рынку, а теперь ей разрешалось кое-что закупить для корабля, конечно, под незаметным, но бдительным контролем.

Она сосредоточится на драгоценностях, сразу решила Раэль, но вокруг так много всего, что вначале она захотела осмотреть, что предлагает рынок.

В прошлые посещения Кануча товары никогда не бывали одинаковы. Она снова улыбнулась. Интересно будет посмотреть.

Кануч – высокоразвитая цивилизованная индустриальная планета, и потому здесь не хватало гула, загадочных, не всегда приятных запахов, необычности чужого и примитивного рынка, но все равно это интересное место.

В длинном ряду торговали необработанными камнями, а рядом располагались стойки с готовыми драгоценностями. Материалы и оправы, инструменты, приспособления для обработки камней – все это размещалось в районе, где продавалась и одежда. Продукты и средства для из приготовления образовали особый участок, а главную часть комплекса занимала торговля промышленными образцами. Там стояло множество людей, вооруженных моделями, каталогами, лентами с записями и образцами. Такое единообразие нарушали только палатки с готовой пищей. Они были рассыпаны по всему огромному полю, чтобы клиенты, желая подкрепиться, не покидали того района, который их больше интересует.

Раэль вдохнула воздух и задержала его. Повсюду ароматы готовой пищи, искушающие, хотя она ела всего полчаса назад. Интересно, как реагирует на эти запахи Дэйн Торсон.

– Давайте пройдем мимо рядов с одеждой, – предложила она, так как ей разрешили выбирать маршрут. Готовая одежда ее не интересовала: у Ван Райка ее большой запас. Другое дело ткани. Вышивка, кружева, золотые и

серебряные ткани всегда привлекают внимание и богачей, и примитивных племен; ткани хорошего качества и привлекательной расцветки вызовут интерес на большинстве планет Федерации, особенно если они еще и импортные. У «Королевы» неплохой запас таких тканей, но во всех ее прошлых посещениях Кануча тут бывал особенно богатый рынок текстиля, и они и сегодня могут наткнуться на что-нибудь. В порту немало фрейтеров; некоторые из них могут продавать свой товар.

– Раэль! Раэль Коуфорт!

Женщина быстро повернулась.

– Дик! – Понизив голос, она объяснила своим спутникам:

– Дик Татаркофф с «Черной дыры». Давний друг и соперник Тига. Если не возражаете...

– Конечно, нет, – ответил Джелико. – Вольный торговец не забывает друзей и никогда не преминет познакомиться с возможным будущим союзником.

– И с потенциальным конкурентом тоже. Но этого он говорить не стал.

Группа с «Королева Солнца» подошла к крытому столику, на котором торговец разложил свои товары.

Джелико разглядывал торговца. Татаркофф – невысокий плотный человек с широкой грудью, явно говорящей о его марсианском происхождении. У него карие глаза, острые и пронизательные. Черты лица приятные, но выражение сдержанное; такое лицо никогда не выдаст мысли своего владельца.

По качеству мундира, по количеству и качеству украшений, по толстому трехдюймовой ширины золотому браслету на левом запястье видно было, что дела торговца идут неплохо. Уже тот факт, что он снял просторный киоск, свидетельствовал о его процветании.

– Что делает ярчайшая звезда торговли на Кануче? – спросил Татаркофф, когда они подошли ближе.

Раэль рассмеялась.

– Спокойней, Дик, – сказала она. – Я сама по себе. «Блуждающей звезды» здесь нет. Я теперь служу на «Королеве Солнца». Это Джелико, Ван Райк и Торсон, капитан, суперкарго и его помощник соответственно.

Когда представления были окончены, Раэль принялась рассматривать запасы торговца. В основном шерсть, заметила она, но хорошего качества и расцветок, ткань исключительной легкости.

– Вы, ребята, интересуетесь? – спросил Дик. – Можем заключить сделку.

Раэль покачала головой.

– Прости, Дик. У нас есть все необходимое. Но вещи хорошие. Они здесь неплохо пойдут.

Хорошо и быстро, решила она. Ткань с Амона пропускает воздух, как вторая кожа, а вес ее вообще не чувствуется. Прекрасные, очень ценные характеристики для такой планеты, как Кануч, которая задыхается от жары.

Эти штуки, несомненно, привлекут внимание крупных производителей одежды.

Кстати, некоторые их представители уже незаметно прицениваются к товарам Дика.

Она перевела взгляд на тщательно уложенные свертки в тылу киоска. И увидели ослепительно голубую ткань.

– Ох! – невольно в восторге выдохнула она.

Татаркофф посмотрел на то, что привлекло ее внимание, и улыбнулся.

– Специально там спрятал, чтобы ты заметила. Ткань достойна тебя, добавил он и развернул сверток. – Тебе подходит больше, чем тому, кто как-нибудь ее купит.

Она кивнула в знак благодарности. Это просто комплимент и подтверждение ценности ткани, а не торговая уловка. Татаркофф знал, что ни один вольный торговец не может позволить купить такую ткань для личного использования. Даже ее брат не оправдал бы такой покупки.

Раэль смотрела на бесконечное переплетение голубых и фиолетовых оттенков, сверкающее, как волшебное облако в сновидении.

– Торненский шелк?

– Да. У меня был поврежден двигатель, и я вынужден был садиться там.

Этот кусок я обменял на лучший солнечный камень, какой только появлялся на рынке. – В голосе его не было сожаления. Продав ткань, он вдвойне оправдает свои расходы. Удивительно прекрасная ткань и очень редкая.

На Торне, планете звезды Брандин, существовало высокоразвитое общество, по своему происхождению не зависящее от Земли. Когда планету обнаружили, цивилизация там была еще на докосмическом уровне, да и сейчас оставалась домеханической, но общество там сложно устроенное, высокоразвитое и ориентированное на торговлю. Правят планетой наследственные торговые принцы, подчиняющиеся верховному владыке, который называется дожем.

Чужаков там не любят и стараются не иметь с ними дела. Разрешили строительство полностью оборудованного космопорта, чтобы выручать попавшие в беду на соседних звездных линиях корабли, но с космонавтами

почти не общаются – ни с прилетевшими, ни с теми, кто работает в порту. Планета совершенно независима от внешнего мира и собирается такой и оставаться.

Тем не менее ее правители умеют заниматься бизнесом и высоко ценят производимые у них предметы роскоши, особенно ткани. Постоянную торговлю в больших размерах они не разрешают, но отдельные сделки заключают, чтобы на рынках Федерации знали об их продуктах и ценили их. Они предпочитают иметь дело с вольными торговцами, а не с большими компаниями и отказываются от любых соглашений, которые могут ограничить их выбор рынка. И так как они свободно решают, продать ли товар чужакам или сохранить у себя, так как их товары пользуются огромным спросом, они всегда могут настоять на своей цене.

Ни Дик, ни любой другой вольный торговец никогда на это не жаловался, хотя местные торговцы приставляли им бластер к виску. Без такой свободы выбора ни один вольный торговец не был бы подпущен к ценным товарам.

Большие компании захватили бы рынок Торна и никого туда не пускали бы.

Раэль с сожалением вздохнула, когда Татаркофф начал сворачивать ткань. Она бросила взгляд на Ван Райка и увидела у него то же голодное выражение. Ему тоже хотелось иметь эту прекрасную ткань, хотя «Королева Солнца» не могла позволить себе вложить все средства в этот один–единственный предмет.

– Удачи, Дик, – искренне сказала она, – хотя я думаю, тебе будет жаль отдавать эту вещь. Мне было бы жаль.

– Мне тоже, – признался он. – Но это случится не скоро. Продам только на Гедоне. Не собираюсь отдавать дешевле, чем она того стоит.

Брови Ван Райка поднялись.

– Здесь тоже достаточно кредитов. Любой крупный промышленник может купить эту ткань.

– Может, но не станет. Не эти. Вы никогда раньше не бывали на Кануче?

– Нет. «Королева» вообще новичок в этом секторе. Мы только осуществляли почтовые рейсы Трюс – Ригиния.

– Ну, здесь состояния не наследственные, тут никто не обращает внимание на школьный престиж или знания из вторых рук. Почти все поднялись с самых низов в промышленности или начинали старателями. Суровые жесткие люди, они нелегко нажили свои богатства и потому высоко их ценят. Конечно, они могут купить что–нибудь роскошное,

прихвастнуть, но обычно ими правит разум, и нужно не меньше вспышки сверхновой у них на столе, чтобы они позволили себе такую экстравагантную покупку.

Раэль погладила шелк. Оглянулась через плечо. За короткое время, проведенное ими у стойки, на рынке стало гораздо многолюднее, но большинство из тех, что раньше толпились поблизости, по-прежнему здесь. В основном рабочие и мелкие бизнесмены, способные купить лишь немного. Но у некоторых внешность, которую привыкает распознавать любой торговец, будь ли то вождь племени, высокопоставленный правительственный чиновник, старший офицер или промышленник и крупный менеджер. Люди, которые могут купить и покупают по-крупному.

– Дик, – негромко сказала Раэль, – доверишь мне это?

– Да, – удивленно ответил он.

– Позволь мне немного поиграть им.

– Давай.

– Какой он длины?

– Три ярда.

– Отлично. – Размер большой вуали. Ее план сработает, если она хоть немного разбирается в человеческой природе.

Женщина распрямилась. Ее грудная клетка медленно изогнулась, каждая мышца тела полностью подчинялась ее воле и двигалась с совершенным изяществом. Движения легки, как будто даже не существуют, совершенно невозможно их разделить на части, но тесно прилегающий мундир на ее теле, казалось, растворился, превратился в чувственную рябь, как будто повинуюсь легкому ветерку.

Все тело подчинялось странному ритму движений, пальцы Раэли сомкнулись по оба конца куска шелка, и в следующее мгновение он взлетел в воздух.

Поднялся высоко, сверкая в ярком свете Халио, на какое-то мгновение повис там и опустился на женщину, медленно обвивая ее.

Снова взвилась вверх торненская вуаль. Казалось, это не отдельная вещь, а часть женщины, продолжение света и воздуха, в котором она плывет.

Джелико с трудом оторвал от нее взгляд и осмотрелся. Ван Райк тоже вспомнил, что находится на рынке, но остальные были совершенно околдованы.

Танец Раэли был так неожидан в этом месте, исполнялся с таким совершенством, материал сам по себе был таким великолепным, что взгляды всех стоявших поблизости, как по команде, устремились в эту

сторону.

Трижды, четырежды вздымалась вуаль в воздух, потом опускалась на голову женщины. Наконец Раэль со вздохом свернула ткань и вернула владельцу.

Чары прервались. Татаркофф пришел в себя так же быстро, как старшие офицеры «Королевы», и схватил ткань с гордостью собственника. Он смотрел на нескольких человек, целенаправленно пробиравшихся к стойке.

– Я знал, что она тебе понравится, Раэль, – сказал он громко, ради потенциальных покупателей.

– Она удивительная. Завидую тем, у кого достаточно духа и кредитов, чтобы купить ее, – ответила она, как будто негромко, но все подхвачившие это расслышали. – Удачного полета, Дик. Надеюсь, мы еще увидимся до старта.

Группа с «Королевы Солнца» ушла на некоторое расстояние, и капитан Джелико пристально взглянул на временного члена своего экипажа.

Раэль негромко рассмеялась, но, почувствовав его взгляд, остановилась.

– Мне нравится это делать, – объяснила она, – хотя удается редко. Тиг этого не одобрял.

– Не одобрял танцы Ибиса?

Она не удивилась, что капитан вольного торговца узнал ее занятие.

– Или использование аналогичной техники для привлечения внимания к товарам. Он считал, что это не лучший способ делать дела.

– Но он эффективен, – возразил капитан, – и вы не расхваливали товар зря. Торненский шелк прекрасен. Вы просто... – Он немного помолчал. Просто сплели из него мечту.

– Теперь Татаркоффу предстоит продать эту мечту, – вмешался суперкарго, – и если он этого не сделает, то у него вместо мозга кратер.

Все на рынке хотят купить этот шелк.

– Дик справится, – заверила она их. – Он продаст шелк и, вероятно, все остальные товары вместе с ним.

– Вы сделали это для него, – сказал Дэйн, пытаясь говорить естественно. Его смутило то, как зачаровал его танец Раэли. Торговец, особенно суперкарго, должен постоянно думать об окружении и деле.

Если ему сделают выговор, сейчас или потом, он его заслуживает после такого упущения. А пока что нужно прийти в себя. Его интересовала магия, примененная Раэлью. Это торговая магия, а не та, что интересуется

Тау. Ван Райк лучший суперкарго, но даже он никогда ничего подобного не использовал...

– Нет, – спокойно возразила женщина, – торненский шелк не нуждается в рекламе. Лучшего просто не существует. Но здесь этот шелк – проявление экстравагантности, квинтэссенция роскоши, он превосходит все принятое на такой планете, как Кануч. Им будут восхищаться, но мысль о покупке сочтут безумием. И мне пришлось разбудить стремление к красоте, к идеалу прекрасного, который заключен в душе любого человека.

– И вам это удалось, – заметил Джелико. Уже сейчас у оставленного ими киоска толпилось множество покупателей.

Раэль взглянула на капитана.

– Надеюсь, вы не возражаете?

– Нет. Мы не конкуренты, во всяком случае не в этом случае, а если у вольных торговцев сейчас что-нибудь купят, в дальнейшем их будут принимать охотнее. – Он задумчиво смотрел на нее. – Вы продали больше, чем просто шелк Дика Татаркоффа.

– Но ведь такова цель нашей прогулки, – спокойно возразила она. – Я должна проявить свои способности к разным аспектам торговли.

– Да. Вы демонстрируете необычные способности, Раэль Коуфорт. И мне любопытно испытать их все.

– Испытайте, капитан Джелико, – легко ответила она. – Но они не все так легко обнаруживаются, как, возможно, вы считаете.

Глава 14

Они осмотрели еще несколько киосков, но покупать ничего не стали и готовы были уже покинуть эту часть рынка. Но тут внимание Ван Райка привлек металлический блеск на переднем столе одного из больших киосков.

Даже на расстоянии в несколько футов он видел, что это синтетическая ткань серебристого цвета, очень тонкая и исключительно высокого качества.

Он коснулся руки Дэйна.

– Посмотри. Если покажется достойным, попробуй поторговаться.

Помощник суперкарго кивнул и решительно направился к киоску, стараясь скрыть и от торговца канучца и от своих товарищей волнение. Правда, шеф все больше и больше доверяет ему, но до сих пор ему приходилось совершать лишь незначительные сделки, и все для самого корабля. Теперь же сделка могла получиться более значительной и предназначалась непосредственно для торговли. Потребуются и настоящие переговоры, если, конечно, он не сорвет сделку, как только откроет рот.

Канучец картинно демонстрировал ткань, превознося ее красоту и достоинства, как будто она сделана на знаменитых фабриках Сирены.

Закончив похвалы, он, однако, искоса взглянул на коричневый мундир Торсона.

– Мы здесь расплачиваемся только кредитами Кануча, – с сомнением сказал он.

Дэйн сообщил, что «Королева Солнца» только так и намерена рассчитываться. Он видел жадный блеск в глазах торговца и приготовился к схватке. Металлические монеты или кредиты предпочитают на всех планетах Федерации, и торговец собирался получить их как можно больше.

Но, с другой стороны, задача помощника – как можно больше сократить затраты «Королевы». Расплачиваться кредитами лучше, чем обмениваться товарами или услугами, но они же и больше ценятся. С их помощью легче добиться результата, и Торсон был намерен добиться от вверенных ему кредитов наибольшей пользы. Он придерживался своей роли возможного покупателя, заинтересованного в покупке, но не слишком. В конце концов ему удалось добиться уменьшения платы на восемь процентов, а потом еще на два, когда он предложил купить сразу все двенадцать штук ткани.

– Совсем неплохо, – рассмеялся Ван Райк, когда они достаточно отошли от киоска. – Ученик начинает оправдывать наши ожидания. Не знаю, решился бы я потребовать скидку за покупку всей ткани.

– Хороший ход, – согласился капитан, – но нужны ли нам эти двенадцать штук?

– Мы их продадим, – заверил его Ван Райк. – Ткань прекрасного качества, и в каком-нибудь примитивном обществе за нее дадут многое. Если бы ткань была из настоящего серебра, мы могли бы продать ее во внутренних системах.

– И так можем, – вмешался Дэйн. – Конечно, внутренние планеты богаче внешних и пограничных миров, но и там есть множество обычных людей. Они не могут позволить себе покупать ткани из драгоценных металлов, но хорошую синтетику купят. А если мы в ближайшем будущем не собираемся туда, то встретим множество кораблей типа «Черной дыры». И на них ткань у нас заберут в обмен на более нужные нам товары.

– Я согласна, – заметила Раэль, – но не думаю, что вам придется меняться. Продадите, и даже не нужно покидать для этого внешние системы.

Для крупного промышленника двенадцать штук – это мелочь. А в большом городе их даже лучше продать по отдельности. В голову приходит Афродита. И Султана. Это даже лучше, если вы до нее доберетесь. Тамошние учителя ухватятся за эту ткань. Она нужна им для тренировок, хотя, конечно, в храмы они допускают только натуральные ткани.

– Гера даже ближе, – предложил Дэйн. – По записям Мары, жрицы там любят блеск. Они нашивают себе на платья зеркальца, разные бусы и кусочки металла. На эту ткань они набросятся, как тонуций на воздух.

– Это верно, и, как ты разумно заметил, Гера гораздо ближе.

Торсон благодарно поднял голову в ответ на похвалу шефа. Он не видел, какое гордое выражение сопровождало эту похвалу. Исключительно тайная информация, всего лишь замечание на полях старого отчета. Ван Райк сам его не помнил, и он был очень доволен, что ученик, изучавший записи, опередил его.

Теперь, когда вопрос о торговой ценности покупки был решен, суперкарго решил обратиться к другой интересовавшей его теме. Его голубые глаза устремились в сторону Коуфорт.

– Говоря о Султане, доктор, я хотел бы узнать, где вы научились этому так высоко ценимому там искусству.

Она улыбнулась.

– Я впервые увидела танцовщиц Ибиса в восьмилетнем возрасте.

Спорт я всегда презирала, и даже необходимые для поддержания формы в космосе упражнения мне были скучны. Но этот прекрасный сложный танец – совсем другое дело. Я решила научиться ему.

– Я покупала все ленты и книги, насколько позволяли мои кредиты, уговаривала отца купить еще, я втайне работала с ними, расшифровывала и, как могла, копировала движения. И когда отец наконец застал меня за этим занятием, я достигла такого мастерства, что он решил организовать мне регулярные уроки, когда мы в следующий раз оказались на Султане. А эту планету мы посещали часто, она была на одном из наших главных торговых маршрутов. И я показала себя так хорошо, что его просьбу удовлетворили.

– Ему повезло, что вы просто не исчезли, – резко заявил Джелико. Жители этой планеты преклоняются перед красотой. Вы, наверно, и тогда уже были красивы, к тому же танцовщица.

Она покачала головой.

– Для них это была настоящая трагедия. У меня были способности к танцам, но они не могли по-настоящему развиваться. Слишком поздно я этим занялась. Султаниты начинают предварительные тренировки в возрасте шести месяцев. В этом возрасте родители начинают делать с девочками упражнения по координации движений. Все равно они побуждали меня заниматься этими танцами, потому что видели мою искреннюю любовь к ним.

– Я вполне понимаю свои ограничения. Меня никогда не допустят танцевать в храме, тем более на алтаре. Но я этого и не ожидаю. Я танцую для собственного удовольствия и хорошего самочувствия.

– Как-нибудь потанцуете для нас, – пообещал Ван Райк.

Раэль покраснела.

– Вы не самая скромная аудитория. И я вас всех знаю...

Джелико рассмеялся, но успокаивающе положил ей руку на плечо.

– Спокойней, доктор. Наш добрый суперкарго шутит. Танцы Ибиса слишком мощное средство, чтобы допустить его на борт космического корабля.

Вам разрешается продолжать свои упражнения в уединении вашей каюты.

Космонавты перешли в ту часть рынка, где продавали драгоценные камни и украшения.

Здесь становилась ясна разница между кредитами, находящимися в распоряжении каждого корабля, между «Королевой Солнца» и

«Блуждающей звездой». По-настоящему хорошие камни, обработанные и нет, предлагались в закрытых помещениях, но даже на то, что продавалось снаружи, пришельцы могли только смотреть.

Выражение лица Джелико стало мрачным. Он продолжал наблюдать за врачом. Та, конечно, в первую очередь замечала лучшее, самое дорогое. Она понимала, что они не могут этого купить, и потому ничего не говорила, но достаточно было и взглядов. Нетрудно представить себе ее разочарование.

Тиг Коуфорт мог бы купить камни по ее выбору. Космос, даже Дик Татаркофф теперь может купить два или три из них. «Королева» тоже, с горечью подумал Джелико. Но тогда у них в трюмах ничего не останется...

Он мысленно выругался. Что он делает? Неужели эта проклятая женщина заставит его стыдиться собственного корабля?

Но когда они оставили позади дорогие камни и подошли к прилавкам, где товары были им по карману, настроение Джелико снова улучшилось.

Тут особенно некогда размышлять. На «Королеве» почти не осталось украшений, и эти сравнительно дешевые товары, особенно многочисленные бусы, представляют несомненный интерес для ее капитана.

Теперь, получив свободу действий, Раэль Коуфорт развернулась. Она безошибочно выбрала самые красивые агаты, нитку содалитов необычной окраски – возможно, их темно-лавандовый оттенок можно счесть недостатком, но они необычайно привлекательны. Она отыскала три безупречных нитки в связке довольно плохих гранатов и добавила к растущей коллекции хороших, хотя и относительно дешевых украшений «Королевы» несколько цепочек бус уникальной формы.

Ван Райк сиял от удовольствия. Коуфорт работала великолепно, он видел ее работу на других рынках. Но в данном случае отличие, и огромное, заключалось в том, что она работала для «Королевы», а не против нее.

Но он позволил ей только выбирать. Хотя каждый предмет в отдельности стоит немного, общая сумма будет довольно значительной. Это дело «Королевы», и он не собирался отдавать его в руки временного члена экипажа.

Дэйн следил за его работой с благоговением и удовольствием, как начинающий за действиями мастера. Когда-нибудь он займет такой же пост. Он надеялся, что тогда будет действовать не хуже своего учителя.

Выражение лиц Джелико и Ван Райка прочесть было не так легко, но и

они восхищались, Оба ветераны космической торговли, они понимали, что у них на глазах профессиональное мастерство превращается в искусство.

Когда суперкарго убедился, что все необходимое закуплено, он предложил вернуться с сокровищами на корабль. К этому времени все четверо были обременены множеством пакетов. Конечно, одежду и так доставят на корабль, но когда покупаешь драгоценные камни и минералы, лучше унести их с собой.

– Можно еще раз взглянуть на камни? – тоскливо спросила Раэль.

– Если хотите, – ответил Джелико. – Я думал, вы согласны с Ван Райком, что мы не можем себе позволить их покупать.

– Да. Но это для меня. Я только хочу взглянуть.

– «Блуждающая звезда» часто торговала камнями, – припомнил Ван Райк.

Она кивнула.

– Мы сами делали оправы. Наш стюард прекрасный ювелир. Он получал призы в самых крупных гильдиях ультрасистемы. Он обрабатывал то, что мы приносили, и для торговли, и для нас лично. Нам нужно было поставлять материалы, а он создавал произведения искусства. И у меня выработалась привычка проверять все, что могло бы нам пригодиться.

– Ну, это не повредит, – заметил суперкарго. Он коснулся одного из своих пакетов. – Эти местные камни совсем неплохи. Я не возражал бы против покупки нескольких.

В этой части большого рынка продавались недорогие камни и металлы для их отделки, и большого разнообразия камней тут не было. 90 процентов товаров составляли канучские аметисты и красные рубины. А остальное рубины другой расцветки, почти все с пороками, к разочарованию женщины.

Продавались также мелкие полудрагоценные камни, обычные для всей ультрасистемы. Солнечных камней в этот день совсем не было.

Вольные торговцы купили несколько камней; могли бы больше, если бы нашли подходящего качества. Все покупали поодиночке. Груды в два–три десятка они обходили стороной. Там были все камни низкого качества, а у них было из чего выбрать и без этого.

Но одна стойка привлекла внимание Коуфорт. На ней продавались как местные, так и импортные камни, а также различные минералы. Цвета удивительные и подчеркнуты искусным расположением.

Раэль выбрала несколько пакетов с камнями и высоко подняла их, чтобы лучи Халио осветили их содержимое, потом положила на место.

Казалось, один набор розовых турмалинов заинтересовал ее, и канучец тут же заметил этот интерес.

– У этих расцветка лучше средней. Они идут по пятьдесят за карат.

Изогнутые брови женщины поднялись еще выше.

– Гильдия ювелиров на Гедоне не дала бы этим камням звездного качества, даже как синтетике.

Продавец выпрямился во весь свой значительный рост.

– Если бы они приближались к звездному качеству, то продавались бы не в наборе. Впрочем, это не синтетика, турмалины настоящие...

– Приберегите их для туземцев, – ответила Раэль. – Предпочтительно для тех, у кого нелады со зрением. Совершенно очевидно, что почти каждый камень на этом столе искусственный. Если хотите спорить, на Кануче есть оценщики, специально подготовленные для таких случаев. Одна такая будочка поблизости. Кто-нибудь из моих товарищей может сходить...

– Спокойней. Я ведь только продавец, не геолог. Меня нетрудно обмануть. Мне показались они хороши, и я принял на веру, вот и все.

– Конечно, – сухо ответила она. Она так и рассчитывала, что он спасует перед угрозой. Официальные оценщики хорошо выполняли свою работу, а обманщиков ждало суровое наказание. Может, продавцу и удалось бы выкрутиться, но отныне за ним наблюдали бы, и это помешало бы ему в его делах.

– Послушайте, я продам себе в убыток, чтобы доказать свои добрые намерения. Берите по десятке за карат.

– По десятке? Мы ведь зарабатываем себе на жизнь, не забывайте. Вы их покупаете по четверти за карат, может, по половине за лучшие. И при цене в один кредит получаете хорошую прибыль.

– Один кредит! Да я тогда и за столик не заплачу!

– Ну, тогда берегите свой мусор, друг мой. По справедливости я не должна бы давать больше трех четвертей за карат. К тому же мы берем всего несколько, как сувениры, один для меня, другие для моих товарищей. Такую синтетику не перепродашь, и мне кажется, ваш деловой стиль не заслуживает большего.

Она просмотрела несколько наборов и выбрала два, один с розовыми камнями, другой из смеси розового и зеленого. Камни в обоих наборах обработаны – в форме кабошонов.

Тщательно проследив за тем, как разочарованный торговец взвешивает ее приобретение, она заплатила ему и, к его облегчению, вместе с товарищами ушла.

Коуфорт заметила, как смотрит на нее Дэйн, и рассмеялась.

– Вы не думали, что во мне это есть, Викинг?

Он вздрогнул. Этим прозвищем его дразнили однокурсники в Школе.

Впрочем, сейчас он насмешки не почувствовал. Прозвище ему скорее понравилось...

– Ну, обычно вы ведете себя спокойнее.

Ее глаза сверкнули.

– Я и там не очень шумела, – усмехнулась она.

– Лазеры Патруля тоже не шумят, – заверил ее Джелико. – Но тоже умеют постоять за себя.

Она снова стала серьезной.

– Не думаю, чтобы мистер Ван Райк возражал, что я занялась его делом.

Сумма потрачена незначительная, и один из камней для меня. Могу взять и остальные, если никто не захочет.

– Вовсе нет, – ответил суперкарго. – Как вы сказали, это сувенир.

– Посмотрим, что это за сувенир, когда вернемся на «Королеву».

В том, как сузились ее глаза, чувствовалось превосходство и загадочность.

– Мы туда и идем, доктор Коуфорт. На всех двигателях.

Глава 15

Ван Райк провел спутников в свой кабинет. Не успела закрыться за ним дверь, как он повернулся к Раэли.

– Ну, хорошо. Что за сокровище вы отыскиали в мусоре?

– Может, ничего не отыскала, – ответила она, беря у него ножницы и разрезая пакеты. Содержимое она высыпала двумя кучками. – Которую хочет «Королева»? Стоят они одинаково.

– Двухцветную.

– Хороший выбор, – сказала она и выбрала из кучки два розовых камня.

– Кажется, только они, – заметила она, несколько секунд рассматривая остальные. Из другой кучки выбрала только один камень, но больше двух первых.

Раэль внимательно рассматривала эти три камня, держа их так, чтобы на них падал свет настольной лампы. Голова ее торжественно поднялась.

– Звездные рубины, – провозгласила она. – Очень старые и, несомненно, подлинные. Конечно, нужно будет проверить их качество, но я подозреваю первый класс.

– Так вот почему вы выбрали кабошоны, а не обработанные камни, негромко сказал Джелико.

Она кивнула.

– Я их сразу заметила. Конечно, без тщательного осмотра у меня не было уверенности, но я поняла, что это что-то необычное. Просто мне нужно было не вызывать подозрения, интересуясь только этими наборами. – Она сухо усмехнулась. – Я могла бы и сказать ему, если бы этот парень не попытался обмануть нас. Требовать пятьдесят кредитов за карат этих игрушек массового производства!

– А что если бы мы отказались от пакета, который вы для нас выбрали?

– спросил суперкарго.

Раэль отвечала Ван Райку, но смотрела прямо в глаза Джелико.

– Я часть корабля, хоть и временный член экипажа, и потому должна пользоваться вашим доверием. Я доказала, что разбираюсь в камнях. Если бы мне не стали доверять, когда сумма так незначительна, значит, вы заслужили бы свою потерю.

– Вы забрали бы себе оба пакета и умолчали о рубинах? – спросил Ван

Райк.

– Естественно. А чего вы еще ожидали от меня?

– Справедливо, – сказал капитан. – Мы вас испытываем. Вы имеете право ответить нам тем же.

Дэйн потрогал рубины, но не стал поднимать их. Не хватало только уронить один из них – может быть, рубин Коуфорт, – чтобы он закатился в щель и его нельзя было бы достать, не размонтировав предварительно корабль.

– А сколько они стоят?

– Точно сказать не могу, пока они не проверены, – ответила она, – но если они так же хороши, как выглядят, стоят они многого. Лучше пусть оценит их мистер Ван Райк, когда у него будет необходимая информация.

– Судя по обработке, они старые, возможно, еще земного происхождения... – Суперкарго смолк. У него перехватило дыхание. – Дух космоса!

– В чем дело? – спросил Джелико.

– Большинство звездных рубинов земного происхождения давно погибли, лучшие из них – много столетий назад, и в Федерации никогда не было найдено ничего подобного. Если эти рубины действительно происходят из старых шахт, мы смотрим на легендарные камни. Они стоят столько, сколько вынесет рынок.

– Неужели мы столько получим? – спросила Раэль.

– Очень возможно, доктор, судя по их внешности. Ни такой блеск, ни этот цвет не встречались на рынке уже очень давно.

– А что если они не так стары, как мы думаем, и происходят не из земной шахты? – спросил Торсон, стараясь сохранить скептицизм перед лицом всеобщего энтузиазма. Им уже приходилось разочаровываться, и ему не хотелось снова радоваться тому, что впоследствии окажется пустым полетом через всю галактику. Полет в Гедон, планету Эроса, дорогое удовольствие, и у них нет больше ничего, что можно было бы там продать. – Они даже не очень велики.

– Примерно с карат каждый из наших. Камень доктора в полтора раза тяжелее. Не так плохо для драгоценного камня. К тому же они совершенно одинаковы по цвету и обработке, а два камня «Королевы» – еще и по размеру.

Это означает, что мы можем продавать их в наборе. Нет, если они подлинные, в наших руках сокровище. Конечно, если они не краденые. – Раэль позаботилась оформить документы о покупке, но если камни «горячие», никакой выгоды от них они не получают, одни затраты.

Дэйн кивнул, надеясь, что их «сокровище» по крайней мере оправдает затраты по оценке и дальнейшей продаже.

Ответ на это в будущем, а сейчас нужно разрешить и другие загадки. Он снова повернулся к женщине.

– Как вы их заметили, Раэль? И кстати, откуда вы знаете, что остальные – синтетика?

– По цвету. Искусственные камни слегка отличаются от природных.

Обычно, цвет у них более интенсивный. – Она предупредила следующий вопрос.

– Не могу сказать, как они оказались в этих наборах. Вероятно, давно переходили из рук в руки, и никто не подозревал их истинную стоимость.

Похоже, все эти камни когда-то были вставлены в оправу. Вероятно, это часть большой партии, собранной по всей ультрасистеме и разбитой на наборы, чтобы продать их с небольшой прибылью.

– Примерно то же подумал и я, – согласился суперкарго.

Голос его звучал странно; подняв голову, Раэль увидела, что он внимательно смотрит на нее.

– Что-нибудь случилось? – удивленно спросила она.

– Мне не хочется произносить слово «сверхъестественный», доктор. Оно звучит слишком мелодраматично, когда его произносит не Крэйг Тау. Однако камни на этой стойке – не работа любителя. То, что они синтетические, не стало сразу ясно всем нам, включая меня самого. А ведь я не новичок в покупке и продаже драгоценных камней. Добавьте к этому, что никто не смог бы так учуять крысиное гнездо. Я удивляюсь вам.

– Только потому, что вы мыслите исключительно земными стандартами, спокойно ответила она. – Представляясь в качестве сестры Тига Коуфорта, мне следовало кое-что добавить. Он мой сводный брат. У нас разные матери.

Очень разные. В сущности, я генетическая невозможность.

Она вздернула подбородок.

– Не знаю ни расы матери, ни ее родной планеты. Отец однажды вернулся с ней на корабль после короткого пребывания на какой-то планете. Ни он, ни члены экипажа никогда ее не называли. Она явно не земного происхождения, вообще не гуманоид, хотя по человеческим стандартам была очень красива.

Были некоторые существенные психологические и генетические отличия, несовместимости. Но брак между ними оказался возможен. Зачатия же не должно было быть, тем более рождения ребенка. Тем не менее я была зачата, рождена и умудрилась выжить.

– Подобно большинству разумных существ, у меня свой набор способностей и талантов. Большинство я унаследовала от отца, но кое-что и от матери. Ничто из них не делает меня особенно отличной от большинства граждан Федерации. Если я кое-что умею, то это результат целенаправленных усилий и практики. Если бы я не выросла в космосе, где есть идеальные условия для сосредоточенности, где отсутствуют отвлечения, вероятно, я бы немного достигла. Но даже и при этом условии я совсем не сверхчеловек.

– Да, у меня очень обострены чувства, но ничего сверхъестественного в этом нет.

– Я хорошо ощущаю цвет, легко различаю оттенки и определяю качество камня, но этому я научилась у нашего прежнего суперкарга, предшественника Мары. В остальном у меня обычное зрение. Я не могу увидеть точку на расстоянии в десять миль или смотреть через титаноновую плиту.

– То же самое со слухом. У меня обостренное ощущение запахов. Обычно это мучение, а не преимущество. Я научилась различать отдельные запахи, даже когда они сливаются друг с другом. Вероятно, это не совсем обычно, но если вы считаете, что я могу действовать, как охотничья собака, то будете разочарованы.

– Чувствительность к запахам и обострение вкуса совпадают. Можете не сомневаться, что я высоко ценю приправы мистера Муры и никогда не пройду мимо вкусной пищи.

На лицах ее товарищей появились улыбки. Очень характерно для нее.

Когда космонавт оказывается на земноподобной планете, первым делом он отправляется туда, где можно поесть, а не в местную разновидность города Веселья.

Но Раэль не улыбалась.

– Последнее – это осязание. И здесь ничего особенного, хотя признаюсь, трогать торненский шелк приятнее, чем ткань наших мундиров.

– И больше ничего, – резко и устало продолжала она, – никакого шестого чувства. Я не читаю мысли, не вижу прошлое или будущее, не могу одной только волей передвигать предметы.

– А с животными можете общаться? – быстро спросил Джелико.

– Нет, – твердо ответила она. – Я бы хотела. Они часто гораздо лучше людей. Они меня любят, потому что чувствуют, что и я их люблю. Может, это немного необычно, – согласилась она, – но ничего особого тут нет. И растения у меня развиваются хорошо, как и у других садовников, которые их хорошо знают и понимают. Никакого волшебства в этом нет.

Капитан слегка покачал головой.

– Не пойдет, Коуфорт. Многие любят животных, но никто так не действует на Квикса, как вы.

Глаза ее стали жестче, голос резко хлестнул.

– Многие любят животных и делают их трехмерные снимки, но ни у кого не получается так, как у вас. Вы используете какое-то принуждение, чтобы ваши герои появились и позировали вам?

Джелико вспыхнул так, что шрам белой полосой выделился на щеке, но ничего не сказал. Очень точный отпор. И хорошо рассчитанный. Если бы она была постоянным членом экипажа, возможно, было бы по-другому. Тогда между ними существовали бы крепкие узы доверия и уверенности друг в друге, хотя он по-прежнему не имел бы права слишком вторгаться в ее внутренний мир. А так любое проявление экстраспособностей могло оказаться опасным для Раэли Коуфорт.

Ван Райк прочистил горло.

– Я полагаю, что мне ответили, – сказал он, чтобы нарушить последовавшее неловкое молчание. – Ну, что ж, каковы бы ни были ваши способности, доктор, мы должны быть им благодарны. Они хорошо нам послужили и напоследок преподнесли ценное приобретение.

Врач благодарно склонила голову.

– Благодарю вас, мистер Ван Райк.

– Ну, с этим мы покончили, – сказал он. – Еще не вечер, и мы не осмотрели еще большую часть рынка. Торсон, тебе лучше остаться здесь и заняться нашими покупками. Запиши все в журнал и отнеси в трюм.

– Есть, – оживленно ответил Дэйн. Он предвкушал эти минуты.

– Доктор Коуфорт позже сможет тебе помочь, – предложил Джелико.

Он посмотрел на женщину.

– Напишите отчет об этих рубинах, пока все подробности еще свежи в памяти. Опишите покупку, отметьте все наши предположения и догадки. На случай, если камни «горячие», я хочу иметь как можно больше доказательств нашей невиновности.

– Есть, капитан. Но, если не возражаете, я напишу, что мы купили эти наборы случайно. Подлинное объяснение только вызовет дополнительные вопросы.

– Делайте, как сочтете лучше. Если мне понадобится что-то еще, я скажу вам, когда прочту отчет.

Четверо разошлись. Ван Райк и Дэйн занялись своими обязанностями.

Раэль тоже хотела уйти, но капитан остановил ее в дверях.

– Не хотите ли джейкека?

– Прекрасно. Никогда не отказываюсь от чашечки, – ответила она, умолчав о своих требованиях насчет качества. Джелико никогда не сравнится с мастерством мистера Муры.

Раэль Коуфорт первой вошла в каюту капитана, автоматически включив при этом освещение. Квикс при виде ее обрадованно засвистел, но не забыл свои обязанности. Он подозрительно смотрел на дверь. Кто еще вторгается на его территорию?

Поскольку последовал только законный обитатель, Хубат удовлетворился единственным абсолютно немзыкальным криком и ухватился за прутья решетки своими четырьмя ногами, готовый выпрыгнуть, как только откроют дверцу.

Женщина не разочаровала его. Она негромко рассмеялась и села в кресло Джелико, чтобы удобнее было дотянуться до клетки Хубата. Как только она открыла дверцу, Квикс взлетел и опустился ей на руку. А оттуда перебрался на плечо.

Коуфорт уперлась рукой в стол капитана. Как по сигналу, Квикс переместился ей на предплечье. Она начала почесывать его меж глаз, и он расслабленно повис в экстазе.

Капитан некоторое время смотрел, покачивая головой.

– Вы уверены, что не околдовали его?

– А вам никогда не делали хороший массаж? – возразила она. – К тому же он такой милый. Ему так легко доставить удовольствие. Не правда ли, малышка?

В ответ странное существо испустило негромкий урчащий свист.

Джелико ничего не сказал. Любой его ответ – на нескольких языках был допустим только в совершенно другом обществе. Он сам любит Квикса, значительно сильнее, чем признается, но Раэль Коуфорт – единственный человек, способный назвать Хубата милым и малышкой.

Он откатил кресло с его двумя обитателями в сторону и открыл нижний ящик стола. Достал оттуда большой термос. Поднес к уху и резко потряс.

Определив, что он наполовину полон, капитан расчистил место на столе, поставил термос между двумя грудками бумаг и включил подогрев. Потом из того же ящика достал две чашки, одну поставил перед врачом, другую перед собой и опустился в кресло для посетителей.

– Будет готово через несколько минут.

Когда звонок сообщил, что джейкек согрелся, Джелико наполнил чашки.

Раэль, скрывая гримасу, отпила темную жидкость. Джейкек широко распространился на звездных линиях, угрожая совсем вытеснить кофе земного происхождения и другие напитки, известные в Федерации. Но экипаж «Королевы Солнца», за исключением капитана, оставался верен традиционному напитку, хотя на краю космоса кофе можно найти только синтетический и в концентрированной форме. Джелико понимал, как трудно стюарду угодить на всех. И потому обычно сам готовил себе напиток, хоть получалось у него и похуже. Раэль в сотый раз пообещала себе, что встанет как-нибудь пораньше и лестью или силой проберется в камбуз – царство Фрэнка Муры. На «Блуждающей звезде» все пили джейкек, и она может приготовить его...

Она почувствовала на себе взгляд капитана. Лицо его было серьезно.

– Вы сомневаетесь в моем рассказе?

– Просто сочувствую вам. Мы вас допрашивали с пристрастием.

– Но вам нужно было расспросить.

– Да, но похоже, мы привыкаем растревлять ваши раны. Мне не нравится вас мучить.

Она взглянула на дымящуюся жидкость.

– В моем происхождении нет ничего позорного, и я не возражаю против расспросов о моей матери. Ее на корабле уважали и любили. Все члены экипажа, знавшие ее, говорили мне об этом. Только отец никогда не говорил со мной о ней.

– Он винил вас? – негромко спросил Джелико.

– Нет, самого себя. Думаю, он все время чувствовал свою вину. Видите ли, он любил ее. – Она вздохнула. – Никто из нас не понимал, насколько он ее любил, до самой его смерти. Перед смертью он не звал ни меня, ни Тига, ни мать Тига. Только ее. Мне кажется, он был рад присоединиться к ней.

Капитан медленно кивнул. Его младшие товарищи вряд ли поймут это, но он прожил достаточно долго и приобрел немалый опыт. Он понимал.

Неожиданно ему в голову пришла другая мысль.

– Ваша мать тоже была врачом? – спросил он.

– Да – среди своего народа. Так мы считали. Сама она не признавалась в этом и вообще не говорила о своем прошлом. Уйдя с моим отцом, она, очевидно, полностью порвала с прошлым. Вероятно, это одна из причин, почему я выбрала профессию медика. Мать сражалась за меня, она прожила достаточно долго, чтобы я могла выжить без нее. Я чувствовала, что обязана ей, что должна отплатить ей за ее борьбу.

– Но это не принесло вам счастья?

Раэль пристально взглянула на него.

– Точно в цель я не попала, но медицина – одно из моих любимых занятий. И не менее ценное, чем остальные.

– Не сомневаюсь. – Он улыбнулся. – У вас сильная воля, Раэль Коуфорт, при спокойных манерах. Мне трудно представить себе, что вас могут заставить действовать, когда вы этого не хотите.

Они допили джейкек, Джелико встал и убрал пустые чашки. На обратном пути отнесет их в камбуз.

– Если хотите, можете составить компанию Квиксу и поработать здесь.

Не торопитесь, но когда закончите, помогите Торсону. Но имейте в виду, что в отсутствие Вана он отвечает за груз.

– Я родилась вольным торговцем, – раздраженно ответила женщина. – Мне кажется, я знаю протокол.

– Да, но вы проявили себя специалистом в тех товарах, которые он сейчас заносит в каталог. Дэйн хороший работник. Я не хочу, чтобы он потерял уверенность в себе или передал кому-то свои обязанности.

– Этого не случится, – пообещала она.

Джелико серьезно рассматривал ее. Он не вполне уверен, что верит ей.

Эта история о смешанном происхождении – старый прием, чтобы вызвать сочувствие, но в данном случае у нее достаточно доказательств. Пока он не может добиваться от нее большего. Ее откровенность – или кажущаяся откровенность – связала его. Никаких фактов, подкрепляющих подозрение, у него нет, и если он сейчас будет слишком нажимать на нее, кончится это прекращением ее службы на «Королеве». Но к этому он не готов. И не хочет этого.

И морального права у него на это нет. Город Кануч не Трюос, это не место, где можно бросить женщину. На рынке она превосходно действовала, помогая Дику Татаркоффу, но метод, который она при этом использовала, может привести ее к катастрофе.

Джелико колебался. От него требуется нечто большее, чем просто предотвратить столкновение между ними. Пока Коуфорт остается членом экипажа «Королевы», в его обязанность входит заботиться о ее безопасности.

Но капитан межзвездного корабля, если только это не корабль военного флота или Патруля, не может следить за деятельностью своих подчиненных на планете.

Черт возьми, это опасно! Опасность потенциальная, но она вполне реальна.

– Не знаю, каковы ваши планы на вечер, но мне не хотелось бы, чтобы вы в одиночку бродили по Канучу. Или даже вдвоем. Выходите только

вчетвером, а лучше совсем не выходите.

Он сдержался. Ни один вольный торговец не примет такого повелительного тона, особенно после долгого перелета.

Тем не менее женщина сохранила хладнокровие. Глаза ее сузились, она резко взглянула на него.

– В чем дело, капитан? – негромко спросила она.

Он вздохнул.

– Красота – это товар в городе Веселья. Если кто-то из его обитателей видел ваше представление с торненским шелком, они высоко вас оценят – в своих особых интересах. Каждый подонки ультрасистемы постарается сорвать этот приз, если надеется уйти с ним. – Капитан ощутил прилив гнева. – Что бы вы ни сделали со своей жизнью, не хочу, чтобы вы стали рабыней этих животных.

Раэль опустила голову.

– Я признаю такую возможность, – сказала она. – И не стану рисковать.

А после приключения с крысами мне совсем не хочется бродить по Канучу в темноте. После закрытия рынка и магазинов меня ничего не отвлекает от «Королевы». Лучше поработаю в кабинете доктора Тау.

Гнев капитана стал сильнее. Да, с горечью подумал он, конечно, она сознает опасность. Красота в торговле – обычно преимущество, особенно когда имеешь дело с гуманоидами. Они всегда расположены к тем, кто кажется им привлекательным. Но слишком большая красота – совсем другое дело.

Бросающаяся в глаза внешность может во многих обстоятельствах оказаться недостатком, и Раэль Коуфорт с самого юного возраста должна была служить потенциальной целью всевозможных подонков.

Его охватило сочувствие к ней. Он хотел взять ее на руки, защитить...

Джелико подавил этот импульс, но не хотел уходить от нее, оставив ее в подавленном настроении. Заставил себя улыбнуться.

– Я напрасно тратил силы на это предупреждение, – сказал он. – Вы знаете обо всем этом не хуже меня. Конечно, я старше вас, но вы столько времени провели во фрейтере меж звездами, что опыт у вас богатый.

Глаза ее сверкнули.

– Ну, вы использовали время гораздо лучше. Стали капитаном, а я все еще перехожу с одного корабля на другой.

Она подняла руку, так что Квикс был вынужден снова перебраться ей на плечо. Теперь рука ее свободна, и она может писать.

– Лучше повидаетесь с мистером Ван Райком и подумайте о дополнительных покупках. Несколько камней и свертков ткани много вам

не дадут.

– Доктор Коуфорт, – строго обратился к ней Джелико, – то, что вы сидите за моим столом, не делает вас капитаном корабля. – С этими словами он отдал ей флотский салют и вышел из каюты. Ее мягкий смех еще долго звучал в его ушах.

Глава 16

Дэйн остановил ленту, которую изучал, потом совсем выключил ее, вспоминая прочитанное.

Некоторые синтетические камни очень хороши. По составу они ничем не отличаются от подлинных. Единственное отличие в том, что они созданы при тщательно подобранных людскими условиях.

Они могут составить основу неплохого дела. Мало кто из торговцев и даже компаний имеет дело с синтетическими камнями; он не может припомнить ни одного случая таких регулярных занятий; но лишь небольшой процент населения галактики может позволить себе покупать натуральные камни.

Синтетика невероятно расширяет число потенциальных клиентов «Королевы». В сущности, искусственные камни на некоторых рынках даже предпочтительней.

Для начала потребуется совсем немного кредитов, и для пробной продажи достаточно того запаса, что есть на корабле.

Помощник суперкарго удовлетворенно кивнул. Нужно еще кое-что почитать. Потом он сведет вместе цифры, определит возможные рынки и торговую стратегию и сможет выступить с предложениями перед шефом.

Ван Райк примет его предложение. Цель «Королевы» – получать прибыль, а вовсе не раскрывать убийства, а тут предоставляется возможность открыть новое поле деятельности и монополизировать его, по крайней мере в этом секторе. Лишь через несколько лет другие торговцы спохватятся.

– Дэйн! Я думал, ты все еще в трюме.

Дэйн поднял голову. В каюту вошел Рип Шеннон. Он с легким удивлением смотрел на помощника суперкарго.

– Кончил там двадцать минут назад, – сказал Дэйн.

Лицо Шеннона затуманилось.

– Я видел, как примерно в это время туда спустилась Раэль, и люк до сих пор не закрыт.

Торсон выпрямился.

– Нужно проверить.

– Спокойней, друг, – торопливо сказал Шеннон. – У нее, вероятно, есть причина...

– Она не имеет права находиться там без разрешения суперкарго – или

моего в отсутствие Ван Райка.

– Тебе нужна помощь?

Дэйн остановился.

– Нет, – медленно ответил он. – Я ее ни в чем не обвиняю. – Но выражение лица у него стало жестким. – Но ты оставайся здесь. Если я вскоре не вернусь, поищи меня. И тогда будь осторожен.

Дэйн сморщился, подумав, как мелодраматично он реагировал на слова товарища. Черт бы побрал эту Раэль Коуфорт, раздраженно сказал он про себя. Почему это с ней всегда попадаешь в неприятные ситуации? С точки зрения Али Камила, это, возможно, и хорошо. Но он, с другой стороны, нелеп в роли героя.

Но он не останавливался. Груз и товары для торговли – его ответственность. У него нет выбора: нужно проверить. Саботаж в трюме однажды уже доставил «Королеве» большие неприятности, и он не хочет рисковать повторением. Нет ни выгоды, ни удовольствия в приближении к чрезвычайно неприятной смерти.

Когда несколько мгновений спустя помощник суперкарго появился в трюме, Коуфорт все еще была там. Все выглядело как обычно, и ничто не показывало, чем она здесь занималась до его прихода. А сейчас она развернула купленную ткань и рассматривала ее.

Торсон откашлялся. Женщина взглянула на него, потом снова посмотрела на серебристую ткань.

– У меня не было возможности раньше внимательно рассмотреть наши приобретения. Очень красивая ткань. Вы хорошо с ней справились.

Раэль вздохнула, возвращая ткань на место.

– На борту «Блуждающей звезды», – горько сказала она, – я слушалась Тига и не покупала предметы роскоши. А теперь не могу себе этого позволить. И пока остаюсь добродетельным и старательным вольным торговцем, не смогу их купить.

Она смолкла, видя откровенно подозрительное выражение его лица.

– Спокойней, парень, – сказала она. – Ни один Коуфорт не становился пиратом. И я не собираюсь начинать новую традицию в нашей семье.

– Вы бы не признались, если бы и хотели начать, – ответил он, стараясь говорить небрежно. Но это ему не совсем удалось.

Раэль слегка пожала плечами.

– Мы имеем дело с красивыми вещами. Я ведь не могу оставаться равнодушной к ним. Вы и сами тоже неравнодушны.

Дэйн вздрогнул, а ее губы скривились в усмешке.

– Я видела, как вы смотрели на пояс натуральной кожи, прежде чем купили тот, что на вас. Если вы сами хотите владеть множеством вещей, которых не можете себе позволить, почему отказываете мне в таком же праве?

– Но вы как раз можете себе позволить, – быстро возразил он. Ему показалось, что он нашел брешь в ее рассуждениях. – Ничто не мешает члену экипажа покупать товары для личного использования. Это подделка, не натуральная ткань. И небольшой кусок ее вас бы не разорил.

Она покачала головой.

– Тут ткани не очень много. Двенадцать штук недостаточно для настоящей сделки. А если еще меньше, то нет надежды на прибыль.

– Вы так заботитесь о прибылях «Королевы Солнца»? – саркастически спросил Дэйн.

Раэль вздернула подбородок.

– Я верна кораблю, на котором служу, даже если эта служба временная.

– Такова традиция, – ответил он. – Я еще недостаточно давно кончил Школу, чтобы быть уверенным, что она всегда соблюдается.

– Соблюдается. Обычно. Корабли, на которых она не соблюдается, часто исчезают вместе со всем экипажем. К тому же суперкарго Ван Райк вряд ли на этой стадии согласится разделить свой товар. – Ответ ее звучал холодно.

Дэйн Торсон слишком остро ощущал свою молодость и отсутствие опыта, чтобы привлекать к ним внимание. – Пока я на «Королеве», я думаю о ее интересах.

– А потом?

– Потом, если придется, буду конкурировать с ней. И вы тоже, когда закончите свое обучение.

Некоторое время оба молчали.

Раэль первой отвела взгляд.

– Это был удар ниже пояса. Простите. И простите за то, что оказалась здесь, не предупредив вас. Я поискала вас по приказу Джелико, но не нашла.

Вероятно, просто подействовала старая привычка. На «Блуждающей звезде» у меня был свободный доступ в трюм.

– Вы умеете обращаться с грузами? – спросил он. Почему бы и нет.

Похоже, она умеет все.

– Да. Тиг хотел, чтобы я стала суперкарго. И очень рассердился, когда я выбрала медицину. – Она распрямила спину. – Может, я ошиблась. Мне

нравится работа с товарами, нравится торговля в неизведанных областях, и, несомненно, в роли суперкарга я была бы ему очень полезна, но медицина привлекала меня больше. Я выбрала ее и осталась верна своему решению.

– Поэтому вы покинули «Звезду»?

– Нет, – устало сказала она. Рот ее отвердел. – Я ушла, Торсон. Меня не выгнали. Я уже объясняла причину. Если вы в нее не верите, мне нечего сказать.

Дэйн решил попробовать еще один подход, хотя сомневался, что добьется чего-нибудь. Если Раэль обманывает, она тщательно продумала свою роль. У нее нашлись ответы на все вопросы. Даже Джелико и Ван Райк не смогли поймать ее.

– Похоже, на «Блуждающей звезде» в вашем распоряжении было немало кредитов. Неужели с тех пор все истратили? – Он чувствовал неловкость, задавая этот вопрос. Не его дело. Он проявляет большую невежливость.

Коуфорт вправе отправить его подальше.

Женщина нахмурилась, но сдержалась.

– Нет, я не тратила кредиты. Все, что я заработала, а также наследство от отца на счету «Звезды». Тиг не отдает эти деньги.

– Что?

Впервые женщина искренне улыбнулась.

– Тиг не разбойник со звездных путей. Все оговорено в условиях. Брат не может потратить мои деньги. Он просто сохраняет их, пока я не устроюсь на постоянную стоянку.

– Вы ведь уже совершеннолетняя.

– Да, но таковы условия завещания. К тому же там не так уж много кредитов. Мы, Коуфорты, все заработанное вкладываем в корабль. – Она подняла голову. – Ведь вы не думаете, что мы добились своего без труда и самопожертвования – Не думаю. Коуфорт и его экипаж хорошо известны, но...

– Но ничего. Я просто хотела быть самостоятельной, а если бы отправилась бродить с большим количеством денег, нарвалась бы на засаду в каком-нибудь темном переулке. Но все получилось неплохо. Я не умерла с голоду, хотя и не стала лучшим торговцем столетия.

Женщина негромко печально рассмеялась.

– Кажется, такая надежда у меня была, но можете представить себе, как быстро мне пришлось от нее отказаться.

Дэйн, вопреки своему желанию, усмехнулся.

– Но вы еще можете этого добиться, – сказал он и вздохнул. Опять у

нее это получилось, подумал он. Она увела разговор в сторону от неприятных для себя вопросов. Но на этот раз он не удивился. С самого своего появления на «Королеве Солнца» Раэль Коуфорт доказывала, что умеет делать это. Только время покажет, скрывает ли она за этим какой-то неприятный сюрприз для них.

Глава 17

Три помощника, Джаспер и Раэль сидели за столом в кают–компании, когда на следующее утро туда торопливо вошли Джелико и Ван Райк. Синдбад лежал на коленях женщины, прижавшись к ее руке. Он аккуратно ел из другой ее руки, которую она держала перед ним.

– Мне кажется, он толстеет, – заметил Джелико.

Раэль подняла голову.

– Он снова герой, хотя, к счастью, на этот раз обошлось без ран.

Кто–то недостаточно тщательно закрыл сеть на люке, возвращаясь прошлым вечером.

– Ну и ну! – пробормотал суперкарго.

Викс положил вилку.

– Есть что–нибудь хорошее? – Он много лет провел на борту «Королевы» и понимал, что эти двое отлучились рано утром не для того, чтобы испытать удовольствия города Веселья.

Глаза Ван Райка плясали, как земное небо в солнечный день.

– Чартер, друзья мои, отличный выгодный чартер и возможность полностью загрузить наши торговые трюмы.

– Что мы повезем и в какой порт? – оживленно спросил Дэйв.

– Оборудование и химикалии для купольных шахт на Ригинию.

Он поднял руки, когда лица сидевших за столом помрачнели.

– Мне тоже не нравится такое быстрое возвращение на Ригинию, но чартер выгодный, и если мы будем действовать быстро, за ним последует еще немало таких же.

Он опустил свое крупное тело на ближайший стул.

– Мы встретились с неким Эдру Мак–Грегором, основателем, президентом, председателем совета директоров и по существу верховным владыкой «Каледонии, Инк.» Это самый большой производственный конгломерат на Кануче. Он уже понял, какой прекрасный рынок представляют для него новые купольные разработки и лично по передатчику договорился о продаже большой партии самых различных товаров, от разнообразных машин и механизмов до строительных материалов и химикалий. Он хочет действовать быстро, прежде чем возникнет конкуренция. У него нет времени для заключения долговременного договора или покупки корабля, поэтому для первоначальных рейсов он хочет использовать те корабли, что оказались в

порту. Но увидев представление Раэли вчера на рынке, Мак–Грегор решил весь фрахт отдать «Королеве», если мы согласимся стартовать в ближайшие дни. И потом будем продолжать эту работу, сколько захотим.

Он криво усмехнулся Раэли.

– Договор заключен только на словах. Подписывать он не захотел, прежде чем не поговорит с доктором Коуфорт.

Она почувствовала озорство в его голосе и изогнула брови.

– Какое проявление истинной демократии! – заявила она. – Только представьте себе! Не только старшие офицеры, но и неопытные помощники должны присутствовать при заключении договора!

Джелико усмехнулся.

– На самом деле Мак–Грегор хочет изменить ваш рабочий статус. Он предлагает вам место в торговом отделе своей фирмы.

– Что? – воскликнула она, безуспешно стараясь заставить товарищей прекратить смех.

– Совершенно верно, – подтвердил суперкарго. – Он утверждает, что тот, кто сумел довести двух его сильнейших конкурентов чуть ли не до кулачного боя простым размахиванием ткани, заслуживает самой высокой должности в «Каледонии, Инк.» – Серьезно, Раэль. Он прекрасно понимает, что вы сделали, и обещает вам – при известных способностях и старании большое будущее в своей компании.

– А зачем тогда он говорит моим начальникам, что собирается переманить меня? – прямо спросила она.

– Он не хочет пользоваться репутацией недобросовестного человека и отпугивать возможных покупателей. К тому же, – добавил Джелико, – он, вероятно, считает, что у него нет особых шансов переманить вас. Космонавты обычно не уходят со звездных путей, как бы их ни прельщали.

– И уж конечно не на такую планету, как Кануч, – согласилась она с чувством. – Когда мы с ним встречаемся?

– В полдень. Он угощает нас ленчем в самом дорогом ресторане Кануча «Двадцать два». Это у самого берега, так что не очень налегайте на эти синтояйца и сосиски.

– Не бойтесь. Я заказала для Синдбада, не для себя.

Али откинулся на мягкую обивку скамьи, с трех сторон огибавшую стол.

– Теперь, когда это решено, – протянул он, – можно послушать интересный рассказ. Вчера, кажется, никто не упоминал о кулачных боях.

– Мы к тому времени уже ушли, – сказал капитан. – На обратном пути к «Королеве» встретили Дика Татаркоффа, и он подтвердил, что чуть не

состоялось несколько драк из-за его шелка.

– Он был совершенно счастлив, – продолжил рассказ Ван Райк. – Продав шелк по самой высокой цене, потом почти за такую же сумму продал небольшой кусок, который давал осматривать. И все остальное тоже продал, хотя по более умеренным ценам. Он клянется, что в трюме у него только несколько обрывков ткани, и если бы он нашел их вовремя, то и их продал бы с выгодой.

Джелико осторожно поставил на стол небольшой ящичек и достал из него две бутылки.

– Из личных запасов Татаркоффа. Вы это заработали, Раэль. Вам и решать их судьбу.

Женщина взглянула на этикетки. Вино. Гедонского разлива, золотисто-белое, сухое. Виноградник настолько хорош, что она помнила его название. Если захотят, они легко продадут это вино.

Она покачала головой. Нет. Дик – известный ценитель вин. Его личный погреб стал легендой, и он хранил его исключительно для своего удовольствия, не для торговли или обмена. Именно для этого подарены эти бутылки, и она считала, что так их и нужно использовать.

– Мы заслужили небольшую роскошь. Отдадим их Фрэнку и посмотрим, что он даст им в сопровождение. Ему это понравится. Ведь здесь есть доступ к свежим продуктам.

Глава 18

Раэль пригладила несуществующую складку на своем мундире. Форма действует на нее угнетающе, подумала она. С ее высоким воротником, с ее строгим стилем она все время заставляет чувствовать свое несовершенство.

Может, в этом отчасти цель мундира. Небольшая неуверенность в себе постоянно заставляет быть настороже...

Она взглянула на своих спутников. Джелико тоже в мундире, но если он и чувствует какую-нибудь неуверенность или неудобство, то никак этого не проявляет.

Ван Райк, шедший в нескольких шагах впереди, вероятно, самая поразительная фигура, с его большим ростом и могучей фигурой, состоящей из подвижных мышц, но она находила Джелико более впечатляющим. Стройный, сухощавый, с кошачьей грацией, выработанной долгими годами в космосе, с ореолом власти и ответственности не только за благополучие, но и за саму жизнь подчиненных, он выглядел как настоящий хозяин межзвездного корабля с опасных пограничных линий. Жесткие черты лица, изуродованная бластером щека, стальные глаза только усиливали это впечатление.

Раэль разглядывала подвижную толпу. Хозяин попросил их явиться в вестибюль этого самого высокого здания в Кануче, пообещал встретиться там и провести наверх, в дорогой ресторан.

Мужчины приветственно подняли руки, и она принялась разглядывать шедшего им навстречу человека.

Эдру Мак-Грегор похож на Джелико, сразу решила Раэль. Он старше, в волосах его больше седины. Глаза голубые, лицо круглое и полное, но эти двое одной породы. И в космонавте, и в жителе планеты безошибочно чувствовались сила и независимость духа. У этого нелегко выторговать душу или прибыль.

Канучец двигался им навстречу сквозь толпу. Он сразу протянул старшему землянину руку в универсальном приветствии.

– Вы вовремя. Приятно снова встретиться с вами, капитан Джелико, мистер Ван Райк.

– Нам тоже приятно, мистер Мак-Грегор, – ответил капитан. Он сделал знак Раэли. – Это доктор Раэль Коуфорт.

Мужчина склонил голову в старомодном поклоне. Глаза его сверкнули, казалось, они проникают ей в самую душу.

– Вы прекрасны, доктор Коуфорт, но я рад видеть, что вы смертны, подобно всем нам. Мне было бы не очень приятно иметь дело с призраком.

Ее улыбка стала шире.

– Ну, вы все равно справились бы, если бы это обещало хорошую прибыль.

Мак–Грегор рассмеялся.

– Вы правы, доктор.

Хозяин провел их к огражденной канатами платформе лифта. Подходя к женщине–лифтеру, он сказал: «У нас заказан столик на четверых». Сказал без всякой необходимости, потому что при его приближении женщина сразу начала поднимать преграду.

На платформу поднимались и другие пассажиры, в основном пары, иногда тройки. Вступая на платформу, все смолкали, даже Эдру. Все пришли сюда не для удовольствий, а в такой тесноте деловые разговоры вести нельзя.

Заполнившись, лифт начал подниматься. Раэль прислонилась к столбу ограждения и смотрела на быстро удаляющийся заполненный людьми вестибюль.

Вскоре люди внизу стали похожи на живые игрушки.

Лифт экспресс и не останавливался в пути, поэтому он поднимался с большой скоростью. Но двигался он абсолютно гладко, а нужно нечто большее, чем простой подъем, чтобы вывести из равновесия космонавтов.

Через несколько секунд платформа замедлила движение и мягко остановилась на двадцать втором этаже. Космонавты вышли и обнаружили, что находятся на ступице широкого медленно вращающегося колеса, на котором было расставлено множество столиков, некоторые у самого края. Такое расположение их не удивило: оно очень старое, но остается популярным.

Людям нравится обедать в таких условиях, когда перед ними открывается прекрасный все время меняющийся вид.

Джелико вынужден был согласиться, что ресторан прекрасно использует этот обычай. Вместо обычной плоской крыши и высоких широких окон весь ресторан был накрыт большим куполом из стеклостали, толщиной в несколько дюймов, но таким прозрачным, как будто его вообще не было. Вечером, когда над головой сияют звезды и две маленькие луны Кануча, а внизу горят огни многолюдного города, отражаясь в воде гавани, это, должно быть, особенно великолепное зрелище, подумал капитан. Днем большая часть этого великолепия отсутствует, потому что высокие крутые берега залива по обе стороны открывают вид только на невыразительный

индустриальный пояс, скрывая находящиеся за ним жилые районы. Но гавань несколько скрашивала картину. Здание не настолько высоко, чтобы не видны были подробности сцены под ним, и полный активной деятельности порт захватывал внимание наблюдателя.

К их группе приблизился человек в форме.

– Мой обычный столик с краю, – прошептал Эдру, – но если это вас беспокоит, мы его сменим. Вы здесь для того, чтобы наслаждаться хорошей пищей, и я не хочу, чтобы из-за необычности места ваше небо потеряло чувствительность.

При этих его словах гости увидели, что он имеет в виду. Ресторан уходил за стены здания, и нависающая часть пола была сооружена из того же материала, что и купол. Столики, казалось, подвешены в воздухе.

Джелико мог есть в любых условиях, но когда речь идет о хорошей пище, он предпочел бы наслаждаться ею, не отвлекаясь на драматичное окружение.

Но, с другой стороны, на лице Раэли было открытое восхищение, и он не стал возражать.

– Вряд ли у нас вскоре представится еще одна возможность поесть на «Двадцать втором», – сказал он. – Давайте испытаем все.

Вскоре они сидели в удобных креслах перед накрытым белой скатертью столом. Перед ними сразу появился официант, и им дали горячие влажные полотенца для рук.

Новички вначале испытывали не беспокойство, а какое-то чувство потери ориентации. Под ногами ощущался прочный пол, но стеклосталь так прозрачна, что взгляд вниз заставлял усомниться в показаниях осязания. Какое-то время трое космонавтов не поднимали взглядов от тарелок, но вскоре привыкли и начали наслаждаться необычностью обстановки и зрелищем деловой активности внизу.

Именно такое любопытство заставляет людей впервые прийти в «Двадцать два», и их оставляют в покое и не мешают привыкать. Официант тактично ждал, пока они не начали оглядываться в поисках его. В этот момент он подошел к столику.

– Будут ли изменения в обычном меню? Мы предлагаем также дичь, рыбу и овощи, – добавил он ради космонавтов, которые сразу заявили, что удовлетворятся обычным меню.

– А что Макс приготовил для нас сегодня, Чарлз? – спросил Эдру, сделав заказ.

Официант широко улыбнулся.

– Запеченная говядина, мистер Мак-Грегор, овощи в белом соусе,

сладкие булочки. Торт в четырнадцать слоев. – На Кануче не подавали ничего до основных блюд и предлагали только воду, чтобы ничто не искажало вкус еды. К десерту полагались джейкек и кофе.

– Звучит неплохо, Чарлз. Спасибо.

Когда официант отошел, Мак–Грегор достал из портфеля официально выглядящий документ в нескольких экземплярах.

– Это подготовили вчера вечером мои юристы. Я уже подписал и приложил печать, так что нужны только ваши подписи.

Ван Райк взял документ и внимательно прочел его. Кивнул в знак согласия.

– Вошло все, что мы обсуждали, – сказал он, подписывая документ.

Потом передал его Джелико, который тоже подписал. Капитан взял один экземпляр договора, свернул и спрятал в сумку у себя на поясе; остальные вернул промышленнику.

– Спасибо, мистер Мак–Грегор.

– Вам спасибо, – довольно ответил Мак–Грегор. Он перенес свое внимание на Раэль. – Теперь, когда меня нельзя обвинить в давлении из–за неподписанного контракта, мне кажется, у нас есть о чем поговорить, доктор Коуфорт. Капитан, вероятно, рассказал вам о моем предложении?

– Да, – ответила она, – вернее, рассказал о его сути. Подробностей он мне не сообщал.

– Ну, если вы заинтересуетесь, мы обсудим их с вами. Для вас это означает большие перемены, и вам, вероятно, следует хорошо подумать.

Раэль улыбнулась.

– Перемены более резкие, чем вы себе представляете, мистер Мак–Грегор. Видите ли, я не поступала на службу, не избирала себе карьеру в космосе. Я родилась вольным торговцем. Звезды у меня в крови. Если я попытаюсь осесть на какой–нибудь планете, это будет противоречить всему моему существу.

– Но вы все равно подумайте. Я не требую от вас немедленного ответа.

Да и не доверял бы быстрому согласию в таких обстоятельствах. Но решительные перемены могут быть благотворными для человека. В юности я сам испытал страсть к путешествиям, но потом никогда не жалел, что осел на одном месте и занялся делом.

Женщина медленно кивнула.

– Хорошо, мистер Мак–Грегор. Я серьезно обдумаю ваше предложение, но, честно говоря, не могу себе представить, что приму его. Даже если захочу отказаться от звездных линий, я ведь врач. Не хочу всю жизнь заниматься торговлей, что бы ни приходилось продавать. – Раэль

задумчиво взглянула на него. – Не ответите ли на вопрос, мистер Мак–Грегор?

– Отвечу. Если не захочу отвечать, то так вам и скажу.

– Вы могли купить торненский шелк, если бы захотели. Почему вы его не купили?

Он усмехнулся.

– Не из–за отсутствия интереса, уверяю вас. Но каждый человек должен знать себя и понимать, что ему подходит. Я рабочий муравей и должен удовлетворяться черными, серыми и коричневыми тонами. А крылья бабочек для других людей. Этот материал выглядел бы нелепо на мне или в моем доме, особенно теперь, после смерти моей жены. У меня была мысль купить материал для сыновей и разделить между ними, но я никогда не баловал их экстравагантными подарками и решил, что лучше и дальше придерживаться такого курса. – Он рассмеялся. – К тому же мне доставило удовольствие следить за глупым поведением своих коллег. Не хотел уменьшить это удовольствие своим участием в торге.

Услышав это, Джелико улыбнулся, но глаза его не отрывались от женщины. Мак–Грегор прав, пытаясь заманить ее в свою торговую компанию, подумал он. Разэль может уговорить кого угодно, и для этого ей не нужно обращаться к специальной технике или ярким цветам. Талант ее заключается в полном внимании к собеседнику, как будто она на самом деле искренне увлечена и находит его бесконечно интересным. Люди откликаются на это, и мало кто не ответит ей тем же.

В этот момент принесли еду, и космонавты быстро поняли, что не только великолепный вид привлекает посетителей в «Двадцать два». Все свежее и исключительно хорошо приготовленное. Канучцы не используют острые приправы, и их блюда отличаются тонким естественным вкусом. В распоряжении шеф–повара лучшие продукты, и он, несомненно, большой мастер.

За едой хозяин рассказывал им об истории Кануча и его нынешнем состоянии, как в ответ на вопросы Ван Райка, так и из простой вежливости, которая требовала, чтобы за едой деловые вопросы не обсуждались.

– ...Наша планета старая и довольно необычная. Туземной жизни очень мало на всех трех континентах северного полушария, кроме узкого участка побережья.

– Все выгорело? – спросил Ван Райк.

– Мы не знаем. Если и так, то это произошло очень давно, и все прямые свидетельства исчезли. Не предтечи, а скорее предтечи предтеч. Многие наши ученые считают, что произошла природная катастрофа или

даже целая серия их. Меньшинство заявляет, что на севере никогда не было иной жизни, кроме той, что есть и сейчас.

– Маловероятно, – сказал Джелико.

– Да. Не похоже на обычный вариант по всей галактике, когда есть вода и подходящая атмосфера. Выветривание производит почву, и постепенно, рассуждая эволюционно, появляются разные формы жизни.

– Но ведь на Кануче есть туземная жизнь.

– Да. Мало и на низком уровне на севере, как я уже сказал. Юг располагает относительно богатой флорой. Фауна по числу видов бедна, но существующие виды представлены многочисленными организмами. Например, туземные быки и несколько видов дичи, которую у нас стали разводить на фермах.

– А что в море?

– Та же общая картина во всех четырех океанах. Небольшое число видов, но очень многочисленные популяции. А в небольших водоемах на севере и юге жизнь очень бедна или вообще отсутствует.

– Что-то здесь все-таки произошло, – заявил капитан. – Когда-нибудь ученые Федерации или самого Кануча узнают, что именно.

– Мы тоже надеемся, – ответил Эдру.

Раэль уставилась в тарелку. Ей не нужно было слышать больше или читать какие-нибудь документы, чтобы душой и сердцем убедиться, что Али Камил прав. Холодок от осознания этого заполнил ее. В прошлом Кануч, планета звезды Халио, подвергся страшным и, может быть, неоднократным ударам. Они уничтожили почти всю фауну и флору, которыми должна была располагать такая планета, предоставив выжившим видам развиваться в больших количествах.

Она подняла голову и посмотрела на промышленника, который продолжал излагать историю своей планеты.

– Наши предки из Первого Корабля поняли, что это не природный рай, говорил он, – и решили обратить недостатки планеты в преимущества и всю промышленность сосредоточить здесь, на севере. Юг они отвели сельскому хозяйству. Канучцы с самого начала хотели полной независимости и самообеспечения, и так как заселение совершила одна тесно сплоченная группа, наши предки имели возможность выработать точные планы еще до того, как корабль опустился на поверхность. Кануч оказался способен снабдить нас всем необходимым, и основатели колонии сделали это главным принципом нашей жизни. Ни одно общество не может считать себя в безопасности от чуждого влияния, от уничтожения и голода, если оно в чем-то существенном зависит от привозных продуктов и

товаров. Не всегда получалось легко, бывали периоды сильных искушений, но мы до сих пор ценим мудрость наших основателей и придерживаемся их идеалов и правил.

Мак–Грегор сам происходил из города Кануча и гордился им, что стало ясно через несколько минут.

– Кануч – большой город, – сказал он. – Может быть, не мегаполис, но в нем не менее двух миллионов жителей и столько же еще в пригородах.

– Подобно другим канучским городам, Кануч состоит из множества независимых общин. Когда наши будущие основатели еще разрабатывали свои планы, было решено поселить рабочих рядом с местом их работы, идеально на расстоянии пешеходной прогулки, в крайнем случае – на небольшом расстоянии, которое можно преодолеть с помощью общественного транспорта.

Каждая община считается независимым образованием внутри города со своими школами, больницами, торговыми центрами, другими службами, образовательными и увеселительными организациями, что часто одно и то же.

Все общины соединяет превосходно развитый общественный транспорт, а гражданское правительство невелико и остается незаметным и эффективным.

Вся система дает хорошие результаты, и все поддерживается на достойном человека уровне.

– Отсюда вы как раз видите худшее, – сказал Мак–Грегор. – Дома в других местах расположены не так тесно, они разделены парками. Здесь же, в доках, очень большая потребность в рабочей силе. Как я уже упоминал, рабочие живут как можно ближе к месту своей работы. Здесь труппы, канучская их версия. Но подлинной бедности и всех связанных с нею проблем у нас нет.

– А зачем вам вообще доки? – спросил Ван Райк. – Воздушный транспорт дешевле, чище и эффективнее.

– Наши корабли тоже. К тому же они, взрываясь, не уносят с собой половину общины. Так происходило с большими воздушными транспортом в ранние годы освоения Кануча. Но с нас хватило первых случаев. К тому же корабли дают гораздо больше рабочих мест. Большинству инопланетян это не понятно, но на Кануче главная забота – предоставить всем работу. А вы, когда не находите работы, эмигрируете.

– А к чему тогда космопорт? – торопливо спросила Раэль, услышав раздраженные нотки в голосе хозяина. Федерация в целом не ободряла такую политику, когда ненужных жителей просто выбрасывают с

планеты. – Конечно, он дает хорошую работу, но крушение космических кораблей относится к числу самых страшных катастроф в истории Федерации.

– Космопорт за пределами города, – мрачновато ответил хозяин, – и мы требуем, чтобы корабли приближались и улетали со стороны суши.

– Больше потребовать нечего, – заметил Джелико, – а процедуры проверки в порту строги, как нигде.

Капитан некоторое время смотрел сквозь прозрачную стену.

– Что мы видим здесь внизу? Например, что это за большое белое здание справа?

– Это вклад «Каледонии, Инк.» в процветание Кануча. – Промышленник слегка сморщился. – Если бы я слушался своих инстинктов, а не глупых финансовых советников, в этом здании было бы на два этажа больше, но и так оно самое большое фабричное здание в городе. В нем работает около тридцати тысяч человек, не считая работающих на берегу и на кораблях и транспортах, а также поддерживающих линии снабжения.

– Фабрика? – переспросил Ван Райк.

Мак–Грегор кивнул.

– В основном. Мы называем это смешанным производством. Кое–что мы производим сами, но в основном собираем из частей, которые доставляются отовсюду. К тому же тут ведутся большие исследовательские работы.

– Так обычно поступают все местные крупные промышленники?

– Иногда да, иногда нет. «Каледония» производит оборудование для строительства и шахт, включая самое тяжелое, а также химикалии. Большая часть подготовительных работ ведется в глубине суши – по экономическим соображениям и ради безопасности. Небольшие машины целиком производятся здесь, а вот химикалии все без исключения поступают сюда по трубопроводам, здесь соединяются и как можно скорее увозятся. Мы не хотим держать их здесь. Большинство из них обладают свойствами, которые не позволяют держать их в больших количествах в населенных районах.

– А что производят другие фабрики?

– Все что угодно. Каждая большая компания имеет свою контору в городе, и большинство и производством занимаются здесь. Мало кто может устоять перед возможностями, открываемыми близостью гавани. Все производимое в городе Кануче можно увозить непосредственно отсюда, и транспортировка обходится значительно дешевле. А близость космопорта

создает дополнительные возможности для привлечения импортеров и экспортеров.

Ван Райк рассматривал водоем внизу, залив длиной в шесть миль и шириной примерно в милю; его темно-синяя вода свидетельствовала о значительной глубине.

– Могло быть и хуже, – заключил он. – Именно поэтому ваши предки остановились на этом месте?

– Естественно. Это одна из лучших гаваней на планете. Вы только взгляните. Двенадцать миль, по шесть на каждом берегу, с пологими берегами, удобными для сооружения заводов. Здесь охотно селятся люди.

Залив – мы его называем Стрейт или Нарроу – достаточно широк, чтобы пропустить любое судно, и настолько глубок, что в прежние времена его назвали бы бездонным.

– К тому же мы тут защищены от последствий дурной погоды Кануча.

Преобладающие ветры дуют параллельно этой части берега, и только при редчайшем совпадении обстоятельств тут бывает сильная буря. Но даже в этом случае она не страшна. Берега с обеих сторон защищают нас от ветров, а по Стрейту они проходят по диагонали. Ярость морского шторма сюда просто не доходит. С самого первого поселения в гавани всего четыре или пять раз были настоящие бури.

– Но опасность все же существует, – заметила женщина, – если не от природы, то от результатов вашей собственной деятельности. Продукты вашего производства могут быть легковоспламенимыми или нестабильными. Склоны достаточно круты, чтобы отразить внезапный огненный шквал. Остальная часть города не пострадает, но этот район будет уничтожен.

Мак-Грегор с новым уважением взглянул на нее.

– У вас острый взгляд, доктор, и к нему еще хорошая голова.

Основатели города сознавали этот риск. Во время войны кратеров мы разыгрывали возможные сценарии. Тогда Кануч производил много военного оборудования. Буквально в каждом порту имелось множество взрывчатых материалов и их составляющих, и все понимали потенциальную опасность этого. Мы твердо решили сохранить и свою прибыль, и жизни.

– Город Кануч ответил тем, что держал военное производство как можно дальше от жилых районов и гавани. – Мак-Грегор повернулся и бросил взгляд через плечо. – Видите эти красные доки на возвышении у устья Стрейта?

– Да.

– Они продолжают на некоторое расстояние вдоль морского берега. Все военные материалы грузились там. Ничего не произошло, хвала богу света и тьмы, но если бы корабль или док взорвались, большую часть ударной волны задержит возвышение, как оно задерживает бури. Мы пострадали от ударов волн, но не очень сильно.

– Но сейчас военное производство сократилось, говорю об этом с радостью, оно сосредоточено целиком на западном берегу, где населения значительно меньше. Красные доки мы используем для заправки кораблей, там горючее для космопорта, составляющие для его производства и другие вещества с капризным характером.

– А разве это не топливные танки? – спросил Ван Райк, указывая на три больших цилиндра у них под столом. Вдоль всего берега он видел примерно пятьдесят аналогичных сооружений. В некоторых местах они были сосредоточены гуще, но ни один район без них не обходился.

– Да, – голос промышленника звучал холодно. – Я стал очень непопулярен, когда пытался добиться их устранения.

– Один хороший пожар научил бы вас всех, – мрачно сказала Раэль.

– Несомненно, но больше всего за обучение заплатили бы бедняги, живущие и работающие поблизости.

Джелико вздохнул про себя. В конце концов они в результате этого разговора превратятся в специалистов по катастрофам. Если начнут сравнивать самые мрачные эпизоды истории, это уничтожит впечатление от прекрасной еды. Он хочет полностью насладиться великолепным тортом, который подал официант Чарлз.

Суперкарго придерживался того же мнения.

– Жители Кануча как будто делают все возможное для своей безопасности. Это и постоянная бдительность – больше никто не может что-то сделать. – Замолчав, он попробовал торт. – Великолепно! А какие другие грузы перевозят ваши корабли? В порту нет ни одного свободного дока.

Промышленник улыбнулся.

– Подробный рассказ о людях, которых взрывом разбрасывает по всей галактике, не способствует пищеварению, – согласился он. – Отвечая на ваш вопрос: почти все, что растет или изготавливается на планете, все, что ввозится с других планет, можно найти в этих доках в тот или иной момент.

– Большая часть компаний владеет портовыми сооружениями перед своей территорией. У «Каледонии» есть четыре обычных дока плюс два красных для химикалий. Остальные доки арендуются у города меньшими компаниями, независимыми фрейтерами и пассажирскими линиями.

– Независимые производители стремятся сосредоточить в одном месте аналогичные продукты. Это вполне разумно. У «Каледонии» есть собственные специалисты и оборудование, но большинство использует специалистов и оборудование сообща. Например, все, что производится на юге, сосредоточено в том месте, где кончается залив и встречаются берега, примерно под нами.

Три крупные корпорации получают большую выгоду от производства химических удобрений, хотя фермеры предпочитают свои собственные отходы. Но некоторые растения хорошо растут при подкормке нитратом аммония, и с их помощью в субтропиках собирают три урожая в год, а в умеренном климате – два.

– Нитрат аммония? – спросила Раэль, слегка нахмурившись.

– Обычная природная соль. На Кануче ее большие залежи.

– Что-то знакомое, – сказала она, – хотя не помню, чтобы она была на «Блуждающей звезде». Должно быть, ее перевозил один из других кораблей моего брата.

– Сомневаюсь, – сказал ей Ван Райк. – Ни межзвездной, ни межпланетной торговли ею нет. Это вещество в изобилии встречается по всей галактике.

Если какой-то планете оно понадобится, тут же находятся залежи, или всегда можно изготовить из составляющих либо найти замену. Кстати, не могу припомнить, чтобы на других планетах эта соль производилась в промышленных масштабах. Впрочем, память может меня подвести. Синтетика или животные продукты заменили это вещество повсюду.

Эдру кивнул.

– Верно. Но у нас ее очень много, и растения на нее хорошо реагируют.

Он указал на рабочих и машины, которые грузили среднего размера ящики на приземистый корабль.

– Этот фрейтер довольно интересен. У него претенциозное название «Морская королева». Принадлежит независимой компании и перевозит все, что вмещается в трюмы. Для Кануча это необычно. Большинство капитанов не любят разнообразие. Обычно предпочитают один-два типа грузов. Но не этот. Вчера утром она забрала у одного из моих конкурентов груз буров и обсадных труб, у другого – большое количество разнообразных мелких предметов; гвоздей, гаек, болтов – из металла и синтетики. Хороший товар, – неохотно добавил он, – хотя с тем, что производит «Каледония», сравнения не выдерживает.

Промышленник улыбнулся при этом проявлении шовинизма. «Ну,

жалок тот, кто не гордится своей собственностью.

– А сейчас что на нее грузят? – спросил Джелико, вглядываясь в лихорадочную суматоху, которая на самом деле, как он знал, была хорошо организованной операцией. – Имеете ли вы представление?

– Учитывая место швартовки, я бы предположил груз веревок и канатов.

Вчера вечером в этот док их привезли в большом количестве.

– Вы знаете все, что происходит в доках? – сухо спросил суперкарго.

Мак–Грегор рассмеялся.

– Вряд ли, мистер Ван Райк. Я уже говорил. Большинство доков принадлежат крупным организациям, и в них находятся аналогичные продукты и импорт; одинаковые продукты сосредотачиваются в одном и том же месте. Не знаю, что происходит в небольших независимых компаниях; некоторые из них пытаются сохранить в тайне свои дела. И я не мог бы узнать о них. – Глаза его сверкнули. – Конечно, если бы не решил, что это дело стоит некоторых усилий. – Гости понимали, что его положение и влияние позволяют ему добиваться своего если не официально, то другими путями. – Подобно большинству независимых компаний, у «Морской королевы» есть свои постоянные клиенты. И груз обычно постоянный, примерно тот, что я описал; вместе с ним какое–то количество нитрата аммония или бензола. Корабль три–четыре дня проведет в порту за погрузкой и заправкой, уйдет, потом вернется и повторит весь цикл. Никакой тайны в этом нет.

Заметив, что четверо кончили есть торт, Чарлз подошел к столу.

– Не хотите ли джейкек или кофе?

– Джейкек, – сразу ответил Джелико. Про себя он пожалел, что местный этикет не позволяет попросить вторую порцию торта. Давно уже он не наслаждался таким совершенным кулинарным мастерством.

– Джейкек, – с отсутствующим видом сказала Раэль.

Ван Райк неодобрительно взглянул на товарищев.

– Мне кофе, пожалуйста. Старое всегда лучше после такого обеда.

– Я тоже старомоден, – согласился Эдру. – Итак, две чашки джейкека и две кофе, Чарлз.

– Очень хорошо, сэр. – Официант ловко убрал грязные тарелки и приборы и незаметно, как и появился, исчез.

Несколько минут спустя он вернулся с подносом и поставил перед посетителями четыре чашки.

Джелико прихлебнул из своей.

– Не хуже, чем на Гедоне, – сказал он.

– Кофе тоже, – заметил Ван Райк. – Особый сорт, мистер Мак–Грегор?
Тот кивнул.

– Да. Секрет Макса. Мы легко можем установить ингредиенты, но пропорции остаются его тайной.

– Ну, это испортило бы очарование.

– Совершенно верно.

Раэль Коуфорт поднесла чашку к губам, но остановилась, глядя, по–видимому, куда–то в пространство. Неожиданно она со стуком поставила чашку, и остальные трое повернулись к ней.

– Мистер Мак–Грегор, – напряженно спросила она, – вы говорите, что нитрат аммония часто грузят в этом месте?

– Да, – удивленно ответил он. – Почти еженедельно. А в это время года и ежедневно. А что?

– Значит, город Кануч в смертельной опасности.

Глава 19

Лицо суперкарго потемнело, но Джелико резким взмахом головы заставил его промолчать. У самого Джелико сердце было охвачено холодом. И вызвали его не слова женщины, а та спокойная холодная уверенность, с какой она произнесла их. Такой тон требует внимания, тем более если знаешь эту женщину.

Эдру Мак–Грегор был недоволен, но его внимание тоже было привлечено к тону гостыи. Беспочвенно или нет, но она опасается за судьбу его города.

– Это старое безопасное поселение, доктор. Можно его толкнуть, сбросить на него контейнеры, переехать транспортом – ничего не случится.

– Да, но если неожиданно резко повысится температура, у вас в руках окажется атомная бомба. Я не преувеличиваю, мистер Мак–Грегор. Нитрат аммония показался мне знаком, не потому что я слышала о нем в связи с торговлей, а из–за моих собственных исследований. История ясно и громко говорит, что он может сделать. Это вещество уже вызывало смятение в галактическом масштабе, и здесь его столько, что при возможности оно буквально уничтожит все и всех на берегах, а может, и весь город в придачу.

– Вы уверены? – негромко спросил капитан «Королевы Солнца».

– Да. Случай, о котором я читала, произошел в далеком прошлом. Как сказал мистер Ван Райк, нитрат аммония сейчас не часто встречается в торговле, но в прошлом он причинял несчастья и может причинить еще. А город Кануч может послужить примером этого.

– Она права, если это проклятое вещество так опасно, как она утверждает. Это место в конце залива – мы его называем Чаша – худшее для несчастных случаев со взрывчаткой. Я займусь этим, доктор Коуфорт. Если ваши слова подтвердятся, то еще до того, как вы вылетите с моим чартером, нитратом аммония будут заниматься в красных доках. И все будет рассчитано так, чтобы рядом не оказалось летучих и легковоспламеняющихся веществ, которые могут усилить катастрофу.

– А найдете ли вы для этого место? – с сомнением спросил Ван Райк. На пристани все забито.

– Найду, в самом конце. Там слишком далеко, неудобно для погрузки, и потому многие причалы пустуют.

– За доказательствами вам придется обращаться в далекое прошлое,

предупредила Раэль, – к первым марсианским поселениям и к Земле докосмического периода.

– У меня для этого есть специалисты, доктор. Об этом не беспокойтесь.

Есть также возможность собрать доказательства более непосредственные.

Прошу меня извинить. Я вернусь через несколько минут. Тут есть защищенные от подслушивания будки. Мне нужно сделать несколько звонков.

Раэль посмотрела ему вслед, потом опустила глаза, избегая взглядов товарищей.

– Простите, – негромко сказала она.

– Он говорит, что в городе Кануче живет два миллиона человек, произнес Джелико.

Он отхлебнул из своей чашки и сморщился.

– Космос, женщина, почему вы хотя бы не подождали, пока мы кончим джейкек?

– Кофе хуже не стал, – заметил Ван Райк, хотя при этом нервно оглянулся. Вращение ресторана уже уводило Чашу из поля их зрения. Если произойдет что-то ужасное, конечно, эффект от этого перемещения будет иллюзорный, но все равно приятно больше не видеть ее под собой.

Ван Райк нахмурился, что-то припоминая.

– Я думаю, она права, капитан. В первый год в Школе у нас был инструктором помешавшийся суперкарго. Я помню, он упоминал, что нитрат аммония опасный груз, потом, правда, его перестали перевозить. Мне кажется, он говорил также, что в древности его использовали как взрывчатку. Черт возьми, я должен был это вспомнить, как только...

– Спокойней, Ван, – сказал Джелико. – Даже ты не компьютер. А вот и наш хозяин.

Мак-Грегор не стал садиться.

– Идемте. Мы с вами будем свидетелями эксперимента.

Одним из звонков канучский промышленник заказал машину для своих гостей, и у входа в здание, откуда они вышли через несколько минут, их уже ждал большой четырехколесный пассажирский экипаж.

Он быстро пронес их по переполненным улицам и доставил к главному зданию гигантской фабрики «Каледония, Инк.»

Эдру кивнул стоявшему у входа охраннику и провел гостей внутрь.

– Здесь наш исследовательский отдел.

Они проходили через административные помещения, а не там, где собирают разнообразную продукцию. Здесь не было рабочих в комбинезонах с их минитракторами, подъемниками, манипуляторами, стадами роботов; строго и со вкусом одетые мужчины и женщины сидели за столами или торопливо проходили по, по-видимому, бесконечным коридорам.

Раэль снова поразилась удобству их торговых мундиров. Они не привлекали внимание; на них смотрели только из-за того, что их сопровождал хозяин.

Она сухо улыбнулась. Это справедливо только для парадных мундиров.

Они вовсе не так респектабельно выглядели бы после нескольких часов работы с грузом на слабомеханизированных космопортах планеты Квикса Таборе или на Амазоне, планете звезды Индра.

– Вот и исследовательский центр, – сказал наконец Мак-Грегор, указывая на знак на большой двойной вращающейся двери, которую он открыл перед ними.

По другую сторону их ждал еще один лабиринт коридоров, внешне такой же, как и только что оставленный, только проходившие по ним люди были в белом. У большинства волосы убраны в сетки, а на руках – легкие лабораторные перчатки, стандартное оборудование на таких предприятиях по всей Федерации.

К ним подошла женщина-техник, примерно ровесница Дэйна Торсона, как рассудила Раэль.

– Мы готовы, мистер Мак-Грегор.

– Ведите.

В ответ она открыла дверь слева; когда они прошли, дверь неслышно, но плотно закрылась за ними.

Они оказались в большом коридоре или проходе, примерно в пять футов шириной. Он полностью окружал просторную комнату, отделяясь от нее стеной из бесцветного прозрачного материала. Потолок комнаты покрывало множество огоньков и самых разнообразных инструментов, приборный щит, не менее сложный, чем на мостике «Королевы». Пол состоял из сплошного листа тусклого металла без всяких швов.

Комната была совершенно пуста, только в самом ее центре стоял металлический шар примерно с фут в диаметре.

– Контрольная панель здесь, – сказала женщина.

Они прошли по периметру комнаты и оказались у квадратной двухфутовой доски с шкалами и кнопками, вполне соответствовавшей

потолку внутри.

– Этот шар – миниатюрная лаборатория, – объяснил Эдру. – Мы помещаем внутрь вещество, которое нужно испытать, закрываем верх и прикладываем нужную силу или средство. Чувствительные сенсоры измеряют результаты.

Управлять этим устройством легко, но оно очень прочное и снабжено специальными клапанами, которые выпускают газы, если давление становится опасным.

Джелико постучал по стене, отделявшей их от лаборатории.

– Стеклосталь?

– Конечно. Мы не рискуем, имея дело с потенциально опасными материалами. Эти шары прочны, но и они уязвимы; мои работники, имеющие с ними дело, тоже.

– А что сейчас?

– Мы более или менее моделируем трюм фрейтера. В лаборатории находится некоторое количество нитрата аммония, и мы хотим применить к нему различные раздражители.

– Вначале электричество, сэр? – спросила одетая в белое женщина. Или искру?

– Мне кажется, доктор Коуфорт упоминала внезапное резкое повышение температуры. Попробуйте прямой контакт с огнем.

– Хорошо, сэр.

Она склонилась к приборам управления. Пальцы ее осторожно коснулись одной кнопки, потом переместились на тонко калиброванную шкалу. И сразу с потолка спустился провод. Он на мгновение повис над шаром, потом отыскал небольшое отверстие вверху и проник в него.

– Мы начнем с относительно невысокой температуры – с обычного огня, сказала женщина-техник, – и каждые несколько миллисекунд будем ее увеличивать, пока реакция...

Закрытую комнату осветила мгновенная вспышка, за нею послышался приглушенный стенами грохот. Раэль инстинктивно закрыла лицо руками: прямо к ним от шара устремился горящий осколок.

В то же мгновение все кончилось. Придя в себя, зрители со страхом посмотрели на то место, где стояла миниатюрная лаборатория. От нее осталось только почерневшее место на полу и несколько изогнутых обломков, разбросанных по всему помещению.

– Боже света и тьмы! – прошептала женщина. – А ведь клапаны действовали...

– Они просто не успели справиться, – резко ответил Джелико. Он

коснулся пальцами места на стене, где с противоположной стороны осколок оставил вмятину. Если бы стена не выдержала, осколок перерезал бы ему горло. – Ваша маленькая лаборатория не была создана для такой старомодной грубой силы, – продолжал он. – В ней должны были проводиться эксперименты, а не взрываться бомбы.

– Что? – резко спросил Мак–Грегор.

Ван Райк пожал плечами.

– А как еще это назвать? Даже внешне похоже: круглый металлический шар, наполненный взрывчаткой, с торчащим из него фитилем.

– Во всяком случае, она вела себя как бомба, – согласился Эдру. Он повернулся к своей служащей. – Вы, конечно, все записали?

– Естественно. – В ее ответе не было вызова. Это ее работа; она знает, как с ней справиться. – От лаборатории тоже поступили некоторые сигналы. Но что именно, не узнаю, пока не расшифрую.

– Займитесь этим, потом повторите испытание в разных условиях.

Используйте недорогие корпуса. Мы можем включить эти расходы в счет общественной необходимости, но скорой выплаты нам не дождаться.

Она улыбнулась.

– Да, сэр.

– И ради бога света, не подвергайте себя и других опасности.

Возможно, это помещение безопасно, но бомбу, способную взорвать планету, оно не выдержит.

– Я буду осторожна. Что же нам делать, мистер Мак–Грегор? Если взорвется груз, взрыв будет бесконечно сильнее нашего хлопка. И он не будет заключен в стерильной, пустой, защищенной комнате; к тому же начнут рваться другие трюмы. Как только начнется цепная реакция взрывов, тут развернется настоящий ад.

– Прежде всего не паникуйте. Мы должны собрать все доказательства, и я с ними обращусь в городской совет. К счастью, все члены совета так или иначе заинтересованы в гавани. Это поможет загнать иглу им под ногти.

Доктор Коуфорт, для подкрепления доказательств мне понадобится ваша историческая информация.

– Я на «Королеве» временно, и у меня ничего с собой нет. Однако я сообщу вашим исследователям, в каком направлении искать.

– Хорошо. Передайте подробности мне, как только окажетесь на корабле.

У мистера Ван Райка есть мой код.

Промышленник резко взмахнул головой.

– Я проявил невнимательность. Пора провести еще одно эвакуационное учение.

– Эвакуационное? – переспросил Ван Райк.

– Война кратеров пощадила Кануч. Но многие другие планеты – нет. Я видел записи. И там, где происходили боевые действия, и там – это еще страшнее, – где общей неразберихой воспользовались пираты. Я видел также, что происходит с людьми, которые не умеют вовремя принять меры против природных катастроф – бурь, землетрясений и тому подобного.

– Все мои работники должны держать под рукой недельный запас концентратов, воды, медикаментов первой помощи, все необходимые дополнительные лекарства, одеяла на всех членов семьи и животных плюс палатку или другое легко собираемое укрытие, а также передатчик.

Периодически я приказываю закрыть фабрику, остановить производство и линии подачи материалов, взять с собой запасы, оставить город и уйти на плоскогорье за ним. Единственное исключение делается для больных, калек и работников непрерывных производств. Я намерен спасти жизнь своих подчиненных, а не подвергать их опасности.

– И они согласны? – спросила Раэль.

Мак–Грегор улыбнулся. Космонавты вынуждены признавать дисциплину, но такое слепое повиновение чуждо сознанию вольного торговца.

– Ну, у меня всегда есть возможность убедить колеблющихся. А кто не соглашается, обнаруживают извещение об увольнении. К тому же один из немногих случаев, когда город Кануч серьезно пострадал от морской бури, произошел всего несколько лет назад. Метеорологи предсказали эту бурю, и так как мои люди были сосредоточены в самых опасных местах, я приказал провести полную эвакуацию. Конечно, они провели ужасную ночь, но когда пришла вода, никто не пострадал, а те, у кого пострадали дома и имущество, получили финансовую помощь для восстановления.

– Остальное население получило указания эвакуироваться гораздо позже.

Конечно, началась спешка, смятение, а в конце и легкая паника. В результате несколько человек погибли, многие были ранены – в основном те глупцы, которые вообще отказались эвакуироваться.

– Моя политика прошла испытание, и с тех пор, когда я требую провести учебную эвакуацию, никто не сопротивляется.

Губы его сжались.

– Теперь я вижу, что это даже важнее, чем я сам сознавал. Опасность

гораздо ближе к нам, чем случайное нападение со звезд или необыкновенное стечение плохой погоды с геофизическими изменениями.

Эдру расправил плечи.

– Это дело мое и города Кануча. Спасибо вам троим, вы очень помогли.

Мне понадобятся также ваши показания, всего лишь отчет о нашем сегодняшнем разговоре плюс все ваши сведения о нитрате аммония.

– Это не составит труда, – за всех ответил Джелико. – К несчастью, подробностей я не знаю, но мы поднимем все торговые записи и, может, что-нибудь найдем. Ван и Раэль, конечно, сделают все, что смогут.

– Еще раз спасибо. А сейчас мне нужно уйти. Возвращаясь к первоначальной цели нашей встречи, капитан, как скоро можете вы принимать груз?

– Немедленно.

– Тогда начнем завтра утром. – Он повернулся к Раэли. – Вот моя карточка, доктор. На ней мой личный код. Я не забыл о своем предложении.

Дьявол, в конце концов вам совсем не обязательно заниматься торговлей.

Назовите сами, и если у нас такой должности нет, я создам ее для вас.

Она серьезно кивнула.

– Я подумаю об этом, мистер Мак-Грегор. И если откажусь, то не из-за неблагодарности.

Глава 20

Джелико следил, как погрузчик–манипулятор космопорта подает в широко раскрытый грузовой трюм «Королевы» огромный, обвязанный металлическими лентами ящик. Раэль ловко управляла универсальным погрузочным устройством в трюме. Она сделала знак Ван Райку, сидевшему за контролем. Потом махнула рукой, и портовой погрузчик отсоединился.

Ящик исчез в люке, а там его принял Дэйн и окончательно установил на место.

Джелико подошел к суперкарго.

– Последний большой груз?

– Да, – ответил тот, выключая мотор и вставая. – Остались только эти ящички. – Он указала на груды контейнеров различного размера и формы. Все они были герметически закрыты. – С этими мы можем справиться вручную, если понадобится. Но никакой шепчущий не заставит этим заниматься, если есть помощь. А совсем мелкий груз начнет поступать только завтра утром.

– Вы с Торсоном справитесь без помощницы?

– Мы справлялись и до ее появления. – Он повернул голову. – Коуфорт!

Спускайтесь! Капитан предъявляет на вас права.

Спустя несколько секунд женщина присоединилась к ним.

– Что теперь? – спросила она с улыбкой. Говоря, она вытирала руки о ткань рабочего костюма. Даже с помощью машин погрузочно–разгрузочные работы – тяжелый труд.

– Как сказал Ван, я хочу на несколько часов воспользоваться вашей помощью.

– Конечно. – Она заметила, что он арендовал флаер, и оглянулась на корабль. – Мне нужно несколько минут, чтобы умыться и переодеться...

– Не нужно. Возьмите только шапку и очки для защиты от лучей Халио.

– Слушаюсь, – ответила она.

Очень скоро она вернулась.

– Готово.

– Прекрасно. – Джелико указал на пассажирское сидение флаера. Садитесь.

– Удачи с вашими ящерицами, – крикнул ему вслед Ван Райк.
Капитан нахмурился, но в прощальном жесте поднял руку.
– Только проследи, чтобы ни один из этих ценных грузов не остался тут на ночь.

С этими словами он включил двигатель, и машина, легкий четырехместный пассажирский флаер, начала удаляться от «Королевы».

Джелико негромко рассмеялся.

– Он прав насчет ящериц. Я украл вас для осуществления личных планов.

– Я так и подумала, – ответила Раэль. – На заднем сидении камера для трехмерной съемки, если не ошибаюсь. А что с ящерицами? – с любопытством спросила она. – Мне казалось, на Кануче, особенно здесь, на севере, нет ничего достойного из фауны.

– Ничего в смысле разнообразия, размеров или интеллектуального развития, – поправил он ее. – Но то, что есть, интересно и важно, просто потому, что оно здесь.

– Хороший пример – ящерицы, которые меня интересуют. Маленькие, трех дюймов, не считая такой же длины хвоста, крылатые, великолепного зеленого цвета. В естественной среде встречаются довольно часто, но в неволе не живут – законы сохранения природной среды на Кануче запрещают дальнейшие попытки их содержания в неволе. И до сих пор никто не сумел изучить их и заснять. Как только человек показывается, даже вдали, все ящерицы тут же прячутся в листве. Если их находят, они сворачиваются в тугой комок и не разворачиваются, пока чужак не уйдет. Рассчитывают на защитную окраску и яд в шкуре.

– Было предложено несколько объяснений остроты их чувств, особенно с учетом того, что они так же реагируют на установленные человеком приборы длительного действия. У меня есть своя теория, но я не стал бы о ней упоминать перед другими людьми, иначе решат, что я наслушался шепчущих.

– Я польщена. И каково же ваше объяснение?

– Все объясняется каким-то типом телепатии. – Он поднял руку, увидев ее недоверчивое выражение. – Я не говорю о том, что показывают в видеолентах и о чем пишут романисты. Нечто более примитивное. Например, способность ощущать интерес к ним. В диких условиях это может означать немного: либо потенциальный партнер, либо потенциальный хищник.

Возбужденный ксенобиолог вполне сойдет за хищника.

– Возможно, вы правы, – медленно сказала она. – Биологически у них

нет причин развивать более дифференцированное восприятие, а люди появились на сцене слишком недавно, чтобы внести какие-то изменения в этот механизм.

– Я тоже так решил.

– А какова моя роль?

– Я хочу поставить эксперимент. Возможно, ваше присутствие позволит мне сделать несколько хороших снимков.

– Но я не могу привлекать их. Я вам говорила, что я не...

– Не прямо, может быть, но я видел, как реагируют на вас Синдбад и Квикс. Кошки давно знакомы с людьми и способны привязываться к ним. Но о Хубате этого не скажешь. Вы очаровали моего шестиногого товарища, и я надеюсь, что нечто подобное произойдет и с зелеными ящерицами Кануча. Во всяком случае попытка не повредит.

– Вероятно, вы правы.

Женщина замолчала, и капитан вопросительно взглянул на нее. Она сидела неподвижно, с серьезным выражением, опустив глаза.

Джелико вздохнул.

– Это не испытание, Раэль. Если не хотите, можете просто смотреть, или вообще мы можем вернуться.

Она подняла голову.

– Я знаю, что для вас значило бы, если бы нам удалось. Просто не хочу разочаровать вас.

– Это невозможно. Если не получится, значит так тому и быть.

Конечно, это дело для него очень важно, но Джелико постарался сдержать свое возбуждение. Способности Раэль – конечно, если они у нее есть, – не проявятся, если она будет слишком возбуждена. Космос, он вовсе не хочет ее расстраивать.

– Вы не успели поесть, – сказал он. – Пошарьте сзади. Там сэндвичи, приготовленные для нас Фрэнком. Вероятно, считает, что мы отправляемся на настоящий пикник. Но если у нас получится, мы будем слишком заняты для еды, а если нет – успеем вернуться на корабль к обеду. В любом случае у вас в ближайшее время не будет возможности поесть.

Женщина не противилась. Она с удовольствием съела сэндвичи стюарда, и из-за голода, и потому, что они оказались исключительно вкусны.

– Обращайтесь хорошо с мистером Мурой, – посоветовала она. – Его нельзя недооценивать.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь из экипажа «Королевы» совершил такую ошибку, друг мой.

Не успел флаер покинуть территорию космопорта и удалиться от города, как характер местности под ними резко изменился, по мнению Раэли, в худшую сторону. Желтоватая поверхность стала такой жесткой, что ее скорее можно было рассматривать как камень, а не как почву. И сухой. Только кое–где ее разрезали глубокие русла речек и ручьев. Растительность редкая и чахлая даже у воды. И нигде она не росла в значительном количестве, даже там, где от выветривания образовался слой почвы.

– Все плоскогорье вокруг города такое, – сообщил Джелико.

– Кажется, оно тянется бесконечно, – с отвращением ответила женщина.

– Это полоса примерно в двадцать миль шириной и около трехсот длиной.

Но за ней увидим более типичную внутреннюю местность. Тоже, конечно, не очень богатую, но там есть кое–какое разнообразие.

Когда они достигли конца плоскогорья, переход оказался очень резок.

Местность стала более влажной. Появилась настоящая почва, на которой рос довольно густой покров растительности, в основном травы по колено высотой.

Общий цвет – зеленый, с чередующимися более светлыми и темными пятнами, и Джелико сообщил своей спутнице, что там, среди стеблей и листвы живет почти все разнообразие дикой фауны северного полушария. Большинство животных небольшие и довольно низко стоят на шкале разума.

Капитан опустил флаер на землю.

– Посмотрим, сумеем ли найти фотогеничных зеленых ящериц, доктор.

Забрав свое съемочное оборудование и пару биноклей, он медленно двинулся в сторону от машины, шел осторожно, будто хотел стать частью окружающей местности. Взяв свою часть груза, Раэль постаралась как можно лучше подражать ему.

Они прошли несколько сотен ярдов, когда капитан предупреждающе поднял руку.

– Достаточно. Тут их должно быть несколько поблизости. Другое дело, сумеем ли мы их снять.

Джелико направил бинокль на полоску растительности и начал внимательно ее рассматривать. Ни признака маленьких животных он не увидел и перешел к следующей полоске.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем он удовлетворенно

распрявился.

– Вот! Я вижу их несколько. Смотрите. Похоже на клубки мха.

Женщина тоже увидела их. Видны были места, где конечности соединяются с телом, где находится голова. Но никакого признака жизни.

Должно быть, очень красивые малышки, подумала она, с их зеленым цветом и крыльями. Хорошо бы посмотреть на их полет или просто получше рассмотреть.

Если таков их типичный ответ на интерес со стороны других форм жизни, эти зеленые ящерицы – безвредные мирные медлительные существа. Но ответ вполне удовлетворительный, потому что в коже у них есть железы, выделяющие яд. Тот, кто укусит их, никогда больше не повторит такой опыт. К несчастью, людей таким способом не отпугнешь, и она была рада, что власти Кануча принимают меры для сохранения этих маленьких существ.

Раэль вспомнила, с какой целью участвует в этой экспедиции. Она не знала, с чего начать, и решила просто доброжелательно думать о ящерицах.

Если Джелико прав и они способны уловить проявленный к ним интерес, может, поймут и ее настроенность.

Особого напряжения не требовалось. Она расположена к этим существам, сочувствует их положению, считает, что с их стороны очень разумно избегать людей, но хотела бы, чтобы в данном случае они сделали исключение. Ни она, ни Джелико не хотят им зла. Хотят только немного понаблюдать за ними и сделать несколько снимков для позднейшего изучения и наслаждения...

В течение нескольких минут казалось, что эксперимент потерпит неудачу; потом из живого шара высунулась крошечная заостренная мордочка и робко осмотрелась. Несколько секунд спустя развернулось все тело, и сразу вслед за этим развернулась и вторая ящерица.

Животные начали по стеблям травы подниматься к нижним листьям.

Добравшись до больших листьев – они уже начали прогибаться под тяжестью, ящерицы освободили передние лапы, продолжая цепляться задними, и повисли; раскрылись бледно–зеленые крылья и медленно забились, поддерживая тела животных на весу.

Несколько раз головы ящериц касались поверхности листа. Кормятся?

Ловят насекомых или поедают какие–то выделения растений? В бинокль этого не видно, но съемочная аппаратура капитана позволяет добиться очень большого увеличения, и позже они получают ответ и на этот вопрос, и на много других.

Примерно с час две зеленые ящерицы перелетали с листа на лист.

Наконец обе спустились на землю и исчезли среди стеблей. Через несколько мгновений густая растительность совершенно скрыла их от взгляда наблюдателей.

Женщина с трудом перевела дыхание.

– Какие удивительные! – сказала она.

Джелико взглянул на нее, как не раз уже делал в течение этого часа.

Она была полностью поглощена наблюдением за маленькими существами, больше, чем он сам, и явно наслаждалась. Была счастлива и открыта. Он понял, что впервые с того времени, как он ее знает, она убрала свою защиту.

Глаза ее ярко сверкали, но теперь прочесть, что таилось в них, было уже невозможно.

– Как вы думаете, получилось? – спросила она.

Он уложил камеру в футляр.

– Если получится хотя бы несколько снимков, мы вполне достигли своей цели. Спасибо, Раэль Коуфорт.

– Пожалуйста, – ответила она, радуясь за себя и за него, – хотя не могу сказать, что я сделал очень много. Я вообще ничего особенного не чувствовала.

– И все же вы, вероятно, помогли, – сухо ответил он. – Учтите, что никому с самого момента открытия не удавалось наблюдать за этими существами.

Женщина нахмурилась.

– Капитан, а как вы это объясните? Мы ведь сами этого не понимаем.

– Я и не пытаюсь объяснять, – кратко ответил он. – Тут не обойтись без телепатии.

– Не может быть! – резко ответила она. – Вы ведь ученый.

– Конечно, – согласился он. – Могу только сказать, что мы полны были надежды, у нас не было того возбуждения, что сопровождает охотничий инстинкт. Больше ничего не скажу, потому что в сущности сам не понимаю, что произошло. Вероятно, вы не хотели бы участвовать в исследовании экстрасенсорных способностей?

– Космос, конечно, нет! Я предпочту улететь на хвосте кометы. – Она вздрогнула. – Помимо того что могут начаться неприятности, связанные с моим происхождением, я слишком хорошо знаю медицинскую информацию.

Никакого экстрасенсорного восприятия нет и не будет по крайней мере в ближайшие десятилетия – или даже столетия. Сейчас во время таких

экспериментов просто разводят людей на недели и месяцы и иногда забывают вернуть их назад.

– Я так и думал, – согласился капитан. – Мы не можем опубликовать рассказ о нашей попытке. Могут прочесть не те люди и заинтересоваться. И ни я, ни Тиг не сможем защитить вас. Экстрасенсорные исследования правительственный проект, и если бы вы им действительно понадобились, они бы вас получили.

– От меня они ничего не услышат! – яростно ответила она. Раэль искоса взглянула на капитана. – Вы очень обеспокоены, – заметила она. – Во всем умеете находить плохую сторону.

Джелико негромко рассмеялся.

– Таковы требования моей работы. Капитан звездного корабля, у которого отсутствует эта способность, протянет недолго. К несчастью, вместе с ним обычно гибнет его корабль со всем содержимым.

Он постучал пальцами по приборам флаера. Решительно посмотрел на нее.

– Раэль, я хотел бы получить несколько ответов. От меня никто ничего не узнает, и я понимаю, что превышаю свои полномочия, но...

Она вздохнула.

– Мне хотелось бы больше помочь вам с животными. Вероятно, это возможно, и я займусь этим, но сейчас я просто ничего не могу добавить. Не знаю, что тут случилось и случилось ли вообще что-нибудь. И, конечно, никакого объяснения у меня нет.

– Я его и не требую.

– А что же вам нужно?

– Ничего. Просто хочу задать несколько вопросов. – Он внимательно смотрел на нее. – Что случилось с вами в «Красном гранате»?

У нее перехватило дыхание, она начала хмуриться, но справилась с собой. Али и остальные – товарищи и подчиненные этого человека. Они должны были подробно описать ему этот инцидент, даже если умолчали о нем в присутствии патрульных.

– Меня охватила паника.

– Да. Но почему?

Глаза ее дрогнули.

– Я почувствовала... что-то. Не знаю, что именно, хотя попыталась сформулировать. Может, коллективный голод крыс, может, последствия страданий и ужаса жертв. Что-то грязное. Вероятно, крысы всякого входящего в переулок рассматривали как свою потенциальную жертву, и я это ощутила. Она вздрогнула. – Меня просто там душило, зло разлилось по

всему месту.

Мне... мне нужно было уйти оттуда!

Она овладела собой.

– Я подумала также – все–таки способность думать я сохранила, – что если убегу, остальные последуют за мной. Конечно, в результате чуть не последовала драка...

Губы ее сжались в тонкую линию.

– У меня нет оправданий. Я сорвалась, и у вас есть полное право выбросить меня с корабля.

– Ни один из моих парней не говорил об этом, – спокойно возразил он.

Она оторвала взгляд от сжатых рук.

– Вы бы сделали это?

– Нет. Я бы выполнил ваш контракт. Срок вашей службы почти кончился, и с нами в космос вы не полетите.

Она кивнула. Джелико некоторое время смотрел на нее. Если он хочет услышать остальное, нужно спрашивать сейчас, пока она деморализована.

– Как вы можете работать врачом? – прямо спросил он. Ответ может дать ему возможность поглубже узнать ее.

– Тут у меня нет никаких проблем, – без колебаний ответила женщина.

Она свела брови, пытаясь лучше выразить свою мысль.

– Я определенно не то, что обычно называют эмфатом. Я не испытываю боль или эмоции другого человека, но чувствую... тревогу, когда рядом кто–то болен или ранен. Не очень приятное чувство. В сущности, это ужасно, но меня оно не расслабляет.

На мгновение ее охватил гнев.

– Так я нашла беднягу помощника с «Русалки». Я знала, что что–то не так, принялась искать и нашла его. Если бы не я, он, вероятно, умер бы на месте. Слейт и не подумал искать его. Этот подонок даже не зашел к нему, когда он умирал. – Голос ее дрогнул. – Черт возьми... – пробормотала она и смолкла.

Джелико коснулся пальцами ее руки.

– Вы были в своем праве, – мягко сказал он. – Вы ведь врач. Вы должны заботиться о людях.

Коуфорт отняла свою руку.

– Этот эффект не кумулятивен, – продолжала она, снова ровным и безличным тоном. – Я этого опасалась, но оказалось, что это не так. Мне удалось забыть о тревоге и обращаться с ним, как с обычным пациентом. Я смогла спокойно работать.

– Значит, ваш дар не производит на вас особого воздействия?

задумчиво спросил он.

– Ну, в некотором смысле производит. Я сразу распознаю наиболее серьезные случаи, от сердечных приступов до физических ран.

– А что было во время эпидемии?

Она покачала головой.

– Тогда я не испытывала ничего, кроме постоянного страха и горя, но я ведь тогда была ребенком, и мы все очень испугались. С тех пор я выработала умение справляться с тревогой. Все остальное появилось, когда я подросла. Именно поэтому прежде всего я и выбрала медицину в качестве специальности.

Раэль, казалось, погрузилась в свои мысли и в течение некоторого времени молчала. Потом неожиданно встала и посмотрела ему в глаза.

– А что сейчас, капитан?

– Летим на «Королеву». – Он положил руки на приборы, но не стал сразу включать двигатель. – Не знаю, как живется в организации Коуфорта, но «Королева Солнца» приветствует на своем борту все полезные способности.

Это распространяется на пассажиров и временных членов экипажа. Подумайте об этом.

Не долетая пригородов Кануча, Джелико снова остановил машину.

Раэль удивилась. Взглянув на капитана в поисках объяснения, она увидела, что он смотрит куда-то далеко вперед.

– Что-то случилось? – беспокойно спросила она.

– Да, но «Королева» завтра улетает.

– Правда. К полудню доставят последние грузы из «Каледонии».

– Вы примете предложение Мак-Грегора?

– Нет.

– Подумайте, Раэль. Он обещает не зря. Такого шанса у вас больше не будет.

– Вы хотите, чтобы я приняла это предложение? – осторожно спросила она.

– Что я хочу, неважно. Это ваша жизнь, и решение предстоит принять вам.

Женщина покачала головой.

– Нет, я не собираюсь его принимать. Мне не нравится Кануч. Это родина Эдру Мак-Грегора, и он, естественно, его любит. Не хочу говорить ему, что я чувствую, но из всех планет Федерации, на которых я могла бы поселиться постоянно, эта на последнем месте. К тому же я вообще не хочу

покидать звездные линии. Здесь я родилась, и здесь мое место.

Джелико опустил глаза. Он увидел, что так крепко сжимает ручки управления, что пальцы его побелели, и торопливо разжал руки.

– Вероятно, это разумный выбор, хотя и не самый выгодный с материальной точки зрения, – сказал он.

Она серьезно смотрела на него.

– Я ответила на ваш вопрос. Теперь ответьте на мой. Вы хотите, чтобы я приняла предложение мистера Мак–Грегора?

– Нет. Не хочу. Мак–Грегор автократ, может быть, желающий добра, но тем не менее деспот. А вольный торговец слишком независим, чтобы долго оставаться у кого–то под контролем.

– И вы бы отпустили меня, несмотря на это?

– У меня нет права задерживать вас, Раэль, хотя я высказал бы свои соображения и постарался бы вас переубедить, если бы вы дали противоположный ответ.

Его взгляд оставался серьезным.

– Значит, вы остаетесь ни с чем. Есть у вас какие–нибудь конкретные планы?

Коуфорт кивнула.

– Я собираюсь поговорить с Диком Татаркоффом. У него всегда не хватает людей, и теперь у него есть повод уважать мои способности. Если не получится, проживу здесь какое–то время. Порт оживленный, и рано или поздно я найду себе место, даже если снова придется наняться на один рейс.

Она видела, что он нахмурился, и слегка пожала плечами.

– Если же придется задержаться дольше, могу здесь найти работу и скопить немного кредитов. В больницах Кануча найдется место для врача на часть ставки. Ну а в самом плохом случае поступлю на работу к Эдру Мак–Грегору.

– Звучит разумно, – сказал он, не глядя на нее. – Должен признаться, что мне не хотелось оставлять вас просто так.

– Ну, я не из тех, кто умирает с голоду.

– Да, я вижу.

Голос ее стал мягче.

– Спасибо, капитан Джелико, – сказала она. Села прямее. – Давайте вернемся и проявим эти снимки. Умираю от желания поскорее увидеть их.

Глава 21

Джелико вздрогнул. Даже так далеко от берега морской бриз резкий и холодный и останется таким, пока Халио не прогреет поверхность настолько, что термальные потоки повернутся и город будет затоплен горячим сухим воздухом с суши.

Перемена направления бриза, независимая от постоянных параллельных берегам залива ветров, настоящее благословение для жителей города в жаркие летние месяцы. Днем над улицами нависает горячая дымка, но ночью люди укрываются легкими одеялами.

Раэль присоединилась к Джелико у люка, и они спустились вместе. У обоих были дела в городе. Капитан намерен был вернуть флаер в прокатный пункт, чтобы не платить за второй день, а Раэль попросилась с ним, потому что он будет проходить недалеко от фабрики «Каледонии». Она хотела ответить Мак–Грегору лично или по крайней мере принести в его контору письмо, если его там не окажется, а не говорить через передатчик «Королевы», когда они подготовятся к старту. Он заслуживает такой вежливости с ее стороны.

Она улыбнулась, занимая свое место на пассажирском сидении. Накануне флаер хорошо послужил им, перевезя весь экипаж в ресторан, выбранный для последнего ужина на планете. Ужин удался. И хоть ели они не в «Двадцать втором», еда оказалась хорошей, и все наслаждались ею. Али Камил не меньше других. Казалось, он совсем успокоился. Мрачное прошлое планеты и нависшая над ней угроза подтверждали истинность его дара. Само по себе это было облегчением, тем более что они скоро оставят опасную планету.

– Пролетим через Чашу, – сказал ей Джелико. – Так немного длиннее, но я хочу взглянуть на корабли.

– Вы капитан. К тому же я и сама не прочь посмотреть на них. – Она сдержала зевок. – Мне пришлось очень рано встать, чтобы увидиться с мистером Мак–Грегором. Надеюсь, он тоже встает рано.

– Он? Готов поставить все свои кредиты за это. Он не стал бы тратить ценные дневные часы в постели.

– И вы не должны их тратить, – сказала она, – ожидая меня. Высадите меня, верните флаер и возвращайтесь на «Королеву». Я доберусь сама.

– Нет. Ван спросит, не спятил ли я, упустив возможность нанести визит вежливости такому важному клиенту.

Вскоре они увидели океан. В доках Чаши стояли только два больших корабля: низкая прямоугольная «Морская королева» и другой корабль, «Салли Сью», несколько большего размера. Их обслуживало некоторое количество катеров.

Оба больших корабля служили центром активной деятельности. Джелико опустил флаер, чтобы лучше рассмотреть сцену.

– Смотрите, Раэль, – негромко сказал он. – Словно застывший во времени момент. Несколько столетий назад мы бы тоже занимались этим.

Она кивнула. Торговля у них в крови, и никто из них не удовлетворился бы ролью малоподвижного владельца магазина.

Раэль недовольно нахмурилась, наблюдая за деятельностью вокруг «Морской королевы». Внимательное наблюдение показывало тому, кто знаком в наукой перемещения грузов, что особого совершенства тут нет.

– Слишком суетятся, – заметила она. – Когда грузят товары в космический корабль, нет и половины этой суматохи.

Джелико готов был согласиться, но нахмурился. Суета – одно дело, бездействие – совсем другое. А тут множество рабочих доков просто стоит, оставив свой груз на месте. Ведь у них почасовая оплата. Ни на одной планете ни один капитан морского и космического корабля не потерпит такой пустой траты своих средств.

– Что-то случилось, – резко сказал он, стремительно посылая флаер вперед.

Еще через несколько мгновений они опустились у группы рабочих.

– В чем дело? – спросил Джелико.

– А тебе-то что, пес космоса? – спросил один из них. В его вопросе не было враждебности, просто чувство превосходства над космонавтом и гордость своей гораздо более интересной жизнью.

– Любой капитан сочувствует, когда чужой корабль в беде, – спокойно ответил Джелико.

– Небольшой пожар на «Королеве», – сказал рабочий. На лице Джелико появилось встревоженное выражение, и рабочий быстро добавил:

– Ну, это не то же самое, что у вас в космосе. Экипаж всегда может сойти на берег.

Ничего страшного. Вероятно, через несколько минут погасят.

– Может быть, – вмешался стоявший рядом старик.

Джелико с любопытством взглянул на него.

– Вы сомневаетесь?

– Я почувствовал запах дыма и поднял тревогу. По-моему, капитан

должен был бы забыть о сохранности груза и начать заливать огонь водой и пеной. Игра с паром не раз приводила к гибели кораблей.

– А при чем тут пар? – спросила Раэль.

Тот кивнул.

– Пар замещает кислород в воздухе, гасит огонь, при этом грузы сохраняются относительно нетронутыми. Но так можно действовать только на ранних стадиях пожара и в закрытом помещении. А если пламя получит возможность прорвать переборку между трюмами, тогда жди беды.

– Вы думаете, здесь так и случилось?

– Ну, точно не могу сказать, но пожар большой, если я его почувал, просто проходя мимо люка. Готов поставить несколько кредитов, что его еще не загасили.

– А давно гасят?

– Минут десять. Ого! Тревога. Вызывают пожарных. Это значит, что они сказали своему грузу «прощай». Смотрите, экипаж сходит на берег.

– Ну, особого ущерба не будет, – сказала Раэль, пытаясь вспомнить, что говорил Мак–Грегор о грузах этого корабля. – Всего лишь веревка.

Страховка все покроет.

– Конечно, но экспортеры не любят корабли, которые слишком легко жертвуют грузами. К тому же скоро сезон использования нитрата...

Раэль Коуфорт побледнела.

– Что?

– Нитрат аммония. Удобрение. Мои парни погрузили четырнадцать тонн в трюм номер два и двадцать в четвертый трюм только вчера вечером. А пожар между ними, в третьем трюме, где лежат веревки. Вероятно, во всех трюмах груз попорчен.

– Дух космоса... – прошептала женщина.

– Ну, это ведь самое обычное вещество, – удивленно сказал старик.

– Пока не поднесешь к нему пламя, – напряженно сказал Джелико. Тогда это бомба.

– Бомба? Что за...

– Мы недавно видели опыт, показавший это. Если корабль взорвется, будет планетарная катастрофа небольшого масштаба. Вы поступили бы умно, забрав свои семьи и уйдя отсюда подальше.

– Ну, да, – сказала одна из стоявших поблизости женщин. – И много ли нам заплатят, когда мы вернемся?

– Лучше потерять плату за несколько часов работы, чем совсем не получить ее, потому что вы будете мертвы.

– Я принимаю ответственность на себя, – сказал старик, подтверждая

впечатление космонавтов, что он старший у рабочих. – У меня ребенок в школе в районе Чаши. Заберу его, возьму жену и уйду на плоскогорье. И вы сделайте то же самое.

Он взглянул на пару у флаера.

– А вы двое?

– Нам тоже хочется жить, – ответил капитан.

Канучцы не стали тратить времени. Раэль не смотрела им вслед. Ее взгляд был устремлен на Джелико.

– Капитан, мы не можем...

Он нетерпеливо покачал головой.

– В той столовой должен быть общественный передатчик. Там пусто, потому что все посетители вышли посмотреть пожар. Хочу предупредить «Королеву» и космопорт. А вы позвоните Мак-Грегору и в Звездный Патруль.

Как и предсказывал Джелико, в первой же столовой они нашли свободные будки связи и оба заторопились передать предупреждение.

У передатчика «Королевы» дежурил Тан Я. Он, как и все остальные члены экипажа, слышал рассказ об эксперименте на «Каледонии», и потому ему особых разъяснений не потребовалось.

– Мы готовы стартовать, – сообщил он. – Все остальные на борту, хвала духу космоса. Сколько времени ждать вас?

Ему не хотелось спрашивать об этом, но ради безопасности корабля и экипажа нужно было установить пределы ожидания.

– Стартуйте немедленно и направляйтесь к плоскогорью за городом.

Садитесь в миле от его края и южнее, чтобы не оказаться на прямой линии взрывной волны и огня. Ждите нас там. Мы сообщим, когда погасят пожар и кончится суматоха. Если корабль взорвется, населению понадобится помощь.

Мы с Раэлью либо доберемся до вас, либо будем участвовать в работе спасателей.

Вероятнее, им самим тогда понадобится помощь, но капитан не стал об этом говорить.

– Выполним. Я передам предупреждение другим кораблям.

– Спасибо, Тан.

Повесив голову, Джелико вышел из будки. Он любил «Королеву Солнца» и всегда надеялся, что встретит смерть на ее борту.

Он расправил плечи и осмотрелся. Конечно, смерть на Кануче для них вполне вероятна, но он не собирался сдаваться. Никаких причин не верить

в то, что он и Раэль вернутся на корабль и улетят в холодные темные межзвездные пространства, где их подлинное место.

Ему пришлось несколько минут ждать женщину. Присоединившись к нему, она серьезно кивнула.

– Дозвонилась до обоих, – сказала она. – Мистер Мак–Грегор немедленно начинает полную эвакуацию. Он также свяжется с пожарными, чтобы сообщить им, что может нас ожидать, и предупредит больницы, чтобы перевели оборудование, особенно для оказания экстренной помощи, за город и были готовы к немедленному приему раненых. Полковник Кон передает просьбу о помощи в другие города по всему побережью. А как наши?

– Сделают, что смогут.

Вернувшись, они обнаружили, что на борту битва с огнем в полном разгаре. Пожарные корабли и флаеры заливали трюмы «Морской королевы» потоками пены и морской воды, их поддерживали машины, стоявшие в доке. На палубе виднелись ведущие борьбу с огнем пожарные.

Зрелище этой борьбы становилось все великолепнее, и толпы зрителей на берегу увеличивались. Рабочие задерживались после окончания смены или не торопились по своим заданиям; чиновники оставили свои столы и вышли из зданий или стояли у окон, откуда открывался прекрасный вид; многочисленные прохожие протискивались в док, чтобы занять место поудобнее. Раэль решила, что в Чаше только на берегу собралось не меньше четырех тысяч человек, да еще столько же рассеялось дальше и на противоположном берегу. Подошло много торговых и прогулочных катеров, держась так, чтобы не мешать работе пожарных.

– Идет белый пар, – заметил ее товарищ. – Похоже, им удастся справиться.

– Искренне надеюсь на это. Не возражаю, если после всего буду выглядеть спятившей. – Рот ее отвердел. Но пожар еще не кончился. – Если что–то случится, большинство этих людей будет убито.

И прежде чем Джелико понял, что она собирается делать, она начала проталкиваться между зрителями, проявляя немалое искусство в применении локтей и втискиваясь в промежутки, которых только что не существовало. Ему нелегко было успевать за ней.

Раэль не останавливалась, пока не достигла своей цели – пожарной машины. Ее команда, занятая своими делами, не замечала ее, пока она не поднялась на борт.

– Есть здесь громкоговоритель? – спросила она, прежде чем пожарные

опомнились и выпроводили ее.

– Конечно...

– Включите его!

Пожарный подчинился ее властному и настойчивому тону. К тому же огонь находился под контролем, а ему было любопытно.

– Люди, – сказала Раэль в поданный ей микрофон, – зрелище почти кончилось, но опасность остается. До последней искры, до того, как не будет залито последнее горячее место, сохраняется опасность большого взрыва. И здесь вы окажетесь в самом уязвимом месте.

Джелико мысленно одобрительно кивнул. Даже сейчас, когда пожар почти погашен, сообщение об истинных размерах опасности вызвало бы панику, и тогда погибло бы немало людей, которых они хотят спасти.

Дальше на берегу прозвучала сирена. Раэль глянула в том направлении, потом снова вернулась к микрофону.

– Перед приходом сюда я разговаривала с Эдру Мак–Грегором из «Каледонии, Инк». Смотрите, он уже начал эвакуацию фабрики и выводит своих людей из города.

Кто–то поблизости рассмеялся.

– Этот детский сад! И идут они парами, взявшись за ручки.

Раэль яростно взглянула в сторону говорящего, которого не смогла разглядеть.

– Это настоящая эвакуация, не тренировка, назначенная заранее. Как вы думаете, сколько это ему стоит? Люди типа Мак–Грегора не выбрасывают горы кредитов, если не верят в серьезную опасность. В последний раз, отдав подобный же приказ, он попал в цель, если мне рассказали правильно.

Аудитория встретила ее слова молчанием. Многие начали с тревогой оглядываться. Буря, на которую она намекала, произошла совсем недавно, и все о ней помнили.

Глаза Джелико холодно блеснули. Большинство зрителей склонны были разойтись, но требовались большие усилия, чтобы протиснуться назад, преодолеть общее давление толпы, и люди не настолько встревожились, чтобы попытаться это сделать.

Неожиданно Джелико схватил брандспойт и развернул его, поворачивая при этом головку. Мощная струя ударила в асфальт у самых ног зрителей, и ближайшие отпрыгнули с руганью, начали разбегаться в разных направлениях.

– Уходите, или, клянусь всеми богами Федерации, я полосну вас прямо по ногам. Если хотите остаться и умереть, у вас должна быть для этого

основательная причина. Я вам ее предоставлю.

Ближайший пожарный попытался оттолкнуть его, но тот, что дал передатчик, вмешался.

– Оставь его. Они правы. – Голос его упал. – Если «Королева» взорвется, дело не обойдется только кораблем и доком. Захватит всю Чашу, а может, и большую часть города.

Он взял микрофон у Раэль и громко сказал:

– Ну, ладно, ребята, расходитесь. Уходите из Чаши. Нас только что предупредили, что опасность детонации сохраняется. Если что-то случится, потребуется немедленная медицинская помощь. Расходитесь побыстрее. Вы задерживаете транспорт и мешаете доступу воздуха.

Зрители медленно начали расходиться. Многие из них испугались разговоров о взрывах и рады были уйти из опасной зоны, не выглядя трусами.

– Быстрота соображения, – сказал пожарный космонавтам. Он содрогнулся. – Все почти кончено, но я не был бы счастлив, работая тут, если бы знал, что нам действительно угрожало. – Он взглянул на уходящих горожан. – Вам лучше присоединиться к ним.

– Так мы и собираемся сделать, – заверил его капитан и легко спрыгнул на землю. Потом подал руку Раэли, помогая ей сойти.

Толпа почти разошлась, и потому им нетрудно было вернуться к своей машине.

Раэль раскрыла дверцу, но задержалась. Глаза ее были темными и тревожными.

– Если что-то случится, здесь потребуется врач.

– Но только живой! Садитесь!

Она не стала больше ждать и села в машину, как и Джелико.

Флаер поднялся на несколько футов над головами пешеходов и двинулся к узкой боковой улице, ведущей в район открытых доков.

– Разве не быстрее будет подняться выше? – спросила женщина.

– Если ударит взрывная волна, придется падать с большей высоты.

Раэль ничего не сказала. Она внимательно смотрела на улицу, вдоль которой они летели.

Все здания на ней казались старыми. Построены из канучского камня, а не из металла и синтетики, как более поздние сооружения. И все выстроены по единому плану. Одно здание – точная копия всех остальных.

В каждом подвальный этаж, а может, и несколько, отведенных для складов и служебных помещений. По крайней мере во всех зданиях видны уходящие вниз ramпы.

К удивлению Раэли, Джелико не свернул на эту улицу, когда они достигли ее.

– Почему мы придерживаемся боковых дорог? – с любопытством спросила она, зная, что у него, несомненно, есть причина для более медленного обходного маршрута.

– Возможно, это и не нужно, – мрачно ответил он. – Я во всяком случае на это надеюсь. – Рот его сжался в тонкую линию. – Меня следовало сослать в лунные шахты за преступную небрежность. Как только достигнем «Королевы», позвоните вашей подруге полковнику Кон и посоветуйте перетащить «Морскую королеву» подальше в море для окончательной очистки. Если бы я подумал об этом раньше, не было бы опасности для города.

Женщина нахмурилась.

– Я тоже не подумала. Спокойней. Мы не можем предвидеть всего. Мы всего лишь вольные торговцы, а не профессиональные спасители планет.

Она озорно взглянула на него и негромко рассмеялась.

– Из вас получился бы отличный тиран, капитан Джелико. Вы нанесли мастерский удар пожарным рукавом.

– В торговле нужны самые разные способности...

Но закончить он не смог. Сзади вспыхнул яркий свет. За ним последовал громовой удар такой силы, будто им сопровождалась гибель всей планеты.

Глава 22

Дэйн рассматривал мрачный горизонт, будто мог через все эти мили разглядеть, что творится в городе Кануче.

Передав сигнал тревоги другим кораблям, «Королева» тут же покинула космопорт, а остальные, к раздражению контролеров движения, сразу последовали за ней. Вольные торговцы соревнуются за выгодные чартеры и товары, но обычно, за немногими редкими исключениями, больше доверяют друг другу, чем властям планет. Да и другие корабли придерживались того же мнения. Они все решили воспользоваться советом. Теперь все они находились на плоскогорье, достаточно далеко друг от друга, чтобы не причинять вред, но достаточно близко, чтобы оказать помощь и поддержку. Большинство космонавтов собралось у своих кораблей; все, как Дэйн, напряженно смотрели на восток.

– Могу попробовать уговорить портовых ребят привести сюда флаер, предложил Рип. – Им тоже хочется узнать новости. Я смог бы пролететь над городом...

– Твои жалкие стабилизаторы останутся на месте!

Не один Шеннон удивленно посмотрел на Али. Помощник инженера овладел собой. Он снова заговорил в привычной небрежной манере, но в голосе его звучали смертельно серьезные нотки:

– Лучше полетай на комете, мой мальчик. Я видел, как большие боевые корабли падали с неба от удара взрывной волны. Не говоря уже о слабых гражданских пузырях. Не хотел бы я находиться в воздухе. Тем более над городом Канучем, если этот проклятый корабль взорвется.

– В безопасности ли «Королева»? – озабоченно спросил Джаспер. – И все остальные, следовавшие за нами?

– Здесь да. – Помощнику ответил Иоганн Штоц. Он и суперкарго только что вышли из корабля. – Мы с Ваном пропустили через компьютер несколько возможных сценариев. Если даже взорвутся два фрейтера, мы не пострадаем и осколки нас не достигнут. А в космопорту они – главная опасность.

– Здесь мы почти в пяти милях от берега! – воскликнул Викс.

– Для большого взрыва это опасное удаление, – напряженно сказал Камил. – И нам много не нужно. Достаточно небольшому куску раскаленного металла пробить резервуары с жидким топливом, и нам больше ни о чем не придется беспокоиться. – Он повернулся к своему

шефу. – Огненный шторм может добраться до нас. И газ тоже.

– Поэтому Джелико приказал нам лететь не просто вглубь, а на юг. Мы в стороне от прямой линии, и ветер дует от нас к городу. Он усиливает термальный бриз, пока стоит день и держится жара.

Торсон снова посмотрел на восток, потом снова на своих товарищей. Ему в голову пришла мысль.

– Нельзя ли нацелить на город смотровую аппаратуру корабля?

– Вероятно, – оживленно согласился Тан. – Приборы для наблюдений в космосе не очень хорошо работают в атмосфере, придется использовать увеличение, но чего–нибудь мы добьемся. Во всяком случае это лучше, чем ничего.

Мостик «Королевы» еще меньше кают–компаний, но никто не жаловался на тесноту, когда все собрались там вокруг связиста, отлаживавшего аппаратуру.

Постепенно перед ними возникло изображение города Кануча, вначале смутное, потом такое четкое, словно они смотрели через невероятно мощные увеличительные линзы. Тан Я искусно перемещал фокус, пока не остановился на восточной части горизонта.

– Доки не видны, – разочарованно сказал Карл Кости.

– Да, – согласился Тан. – Приморский район расположен ниже остальной части города. Приборы не могут пробить камень или изогнуть луч света. Мы пойдем, если произойдет взрыв, но его самого не увидим. И не увидим, что он сделал с ближайшим окружением. Пески Марса! Вы только посмотрите на этих людей! Их тысячи, и они все движутся сюда.

– Это работники Мак–Грегора со своими семьями, – заключил Ван Райк. Он приказал провести эвакуацию. Должно быть, капитан или Раэль предупредили его.

– Я могу проверить, прослушать гражданские каналы или волну Патруля...

Говоря это, Я покачал головой. В случае взрыва плохо придется аппаратуре, если она будет настроена на прием. В качестве дополнительной предосторожности он увеличил световую и радиационную защиту своих приборов.

Несколько минут на экране виднелись ряды идущих людей. Убедившись, что они действительно идут на плоскогорье, связист опять переключился на бесконечно спокойное небо на горизонте.

Проходили минуты. Спокойствие неизменной сцены постепенно снимало напряжение.

И тут голубое поле разорвала вспышка света. За ней последовал резкий звук, громкий и пронзительный, хотя и смягченный расстоянием.

При этом яркость экрана померкла, на шестьсот футов в воздух поднялся столб дыма. В нем на несколько мгновений повисли какие-то черные точки, затем упали вниз.

– Люки, – сказал кто-то, может быть, Шеннон.

Почти тут же вверх взлетели еще обломки, некоторые черные, другие раскаленно-красные. Большинство из них можно было ясно разглядеть, что свидетельствовало о большом размере. Торсон смотрел, разинув рот. Они не просто большие. Огромные. Куски того, что только что было «Морской королевой».

Одно зрелище, внешне очень красивое, поразило его, как и его товарищей. Часть неба заполнили горящие шары, сопровождаемые не менее яркими искрами и полосами дыма. Они повисали на мгновение, потом взрывались дьявольским фейерверком.

Объяснение дал суперкарго.

– Веревка. На «Королеве» был большой груз ее. Свертки горят и при этом разбрасывают части. Да поможет дух космоса тому месту, куда они упадут. Они так горячи, что воспламят все способное гореть.

Недолго пришлось ждать осуществления этого предсказания. За первым взрывом последовали другие. Космонавты не видели пораженный район и точно не знали, что там происходит, но компьютерные сценарии давали достаточно пищи воображению.

Многие здания упали под ударом взрывной волны и загорелись, когда от высокой температуры взрыва вспыхнули их горючие составляющие. Другие начинали гореть, когда на них обрушивались пылающие осколки. Они пробивали крыши, стены, проникали через окна и добивались до легковоспламеняемых материалов. Почти сразу же взорвались все баки с горючим. Высвобожденные химикалии, соединявшись, испускали смертоносные газы. Другие образовывали разъедающие лужи и добавляли топлива в адский котел, в который превратился приморский район города.

Топография района усиливала последствия и без того страшной катастрофы. Но, обрекая себя на гибель, этот район заслонил большую часть города Кануч; высокие крутые склоны приняли на себя удар и отразили его назад, и уже разбитые дома подверглись новому сотрясению, груды развалин тряслись и разлетались.

Высоко вверх взлетали обломки; падая, они приносили с собой огонь, разрушение и ужас.

Ван Райк, старший офицер в отсутствие Джелико, наконец отвернулся от экрана, бессознательно расправив при этом могучие плечи.

– Возможны новые пожары или один–два взрыва, но, мне кажется, худшее позади. Людям нужна помощь, и немедленная. Многие и так умрут, не дождавшись ее. Стин, Иоганн, Тан, вы остаетесь на «Королеве». Держите корабль готовым к быстрому старту и включите все приемники. Остальные должны помочь населению.

Беглецы из Кануча устроили лагерь, по существу маленький город, в полумиле к северу от стоянки кораблей.

Там космонавты не увидели никакого смятения, и Дэйн Торсон почувствовал гордость за этих людей.

Он видел дух, который разнес потомков землян по всему космосу, завоевал им там место, подчинил планету за планетой. Благодаря предусмотрительности Эдру Мак–Грегора у беглецов было все необходимое; они были хорошо подготовлены на тренировках; люди Мак–Грегора составляли большую часть этих беглецов. Те, что попали непосредственно под удар, еще не появлялись. Все испытывали горе и страх, но канучцы готовы были к борьбе и не позволяли себе предаваться отчаянию. Самые маленькие и больные собирались вместе вокруг специально назначенных воспитателей и санитаров.

Остальные уже возвращались к пораженному городу и морскому порту.

Видна была деятельность звездного Патруля. Предупреждение Раэли пришло вовремя. Патруль в свою очередь поднял по тревоге городскую полицию и медицинские службы, и теперь они имели в своем распоряжении достаточно персонала и оборудования.

Экипаж «Королевы» застал Урсулу Кон на временном командном пункте в окружении приборов связи; вокруг толпилось множество мужчин и женщин с мрачными лицами, гражданских и военных. Они приносили новые донесения или ждали распоряжений.

Кон напряженно осматривала собравшихся. Взгляд ее упал на Ван Райка и Торсона.

– Вы, парни, вероятно, спасли город. И, несомненно, во много раз сократили количество пострадавших. Из городов со всего побережья уже поступает помощь. К ночи у нас будет все необходимое: припасы, оборудование, люди.

– К ночи многие пока еще живые люди умрут, если не получат помощи, мрачно возразил суперкарго. – Мы пришли помочь. Остальные

экипажи, наверное, последуют нашему примеру.

– Мы могли бы вас использовать. – Выражение ее лица омрачилось. Есть какие-нибудь сведения о капитане и докторе Коуфорт?

– Нет.

– Мы реквизировали все пригодные флаеры и наземные машины. Я даю вашим людям старшинство над своими и медицинским персоналом. Не могу послать вас в город на одной машине, но уже через полчаса вы все будете работать.

– Это все, чего мы хотим.

– Вон та машина заправляется для поездки назад. Вы с мистером Торсоном можете отправиться на ней.

– Мы высоко оцениваем ваше доверие, полковник. Спасибо.

Двое вольных торговцев заторопились к машине, на борт которой уже и так втиснулось множество людей.

Дэйн опустил глаза, не желая встретиться взглядом со своим шефом. Ван Райк и Джелико всегда работали вместе...

Неожиданно ему в голову пришла другая мысль. Бедный Квикс! Только два человека во всей ультрасистеме любили его, и он утратил их обоих в один разрушительный момент.

Глава 23

Джелико резко развернул флаер поперек их нынешнего курса и бросил его вниз. При этом наклонил его так, что к морю и предстоящему удару было обращено дно.

И в тот момент, как невидимый кулак ударил по машине, он выпрыгнул из нее, увлекая за собой Коуфорт.

Машина дернулась, как будто ее действительно тяжело ударили чем-то твердым, но Джелико лишь краем глаза видел, как ее бросило на стену ближайшего здания. Флаер на долю секунды защитил их, и прыгая, устремившись не навстречу удару, а по ходу его, они выиграли еще несколько мгновений свободы действия. Конечно, длилось это недолго, но они действуют быстро, и удача будет на их стороне, у них есть шансы остаться относительно невредимыми – если его мгновенно принято решение верно.

Джелико пошатнулся, приземлившись на тротуаре, но остался стоять.

Толкая перед собой женщину, он бросился в ближайший подвал и бросил Раэль на землю.

Она пронзительно крикнула, ударившись об острый камень, и обмякла.

Капитан понял, что она ранена, но не мог тратить ни секунды на заботу о ней. Хотя он действовал почти инстинктивно и мгновенно в ответ на вспышку, время их кончалось. В отчаянии он подтащил неподвижное тело к прочной арке у выходящей на сторону моря стены.

Только сверхчеловеческое усилие помогло ему сделать это. Мир вокруг превратился в хаос, в безумный водоворот звуков, летящих обломков и огня.

Капитан вольного торговца чувствовал себя так, будто специально подготовленные мелкиты <христианская секта в средневековой Византии> превращают его тело в месиво.

Приходилось терпеть. Они находятся в трех кварталах от непосредственного места взрыва, достаточно далеко, чтобы сила удара несколько ослабла, и торопливо выбранное убежище предоставило дополнительную защиту. Если судьба не обернется против них, они уцелеют.

Но об окружающих зданиях этого не скажешь. Они неподвижны и целиком подвержены удару. И вот одно за другим они падали, как в

запланированном механическом уничтожении, под неотразимым натиском.

Живот у Джелико свело от ужаса, когда громкий грохот и треск рассказал ему о судьбе здания, в котором они нашли убежище. Дух космоса!

Неужели они избежали гибели от взрыва и осколков, только чтобы окончить свои дни в крысиной норе?

Он скорчился над Раэлью, стараясь защитить ее своим телом.

Все началось мгновенно и закончилось в несколько секунд. Физические мучения прекратились, грохот замер, приглушенный расстоянием. Даже крики выживших и раненых стали меньше слышны.

С самого начала взрыва женщина не двигалась, и Джелико торопливо нагнулся к ней. Страх его вернулся, горло сжалось, он почти не мог дышать.

Она лежала совершенно неподвижно, глаза закрыты, густые ресницы зловеще темнеют на фоне необыкновенно бледной кожи. Она мертва? Неужели и в смерти можно оставаться такой прекрасной или смерть просто еще не имела времени наложить на нее свой отпечаток?

Он протянул руку к ее щеке, чтобы потрогать пульс, но в этот момент Раэль негромко застонала и открыла глаза.

Как приятно и успокоительно увидеть склонившегося капитана, живого и, очевидно, невредимого.

Явное, хотя и быстро исчезающее выражение ужаса на его лице быстро рассеяло нарождающееся ощущение хорошего самочувствия. Раэль попыталась сесть, но тут же снова опустилась с резким криком боли, который не сумела сдержать.

Джелико просунул ей руку под плечи.

– Что с вами, Раэль? – напряженно спросил он. – Как серьезно вы ранены? – То, что он сам благополучно избежал последствий удара взрывной волны, совсем не гарантия, что его спутница отделалась так же легко.

Внутренние повреждения тоже могут убить...

– У спасения жизни есть свои недостатки, – ответила она. – Мне кажется, я превратилась в сплошной синяк. Теперь, услышав шум двигателя, я всякий раз буду до смерти пугаться. Помогите мне встать. После этого я смогу передвигаться сама.

Он послушался. Женщина сморщилась, вставая, но тут же выпрямилась.

– Выживу, – заверила она капитана, сделав несколько мелких пробных

вздохов.

Она с любопытством посмотрела на него.

– Что заставило вас броситься сюда?

– Я вспомнил, что арка – одна из самых прочных архитектурных структур и что здесь арки массивные и из природных материалов. Они шире основной части здания и потому не обязательно упадут вместе с ним, особенно если главный удар взрывной волны пройдет выше. А это возможно, потому что арки низко над землей. Просто понадеялся, что рассуждаю правильно и этого будет достаточно.

Джелико с трудом сдерживался, чтобы не дрожать откровенно. Стоило фортуне чуть отвернуться от них, и они оба были бы уже мертвы.

– А как другие? – неожиданно резко спросила Раэль. – Те, что бежали вместе с нами?

Говоря это, она уже направлялась к выходу. Она не думала, что увидит большие внешние раны, которые неизбежны ближе к доку. Там их вызвало неожиданное резкое изменение в давлении воздуха. Взрывная волна и горячий ветер на этом расстоянии должны достаточно ослабеть, иначе они сами бы не выжили. Но здесь должно быть множество вторичных ран, вызванных обломками и осколками стекла от падающих зданий. Часто будут встречаться и раны третичного порядка. Их флаер сильно швырнуло и ударило. Людей тоже, несомненно, бросало, и когда с такой скоростью ударяешься о стены или металл, неизбежны серьезные повреждения тканей и костей. Выйдя отсюда, она увидит ужасное зрелище.

Пытаясь подготовиться к этому, Раэль вышла на узкую улицу.

Бывшую улицу. Теперь она представляла собой море развалин. Здания по обе ее стороны рухнули. Осталось стоять только несколько арок, обозначая вход в подвалы.

С внутренней дрожью она увидела, что уцелели лишь немногие подвалы.

Им с Джелико действительно повезло в выборе убежища.

В воздухе стояла гарь. Еще не успев выйти, она ощутила это зловоние.

Повсюду запах горящего дерева и синтетики, одежды и химикалий, вонь горелого мяса. Много людей работало в рухнувших зданиях, ставших их могилами, и очень многие развалины горели.

Повсюду лежали трупы, не рядами, как она опасалась, потому что предупреждение все-таки поступило вовремя, но все же очень много.

Большинство погибших было убито камнями и обломками падавших зданий.

Раэль быстро осматривала тела и, не находя признаков жизни, больше

не обращала на них внимание. Но некоторые оказались живы – немногие, – и они отчаянно нуждались в помощи.

Она с горечью сознавала, что может сделать немного. И у живых и у мертвых раны ужасные, выдавленные глаза, срезанные носы, у некоторых совершенно исчезли лица. Множество отрезанных и раздавленных конечностей, у других разорваны тела, свидетельствующие о страшной силе удара. Один бедняга разрублен надвое огромным куском металла, частью бурильной установки с борта «Морской королевы».

Почти все выжившие, помимо ран на лице, имели и другие очень серьезные повреждения. Те, кто мог передвигаться самостоятельно или с помощью друзей, уже уходили отсюда в поисках помощи, пытаясь добраться до менее пораженных районов города.

Капитан, хорошо владевший приемами первой помощи, тоже был занят. Он склонился к телу женщины. Ее изрезало осколками стекла, но она сразу не умерла.

Он со вздохом встал.

– Я видел войны, всякие, от первобытных до межзвездных, но не думаю, чтобы когда-нибудь мне приходилось встречать такой ужас.

И они еще видели не самое худшее. Те, что оказались ближе к взрыву, должны были получить еще более тяжелые повреждения. К тому же это торговый район. Все пострадавшие тут – взрослые. Но капитан видел, что в жилых районах разрушения не меньше. А там будут дети, и много.

Космонавты работали молча. Они мало что могли сделать. Они сами выжили в этой катастрофе, и у них нет никаких средств и оборудования. Они могут предоставить только первую помощь, используя в качестве повязок одежду жертв и любые материалы, которые сумеют раздобыть в развалинах. Но они делали, что могли, и перетаскивали пострадавших на середину улицы, как можно дальше от рухнувших зданий с обеих сторон. После этого им приходилось оставлять раненых. Они уверяли всех – и надеялись, что говорят правду, – что вскоре в пораженном районе появятся отряды спасателей и подберут раненых.

Последним они занялись рослым мужчиной. Он был без сознания от сильного удара в голову. Джелико и Коуфорт подняли его и перенесли на середину улицы, положив рядом с другими жертвами, хотя они не верили, что он выживет.

Когда они укладывали его, Раэль поскользнулась на обломках. Она тяжело упала, ободрав оба колена, но почти не почувствовала этого из-за острой боли в груди и в боку.

Она невольно вскрикнула, и прошло несколько мучительных секунд,

прежде чем она смогла встать.

Джелико поддержал ее. Он озабоченно смотрел ей в лицо.

– Этот последний, – хрипло сказал он. – Давайте убираться отсюда. Вы сами нуждаетесь в враче, да и я буду работать лучше с оборудованием...

Женщина высвободилась. В ярости повернулась к нему.

– Я врач, и я на ногах. Можете помочь мне или возвращайтесь на корабль, но, черт побери, не вмешивайтесь в мою работу!

Джелико попытался возразить, но смолк.

– Я с вами, – негромко сказал он.

Она некоторое время смотрела на него, будто не могла поверить, потом коротко кивнула.

– Спасибо, капитан.

– Куда теперь, доктор? Вы ведь врач. Это ваша работа. Приказывайте.

– К докам, – без колебаний ответила она. – Там будут самые тяжелые, и они могут не дождаться помощи.

– Большинство там уже мертвы, – заметил он.

Раэль кивнула.

– Двинемся от берега в глубь и поможем тем, кого найдем. Или утешим, если ничего не сможем сделать.

– Хорошо. План не хуже других.

Они не взглянули на обломки своего флаера. По милости богов этой проклятой планеты он никого не убил и не ранил, но они тут ни при чем. Да и не могли бы они ничего сделать, оставаясь в машине. Только погибли бы вместе с нею.

Космонавты спустились по улице до ее пересечения с авеню.

Тут ближе к взрыву и место более открытое, поэтому мертвых было гораздо больше, чем у их убежища. Но тут оказалось захвачено гораздо больше людей, и выжившие из них ранены тяжелее. Повсюду виднелись жертвы, требовавшие немедленной помощи.

Пришлось сортировать выживших, оказывая помощь вначале тем, у кого больше шансов на жизнь, а самых безнадежных оставлять без внимания.

Выбор приходилось делать Раэли Коуфорт. Трудная задача, особенно если безнадежно раненные были в сознании, но таким образом ей удастся спасти больше жизней, и она с мрачной сосредоточенностью держалась этой политики.

И ее уверенность в правильности выбранного способа передавалась Джелико.

Раэль говорила ему, что оказалась способной к работе по первоначальной сортировке и оказанию первой помощи раненым во время практики в больницах, но капитан вскоре понял, что она работает не просто хорошо. Она как будто прочитывала тела своих пациентов, сразу определяя, в ком наиболее сильна искра жизни.

Мастерство ее превосходно. Даже в трудных условиях это было ясно такому дилетанту, как он. Раэль Коуфорт с теми немногими средствами, что были в ее распоряжении, творила чудеса.

Бок у нее сильно болел, но она старалась не показать этого, перебираясь через очередную груды развалин. Ей было бы стыдно этого, даже если бы она не решила скрывать свою боль от Джелико. Какое право она имеет обращать внимание на свою боль, когда вокруг такой океан страданий?

Но у нее не было времени думать об этом. С каждым шагом состояние раненых ухудшалось. Выживших стало совсем немного, и их трудно было находить среди развалин и разорванных на части трупов. Раэль опиралась на свои способности, прислушивалась к болезненному тревожному ощущению, которое всегда возникало у нее вблизи раненых или больных. Трудно определить точное местонахождение раненого, когда вокруг такое море страданий, но она заставляла себя сосредоточиться, как делала на борту «Русалки». Обычно это действовало. Обычно, но не всегда.

Иногда они определяли жертву, но не могли добраться до нее. Иногда не могли даже освободить пациента и оставляли его придавленным или частично погребенным, нагромоздив поблизости груды обломков, чтобы привлечь внимание спасателей. Они сообщат об этих своих знаках, как только представится возможность.

Джелико сжал кулаки. Он испытывал раздражение от сознания беспомощности их усилий. Сам он очень немногим мог помочь жертвам, найденным на улице, и совсем не мог – погребенным в развалинах. Даже не мог помочь Раэли Коуфорт, когда ей предстояло принять очередное роковое решение. Мог только быть рядом с ней, делать, что она говорит, молчать и пытаться разделить тяжесть, которую она возложила на себя.

Они прошли уже почти треть разрушенной улицы, когда оба вольных торговца резко остановились. Они внимательно прислушались, повернув головы к ближайшей арке, единственному уцелевшему сооружению.

Они быстро нашли его. Человек сидел у дальней стены и громко всхлипывал. Именно этот звук и привлек их внимание.

Они заторопились к нему. Раэль на мгновение закрыла глаза. Мужчина прижимал к груди оторванную ногу. Она была отрезана на высоте колена, и к ней плотно прилип материал брюк.

– Я врач, – сказала она, склоняясь к нему. – Что случилось?

Он тупо смотрел на нее несколько мгновений, но ответил достаточно связно.

– Я быстро шел по улице, когда произошел взрыв. Он сбил меня с ног, но я тут же встал и побежал. Потом какой-то металлический предмет ударил меня по ноге. Он был горячий, раскаленный... Очень больно... – Он плотнее прижал к себе ногу. – Я упал и первое время ничего не видел...

Пока он говорил, женщина осматривала обе части его раны.

– Вам повезло, – заявила она, заставляя себя говорить бесстрастно, как будто рассуждает о небольшом вывихе. – Разрез чистый и гладкий, горячий металл прижег рану и остановил кровотечение.

– Повезло...

– Ногу держите. Вам пришьют ее.

– Слишком поздно! – Впервые сквозь оцепенение прорвались эмоции и страх. – Будет слишком поздно. Слишком много раненых. Сначала должны будут всем оказать первую помощь, прежде чем займутся такими случаями. Нога к тому времени умрет...

– Вздор! – резко ответила она. – Ультрагипербарическое воздействие восстанавливает ткани, отделенные две недели, а может, и дольше.

Раэль окончила осмотр.

– Вы не потеряли много крови. Вы в неплохом состоянии, мы поможем вам добраться до середины улицы, там вас быстрее заметят спасатели. Просто лежите и не волнуйтесь. Скоро вы получите настоящую медицинскую помощь.

– Космос, – произнес Джелико, когда они отошли от канучца. – Надеюсь, мы немного еще встретим таких.

– Ну, этот выживет и восстановит способность передвигаться, – мрачно ответила Раэль.

Трудно было оставлять этого человека, но ему не угрожает серьезная опасность. Они ничем больше не могли ему помочь. Разве что соорудят носилки из подручных материалов и попытаются унести с собой. Но и этого они не могут сделать. Слишком много других раненых, для которых получение первой помощи означает разницу между жизнью и смертью.

И эвакуировать его они не могут. Она сама ранена и не сможет нести носилки. У нее сильная воля, но сломанные ребра болят.

Раэль вздохнула.

– Не думаю, чтобы мы смогли помочь тем, кого сейчас отыщем.

Глава 24

Космонавты продолжали приближаться к берегу, откуда непосредственно видно место взрыва. Сердца у них бились часто и болезненно. Если здесь дела обстоят так плохо, какой ад увидят они в центре этого хаоса? Найдут ли они вообще хоть кого–нибудь, живого или мертвого?

Мрачное предсказание Раэли оказалось точным: на коротком отрезке улицы им попадались только трупы.

Наконец они добрались до конца. Остановились, внутренне готовясь к страшному зрелищу, потом прошли между последними большими грудями обломков.

И застыли. Перед ними открылся Стрейт и то, что осталось от кишевших народом доков. Трудно было узнать, что находилось здесь раньше.

«Морская Королева» и причал, у которого она стояла, просто исчезли.

Их место заняла усеянная обломками вода. Ни следа тех, кто сражался с огнем. Они сгорели в двойном ударе – взрывной волны и высокой температуры.

Скорость волны в этом месте достигала 2400 миль в час и больше.

Но между тем местом, где стояли космонавты, и бывшим причалом виднелось множество тел. Все страшно изуродованы взрывом и огнем, их с большой силой ударило о жесткую поверхность. Все они погибли еще до того, как на них обрушились обломки. Их все равно будут осматривать, но просто из человечности, без всякой надежды на спасение.

Раэль содрогнулась. Погибло бы неизмеримо больше людей, если бы им не удалось разогнать толпу зрителей на причале. И все же то, что они видели, сплошной кошмар.

Она оторвала взгляд от убитых. Удар не пощадил и море. Вода и береговая линия усеяны обломками лодок и катеров, которые в своем интересе к пожару подошли слишком близко. Большинство оказалось разбито, но некоторые выброшены на берег или плавали на воде, без экипажа, но внешне невредимые. «Салли Сью», единственный большой корабль, помимо «Морской королевы», отделался сравнительно легко. В носу у него виднелась огромная дыра, сам корабль наполовину выбросило на берег, но в остальном повреждений не видно. Корабль можно отремонтировать и снова спустить на воду.

Впервые космонавты получили возможность увидеть склоны – и над собой, и на противоположном берегу залива. Оба берега пострадали, хотя ближний несравненно сильнее.

Как и в порту и в торговом районе, ни одно здание не уцелело, только тут и там виднелись остатки стен, и из тысяч очагов пожара поднимались столбы дыма. Во всей видимой части города Кануча катастрофа была полной.

Но в этот момент наибольшее значение имел вид людей, двигавшихся среди развалин, кто осторожно, кто быстро и суматошно. Смерть здесь была не такой всеобщей, как в более близких к морю районах. Удаление от взрыва спасло часть жителей.

Еще большую уверенность вселяло зрелище множества людей, переваливавших через вершину и организованными рядами спускавшихся вниз.

Остальная часть города уцелела, и помощь приближается.

– Пройдет немало времени, прежде чем они доберутся сюда, – заметила Раэль, стараясь не поддаваться надежде. Пока все кончится и отойдет в историю, многие еще умрут.

Она нахмурилась, снова оглядывая окружающую сцену бойни.

– Могло быть хуже, – мрачно сказала она. – Взрыв погасил огонь во многих местах.

– Все вокруг мокрое. Взрыв вызвал всплеск воды. К счастью, она поднялась вверх, а потом ушла назад в залив, а не обрушилась на город, иначе мы бы утонули в своей крысиной норе. Вода спасла жертвы от высокой температуры. – Тех, кто лежал вокруг. Те же, что находились на самом корабле и в доке поблизости, просто испарились.

Вокруг все было покрыто свидетельствами мощного взрыва. Слева от Джелико стопятидесятифутовый плавучий док был отброшен на берег на двести футов выше уровня воды. Джелико старался не думать о тех, кто лежит под ним. Поблизости виднелись почти неузнаваемо исковерканные остатки трех пожарных машин. Рядом на боку валялся флаер, поврежденный меньше. На нем виднелись серебристо–черные полосы звездного Патруля.

Раэль заметила, куда смотрит Джелико, и направилась к выброшенному на берег доку. Собственные раны заставляли ее с благодарностью принимать помощь Джелико, но она отказывалась заниматься ими. Если бы Джелико заподозрил, насколько серьезно она ранена, он заставил бы ее прекратить помощь другим. Она не хотела этого. К тому же пока ей не грозит непосредственная опасность.

Она взглянула на ближайшую пожарную машину, затем невольно перевела взгляд на Джелико.

Капитан покачал головой.

– Забудьте об этом, Раэль, – мягко сказал он ей. – Здесь никто не выжил. Это совершенно невозможно.

Но они тем не менее осмотрели все машины, убедившись, что в них нет никого живого. Мертвых, впрочем, тоже не было. Взрыв разметал тела пожарных. На доке виднелся только один труп. Мужчина в рабочем комбинезоне. Джелико подумал, что это моряк с одного из кораблей или портовый рабочий. По его позе они заключили, что у него в нескольких местах сломана спина.

– Здесь нам нечего делать, – сказала врач. Ее снова охватило гнетущее беспокойство, требующее действий, несмотря на усталость и боль. – Здесь поблизости есть раненый. Проверим вначале флаер Патруля, а потом поищем вокруг. Черт возьми, хоть бы побыстрее появились спасатели! Судя по этому зрелищу, тут могут быть только тяжелораненые.

– Вы сами не в лучшей форме, – резко сказал Джелико, заметив, как она поморщилась, собираясь перелезть через борт дока.

– Я не такая крепкая, как вы, капитан, – раздраженно ответила она. Мои мышцы еще дадут о себе знать. Можете помочь мне, если хотите быть полезны.

– Сюда! На помощь!

Они оба застыли. Крик исходил, казалось, из перевернутого флаера.

Они видели в нем двоих. Один лежал на заднем сидении, другой на переднем, причем этот последний был придавлен большим металлическим обломком. Если бы они не смотрели очень внимательно, то могли его и не заметить.

Космонавты торопливо спустились вниз. Раэль заторопилась к жертве на заднем сидении, к которой легче было добраться.

Через несколько мгновений с искривленным ртом она откинулась назад.

Это женщина, и кто-то пытался уже оказать ей помощь, но с такими ранами она бесполезна. У нее торчат наружу внутренности, а ущерб, причиненный легким, хотя и менее заметен, должен быть еще более серьезным. Как бедняга могла дождаться даже первой помощи?

– Раэль! Сюда! Он жив!

Раэль торопливо выбралась из флаера и побежала к второму его обитателю, рядом с которым стоял Джелико.

У женщины от ужаса перехватило горло.

– Кейл!

Патрульный казался совсем другим человеком. На много лет старше, лицо искажено от боли, страха, покрыто кровью и грязью, но сомневаться не приходилось. Это он. И как бы в подтверждение он повернул голову на звук ее голоса. Только эта часть его тела сохраняла способность двигаться.

– Доктор Коуфорт?

– Да, мой друг.

– А Гейл? Патрульная Аргайл? Она мертва? – Это прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

Раэль кивнула.

– Да. Это было неизбежно. У нее разорваны легкие.

В усталости и поражении он закрыл глаза.

– Знаю. Я пытался ей помочь. Я был подальше, и меня только бросило на землю, и флаер каким-то образом оказался неповрежденным, поэтому я вернулся в порт. Гейл была здесь. Еще живая. Но больше никого не было.

Он помолчал, потом продолжал.

– Я сделал для нее, что мог, потом попытался улететь. Но тут меня ударила эта штука и прикончила. Мне кажется, это часть опоры одного из баков с горючим...

– Пока еще ничего не кончено! – Раэль скорчилась рядом с ним, пытаясь нащупать пульс и заглядывая ему в глаза. Зрачки в порядке... – Сейчас я протиснусь и посмотрю получше.

– Мне конец, – спокойно и уверенно сказал патрульный. – И вам двоим тоже, если задержитесь здесь надолго. Может, и так уже конец, даже если вы попытаетесь убежать.

– О чем это ты? – резко спросил Джелико. Что бы ни говорили об агентах Патруля, они ни в каких условиях не впадают в истерику.

– Видите тот корабль? – спросил он, указывая кивком головы на «Салли Сью». – У нее несколько трюмов полны этим проклятым нитратом аммония, девять тысяч девятьсот тонн, плюс несколько тысяч тонн серы и не знаю уж сколько бочек с бензолом на палубе и внизу. Корабль, наверно, уже горит. А если не горит он, то точно горит причал. Скоро огонь доберется до него, и будет такой взрыв, что взрыв «Морской королевы» покажется легким хлопком.

Глава 25

Доктор Тау был зажат между Джаспером Виксом и Карлом Кости. Вместе с еще четырьмя рабочими–канучцами она находились в машине, слишком тесной для такого количества людей.

Но он почти не чувствовал неудобств пути. Все его внимание занимали окружающие. Большинство шло от города. Это были толпы ошеломленных испуганных беженцев. Высокий процент среди них составляли физические и моральные жертвы катастрофы; с помощью спутников они пытались добраться до ближайшего полевого госпиталя; когда опасность минует, эти временные больницы смогут вернуться в город.

Конечно, самых серьезных случаев Тау не видел. Тяжелораненых привозили в флаерах и наземных транспортах, но увиденного было достаточно, чтобы понять размер катастрофы, обрушившейся на город. Опытным взглядом врач оценивал каждую группу, молча качая головой. В других условиях многие из тех, что передвигаются самостоятельно, сами считались бы тяжелоранеными.

Все окна в городе разбились, и осколки стекла были повсюду. Именно они послужили причиной большинства ран и порезов. Но есть еще много таких – особенно в районах вблизи моря, – что ранены упавшими стенами, пострадали от огня и газа. У некоторых виднелась засохшая кровь в ушах и в носу, это жертвы резкого изменения давления при взрыве.

Тау снова покачал головой. Уже сейчас зрелище кошмарное, но оно станет еще страшнее, когда они приблизятся в центру взрыва. Он понимал, что клятва врача обязывает его выполнить работу, но тем не менее без всякого желания смотрел на предстоящее.

Когда они добрались до космопорта, он был полон лихорадочной деятельностью. Сюда должны поступать транспорты с помощью; некоторые уже прибыли.

Сам космопорт почти не пострадал. Он расположен относительно далеко от берега, и его достигли только небольшие осколки, к тому же утратившие почти всю силу. Но от полковника Кон Тау узнал, что двое были убиты, когда кусок металла пролетел над транспортом, обезглавив их. Серьезная опасность тут была вполне возможна, и корабли правильно поступили, перелетев на плоскогорье.

Вскоре после космопорта начался сам город Кануч, а потом они

добрались до места, куда сносили тяжело раненных, чтобы транспортировать их дальше.

Тау подошел к носилкам с ранеными, чтобы посмотреть, чем может помочь он и его товарищи.

То, что он увидел, подтвердило его ожидания, но зрелище множества искалеченных людей еще яснее показывало весь ужас происшедшего, и доктор мрачно вернулся к остальным.

Инструкции у них простые: обыскивать густонаселенные районы рядом с гаванью. Встретив группу спасателей, они должны помочь им. Если сами найдут застрявших в развалинах или раненых, помогут им.

У трио с «Королевы» был с собой запас необходимых медикаментов и оборудования, поэтому они не стали ждать остальных. Отделились от приехавших с ними канучцев и быстро пошли вперед.

Перевалив через вершину подъема, все трое застыли.

Невероятное зрелище открылось их взглядам. Тут и там из развалин поднималась часть стены, без окон, без крыши, более патетичная, чем море руин вокруг. Больше ничего не осталось. Даже залив представлял собой картину опустошения и разрушений.

Но хоть разрушения были страшными, город Кануч уже начал приходить в себя. Повсюду виднелись дым и огонь, но и группы людей, борющихся с ними.

Пожарные бригады, размещенные в менее пораженных районах, прибывали на флаерах и уже начали изолировать большое количество отдельных пожаров.

То, что они так быстро сумели добиться успеха, то, что вообще они сумели действовать, объяснялось главным образом тщательной подготовкой людей Мак–Грегора к эвакуации. Сама фабрика «Каледонии» исчезла, став жертвой находившихся в ней горючих и летучих материалов, но все трубопроводы, подававшие химикалии, были вовремя перекрыты, и новые материалы, которые могли бы поддержать огонь, не поступали. Если бы это не было сделано, то, учитывая центральное расположение фабрики и количество поступавших туда материалов, можно было бы считать, что к порту удастся подобраться, только когда там уже никого в живых не будет.

Космонавты были избавлены от ужасного зрелища, когда окровавленные взрослые и дети отчаянно искали друг друга среди развалин. Большинство жертв уже эвакуировали вначале к медикам, а затем в лагери беженцев, где начались попытки объединения семей.

Трагедия могла быть гораздо более страшной, если бы опять не предусмотрительность Мак–Грегора. Рабочие «Каледонии, Инк.» и члены

их семей составляли основной процент населения наиболее пораженных районов, и многие их соседи, помня о буре, которой предшествовала такая же эвакуация, ушли вместе с ними. Те, что остались, еще не обнаруженные, живые или мертвые, лежали под развалинами своих домов и рабочих помещений.

Вольные торговцы миновали несколько групп, пытавшихся высвободить заваленных. Спасатели начали свои усилия с вершины склонов. К этому времени ситуация по периметру пораженного района была уже под контролем. И хоть спасатели нуждались в дополнительной помощи, они не останавливали космонавтов, понимая, что дальше помощь нужна еще отчаяннее.

Наконец они увидели группу, занятую лихорадочной деятельностью.

Старшая группы, женщина, искусно действовала топором и подгоняла своих чернорабочих языком, от которого пришел бы в благоговейный страх любой флотский боцман.

Она увидела троих и сразу подозвала их.

– Хватит глазеть, псы космоса. За работу! У нас очень много работы.

Они торопливо повиновались.

– А в чем дело? – спросил Тау у мрачной женщины, подойдя к ней.

Она указала вниз, и у него в ужасе перехватило дыхание. Там, далеко внизу, ребенок, девочка, только что научившаяся ходить. Очевидно, ее удерживала одежда; девочка вертелась и громко плакала. Конечно, ее можно вытянуть – для этого пришлось бы много и тяжело поработать, но времени на это не было. Огонь медленно подбирался к девочке, и даже с первого взгляда становилось ясно, что он достигнет ее раньше людей.

– Мы и на двадцать футов не доберемся до нее, – сказал Тау. – Огонь совсем близко.

– Вы предлагаете перестать работать и просто наслаждаться зрелищем? рявкнула женщина.

– Нет! – гнев и боль смешались в ответе Карла Кости.

Джаспер Викс ничего не говорил. Он стоял, молча глядя на ребенка и огонь.

– Похоже на каминную трубу, – негромко, словно про себя сказал он наконец. – Она, очевидно, упала туда или была сброшена, но ее не ударило сильно.

– Очень наблюдательно, – выпалила женщина. – А теперь начинай копать, ты, сын...

– Нет, послушайте! У вас достаточно веревки. Кто-то маленький может спуститься туда и достать ее.

У женщины перехватило дыхание. Она внимательно взглянула на него, потом на остальных.

– Я или ты. Больше ни у кого нет ни малейших шансов.

– Идея моя. К тому же вы здесь старшая. Здесь вы нужны больше. – Нет необходимости скрывать от себя серьезную опасность. Он может застрять и разделить участь ребенка, вместо того чтобы спасти его.

Женщина кивнула.

– Ну, давай, космический пес.

Рабочие не стали терять времени. Еще пока продолжался разговор их старшей с космонавтами, они принесли нужную веревку.

Связали ее петлей. К груди Викса прикрепили меньший кусок, чтобы можно было привязать для дополнительной надежности девочку, – если он доберется до нее вовремя.

Джаспер снял инструментальный пояс, чтобы ни за что не зацепиться, но остальную одежду оставил. Мундир тесно облегает тело, и его защита понадобится.

Кости, самый рослый и сильный из присутствующих, обвязался веревкой.

Он будет страховать, а большой каменный блок послужит якорем.

Викс пропустил веревку через плечи и начал опускать ее, пока не оказался сидящим в петле. Тогда он медленно перегнулся через край.

Сразу стало ясно, что задача у него трудная. То, что он назвал каминной трубой, на самом деле было узкой щелью в руинах, открытой больше для зрения, чем для физического доступа. Он совсем не был уверен, что сумеет миновать все препятствия. К тому же отсюда огонь казался гораздо ближе, чем сверху.

Спуск составлял не менее пятидесяти футов, и торопиться нельзя, если он не хочет сломать ногу или безнадежно застрять. Каждые несколько дюймов приходилось корчиться и изгибаться, чтобы избежать столкновения, и у него не было возможности считать, сколько раз он ударился, несмотря на все старания. Если ему повезет выбраться из этой дыры, у него останется немало синяков.

Викс с трудом глотнул. Он спустился уже на двадцать пять футов, и теперь не только страх заставлял его потеть. Становилось все жарче, и едкий дым отравил воздух.

Хуже всего, что щель становится уже, и новый страх заполнил мысли Викса. Если станет еще уже, он не сможет подняться с девочкой на руках, если и сумеет до нее добраться. Придется вначале послать вверх ее, и он очень сомневался, чтобы веревку сумели спустить к нему вторично. Делать

это нужно будет очень медленно и осторожно, иначе она зацепится и застрянет...

Казалось, он опускается не на футы, а на дюймы, но в конце концов Викс сумел дотянуться до девочки, ненамного опередив языки пламени.

Джаспер старался держаться между огнем и девочкой. Пламя еще не касалось ее, но жар стало почти невозможно переносить.

Викс никак не мог поравняться с ней, а она в таком возрасте, что ничем не может ему помочь. Он наклонился под опасным углом, чтобы увидеть, что ее держит, и облегченно вздохнул. Кусок трубы порвал платье, и девочка повисла. Он сможет разрезать платье, не повредив ребенку.

Левой рукой космонавт схватил девочку и крепко сжал, несмотря на ее протестующие вопли. Он не может освободить ее иначе: она тогда просто упадет вниз.

Наконец он разрезал платье, но время их почти кончалось. Ткань мундира у него на бедрах начала дымиться и тлеть.

– Карл, тащи! Я ее достал!

Спуск был тяжел, но подъем оказался гораздо хуже. Дважды Викс начинал серьезно опасаться, что они вообще не пройдут, и еще несколько раз приходилось пробираться через почти такие же тесные места. Действовать приходилось осторожно, а на это уходило время, что никак не уменьшало огонь, жадно лизавший стены внизу. И Викс, и рабочие понимали, что если пламя внезапно пойдет вверх, чтобы получить свежий кислород из воздуха, они окажутся испеченными. Но руины пронизаны множеством щелей, и пока огонь получал из них достаточный приток воздуха.

Они миновали самый узкий участок. Теперь можно подниматься с большей скоростью, не опасаясь порвать веревку или слишком сильно ударить поднимающихся.

Но спастись от толчков невозможно. Викс сделал из своего тела живой щит для маленького груза, но тем самым почти лишился возможности защищаться самому. Время от времени он сильно ударялся о выступы, и в нескольких случаях с трудом удержал свою ношу и веревку.

Неожиданно, невероятно, вокруг них оказался только свежий воздух. К ним протянулись руки, вытащили на землю.

Джаспер видел широко улыбающиеся лица. Он сам улыбался, протягивая девочку Крэйгу Тау, но тут мир как будто скользнул набок, и долгожданная тьма окутала Викса.

Глава 26

Ван Райк задержался на верху склона.

– Нам не потребовалось очень многое делать для себя.

– Как могло случиться, что все забыли, насколько опасен нитрат аммония? – спросил Дэйн. Столько горя, а ведь все это можно было предотвратить, если бы с солью обращались как нужно.

– Никто не использовал ее в больших количествах уже очень давно, и у нее не было возможности причинять неприятности. Многие другое заменило ее в нашей коллективной памяти. – Он сморщился. Кто бы мог подумать, что старое привычное удобрение способно вызвать столько смертей и разрушений?

Торсон не пытался сдержать охватившую его дрожь. Все эти бедняги...

– Откуда начнем, сэр? Катастрофа так велика, что их помощь может понадобиться повсюду.

– У воды. Кажется, туда еще никто не добрался, так что там потребность самая большая. Конечно, будем останавливаться по пути, если увидим раненых.

Младший кивнул в знак согласия, но вслух ничего не сказал.

Невысказанная надежда была очень слабой. Товарищи находились вблизи «Морской королевы», может, на самом исчезнувшем доке. Очень малы шансы, что они выжили.

Суперкарго быстро двигался по покрытым обломками улицам, и Дэйну пришлось прилагать усилия, чтобы не отстать от него.

Вначале видны были только развалины домов и заводов, но ближе к воде все чаще и чаще стали попадаться трупы. Пока остаются живые, заваленные обломками, нуждающиеся в помощи, ничего нельзя сделать для мертвых, и тела лежали там, где упали или куда были вытащены из руин.

Помощник пытался не смотреть, но ничего не получалось. Ужас таков, что он не мог оторваться от мрачных останков, просто не мог сопротивляться.

Он взглянул на застывшее лицо мертвой девушки и остановился на полушаге.

– Мистер Ван Райк!

Его шеф обернулся. Пристально взглянул на женщину и двинулся дальше.

– Она мертва. И была мертва с самого начала. – Суперкарго расстроился. Девушка моложе, чем был Торсон, когда впервые явился на борт «Королевы».

– Но ее застрелили!

Ван Райк снова взглянул на труп. Она лежала так, как ее отбросил смертельный удар, некогда блестящие глаза теперь раскрылись широко и застыли; в них все еще виднелось удивление от мгновенной, совершенно неожиданной смерти. В самом центре лба большая круглая дыра с обожженными краями.

Ван Райк в течение нескольких минут осматривал землю. Наконец он подобрал маленький, чуть сплюснутый металлический шарик и протянул его для осмотра Дэйну.

– Вот твоя пуля. То, что она ударила девушку так высоко, чистая случайность, но внизу груз «Морской королевы», все эти болты, шайбы, винты и гвозди, должен был вызвать настоящее опустошение. Там мы увидим еще немало следов его работы.

Фрэнк Мура, Шеннон и Камил проходили через жилой район, направляясь в торговую часть города. Пока сюда добралось только несколько групп, и они решили, что здесь их помощь нужнее, чем вверху, где она была уже достаточно организована.

Все трое молчали. Если не считать более тяжелых материалов построек, ничто здесь не отличалось от картины вверху. Разрушения так велики, что на взгляд нельзя сказать, что здесь помещалось: жилой дом, контора или фабрика.

Тут было больше мертвых, и тела заметнее бросались в глаза. Это объяснялось как близостью взрыва, так и тем, что здесь тела еще никто не убирал.

Встречались и живые жертвы. Многим они сумели помочь. Для других ничего нельзя было сделать. Вольные торговцы поступали, как их инструктировали, раненых переносили на середину улицы, где их легче заметить. Вскоре в этот район явятся флаеры.

Их остановил крик, просьба о помощи. Крик продолжался, они обшаривали ближайшие развалины, но прошло несколько минут, прежде чем они обнаружили его источник – отверстие в полфута шириной в груде обломков. В нем виднелось человеческое лицо. Работая с предельной осторожностью, они разобрали обломки, превратив отверстие в узкий проход, потом расширили дыру и смогли вытащить человека.

Удивительно, но этот канучец отделался только несколькими синяками

и царапинами. Он казался ошеломленным, но это был шок от случившегося.

Никаких следов ранений или серьезных ушибов.

Он сам прошел на середину улицы и сел, глядя на склон вверху, который с этого места был хорошо виден.

– Мне, должно быть, повезло, – сказал он своим спасителям. – Я сидел за своим компьютером, когда услышал громкий взрыв и инстинктивно нырнул под стол. Не было времени даже повернуться, когда обрушился потолок. Меня, должно быть, спас стол.

– Когда все стихло, я выполз из-под стола и двинулся дальше, пока не застрял здесь. Я не хотел возвращаться в темноту, и потому стал ждать.

Кто-то должен был прийти.

Он глубоко вздохнул.

– Там был мой дом, рядом со школой.

– Многие успели уйти, – мягко сказал Ван Райк, – а других уже спасли.

Там наверху не так плохо, как здесь.

Голос Али прозвучал резче.

– Вы говорите, обрушился потолок. Мог еще кто-нибудь уцелеть?

– Не знаю. Темно, как в неосвещенной шахте, и я ничего не слышал. Там нас за компьютерами работало шестеро, а еще десять находились в соседней комнате, в канцелярии...

Рип начал браниться, но Мура поднял руку и заставил его замолчать.

Рип овладел собой. Не вина этого канучца. Он все еще ошеломлен, и мозг его просто не ухватывает ничего, кроме него самого и его собственного положения. Он дал им след. Остальное придется делать самим. Нужно надеяться, что помощь успеет вовремя.

Космонавты быстро в обратном направлении повторили путь, проделанный канучцем. Все они стройные гибкие люди, вооруженные хорошими нашлаемыми лампами, и вскоре они обнаружили, что сведения человека оказались точными.

Каким-то чудом относительно большая комната, в которой они оказались, пострадала сравнительно немного, и они без труда нашли остальных пятерых ее обитателей. Один мертвый, со сломанной шеей, другой тяжело ранен, но остальные трое пострадали не больше первого.

Этих они вывели наружу, потом вынесли тяжелораненого, оставив мертвеца внутри.

Прежде чем снова идти внутрь, Мура торопливо сообщил о находке через свой переносной передатчик. Если случайно сохранилась одна

комната или этаж, то же может случиться еще где-нибудь, возможно, неоднократно по всему городу. Если это станет известно, будут спасены многие жизни, а Мура сомневался, что вскоре сможет непосредственно сообщить эту информацию. Им придется снова углубляться в развалины, и любая подвижка в еще не устоявшихся грудах может похоронить людей навечно.

Фрэнк рукавом вытер с лица пот, стерев заодно грязь, сажу и кровь, превратившиеся в равномерную пленку.

Второе помещение, канцелярия, сохранилось не так хорошо, а те, что за ним, еще хуже. После третьей комнаты они вынуждены были прекратить поиски, иначе все полуразрушенное здание грозило обрушиться на головы возможных жертв, заключенных в нем. Когда по вызову Муры прибудет отряд, вооруженный тяжелой техникой, работы возобновятся.

Мура решил, что тут их обязанности кончены. Похоже, они обнаружили всех выживших. Во всяком случае в течение последних поисков они находили только тела или их части.

Он закрыл глаза в бесконечной усталости. Неужели Япония испытала такое же, подумал он, прежде чем вулканы и цунами скрыли ее острова, население и древнюю культуру под бушующей поверхностью Тихого океана?

Между ними прошло два дня и две ночи. И там отряды спасателей работали день, ночь и часть следующего дня, пока неумолимая природа не оставила ничего живого.

Стюард покачал головой и посмотрел на тех, кого они только что вытащили из руин. Это не его история. Не история его родителей и предков.

А для Али Камила это возвращенное детство. Если не считать, что происшедшее случайность, а не результат человеческой жестокости, он видел все это, прожил его и выжил. Неужели он способен пройти через это вторично?

Фрэнк смотрел, как помощник инженера распрямился и расслабил напряженные мышцы. Лицо его было лишено выражения, просто маска, но глаза жили и сверкали, блестели, как две молодых звезды в глубинах космоса.

Камил не знал усталости в своих усилиях. Больше того. Все работали изо всех сил, но Камил оказался полезнее всех остальных. Казалось, он не боится предательских развалин и постоянно без всяких колебаний, в полном спокойствии уходит внутрь. И всегда благополучно возвращается.

У него почти сверхъестественная чувствительность на выживших, и он всегда может рассчитать, как кратчайшим путем до них добраться. Когда кончится день, именно этому красивому смуглому космонавту большинство спасенных будет обязано жизнью.

Глава 27

Джелико повернулся. С разбитого патрульного флаера хорошо видел был корпус «Салли Сью», а также облака дыма и блеск пламени на доке за кораблем. Капитан не мог определить, горит ли сам фрейтер.

Он вскочил на ноги.

– Корабль – мое дело, – сказал он Коуфорт и раненому патрульному. – А врач нужен здесь.

Раэль посмотрела на него.

– Капитан...

Он покачал головой.

– Вы ранены, – негромко сказал он, – а Кейл еще тяжелее. – Голос его стал еле слышен. – Он слишком долго пробыл один.

Это был приказ, хотя и сформулированный мягко. Женщина опустила голову, чтобы скрыть свое горе. Она боялась, что иначе выдаст себя.

Джелико больше ничего им не сказал. Отвернулся от пары и побежал к опасному кораблю. Может быть, у него нет никаких шансов, но он не собирался сдаваться Мрачному Командующему без хорошей драки за жизнь. Не отдавать безропотно Раэль, патрульного, весь свой экипаж, который теперь работает в развалинах, не подозревая о нависшей опасности.

Губы его сжались. Если бы передатчик патрульного не разбился при падении флаера, он смог бы поднять тревогу, но одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что обычным путем послать сообщение невозможно, а если он попытается это сделать пешком, то опоздает. Нужно не пустить огонь на корабль, иначе второй, гораздо более сильный взрыв разнесет их на клочки.

На мгновение он почувствовал сожаление, острое и болезненное, как физический удар. Может, не стоило отказываться от помощи Раэли Коуфорт, подумал он. По крайней мере вместе встретили бы смерть.

Он гневно отбросил эту мысль. У врача есть свое дело. Со сломанными ребрами она не выдержит предстоящей трудной работы. Судьба каждому из них отвела свое. Ни у кого из них нет выбора, нужно признать это и выполнять свой долг.

Необходимость торопиться подстегивала его, как кнутом. Может, всего минуты или секунды отделяют его от забвения, но бежать по прямой он не мог. Дорогу ему преграждали груды обломков. Некоторые он

перепрыгивал. Но другие, большие, приходилось обходить.

Каждый раз, когда он поворачивал, сердце начинало биться сильнее.

Если он рассчитал неверно, если торопливо выбранный маршрут приведет в тупик и ему придется возвращаться, он может просто сесть и ждать смерти...

«Салли Сью» прямо перед ним. К своему облегчению, он заметил, что корабль еще не тронут огнем. Только расположенный рядом док охвачен пламенем. Но, слава правящему духу космоса, и тут пожар не большой, вернее, несколько небольших очагов, два из них опасно близки к фрейтеру и горят независимо друг от друга.

Ему продолжало везти. Доступ к доку не закрыт, а палуба корабля близка к поверхности дока. Вольный торговец побежал к ней, огибая пламя и места, где поверхность раскололась, приподнялась или вообще отсутствовала.

Только добежав до «Салли Сью», он наконец остановился. Борт корабля рядом, но все же до него не дотянуться.

Опасный прыжок даже для свежего человека, но, судя по этим огням, у него нет выбора. Он должен одолеть промежуток с первой же попытки.

Джелико напрягся, проверил равновесие своего положения и прыгнул.

Руки его сомкнулись вокруг перил, ноги ударились о борт. Опираясь ими, он подтянулся и перевалился через перила на палубу корабля.

Капитан не стал задерживаться. Морское дело всегда ему нравилось, и он старался как можно больше узнать о кораблях, а когда возможно, приобретать и практический опыт. Теперь это должно ему помочь. Кануч типичная индустриальная планета, и жители ее не очень склонны к новациям.

Им незачем изменять старым обычаям. Информация о кораблях, которую он приобрел на других планетах, послужит и здесь.

Трюмы фрейтера открыты, люки сорваны силой взрыва. Капитан побежал к тому, что расположен на корме, и прыгнул вниз. К его облегчению, кингстоны оказались там, где он и ожидал. Он открыл их, впуская холодные воды океана в трюмы.

Сделав это, он вернулся на палубу и побежал на нос.

Он пришел вовремя, Огонь уже лизал борт «Салли Сью».

Джелико провел языком по пересохшим губам. Металлические плиты корпуса не загорятся, но палуба вскоре вспыхнет.

Неважно. Насколько он знает, нитрату аммония в трюме вовсе не нужно непосредственное соприкосновение с огнем. Значительный подъем температуры тоже вызовет взрыв.

Пожарные рукава также оказались там, где подсказывал здравый смысл и знание кораблей. Он высвободил один, самый близкий к огню. Если он только работает. Подобное оборудование рассчитано на работу в самых сложных условиях, но взрыв такой силы и такой близкий...

Показалась пена. Джелико направил ее на ближний очаг, отгоняя огонь подальше от корабля, потом нацелил струю на второй очаг, который быстро приближался.

Впервые почувствовал он некоторое облегчение. Пока все идет неплохо, ему удастся отстоять корабль, если рукав начнет подавать морскую воду, когда кончится пена. Конечно, есть и другие рукава, но они расположены не так удобно, и он не уверен, что они сработают.

Прошло двадцать минут. Третий очаг пожара начал угрожать «Салли Сью», больше и жарче остальных.

В его авангарде двигались густые черные облака горячего дыма. Дым зловонный, и Джелико попытался определить, что является его источником.

Горло и грудь у него при каждом вдохе жгло.

Поток пены неожиданно прекратился. На какое-то бесконечное мгновение Джелико стоял в провисшем рукавом в левой руке, потом рукав снова наполнился, и из брандспойта вылетела сильная холодная серебряная струя. Выглядела она прекрасно, но капитан смотрел на нее с тревогой.

Конечно, запасы воды не ограничены, но она не так эффективна, как пена, и все очаги быстро набирали силу, угрожая слиться в большой пожар.

Теперь они атаковали вдоль всего широкого фронта. Редко случались моменты, когда ему не нужно было отражать нападение, обычно сразу два, и постепенно он начал ощущать безнадежность своего положения.

Увидев бочки на палубе, Джелико смирился со своей судьбой. Примерно двадцать их лежало на дальней стороне, там их от его взгляда скрывала дымовая завеса. Неожиданный порыв ветра открыл их, длинные прочные металлические цилиндры с надписью «бензол». Он не знал, какую температуру способно выдержать это вещество, но думал, что она не очень высока. После этого бочки взорвутся. Когда это произойдет, последует взрыв нитрата аммония на «Салли Сью», и они все умрут, Раэль, он сам, все в Кануче и все, что осталось от города Кануча. На корабле настолько больше нитрата, чем на «Морской королеве», что всеобщее уничтожение неизбежно.

Глава 28

Раэль Коуфорт сидела, опустив голову. Она должна быть с капитаном «Королевы», сражаться рядом с ним, умереть вместе, если понадобится.

Она сжала кулаки. Он прав, приказав ей оставаться здесь. У нее тут есть дело, пациент, нуждающийся в помощи, к тому же она сейчас не способна к тяжелой работе. Усилия при осмотре ран Кейла настолько утомили ее, что потребовалась вся ее сила воли, чтобы не сдаться, не сесть и отдаться боли.

Но об этом нельзя даже думать. Она врач, и пока кто-то в ней нуждается, пока она жива, она будет выполнять свою работу даже перед лицом смерти.

Кейл Робертс очень серьезно ранен. Если ему не сделают операцию, он умрет от ран, но она поможет ему продержаться, пока его не увезут.

Снаряд, пробивший его, нельзя убрать. Она побоялась бы сделать это, даже если бы у нее хватило сил. Слишком это опасно. Ей может не удастся остановить кровотечение. Он и так потерял слишком много крови, и дальнейшая потеря представляет серьезную опасность.

Ей нужен материал для перевязки. Раэль пробралась на заднее сидение флаера и достала свой нож. Быстро работая, она отрезала часть платья умершей женщины, разрежала ее на полосы и вернулась к своему пациенту.

К счастью, вес большого куска металла пришелся на него не прямо.

Правая нога зажата и изувечена, но в то же время тяжесть помешала большой потере крови. Поэтому патрульный еще жив, но передышка только временная.

Медленная постоянная потеря крови уже сильно ослабила его и, если ее не остановить, скоро совсем убьет.

Женщина поползла, скорчившись, по полу транспорта, пока не оказалась рядом с Робертсом и смогла заняться его ранами. Неудобно, но работать можно. Это самое главное, а все остальное неважно. Она сосредоточилась на своем занятии, не обращая внимания на боль в теле. К счастью, Кейл не мог видеть ее лица, да и был слишком занят собственной болью, чтобы заметить ее состояние.

Работа шла медленно, но наконец Раэль смогла отползти к двери транспорта и распрямиться. Несколько мгновений она отдыхала, опираясь на металлический корпус. Закрывает глаза, старалась дышать ровно, боясь, что резкое движение усилит боль в груди настолько, что она не сможет

выдержать.

Скоро ей стало легче. Раэль встала и принялась рассматривать пациента.

Она осталась довольна. Он смертельно побледнел, конечно, и испытывает сильную боль, но, казалось, перенес процедуры достаточно хорошо. Больше до прибытия помощи она ничего не может сделать, только подбадривать и утешать. Если кто-нибудь сможет эту помощь оказать.

Впервые Раэль позволила себе взглянуть в сторону «Салли Сью». Сердце ее сильно вздрогнуло. Ужасное зрелище, но и величественное. Теперь ясно виден огонь. Мелкие очаги почти погасли, но крупные слились и представляли собой страшную угрозу. Три таких очага приблизились непосредственно к фрейтеру, и Джелико старался удержать их на удалении.

Гордость охватила женщину, хотя слезы затуманили ей зрение. Храбрость – необходимое качество капитана звездного корабля, но, по ее мнению, одно дело смотреть в лицо опасностям, известным и неизвестным, на звездных путях, даже перед бластерами и лазерами волчьей своры пиратов, и совсем другое – в одиночку противостоять первобытной свирепости огня.

Она так сжала руки, что они побелели. Обреченные усилия! Палуба дает огню слишком много пищи. Огонь будет расти, пока его никто не остановит.

– Ему нужна помощь, – негромко сказал Кейл.

Она взглянула на него, потом кивнула и вскочила на ноги, сдержав возглас боли. Ее работа здесь кончена, и теперь она нужнее на палубе «Салли Сью».

– Раэль!

Она быстро обернулась. Ван Райк и Дэйв Торсон!

– Джелико! – закричала она, указывая на корабль. – Капитан! Он пытается спасти фрейтер. Корабль нагружен нитратом аммония!

Глава 29

Дэйн бросил один взгляд на борьбу, которую вел его капитан, и побежал.

Его молодое тело было выносливо и нисколько не устало от броска, который совершили они с Ван Райком к берегу. Препятствия на пути почти не замедлили его бега, даже когда он огибал самые большие груды или перепрыгивал через них, и он добежал до причала быстрее Джелико.

Добежав, он остановился. Нахмурился. Почему капитан отворачивает рукав от дока, действует им почти на пределе дальности? Огонь гораздо ближе...

Но тут он увидел бочки, должно быть, остатки большого груза, сброшенного взрывом в воду. Они были разбросаны, но оставались лежать вблизи друг от друга. Пламя начинало лизать самые близкие из них.

Глаза Дэйна потемнели. Как и Джелико, он сразу понял, какую опасность они представляют. Контейнеры, очевидно, хорошо изолированы, но они сконструированы для предотвращения случайности, а не долговременного прямого контакта с открытым огнем. Их содержимое, должно быть, совсем близко к точке взрыва.

Если взорвется хотя бы один из них, это конец. Остальные детонирует почти в тот же момент, а фрейтер – мгновение спустя. Если даже каким-то чудом корабль не взорвется, он весь будет охвачен пламенем. И через несколько минут результат будет тот же.

Помощник суперкарго перепрыгнул через ближайшую полосу огня. Он двигался так быстро, что пламя не смогло притронуться к нему. И бросился к ближайшему бочонку, схватил его и потащил к концу палубы.

И почти тут же выпустил в резким криком. Металл горячий, не докрасна, конечно, но все же ужасно горячий. Тело под одеждой словно обожгло.

Собравшись, он снова схватил цилиндр. Слезы заполнили глаза. Перчатки давали рукам хоть какую-то защиту, но легкая ткань почти не защищала грудь и руки. Они горели.

С проклятиями он дотащил ношу до края палубы и сбросил.

Не останавливался, чтобы послушать свист, с каким горячий металл погрузился в холодную воду, увидеть столб пара и всплеск. Другие контейнеры в такой же опасности, они представляют такую же угрозу.

Следующий бочонок лежал на боку. Его легче катить, но придется

использовать не только руки, но и колени.

Он оказался таким же горячим, как и первый. Как и предвидел Дэйн, брюки предохраняли тело не лучше рубашки, и на этот раз боль в руках была такой же, как во всем теле. Перчатки должны были предохранить от повреждений при обычной ручной работе, а не защищать от огня и раскаленного металла. Он не может ожидать, что они будут защищать его вечно.

С каждым прикосновением к металлу боль становилась все сильнее.

Помощник гадал, выдержит ли он достаточно долго, чтобы избавиться от этого бочонка, и сердце его упало, когда он подумал о восемнадцати оставшихся.

Их нужно убрать все, или его усилия бессмысленны.

Не со всеми будет так плохо, решительно сказал он себе. Третий контейнер, да, принесет такие же муки, но остальные дальше от огня, вне прямого контакта с пламенем. Они не должны быть такими горячими.

Он направился к следующему контейнеру, но отшатнулся. Джелико видел помощника суперкарга и пытался дать ему максимально возможную защиту, но теперь к кораблю подобрался новый очаг пожара, и капитан вынужден был перенести внимание на него, оставив прежний фронт.

Торсон погрузился прямо в сияние огня. Какая разница, мрачно подумал он. Поджарится ли он, как бифштекс, или превратится в живой факел? И в том и в другом случае он умрет в страшной боли.

На мгновение ему показалось, что он сгорит, но хоть его обнаженная кожа покрылась волдырями, ему удалось откатить бочонок от прямого контакта с огнем. Этот не такой горячий, решил он, перекатывая его к борту. Не так долго пролежал у огня, как первые два. Надежда ожила в сердце. Если это справедливо для остальных, если этот эффект усиливается с дальностью, он может выиграть эту невыносимую гонку. Даже если огонь будет приближаться беспрепятственно, а он сам обгорит, ему удастся достаточно быстро откатить относительно прохладные бочонки подальше от опасности. Сами по себе они не тяжелые, а он привык перемещать грузы. Что произойдет с ним потом, другое дело, но пока это его не заботило, он отказывался об этом думать.

Ближайшая задача требовала всего внимания.

Джелико вздрогнул, увидев на противоположной стороне палубы человека.

Вначале он решил, что это иллюзия, результат отравления дымом, продукт его собственного воображения, подстегнутого ядовитым дымом и

усталостью. Но потом узнал Торсона и прежде чем смог крикнуть ему, передать приказ, молодой человек осознал опасность и сам двинулся к бочонкам.

Капитан поежился при мысли о горячем металле, но тут он ничем помочь не может. Контейнеры нужно убрать.

Возможно ли это? Помощник не раз доказывал свою смелость и решительность, но такого испытания он еще не выдерживал. Прикосновение к горячим контейнерам, постоянный и все усиливающийся ужас огня сами по себе могут сломить и более опытного, закаленного человека. Джелико не мог сказать, долго ли он выдержал бы сам.

Но он почти ничем не может помочь. Бочонки лежат на пределе досягаемости пожарного рукава. Он может только постараться помешать огню добраться до Дэйна, и даже эти попытки вскоре придется прекратить. Слишком много огней угрожает самой «Салли Сью»...

Джелико повернул брандспойт, направив его на палубу непосредственно перед собой. Полоска огня подобралась по причалу и лизала борт корабля у его ног.

Небольшая полоска, и он довольно быстро отогнал ее, но теперь три больших очага слились в один. Джелико почувствовал отчаяние. Все страдания Торсона, его самопожертвование бесцельны. Он не сможет сдержать огонь со своей стороны. Продержится еще несколько минут, пять или десять, но небольшие очаги превратились в огромный пожар, который скоро охватит весь корабль. Он погибнет, сражаясь, но это слабое утешение для тех, кого он не сумел спасти. Слишком трудная задача для одного человека...

Послышался стук. Кто-то еще прыгнул на палубу.

Капитан резко повернул голову. Ван Райк!

Суперкарго улыбнулся, но ничего не сказал. Он подбежал к ближайшему пожарному рукаву и пустил его в ход.

Действует, хвала правящему духу космоса, и мощная струя пены залила ближайший участок огня.

Три минуты спустя ударила еще одна пенная струя в середине фрейтера.

Раэль!

Настроение Джелико поднялось. Оборудование предназначено для самых трудных ситуаций – доказательством он сам, способный до сих пор бороться с таким большим пожаром. Теперь их трое, у каждого рукав, и у них есть шанс – не уверенность, но впервые он подумал, что все же возможно победить противостоящую им первобытную силу.

Глава 30

Они победили. Отбросили огонь, подавили его холодной водой и удушающей пеной задолго до того, как над головой у них появилось огромное количество пожарных флаеров, выбросивших целый океан пены.

Джелико улыбнулся этому воспоминанию, устало откидываясь на подушку.

Четверо космонавтов чуть не утонули вместе с пламенем, но он не помнит, чтобы слышал чьи-то протесты. Сам он определенно не собирался возражать.

Стук в дверь вернул его к настоящему. Негромкий и робкий и повторился не сразу. Раэль Коуфорт!

Он быстро сел и привел в порядок рубашку.

– Входите! – сказал он, закончив.

Женщина немедленно повиновалась. С ней был Квикс, он сидел у нее на руке, но почти не раздумывая она посадила его на стол Джелико. Глаза ее были устремлены на лицо капитана, внимательно его разглядывали. Голос у него хриплый, но это пустяки, результат воздействия дыма на горло и легкие. Скоро пройдет.

– Мистер Вилкокс говорил, что вы потеряли сознание, – сказала она.

– Мистеру Вилкоксу следовало бы держать рот на замке, – проворчал он.

– Не со мной. Как дела, капитан?

– Все в порядке. Просто горючее подошло к концу. Но так как сейчас нет нужды изображать сверхчеловека, я решил сделать передышку.

– Разумно. Невесело, когда тебе выскабливают легкое. – Она придвинулась ближе и коснулась пальцами его лба. – Жара как будто нет.

– Я вам сказал, что со мной все в порядке, – раздраженно повторил он.

– Знаю, но я ведь врач. Трудно отказаться от привычки.

Она повернулась к столу.

– Вероятно, нам следует уйти и дать вам отдохнуть.

– Нет. Задержитесь ненадолго.

В отличие от ее каморки, у Джелико каюта полного размера, и в ней постоянные стол и стул.

Она отсоединила стул от креплений и придвинула к койке.

Джелико видел, как она сморщилась, садясь, и теперь наступила его очередь внимательно присмотреться к ней.

– Восемь сломанных ребер. Я знал, что вы ранены, но не думал, что настолько тяжело.

– Ну, плохо стало только в самом конце, во всяком случае болело не сильно. Я ухудшила свое состояние, когда занималась Кейлом. Пришлось поворочаться, чтобы добраться до него.

– Начал–то я. Это я бросил вас на каменный блок.

– Учитывая состояние тех, кто находился поблизости, не думаю, чтобы мне было на что жаловаться, – сухо ответила она.

– Все равно, простите.

Раэль улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными.

– Спасибо за то, что не велели мне оставить Кейла и убежать.

– Об этом я не подумал, – признался он, – но я понимал, что в вас слишком много титанона, чтобы вы меня послушались, и потому избавил вас от оскорбления.

Она недоверчиво взглянула на него и рассмеялась.

– Я была в ужасе, друг мой. В сущности, я легко пугаюсь. Просто...

Капитан улыбнулся.

– Совершенно верно, Раэль Коуфорт.

Он занял более удобное положение.

– После того, как мы погасили огни, я почти утратил контакт со вселенной. Что произошло? Я знаю, вы заверяли меня, что все в порядке, но у врачей есть обыкновение не беспокоить раненых.

– Вам было очень плохо, – серьезно ответила она. – Вы ведь дышали чистым ядом. Будь концентрация немного больше, и...

– Ну, сейчас все в порядке. Это вы вызвали пожарных?

Они кивнула.

– По передатчику мистера Ван Райка, а когда я присоединилась к битве, Кейл продолжал вызывать их. Кстати, он тоже поправляется, – торжествующе сказала она, – хотя без нас вряд ли продержался бы.

– Без вас.

Она пожала плечами.

– Хуже всех обгорел Дэйн. В данный момент он лежит, весь укутанный повязками и мазью от ожогов, и еще много недель ему не придется передвигать грузы, но, хвала духу космоса, неизлечимого ущерба нет. Мы так быстро смазали его, что даже шрамов не останется. – Она улыбнулась. – С ним Синдбад, предлагает свое общество и утешение.

– Небольшие ожоги и многочисленные ушибы у Джаспера. Некоторое время у него будет болеть тело, в остальном он не пострадал.

– А как Али? – негромко спросил капитан.

– Здоров. И доктор Тау, и я уверены в этом. Какие бы воспоминания у него ни возникли, он с ними справился и отправил их на место. Он сильный человек, капитан, сильнее, чем я думала вначале.

– Его обычно недооценивают. – Джелико сел. – А что будет с самим городом Канучем? И еще остается вопрос о нашем чартере. Теперь, когда кончилось это проклятое дело жизни и смерти, я хотел бы знать, как обстоят дела с контрактом.

Женщина улыбнулась.

– Будете жить! Естественно, мистер Мак–Грегор ужасно занят, но он в течение нескольких минут разговаривал с мистером Ван Райком. Причалы восстановят, остальной ущерб устранят как можно скорее. Фабрику «Каледонии» не только восстановят, но и расширят. Нет необходимости говорить, – мрачно добавила она, – что отныне с нитратом аммония будут обращаться со всем подобающим уважением.

– Что касается «Королевы», то она стартует с грузом, как только сможет. К ее возвращению в порту ее уже будет ждать новый груз. Эдру Мак–Грегору не собирается упускать хорошую деловую возможность только из-за небольшой задержки. Это его слова.

Джелико рассмеялся.

– Вот это по–моему! Улетим, как только заправимся. – Он слегка нахмурился. – Если сможем получить топливо. Здесь какое–то время всего будет не хватать.

– Друг, нет ничего такого, что «Королева Солнца» не могла бы получить на Кануче, планете Халио. Да и другие корабли тоже, – добавила она. – Их экипажи последовали за нашим, оказали помощь припасами и людьми, и теперь на все обозримое будущее у них право на контракты, уступающее только нам.

Это единственное место, где у больших компаний нет ни одного шанса и еще долго не будет.

– Все получилось очень хорошо, – медленно сказал капитан. – Для нас. Канучцы потеряли много домов и добра.

Раэль медленно кивнула.

– Жаль, что мы не могли действовать быстрее.

Она пошевелилась на стуле. Капитан выглядел уставшим, да и она сама устала.

Она подобрала Хубата, который молча следил за ними со своего места на столе.

– Оставить Квикса? Он беспокоится о вас.

Джелико вздрогнул в ответ на вопль животного.

– Доктор Коуфорт, вы никогда не станете ксенобиологом, если будете по-прежнему антропоморфизировать реакции неземных существ...

– Квикс мой товарищ по кораблю, и теперь я его достаточно знаю, чтобы понять, когда он расстроен. А он расстроен все время с того момента, как вы, хромая, поднялись на борт, – высокомерно сообщила она.

– Благодарю за поправку, доктор. Дайте его сюда.

Квикс посидел на руке капитана, потом спрыгнул на койку и с довольным свистом устроился в теплой вмятине, оставленной ее прежним обитателем.

– Надеюсь, он не будет возражать, когда я его передвину. Это мое место, и я не собираюсь отдавать его Хубату.

– Я принесу его клетку, – пообещала женщина. – Там ему будет лучше.

– Слава духу космоса за эти маленькие радости, – пробормотал Джелико.

Он провел пальцами по удивительно мягким перьям.

– Пока ему хорошо и здесь. Кто-нибудь другой принесет попозже клетку.

Вы не будете поднимать ничего тяжелее ложки и чашки, пока не срастутся ваши ребра.

– Слушаюсь, капитан, – покорно ответила она, уловив командные нотки в его голосе.

Чувство удовлетворения неожиданно оставило Джелико. Он беспокойно взглянул на врача, вспоминая, что она сказала – и не сказала – во время этого посещения. Она упомянула, что Торсон не способен будет работать, но не сказала, что готова выполнять легкую часть его работы; и она говорила о том, что «Королева Солнца» улетит с грузом, но не пользовалась словами «мы» и «наш».

Он опустил глаза и сделал вид, что разглядывает Квикса, чью голову начал старательно гладить.

– Вы по-прежнему собираетесь оставить «Королеву»?

– Хоть вы и капитан, но только попробуйте меня выкинуть!

Он широко улыбнулся, частично в облегчении, частично чтобы скрыть его.

– Вы приблизились к границам неподчинения, – заметил он.

Но Раэль охватил страх, и она не ответила, как он ожидал. С тех пор как она появилась на борту, на «Королеве Солнца» произошла целая небольшая галактика неприятностей. Космонавты часто суеверны, даже самые храбрые и умные. Если Джелико верит, что она приносит неприятности...

Она опустила взгляд. Вначале она хотела использовать пребывание на «Королеве», чтобы подождать возможности забрать свои средства с «Блуждающей звезды». Она наберется опыта, приобретет авторитет, а потом вернется в организацию брата на своих условиях. Но теперь она поняла, что цели ее изменились, и несмотря на врожденную дисциплину и сдержанность вольного торговца, ей трудно смотреть в лицо этому человеку, ожидая его отказа. Неужели он опасается ее?

– Seriously, – негромко сказала она, – вы капитан, и если вы почему-то считаете, что я опасна для корабля, я уйду без всяких вопросов.

– Нет!

Она подняла голову и улыбнулась. Невозможно было усомниться в этом ответе.

– В конце концов я не была уверена, что на корабле меня хотят...

– Я хочу, чтобы вы были на корабле, черт возьми! – Джелико овладел собой. Он был раздражен резкостью своей реакции. И продолжал – быстро, без колебаний, необычным тоном:

– Доктор, жизнь стала интересней с вашего появления на борту, но вы не понимаете, что с самого первого старта «Королевы Солнца» она интересна. Это не изменится, и я не собираюсь покидать звездные линии, особенно когда дела идут неплохо.

Раэль снова улыбнулась, на этот раз застенчиво. Она была несколько ошеломлена его бурной реакцией, но одновременно и довольна.

– Может, отныне у нас будет больше мира и спокойствия, – с надеждой сказала она. – Мы заслужили это.

– Может быть, – согласился Джелико. Сам он в этом сомневался, но что бы ни принесло будущее, он смотрел прямо ему в лицо. «Королева» немало испытала в прошлом и получила достаточную прибыль, а сейчас ее будущее безоблачно и многообещающе.

Корона из сплетенных рогов

Дождь лил с надоедливym постоянством и дорожные плащи висели на плечах таким же тяжелым грузом, каким висел страх на сердцах и в умах людей. Те из людей, что были необразованными, кто никогда не удалялся от полей и пастбищ, принадлежащих господам, молились Глом Випер и смотрели на серое небо, как бы ожидая, что увидят над собой ее наполненные слезами глаза, почувствуют ее жалость, такую же тяжкую, как проклятие.

Даже те, кто получил образование, тревожились при мысли о проклятии, об осуждении, об изгнании, которое обрушилось на них.

Мой народ клан за кланом прошел через Небесные Ворота, которые открыли наши барды, и оставил за собой не только родину, но и память. И теперь мы могли бы спросить, почему мы едем по этой заливаемой водой ужасной стране. Однако чем дальше мы продвигались на север, тем меньше хотелось задать этот вопрос. Мы были твердо уверены в необходимости этого переселения. Братья с Мечами, готовые вступить в бой при первых признаках опасности, ехали впереди нас по этой странной, чужой, незнакомой земле, а у ворот остался в качестве арьергарда другой отряд. С ними были Лаудат и Оуз, чье волшебное пение открыло ворота между мирами, и теперь они закрывали их, так что путь к отступлению был закрыт, так же, как и возможность для преследования.

Тот отряд, что ехал сейчас впереди, встретил нас по эту сторону Ворот. Братья провели здесь почти целый месяц, изучая то, с чем придется столкнуться нам. Их рассказы были весьма странными и неожиданными. Они рассказывали о высоких холмах и широких долинах, о том, что тут когда-то жили люди — или какие-то разумные существа, подобные людям. Но теперь страна была пуста, покинута и остались только следы их жизни, ее прежних обитателей.

И все же страна не была полностью безопасной. Тут и там встречались места, где проснулись враждебные силы, и нужно было быть очень осторожным, чтобы избегать таких мест. Однако здесь было много полей, ожидавших плуга, склоны холмов заросли богатой травой, на которой можно было пасти овец, коров, лошадей, тянувших сейчас тяжело груженные телеги.

Каждый лорд, предводитель клана, ехал со своими людьми. Весь скарб был уложен на повозки. Старики и дети ехали в фургонах, а вооруженные

молодые люди охраняли караван.

Мы двигались медленно. Овцы и коровы не могли идти быстрее. А кроме того, я полагаю, что эта чужая страна давила на нас. По пути мы изредка видели одинокие колонны, здания странной архитектуры... Да и само солнце казалось нам менее теплым и давало меньше света, чем на нашей покинутой родине.

Моим лордом был Гарн и наш клан не мог сравниться с остальными ни по богатству, ни по снаряжению, ни по военной силе. Наших овец было легко пересчитать по пальцам, у нас был всего один бык и пять коров, за которыми мы должны были присматривать. Наш скарб занимал всего три фургона и в клане было всего несколько молодых женщин, которые ехали, держа при себе маленьких детей.

Я был тоже из благородных, хотя не наследных лордов. Я был последним сыном дяди Гарна. И тем не менее у меня был родовой щит и четыре арбалетчика под моей командой — весьма небольшой отряд, чтобы обеспечить полную безопасность клана.

Я был молод и не мог относиться серьезно к своим обязанностям. Я со своими людьми, которые ехали за мной с небольшими интервалами, охранял правый фланг нашего каравана. На ходу я внимательно осматривал окрестности, разыскивая среди холмов то, что двигалось и могло представлять опасность.

Когда мы прошли через ворота, мы, вернее лорды, спорили о разумности пути по этой дороге. И только Братья с Мечами сумели убедить нас, что дорога ведет через покинутую страну и никаких следов других людей нет поблизости.

Это была и в самом деле настоящая дорога — она вела прямо, и между каменными плитами тут и там пробивалась трава и деревца. Нашим фургонам здесь было гораздо легче ехать, чем по целине.

И не только дождь скрывал от нас эту новую—древнюю землю. Над холмами по сторонам дороги висели шапки тумана, местами этот туман имел какой—то зловещий темно—голубой оттенок, и это вселяло в нас чувство беспокойства.

Один из Братьев проскакал мимо меня, направляясь в передовой отряд. Я смотрел с завистью вслед ему. Это были независимые люди. У них не было ни лордов, ни родовых связей после того, как они принимали Клятву Меча. Их искусство во владении мечом, луком, коротким копьём было настолько хорошо известно, что они всегда могли настоять на своем, даже не притрагиваясь к оружию. Однако они всем снабжали себя сами. У них даже были свои стада, которые пасли пешие братья.

Быть принятым в их число было заветной мечтой всех кланов. Но для большинства эта мечта никогда не осуществлялась, так как количество Братьев всегда было неизменным, и они принимали в свои ряды только тогда, когда погибал один из них.

После того, как всадник проскакал мимо, в сопровождении двух всадников подъехал мой лорд Гарн, решивший проверить тех, кто охранял фланги каравана. Этот человек был таким же угрюмым, как эта страна и небо над головой. Он говорил мало, но замечал малейшие упущения по службе. Молчание — это была высшая похвала, какую мог заслужить человек у Гарна. Я стиснул поводья в руках, когда ястребиное лицо Гарна повернулось в нашу сторону, туда, где трусил мой маленький отряд.

Я ожидал, что он отругает меня за что-нибудь, или пошлет проверить замыкающий отряд, которым командовал его сын Иверад. Однако он молча поровнялся со мной и поехал рядом. Его эскорт немного отстал.

Я не ждал от него комментариев ни по поводу этой страны, или отвратительной погоды, или разговоров о прошлой жизни. Я просто ждал, торопливо припоминая все, что могло вызвать его неудовольствие. Его голова медленно поворачивалась, когда он осматривал окрестности, хотя я не думаю, что он пытался увидеть замыкающий отряд клана Рараста, который ехал впереди нас.

— Здесь хорошая трава. — Я был безмерно удивлен его словами, хотя я знал что лорд Гарн был из тех, кто мог оценить богатства страны и хорошо знал, как их использовать. Я знал людей, которые меня окружали, знал их достоинства и недостатки, знал, что они любят, а что не любят, знал, как они относятся друг-к-другу. Я знал свое место в клане, знал, зачем меня обучали владению оружием, знал все, кроме того, зачем мы пришли в этот мир, каких опасностей мы старались избежать своим переселением.

— Этой ночью будет совет, — продолжал Гарн. — На нем будет решено, где мы будем селиться. Братья с Мечами хорошо провели разведку территории. Страна большая. Фортуна может улыбнуться даже тем из нас, кто не приобрел большого богатства в прошлом.

Я все еще пытался понять причину такой доверительности и теплоты. Это было также невероятно, как если бы заговорила моя лошадь. И после того, как прошло удивление тем, что Гарн заговорил, его слова начали проникать в мой разум.

Огромная страна — открытая для поселения. Среди нас была почти сотня кланов, и большинство из них превосходили нас по числу людей, по богатству, по всему тому, что делало лорда клана могущественным и

влиятельным. И здесь была хорошая возможность даже для такого маленького клана, как наш, разбогатеть.

Гарн продолжал:

— Уже решено, что выбрать можно только одно — либо прибрежные земли либо внутренние. Сивен, Урик, Фаркон, Давуан уже высказались за побережье. Остальные из нас должны сделать выбор. Я думаю... — тут он заколебался. Я должен поговорить с тобой, Хевлином, Эверадом и также со Стигом, когда мы остановимся на отдых.

Моего согласия он не услышал, так как резко развернул лошадь и поехал туда, где со своим отрядом находился Эверад. Он оставил меня в изумлении. Гарн всегда решал все сам и не нуждался в консультациях, даже со своим наследником. И вдвойне удивительно, что он просит совета у Стига, который был главой полевых рабочих и даже не его родственником.

Что у него в голове? Почему он упомянул о прибрежных землях? Мы никогда раньше не селились у моря. Неужели мы забудем наши старые обычаи? А может их нужно бросить — ведь мы пришли в другой мир, и жить здесь нужно по новому.

Я попытался припомнить, далеко ли мы сейчас от моря. Братья с Мечами разведали только небольшую часть побережья. Они говорили об угрюмых утесах, о которые бились бешеные волны. Мы не были морским народом, хотя те из четырех кланов, о которых сказал Гарн, занимались рыбной ловлей.

Утренний туман постепенно рассеивался. К полудню сквозь водяную пыль проглянуло бледное немощное солнце. Оно прогнало зловещие тени, которые делали эту страну такой чужой нам. Мы разбили лагерь для отдыха и обеда прямо на дороге. По всей длине дороги, как узелки на туго натянутой нити, расположились наши кланы.

Тут же принесли небольшие очаги, которые бережно хранились в переднем фургоне. В них подбросили угля — ровно столько, сколько требовалось, чтобы приготовить настой трав, поддерживающий силы путника. Пища состояла из сухарей, которые размачивали в этом настое. Я быстро расправился со своей порцией, чтобы не заставлять ждать лорда Гарна.

Он сидел чуть поодаль на стуле, который специально для него достали из фургона. У ног его была разостлана грубая ткань, на которую он и приказал нам сесть. Я увидел, что рядом с Эверадом и Стигом сидел Хевлин — самый старший из его охраны. Лицо воина было таким же суровым, как и у его хозяина.

— Нам нужно сделать выбор, — сказал Гарн, как только мы сели. Я

говорил с Квеном, который проехал по берегу дальше всех. Он вытащил из-за пояса тоненькую трубочку. Затем он раскатал ее, и оказалось, что это полоска кожи. Мы склонились над ней и увидели множество тоненьких линий.

Толстая черная линия извивалась вдоль всей полоски, и с ней соединялись с одной стороны три тонкие извилистые линии. В двух местах у толстой линии уже стояли черные кресты и на них и показал Гарн.

— Это карта побережья, которую сделал Квен. Здесь и здесь две бухты, которые выбрали для поселения два клана, пожелавшие жить у моря. — Палец Гарна двинулся дальше вдоль черной линии, изображающей побережье, пока не дошел до небольшой бухты. — Здесь река. Она не такая большая, как другие, но вполне судоходная. Река — хорошее средство для перевозки товаров, например шерсти, на рынок...

Шерсть! Я подумал о нашем жалком стаде овец. Что мы повезем на рынок? Все, что мы состригали с них, шло на наши собственные нужды, и каждый из нас мог ожидать не больше одной новой куртки или пары нижнего белья в три или четыре года.

И вопрос, который был у всех на языке, осмелился задать Эверад:

— И ты решил выбрать это место, лорд, когда очередь дойдет до тебя, и оно еще останется свободным?

— Да, — коротко ответил Гарн. — Там есть и другое... — но он замолчал, и никто из нас не рискнул спросить, что же еще есть там.

Я смотрел на линии, нарисованные на коже, и пытался представить, что они означают: море и землю, реку и широкие поля, готовые принять наши плуги, наши небольшие стада. Но они упрямо оставались только линиями, и я ничего не мог увидеть за ними.

Гарн не просил от нас ни совета, ни обсуждения. Я ничего другого и не ожидал. Он созвал нас только для того, чтобы сообщить свое решение, чтобы мы приготовились к тому, что выберет он, если судьба при дележе будет благосклонна к нему.

Река, которую указывал Гарн, лежала на севере, далеко за теми бухтами, которые уже выбрали первые лорды. Я подумал, сколько же времени займет это путешествие? Была весна, скоро нужно будет сеять, если мы хотим получить пищу на следующий год.

Никто не мог сказать, насколько суровы здесь зимы, как скоро они наступают, сколько времени длится сезон выращивания хлебов. Слишком долгое путешествие могло привести нас прямо в зиму — зиму без всяких запасов пищи. Этого боялись люди любого клана. Но все же выбор делал Гарн, и ни один лорд не поведет своих людей на гибель, если у него есть

возможность избежать этого.

Вечерний совет состоялся в самом центре каравана, вблизи того места, где расположились многочисленные повозки и фургоны лорда Фаркона. Костер был уже готов, и вокруг него сели лорды. Родственники их расположились сзади. Лаудат и Оуз, оба кутающиеся в свои серые плащи, как будто они страдали от промозглой сырости больше, чем все остальные, а также Вавент, уже десятый год капитан Братьев с Мечом, были в центре этого круга.

Оба Барда были усталыми, изможденными, лица их были почти серыми. Открывание и закрывание Небесных ворот отняло у них много сил и чуть не привело к смерти, но они выполнили свою задачу. Первый заговорил Вавент.

Он снова описал страну, в которую мы пришли. В ней нет широких полей и степей. Она вся перерезана холмами, между которыми есть долины — одни богаты растительностью и плодородны, другие, напротив, голы и пустынно. Он также рассказал о реках, которые я видел на карте Гарна, о двух великолепно расположенных бухтах.

Он не успел закончить, как его прервал лорд Фаркон.

— Ты совсем ничего не сказал, капитан Вавент, о тех странных местах, которые были оставлены Старым Народом, да и о самом «Народе». Может они еще остались, и тогда, не возьмут ли эти люди мечи, чтобы защитить свою землю так, как это сделал бы любой из нас?

Послышался шепот. Я увидел, как Оуз выпрямился, как будто он хотел встать и ответить, но он не встал и предоставил право ответа Вавенту.

— Да, когда-то в этой стране жили люди, — с готовностью признал капитан. — Но те кто жил здесь, ушли. Они многое оставили после себя, но все это безвредно. В основном это земля мира и покоя, но есть здесь и такие места, и в этом я не хочу вас обманывать, лорды, которые являются сосредоточием зла. Их вы легко узнаете по ужасному зловонию. А также будет лучше, если вы не будете иметь дело со зданиями и развалинами, оставшимися от старых дней. Мы проехали эту страну вдоль и поперек, но не нашли ничего, кроме диких зверей, не нашли никаких следов прежних обитателей этой земли. Теперь эта страна пуста, и мы не знаем, почему.

Лорд Рольфин покачал головой. Пламя костра отразилось от трех красных камней, украшающих его шлем.

— Значит вы не знаете, почему те, кто жил здесь, оставили эту землю, — повторил он, — следовательно мы можем столкнуться здесь с каким-то неизвестным невидимым врагом.

Опять послышалось перешептывание. На этот раз поднялся Оуз. Он

откинул капюшон плаща со своей головы, так, что все могли видеть его серые волосы и тонкое, изборожденное морщинами лицо.

— Эта страна, — сказал он спокойно, — пуста. С тех пор, как, мы вошли сюда, мы не смогли почувствовать ничего, что могло бы считаться враждебным. Прошлым вечером, лорды, я и Лаудат пели песню предупреждения и зажигали Пламя. Оно горело ровно и спокойно. Ничто не воздействовало, ничто не противится нашему переселению. Здесь есть следы старых сил — мы не знаем, что они из себя представляют — но Пламя не может гореть там, где присутствует зло, где готовится война.

Я увидел ухмылку лорда Рольфина. Все знали, что он всегда ищет угрозу в новом месте, однако он никак не ответил на заверения Оуза. Ведь действительно, Вечно Живое Пламя не может гореть, если Зло окружает его. Я слышал вздохи облегчения со всех сторон.

И после этого Вавент вытолкнул ногой вперед медный таз, который Лаудат поставил перед ним. Капитан наклонился и поднял его обеими руками.

— Лорды Халлака. — голос его звучал торжественно, как будто он произносил ритуальные слова. — Здесь лежит ваш жребий. В свете Вечно Живого Пламени все лорды равны. Так было раньше, так будет всегда. Пусть каждый из вас испытает судьбу, и утром, когда мы дойдем до первой из долин, кто-то из вас закончит путешествие и обретет новый дом.

Держа сосуд на уровне глаз лордов он обошел круг, останавливаясь перед каждым из них. При этом тот или иной лорд протягивал руку и вытаскивал полоску кожи, где был обозначен надел земли, который фортуна послала ему. Но все знали, что когда дележ кончится, желающие могут обменяться полосками по взаимному согласию сторон.

После того, как круг обошел Вавент, встал Оуз и пошел по кругу с маленьким серебряным сосудом, предлагая его тем лордам, которые отказались от первой жеребьевки. Все знали, что он предлагает попытать счастья тем, кто выбрал побережье. Гарн тоже протянул руку к сосуду Оуза, вызвав удивленные взгляды лордов-соседей. В протянутой руке Гарна чувствовалось напряженное ожидание, но никаких эмоций не отразилось на его бесстрастном лице.

Никто из лордов не смотрел, что он вытаскивал, пока жеребьевка не кончилась. В сосуде Вавента осталось несколько бумажек, а в сосуде Оуза было пусто. Он перевернул его вверх дном перед лордами, а затем вернулся на свое место.

Но только когда Вавент вернулся и встал у огня, лорды начали разворачивать бумажки, которые достали их пальцы, и смотреть письма,

начертанные на них. Братья с Мечами и Барды, еще до того, как кланы прошли через ворота, разметили все земли, и теперь каждый знал, куда идти, где селиться, и что там его ждет.

Нам всем не терпелось узнать, что же вытащил Гарн, но он, как и все остальные лорды, не торопился показывать нам бумажку. Вокруг начались разговоры, слышались предложения по обмену. Одним нужно было побольше полей, другим — пастбищ для скота. А мы все ждали, еле сдерживая себя, пока наконец Гарн не объявил:

— Пламя было милостиво к нам. Мы получили земли при реке.

Это был подарок судьбы, который люди редко получают. То, что он получил по жребию именно ту землю, которую выбрал для себя, казалось подстроенным заранее, или же на этот раз фортуна получила могущественного союзника.

Я увидел одного из Братьев с Мечами, который вышел из тени за внутренним кругом, где костер давал свет. Это был Квен, тот самый, который первый рассказал нашему лорду о землях по побережью. Сейчас он подошел к Гарну и спросил:

— Ну как, повезло, лорд?

Гарн поднялся, полоска кожи зажата в кулаке. Он одарил Квена одним из своих пронзительных, почти обвиняющих взглядов, которые заставляли любого подчиняться его приказам. Но Квен не был его подданным или родственником, поэтому стоял спокойно, как будто беседовал с Гарном о погоде.

Квен был того же возраста, что и Вавент. Он был капитаном до него. Я решил, что ему столько же лет, сколько Гарну, но в волосах его не было седины, а тело было по-юношески стройным. Он обладал грацией хорошо тренированного воина и передвигался легко и бесшумно.

— Я вытащил, что хотел, — ответил Гарн на вопрос. — Но туда нужно долго идти. — Он смотрел на Брата с Мечом, как бы ожидая от него каких-то других и очень важных слов.

Квен ничего не сказал, и Гарн отвел от него глаза и стал смотреть в огонь. Он был человеком, чьи мысли было невозможно прочесть, но мне почему то казалось, что он не так уж доволен результатами жеребьевки, как старается показать нам. Во мне шевелился червячок сомнения в том, что жребий пришел к нему только из рук фортуны и одной фортуны. Хотя я был уверен, что ни Вавент, ни Оуз не будут вмешиваться в жеребьевку даже для самых влиятельных лордов среди нас, а Гарн был малозначительным по богатству и положению.

— Будет лучше, — сказал Квен, — если те, кто решил селиться у моря,

поедут вместе. Есть еще одна дорога, которая ведет сначала на восток, а потом поворачивает на север, но она гораздо древнее и находится в очень плохом состоянии. Если вы поедете вместе, то сможете помогать друг другу в случае необходимости.

Гарн кивнул, заткнув полоску кожи за пояс. Затем он произнес четыре имени с вопросительной интонацией:

— Сивен? Урик? Фаркон? Давуан?

— И еще Милос и Тугнес, — добавил Квен.

Гарн бросил на него взгляд, а моя рука автоматически потянулась к мечу, и я понял это только тогда, когда пальцы стиснули рукоять. Память должна была остаться за воротами, исчезнуть, когда мы вошли в этот мир, но кое-что осталось. Тугнес всегда был врагом клану Гарна. Эта вражда началась давно и вызывала много крови, хотя теперь она выражалась только в том, что они не общались друг с другом и не ходили туда, где могли встретить врага.

— Где? — коротко спросил Гарн.

Квен пожал плечами.

— Я не спрашивал. Твоя земля самая северная. Значит он где-нибудь к югу.

— Хорошо.

— Мы свернем с дороги перед заходом солнца. Я поведу Братьев, сопровождающих поселенцев у моря, — сказал Квен.

Гарн кивнул и не попрощавшись повернулся и пошел к нашему лагерю, что был неподалеку. Он не сказал нам ни слова, но мы все встали и пошли за ним.

Хотя я очень устал за день, — очень утомительно приравниваться к медленному шагу коров и овец, — но все же, когда я завернулся в плащ и положил голову на седло вместо подушки, уснул я далеко не сразу. Я прислушивался к звукам лагеря. Вот в фургоне с женщинами заплакал ребенок

— видимо внук Стига. Вот хруст сухой травы, которую ели овцы, а вот храп и стоны уснувших переселенцев. Гарн скрылся в маленькой палатке, где жил один. С того места, где я лежал, можно было видеть, как в палатке появился огонь — это Гарн зажег свечу. Возможно он рассматривает подарок, который фортуна преподнесла ему.

Я думал, что фортуна была милостива к нам, но очень встревожился, когда узнал о выборе Тугнеса. Это было самое плохое. Если нам в будущем придется жить рядом, то жизнь наша будет проходить в беспокойном ожидании нападения. Лучшее, на что мы могли надеяться — это хрупкое

перемирие. Это была неизвестная страна, покинутая своими прежними обитателями по неизвестной нам причине. Хотя Барды и Разведчики уверяли, что врагов здесь нет, оставалось одиночество, которое чувствовалось тем больше, чем мы продвигались на север. Жизнь здесь будет зависеть от помощи добрых соседей. Ведь может наступить момент, когда все люди Халлака должны встать, как один, забыв все распри и ссоры.

Но здесь был не Халлак — Халлак остался позади, потерянный навсегда. Эту страну мы назвали Высокий Халлак, потому, что это была страна многих гор и холмов. Так она останется в памяти Бардов с того самого часа, как мы вошли в нее.

Но сон еще не приходил, хотя свеча в палатке Гарна уже погасла. Я посмотрел в ночное небо, желая найти знакомые звезды. Но меня охватила дрожь, холод, волосы мои зашевелились, потому, что надо мной сияли звезды, которых я ни разу в жизни не видел. Где Стрела, Бык, Рог Охотника? Их не было, не было и многих других.

Дождь прекратился несколько часов назад, и небо очистилось от туч. В нем сверкали тысячи звезд — но все они были новые, чужие! Куда привел нас путь через Ворота? По внешнему виду эта страна была такая же, как та, которую мы покинули — земля, трава, кусты, деревья... И только звезды были другими. Мы были в стране, где должны были жить, но далеко от страны, в которой родились...

Я лежал, дрожа, под незнакомыми звездами, которые больше, чем наше путешествие через Ворота, дали мне понять, что мы действительно изгнанники, и что единственное, что будет помогать нам здесь, это наши силы, и далеко не единственное, с чем придется здесь бороться бороться, это наша слабость. Что может ждать нас впереди? Я подумал о море, о выборе Гарна, и это возбудило у меня желание исследовать новое. Но с другой стороны мне хотелось как-то укрыться от тех опасностей, которые могут находиться в этом новом и неизвестном. В конце концов хаос моих мыслей и страхов поглотил меня и я уснул.

Позади остались широкие долины, в которых поселились люди Фаркона, Сивена, Урика, Давуана. Справа от нас бушевало море. Наш караван становился все меньше и меньше. Мы могли удостовериться, что страна действительно покинута, хотя мы видели много остатков развалин домов, мостов. А иногда мы выходили на древние дороги, идти по которым было намного легче. Квен и три Брата ехали впереди, указывая места, где таилось неизвестное. Они останавливались поодаль и долго совещались между собой. Они не доверяли излучениям таких мест.

Мы видели башни, вымощенные площади, окруженные колоннами, сделанными из огромных каменных монолитов. Меня очень заинтересовали люди, проделавшие такую титаническую работу: вырубить огромные камни и положить их друг на друга. Я думал, за какую же провинность они наказали себя таким тяжелым трудом.

Самая большая и самая богатая часть побережья осталась позади нас. Мы уже двадцать дней ехали на север. Дважды за время путешествия нам приходилось подниматься вверх по течению рек, преграждавших нам путь, чтобы отыскать брод. К счастью, реки были спокойными в это время года, и мы легко переправлялись через них. Правда объезд каждый раз отнимал у нас день пути.

На двадцать четвертый день люди лорда Милоса оставили нас. Они свернули на запад по узкой долине, и один из Разведчиков поехал с ними, как проводник. Здесь не было реки, но нам пришлось объезжать горные хребты, окружающие долину, прямо по песчаному берегу моря. Мы сердечно попрощались, договорились о будущих встречах. И я уверен, что во всех нас, и тех, кто оставался, и тех, кто продолжал путь дальше в новые земли, зрело ощущение того, что наши старые связи рвутся навсегда, и что мы все будем горько сожалеть об этом в будущем.

Правда все мы сплотились за время этого долгого путешествия. Мы понимали, что мы одиноки в этой странной стране. Уже не осталось, по крайней мере на поверхности, старой вражды с Тугнесом и его людьми. Мы все работали вместе, перетягивая телеги через броды, перевозя на седлах овец и ягнят, не думая, кому принадлежат они. И хотя на ночь мы останавливались отдельно, люди непрерывно ходили в гости друг к другу.

И вот тогда я впервые увидел эту стройную девушку, которая ехала на мохнатой лошади. Лошадь без всякого труда несла ее и два огромных

кожаных мешка, и каждый раз косила глазом и показывала желтые зубы, когда кто-либо приближался к ней. Несмотря на ее кажущуюся хрупкость, она была сильна и вынослива, как любой парень, и во всем была независима, что так отличало ее от простых женщин, работающих на полях. Я уверен, что она чувствовала бы себя на месте даже за столом в холле лорда.

На третий день нашего путешествия я выделил ее из остальных женщин, которые путешествовали с нами, чтобы внести свой вклад в освоение новой земли. Она ехала за маленькой тележкой — лишь немногим больше тех тележек, на которых крестьяне вывозили излишки урожая на рынок. Повозку тащили два таких же мохнатых животных, как и то, на котором она ехала. И лошади и сама тележка были уныло-серого цвета. Наши люди обычно раскрашивали свои повозки и фургоны в яркие цвета, и это было предметом их гордости перед остальными. И серая повозка выделялась среди всех.

На повозке был укреплен балдахин, под которым сидела, управляя лошадьми, женщина. Она была одета в плащ, такого же унылого серого цвета, как и все остальное. Я с первого взгляда узнал, что это Мудрая Женщина.

Эти две путешественницы, как я решил, ехали сами по себе, не примыкая к людям лордов. Я заметил, что Оуз однажды подъехал к повозке и перекинулся с женщиной несколькими словами, причем девушка отъехала несколько назад, чтобы дать ему место у повозки. То, что бард говорил с этой женщиной, означало то, что она принадлежит к тем, кто обладает Внутренним Знанием, несмотря на то, что она почти нищая.

Я думал, что они свернут в сторону с кланами влиятельных и богатых лордов. Ведь там у нее будет работа по лечению болезней физических и духовных. Однако, кланы отделялись и уходили, а эти двое со своей повозкой оставались.

Никто не может задавать вопросы Мудрой Женщине. Они не молятся Пламени, но ни кто не может их порицать за это. Они обладают своим внутренним искусством, и многие воины и женщины, рожавшие детей, благословляют и благодарят их. Они свободны приходить и уходить и служить всем, не задавая вопросов.

Однако каждый может узнать то, что захочет. Так я раскрыл, что девушку зовут Гатея. Она была подкидышем, которого Мудрая Женщина взяла на воспитание. Таким образом она жила отдельно от народа и не принадлежала ни к простому люду, ни к тем, кто живет в холлах.

Ее трудно было назвать красивой. Тело ее было слишком худым, кожа

слишком коричневой. Черты лица чересчур острые. Но в ней было что-то привлекающее. Может быть та свобода, с которой она ходила и ездила, ее независимость, которая поражала сердца мужчин. Я поймал себя на том, что думаю, как же она выглядит во время праздника, когда вместо короткой куртки и камзола на ней одето длинное платье, а волосы не заколоты вокруг головы, а распущены, и в них серебряная цепь с тонко позванивающими колокольчиками, как у дочери Гарна, Инны. Я не мог себе представить нашу Инну, перевозящую через реку лежащую овцу. Одна рука крепко держит животное за шерсть, а другая подгоняет лошадь, заставляя ее идти вперед.

И когда Мудрая Женщина не повернула за фургонами Мило, я был очень удивлен. Я не думал, что она решила ехать с людьми Тугнеса. Они с девушкой никогда не останавливались в их лагере, а устраивали свой собственный костер вдали от них. В соответствии с обычаями Мудрые Женщины никогда не жили в обществе, они всегда искали свое место, где они могли варить свои травы и делать свои дела, некоторые из которых были тайнами и не могли быть открыты непосвященным.

Тащить повозки по песку было очень трудно, и мы теперь шли еще медленнее. Этой ночью мы устроили лагерь прямо на берегу, возле утесов. Для многих из нас море было чужим, и мы неуверенно смотрели на него. Только дети чувствовали себя отлично, они собирали ракушки, охотились за морскими птицами, которых здесь было великое множество.

Когда лагерь был установлен, любопытство привело меня к берегу, туда, где одна волна догоняла другую, чтобы с тихим плеском умереть в песке. Воздух у моря был таким, что им хотелось до отказа наполнить легкие. Я смотрел на темнеющие воды и удивлялся мужеству тех, кто строит хрупкие деревянные скорлупки и пускается в плавание по этому бурному огромному загадочному морю, вооружась только своим искусством.

Я смотрел на мерцание воды в небольших лужах между камней. В этих лужах кто-то жил — странные создания, каких я никогда не видел. Они удивили и заинтересовали меня. Я опустился на корточки и стал наблюдать за ними, за их жизнью и охотой. А они действительно были охотники, и добывали себе пищу, как любые сухопутные создания — пожирая себе подобных.

Плеск воды оторвал меня от наблюдения. Я повернулся и увидел Гатею. Ноги ее были босы, брюки завернуты выше колен. Она стояла в воде и изо всех сил тянула длинную красную водоросль, похожую на виноградную лозу. С водоросли свисали большие листья. Эта водоросль

держалась крепко, и Гатея, несмотря на все ее старания, не могла вытащить ее.

Я не успел подумать, как уже сбросил сапоги и, даже не заворачивая штанов, вошел в воду и взялся за водоросль чуть позади ее. Я стал помогать ей. Она оглянулась через плечо. Тень мелькнула на ее лице, но затем она кивнула, согласившись принять помощь, и мы стали тащить.

Но упрямая водоросль не поддавалась. После нескольких безуспешных попыток я бросил водоросль и вынул меч. Она снова кивнула, но требовательно протянула руку, и я, опять не раздумывая, отдал меч ей. Затем я взялся за водоросль, а девушка двумя ударами разрубила ее. Одной рукой она подхватила ее, а второй протянула мне меч, рукоятью вперед.

— Благодарю, Эльрон из дома Гарна.

Голос ее был низким, хриплым, как будто она говорила чрезвычайно редко. То, что она знает мое имя, тоже было весьма удивительно, так как никто из наших ни разу не говорил ни с ней, ни с ее хозяйкой. А к тому же я вовсе не был заметной фигурой в нашем клане.

— Что ты собираешься делать с этим? — спросил я, выбравшись на берег. И так как она не отвергала моей помощи, хотя и не просила ее, помогал ей вытащить водоросль на берег.

— Листья нужно высушить и растолочь, — заговорила она тем тоном, с которым крестьянин говорит о сене. — Этим хорошо удобрять почву. А кроме того она обладает другими свойствами, о которых знает Забина. Это хорошая находка, да и сорвали мы ее в подходящее время.

Я посмотрел на скользкую длинную ветку, которую мы вытащили из воды. Песок налип на ее острые листья. Я подумал, как часто бывает так, что вещи оказываются лучше, чем они кажутся.

Затем она ушла, ни сказав больше ни слова и волоча ветку за собой, пока я стряхивал песок с ног, чтобы снова одеть сапоги. Приблизился вечер, и я направился в наш лагерь, чтобы поесть и поразмышлять над тем, что принесет нам следующий день, и сколько нам еще идти, пока мы доберемся до той земли, которую выбрал Гарн для нашего поселения.

Я приготовил себе похлебку из сушеного мяса, хлеба и воды и принялся за еду. Но ложка моя остановилась на полпути ко рту. Я увидел двух незнакомцев, которые подошли к центральному костру. Квен, который сидел, скрестив ноги, рядом с Гарном, махнул им рукой, но сам Гарн не поднял руки и только смотрел на них ровным безразличным взглядом, не опуская рог для питья.

И тут я узнал лорда Тугнеса. Я видел его много раз во время путешествия, но впервые он был так близко ко мне, что я мог дотронуться

до его ножен.

Он был низенький, широкоплечий. Его любимым оружием был боевой топор, и упражнения с ним дали ему огромную физическую силу. Когда он сидел на лошади, то выглядел весьма внушительно, но пеший он передвигался маленькими шажками и казался еще более тяжелым, чем был на самом деле.

Как и все мы, он был одет в кольчугу поверх дорожного камзола. Шлем был у него в руке, и ветер играл его жесткими красно-коричневыми волосами... В отличие от людей нашей расы, которая имела скудную растительность на лице, у него была широкая борода, которой он очень гордился. Над широким ртом был нос, который в юности ему сломали, и теперь он был кривой и расплющенный. Поэтому Тугнес постоянно фыркал.

На шаг позади него стоял его сын. Он был выше отца и тоньше в кости. В руке у него было копье. Выглядел он совсем не по боевому, но каждый, кто знал его, или слышал о нем, знали, что он не так прост, как кажется. Его искусство в стрельбе из арбалета было широко известно. Но он всегда был лишь тенью своего отца, и ему мало приходилось действовать и принимать решения самому. Когда к нему обращались с вопросом, он делал круглые глаза и говорил как можно меньше.

Лорд Тугнес сразу же перешел к существу вопроса. Точно так же он без колебаний пускал в ход свой топор против врага. Однако обратился он к Квену, не обращая внимания на Гарна, даже слегка отвернувшись от него, чтобы не видеть своего старого врага.

— Когда же мы выберемся из этого дьявольского песка? — спросил он и пнул ногой песок, чтобы Брат Меча не сомневался, о чем идет речь. — Мои люди уже оборвали руки, вытягивая повозки и помогая лошадям. Ты обещал нам землю, где же она?

На лице Квена не выразилось ни тени смущения. Он поднялся и встал против Тугнеса, глядя прямо ему в глаза. Пальцы заложены за пояс.

— Если Пламя будет милостиво к нам, лорд Тугнес, к завтрашнему вечеру мы будем на расстоянии полета стрелы от твоей земли.

Тугнес фыркнул. Я видел, как его пальцы сжались, как будто стиснули ручку топора. Глаза его сверкали из-под густых бровей.

— Нам нужна хорошая земля, — снова он пнул песок. — Этот проклятый песок хрустит на зубах во время еды, царапает горло во время питья. С нас хватит! Мы сыты по горло! Смотри, чтобы твое обещание сбылось! — его последние слова прозвучали угрозой. Он резко повернулся и песком осыпал близ сидящих. За ним легкой походкой разведчика

незнакомых земель двинулся Торг, его сын и наследник. Проходя мимо, он поднял голову, и я увидел его глаза, устремленные прямо на меня.

Я был молод, но я мог читать в глазах людей, даже если лицо человека ничего не выражало. И сейчас, заметив взгляд Торга, я замер от удивления. Но я надеялся, что мне удалось скрыть его. Почему сын и наследник Тугнеса, с которым мои пути никогда не пересекались и не пересекутся, взглянул на меня со смертельной ненавистью? Я был уверен, что мы с ним враги только потому, что я сын своего клана, а он — своего. Но ненависть его была не такой, с какой смотрят на формального врага. Этот взгляд вселил в меня сильное беспокойство.

Этой ночью на небе была луна — прекрасная, серебряная, чистая и холодная. Звезды в ее сильном свете почти не были видны. Старики говорили, что луна воздействует на сердца и души людей точно так же, как солнце воздействует на их кожу, делая ее коричневой. Но луна сильнее действует на женщин, чем на мужчин, и в особенности на тех, кто обладает мудростью.

Я отошел от спящих, ожидая, когда кончится очередь сторожить, и подошел к фургонам. И тут в лунном свете я увидел Мудрую Женщину, которая шла среди песчаных дорог. За ней шла Гатея, прижимая к груди, как ребенка, какой-то узел. Было видно, что она очень дорожит им.

Они направлялись на север, и я знал, что никто не может заговорить с ними, даже дать понять, что видел их. Ведь было совершенно ясно, что они идут по каким-то своим тайным делам. И все же был еще кто-то, кто украдкой шел за ними, укрываясь в тени камней, окаймляющих пляж.

Я укрылся за фургоном и сбросил плащ. Для меня было очень важно, хотя я не мог сказать, почему, узнать, кто же преследует этих двоих, кто следит за ними из укрытия.

Хотя я не был так искусен, как Братья с Мечами, но прошел хорошую школу и знал, что внезапная атака всегда выгоднее, чем длительный бой. Ползком я пробрался к камням и нашел удобное место, с которого мог следить за незнакомцем.

Очень долго мы оставались на местах. Он в своем укрытии, я в своем. Но затем он вышел, так как женщины ушли, и в лунном свете не было видно ничего, кроме бесконечных морских волн. Я не мог увидеть его лица. Но я узнал его по походке. Почему Торг следил за Мудрой Женщиной и ее воспитанницей? Он нарушил обычай, и если бы его заметили, он понес бы наказание. Возможно не от мужчин, но от женщин своего клана. Так как ни один мужчина не имеет права вторгаться в тайны женщин, и месть их за нарушение табу всегда быстра и безжалостна.

Он вернулся в лагерь Тугнеса, и я не пошел за ним. Я остался и размышлял, почему он рискнул нарушить табу? Он не мог положить глаз на Гатею — одна мысль об этом казалась невероятной. И все же...

Я покачал головой и погрузился в полудрему, пока не пришло время будить следующего часового. Уже было близко утро, и я мог видеть восход солнца. Это было очень странное утро, так как над водой висел плотный туман, такой плотный, что казался осязаемым, казался островом. На нем можно было увидеть горы и долины. Я мог поклясться, что если подплыть к нему на лодке, то можно высадиться на него, и земля под ногами будет такой же твердой, как и на материке. Я смотрел в изумлении на этот призрачный остров и вдруг услышал позади себя звук. Я мгновенно выхватил меч и повернулся. И тут я почувствовал себя идиотом, так как за мной стоял Квен, заложив пальцы за пояс и глядя в море.

Я вложил меч в ножны, а он заговорил:

— Можно подумать, что это земля...

— Я не знаю моря, — сказал я. — Может тут всегда по утрам так.

— Нет, — он покачал головой. — Я уверен, что сейчас мы видим отражение какой-то далекой земли. Смотри!

Его голос прозвучал почти приказом, и я посмотрел туда, куда указывал он. Я увидел над этой облачной страной горы, четко вырисовывающиеся на розовеющем небе. Сторона одной из гор была более черной, и я, приглядевшись, увидел крепость, окруженную стенами. Над крепостью возвышались две башни. Одна была чуть ниже другой. Видение было таким отчетливым, что я мог поклясться, что крепость существует.

Она была великолепно видна и вдруг она исчезла! Не расплылась медленно при движении облаков, а исчезла мгновенно, как будто кто-то погасил огонь. Но четкие очертания башен запечатлелись у меня в памяти, и я мог бы нарисовать их на песке.

Я посмотрел на Квена, так как был уверен, что это не просто причуда утреннего освещения, а одно из чудес, странностей этой незнакомой земли. У меня было сильное ощущение, что эта крепость где-то существует, и я готов был тут же пуститься на поиски ее. И я произнес часть того, что творилось у меня в голове вслух:

— Крепость... она... настоящая...

Квен посмотрел на меня так, как смотрел Гарн, когда я совершал оплошность.

— Что ты видел? — спросил он тихо, почти шепотом.

Я еле расслышал его голос на фоне неумолчного прибоя.

— Крепость. С двумя башнями. Но как она могла оказаться на

облаке?..

— Если долго смотреть на облака, можно увидеть что угодно, — ответил он.

И я почувствовал себя пристыженным, как ребенок, который заплакал, слушая страшную сказку, когда ему чудятся страшные звери за камнями, созданные его собственным воображением.

Но Квен продолжал стоять и смотреть на облако, пока оно полностью не расплзлось, потеряв свою форму. Там, где я видел крепость, уже ничего не было. Я слышал, как наш лагерь понемногу просыпается. И тогда Квен отвернулся от моря и взглянул на меня так, как будто хотел прочесть мои мысли.

— Это странная страна. — И снова он говорил тихо, как будто делился тайной. — Здесь много такого, чего понять мы не можем. Благоразумный человек оставил бы все странности в покое. Но... — он заколебался, но затем продолжил. — Для некоторых из нас любопытство полезно. Оно заставляет нас все изучать. Но здесь нет проводников, и тот, кто неразумно возьмется за дело, неминуемо погибнет. Будь осторожен, молодой Эльрон. Я думаю, что возможно именно на тебя возложена Ноша...

— Ноша? — переспросил я, не понимая.

— Да, так называют это мудрые, или те, кто считает себя такими. А другие называют это «дар». Все зависит от того, как ты познаешь то, что тебе суждено познать. Я должен тебе сказать — не ходи беззаботно по этой стране. Она вдвое опаснее для тех, кто не удовлетворится первым взглядом на нее.

И он резко повернулся и ушел сразу, как только высказал свое предостережение. Только я не понял, от чего он предостерегал меня. Я также не понял его слов о «Ноше» и о «Даре». Я был самой маленькой и незаметной частью клана Гарна, подобно тому, как сам клан был маленьким и незаметным в нашем сообществе. Все, что я имел, это была одежда на мне, меч, кольчуга и шлем, принадлежавшие моему отцу, да тощий мешок с пожитками в одной из повозок. В мешке были книга старых баллад, над которой я проводил много времени, хотя она была написана не теми буквами, что используются сейчас, туника из хорошей шерсти для праздников, немного белья и нож с рукояткой, украшенной драгоценными камнями — подарок матери. Конечно, никакой ноши...

Когда мы уже были в пути, я все время думал о крепости, которую видел в туманных горах. Видел ли ее Квен? Когда он спросил меня о крепости, сам он не признал, что видел ее, хотя сам же привлек к ней мое внимание. У Братьев с Мечами свой подход к жизни и свое знание. Они

исследовали эту страну еще до того, как мы осмелились пройти через Ворота. Может они здесь нашли нечто такое, что хранили только между собой, или же поделились знаниями только со старшими членами нашего сообщества.

И тем не менее, пока я медленно ехал возле фургонов, принаравливаясь к шагу овец и коров, меня мучили две тайны: первая — почему Торг следил за Мудрой Женщиной и ее воспитанницей, как будто они были его врагами, и вторая — что же я действительно видел в облаках.

Квен был прав. Мы наконец пришли к долине между утесов. Выход долины к морю был узким, и его нельзя будет использовать как порт, но долина на материке расширялась, и вдаль открывались широкие поля, покрытые сочными зелеными травами. Это была прекрасная земля, даже лорд Тугнес не мог ничего возразить против нее. Здесь его люди повернули в сторону, и один из двух людей Квена отправился с ними.

Мы быстро попрощались, так как нас не связывали узы тесной дружбы. Единственное, что связывало нас, это то, что мы шли вместе с одной земли. Я слышал, как наши люди с завистью говорили о богатых землях Тугнеса и выражали надежды, что у нас будут не хуже. Но для меня не это было важным

— важное заключалось в том, что Мудрая Женщина повернула свою повозку по следам тяжелых фургонов Тугнеса. Я сожалел, что она решила остаться здесь, а не отправилась с нами.

Наш совсем маленький караван медленно покатился дальше. Снова мы остановились на ночь на побережье моря, но луна в этот раз пряталась в облаках. И на этот раз я снова выбрал время караула перед восходом солнца, но не увидел никакого облака с крепостью. Вместо этого на меня обрушивался сильный ветер, обдавая солеными брызгами, хотя наш лагерь был установлен далеко от береговой линии. На следующее утро пошел сильный дождь. Фургоны еле тащились по дороге. Часто приходилось слезать с лошадей и помогать им тащить повозку.

Мы изнемогали от усталости, борясь с дорогой, и когда мы обогнули стену утесов и увидели гавань, гораздо меньшую, чем мы видели на юге, утыканную острыми камнями, торчащими из воды, мы поняли, что это и есть наша земля. В гавань впадала река, мелкая и малосудоходная, но она нам нравилась, ведь это же была наша земля.

Лошади последний раз натянули ремни, мы подняли овец и перевезли их через реку, которая текла между утесами, где гнездились морские птицы. Камни были белыми от их помета.

Птицы кружили над нами, оглушительно крича. Их крики многократно

отражались от утесов, замыкающих долину. Затем мы прошли через узкий проход и, наконец, оказались в долине, которая нам показалась такой же прекрасной, как и долина, доставшаяся лорду Тугнесу. Овцы и коровы тут же набросились на сочную траву, а мы поехали дальше вдоль берега до того места, где мы наконец выбрали место для остановки. И это место будет нашим, навсегда.

Я поднимался вверх, и слой земли становился все тоньше, и из под нее проглядывали каменные кости планеты — горный хребет. Вскоре камень окончательно вышел на поверхность, и земля осталась только в расщелинах скалы, где могли расти только клочья травы, да чахлые кустики. Я лез вверх на хребет, и пока не добрался до самой вершины, где на меня обрушились свирепые ветры, я не оглядывался назад в долину Гарнедэйл.

В лесу, который отсюда казался пушистым зеленым ковром, я видел прогалины, где наши топоры уже свалили деревья. Затем их очистили от веток, а бревна перетащили туда, где Гарн решил создать временное укрепление.

Четыре из наших лошадей были заняты на перетаскивании стволов. Остальные шесть уже работали на полях, вспахивая их и готовя землю под посевы. Работали все — и простые члены клана, и родственники лорда. Сегодня я был свободен, так как наступила моя очередь дежурить на вершине хребта. Хотя земля и казалась пустой, Гарн не хотел быть застигнутым врасплох, если возникнет опасность. А к тому же тому, кто патрулировал на вершине, могла сопутствовать удача, и он мог убить какого-нибудь зверя, чтобы сделать нашу пищу разнообразнее.

Квен и двое его товарищей оставались с нами десять дней, а потом уехали на запад, прямо в неизвестные земли. Также, как я патрулировал на горном хребте, так они собирались патрулировать западные границы, они и их братья, охранять новые поселения.

Одной из их обязанностей было отыскивать и наносить на карты остатки тех странных существ, которых мы стали называть «Прежние».

Одно из таких мест было расположено над нашей долиной. Хотя это было не впечатляющее сооружение — Квен сказал, что таких мест много везде, — однако каждый патруль обязан был осмотреть его и ознакомиться с ним. Именно это я и собирался сделать сейчас.

Я был в кольчуге, шлеме, в руках был арбалет, как будто я действительно приготовился встретить врага, хотя мы пришли в покинутую землю и до сих пор не встречали никого. Я спрыгнул в расщелину между камнями и пошел на запад, вдоль южной границы наших владений.

В новой стране животная жизнь была довольно разнообразной. Звери мало отличались от тех, за которыми я охотился дома — разве что по размеру и расцветке. Быстроногие лани, которые раньше паслись в долине,

убежали после нашего появления, и теперь их видели чрезвычайно редко. Высоко в горах водились животные, напоминавшие наших ослов. Но у них были острые загнутые клыки и когти. Нрав у них был горячий, и это делало охоту на них весьма опасной, но зато вкус у них был восхитительный.

Здесь было громадное количество птиц самой разнообразной расцветки. Они как маленькие молнии рассекали небо во всех направлениях. Водились и черные птицы, на которых было очень неприятно смотреть. Они прятались в ветвях деревьев и хриплыми гневными голосами обругивали наших людей, рубивших лес. Когда они взлетали в небо, то сразу же брали курс на запад, как будто они спешили сообщить кому-то о тех опустошениях, которые мы произвели в их владениях. Я видел сейчас, как они взлетели над лесом и быстро улетели прочь.

Я внимательно наблюдал за окружающим. Рольф, который вчера нес патрульную службу, доложил, что он обнаружил странные следы, глубоко отпечатавшиеся на земле. Они находились на самом краю хребта, как будто кто-то следил за нами сверху. Кроме того Рольф видел и другие следы — следы лап, больших, как его рука. Может быть он видел следы местного хищника, который мог охотиться за нами и представлял большую опасность.

И я пробирался по камням, стараясь не оставлять никаких следов и производить как можно меньше шума. Воздух был свежий и чистый. Я был уверен, что он приносит сюда запахи цветущих лугов и лесов.

Вскоре я с предосторожностями добрался до западной части хребта и взглянул вниз, туда, где между скал укрывалось то, что оставалось на нашей земле от Прежних. Деревья, которые были чуть выше меня, казались очень старыми, с перекрученными стволами и сучьями. Они росли из трещин каменных плит, которыми была вымощена площадь.

Эти деревья были в полном цвету. Цветы большие, светло-розовые с кремовым оттенком, почти плоские. Кончик каждого лепестка был окрашен в темно-розовый цвет. Многие из лепестков были сорваны ветром и устилали каменные плиты. Однако кроме лепестков здесь не было ничего — ни травы у стволов, ни мха на поверхности плит. В центре площади был установлен символ — полумесяц, сделанный из голубоватого камня, совершенно непохожего на серый камень, из которого были сделаны плиты. В каждом углу площади возвышались колонны, высотой в человеческий рост. Вершину каждой колонны венчали — кольцо, полукольцо, четверть кольца и черный диск, которые резко отличался от остальных частей изображения, сделанных из сверкающего голубоватым светом камня.

Подобное многие из нас видели впервые, и поэтому мы много говорили о нем. Инна, которая тайно сходила туда со своим братом, уверяла, что это какая-то лунная магия, а изображения — это ничто иное, как луна в разных фазах. Она была очень возбуждена увиденным и несколько раз говорила, что очень хотела бы побывать там в полнолуние, чтобы проверить, действительно ли там концентрируются древние силы. В том, что она одна решится на такое предприятие, я сомневался. И я был уверен, что ни один мужчина не захочет помочь ей. Рука Гарна была тяжела, и наказание могло быть быстрым и жестоким, независимо от того, кто нарушил приказ — простолудин или родственник самого лорда.

Да, он приказал, чтобы ничья нога не появлялась в том месте. Часовые могли видеть загадочное место во время исполнения своих обязанностей, но спускаться туда не имели права. Это было весьма предусмотрительно и благоразумно.

Но благоразумие чуждо молодым. И меня тянуло вниз посмотреть, что это за металл, из которого сделаны изображения луны, почему на него не действуют ни время, ни вода, ни ветер. Ведь ничего угрожающего внизу не было заметно. Напротив, когда я стоял и смотрел, как тихо падают лепестки цветов на каменные плиты, устилая их прекрасным ковром, на меня спускался тихий покой. Я не могу сказать, почему у меня возникало такое ощущение, но оно было во мне. Но затем я заставил себя повернуться и идти дальше, выполнять свои обязанности. Мне казалось, что вслед за мной движутся и запах деревьев, и легкий шелест ветвей — как будто неизвестное провожает меня.

Я всегда был уверен, что не подвержен мечтаниям и влиянию волшебных снов. Подобные люди не могли ужиться в доме Гарна. Тех, кто был подвержен действию чувств, Гарн считал подозрительными. Но когда мы прошли через Ворота, меня обуревало страстное желание ехать по этой стране свободно, как Брат с Мечом, и встречаться лицом к лицу со всем, что здесь было доброго и злого. Я плохо спал, с трудом заставлял себя выполнять работу и с нетерпением, которое тщательно скрывал, я ждал своей очереди патрулирования.

Обход долины занимал весь день с раннего утра до позднего вечера. Поэтому я прибавил шаг, следуя по пути, который я уже хорошо знал.

К югу хребет расширялся, было видно, как громоздятся вверх голые, лишённые растительности, серые угрюмые утёсы. Если пройти через эти дикие горы, то можно попасть в земли Тугнеса, но никто из нас не имел желания идти туда. К западу хребет примыкал к реке. На другом берегу реки начинался новый хребет, на этих прибрежных скалах должны были

встречаться патрульные, один из которых обходил северную границу, а другой — южную. Здесь мы должны были подойти к берегу, каждый со своей стороны, и обменяться приветствиями, прежде чем пуститься в обратный путь.

Сегодня моим напарником был Гевлин, и он был так точен, что у меня не было желания опаздывать на встречу и заставлять его ждать, хотя в остальное время мы были добрыми товарищами и частенько охотились вместе.

Гевлин был уже на месте, видимо пришел чуть раньше меня. Он сидел прислонившись спиной к камню. Мы обменялись приветствиями. Я заметил, что ему повезло больше, чем мне, так как у его ног лежал какой-то зверек, уже приготовленный для кухни. Я жестом поздравил его, но он, со своей обычной сдержанностью, не ответил мне. Затем он взвалил на плечи свою добычу и пустился в обратный путь. Я устроился у камней, чтобы съесть свой обед и выпить тепловатой воды.

Я увидел стаю черных птиц, которые вывернули из-за утеса. Они летели так низко, что я мог хорошо рассмотреть их. Глаза у них были ярко-красными, а над сильными черными клювами виднелось красное тело, что придавало им еще более неприятный вид. Две птицы отделились от стаи и начали кружить прямо над моей головой, издавая хриплые звуки, которые нарушили тот мир, который царил в моей душе после посещения Лунного Святилища.

Одна из них бросилась на меня. Я успел защититься рукой, и когти ее буквально вонзились в кожаный рукав камзола. Я выхватил свой меч и поднялся на ноги.

Птицы кружили вокруг меня с явным намерением напасть. Я еще никогда не видел такого поведения у птиц.

Глаза сверкали красным огнем, клювы издавали хриплые воинственные крики. Снова одна устремилась на меня. Я ударил, но она с легкостью увернулась. Другая уже готовилась к атаке. Впервые я обеспокоился. Моя защита долго не устоит. У меня нет возможности избежать их клювов и когтей, если они будут продолжать нападать. Если конечно я не найду укрытие. Я быстро осмотрелся вокруг, ища глазами нависший камень, куда я мог бы спрятаться.

Эти две крылатые фурии загнали меня под камень. Хотя стая уже давно улетела, эти две вероятно решили довести свое дело до конца.

Нависший камень защищал мою голову и плечи, и им теперь, чтобы напасть на меня, нужно было лететь низко, а я мог встретить любую такую атаку рассчитанным ударом стали. Итак, я ждал. Однако оказалось, что эти

твари обладают разумом и не желают нападать на меня в той ситуации, когда у меня есть преимущество. Вместо нападения они тоже стали выжидать.

Мой гнев рос. Эти две птицы осмелились напасть на человека, угрожать ему! Меня беспокоило то, что их непрекращающиеся крики могли привести сюда всю стаю. Если раньше мне казалось невероятным, что птицы могут напасть — и победить — вооруженного человека, то теперь мое мнение изменилось. Это они могут, если человек будет на открытом пространстве, где у птиц будет свобода маневра.

Я стал обдумывать свой следующий шаг. У меня за плечами был арбалет, но его стрелы не годились для охоты на птиц, и я не был уверен, что смогу использовать его, как эффективное оружие. Но как же мне выбраться отсюда, если они, судя по всему, не собираются улетать. Должно быть они решили стеречь меня здесь и дожидаться подкрепления.

Они кружили и кружили над моим убежищем, и вдруг они обе взмыли в небо и с каким-то жалобным криком, совсем непохожим на их боевые крики, исчезли. Это произошло так внезапно, что я испугался. Я не понял, что же прогнало их отсюда.

Я долго ждал. Но птицы исчезли и не появлялись вновь. Несмотря на это, я все еще держал в руке меч, когда выбирался из убежища, так как я был уверен, что они улетели не просто так, а их прогнало что-то, что может угрожать и мне.

И тут я увидел ее.

Гатя, воспитанница Мудрой Женщины, стояла на камне так, чтобы я заметил ее. Руки ее были воздеты вверх, а пальцы двигались, сплетая сложный узор в воздухе. Я увидел, что губы ее движутся, но слов не было слышно.

Я увидел ее, а за ней...

Я крикнул ей предупреждение, а сам приготовил арбалет, чтобы помочь.

Мои пальцы застыли на пусковом крючке, как будто я внезапно превратился в камень. Я увидел, как ее правая рука указала на меня, и я со страхом понял, что какое-то могущество, которого я не мог понять, и которым эта девушка владела также, как я владею мечом, сделало меня ее пленником.

И все же... за ней... Ее нужно предупредить!

Я крикнул, и может быть мой страх, смешанный с гневом (потому, что она меня околдовала), сделал так, что крик мой раздался по всему ущелью.

Из-за камня, на котором стояла Гатя, показалась мохнатая клыкастая

морда огромной кошки. Зверь поднялся, широко расставив лапы по обеим сторонам ног девушки. Голова его поднялась, и желтые глаза взглянули прямо на меня. Он зарычал, и огромные кривые клыки его верхней челюсти ужаснули меня. Они были длинными, как кинжалы, но гораздо более страшными.

Гатяя опустила голову и посмотрела на зверя. Я мог поклясться, что глаза ее не двигались, двигалась только голова. Их глаза встретились и долго смотрели друг в друга. Затем зверь спрыгнул на землю, обошел камень и встал между мной и девушкой, не сводя с меня желтых глаз. Но страшные челюсти его были закрыты. Я не сомневался, что она как-то могла влиять на этого ужасного хищника, заставляя его подчиняться себе. Возможно она так же смогла прогнать и птиц.

Рука ее шевельнулась. Я был свободен. Я был достаточно благоразумен и опустил оружие, показав, что не собираюсь угрожать ей. Однако я не уходил отсюда, как будто эта странная встреча околдовала меня. Громадный кот был по звериному прекрасен. Я должен был признать это. Шерсть его была светло-серебряного цвета. Лишь на спине и боках виднелись пряди темного серебра. Я таких зверей еще никогда не видел.

— Он... он ручной?.. — я нашел такую форму вопроса, которая не была вопросом в прямом смысле. Этот зверь не путешествовал с ней при переселении, значит он принадлежит этой земле. Но как она могла так быстро найти его и подчинить своей воле?

— Нет, не ручной, — она качнула головой. — Это означало бы, что воля его сломлена человеком. Так человек поступает с себе подобными. Животное знает, что я не причиню ему вреда — оно знает, что я искатель. Возможно, много лет назад предки этого животного знали других искателей и были им друзьями. Эта страна очень богата... — и руки ее сделали такой жест, как будто она видела нечто такое, о чем мечтала всю жизнь. Я видел возбуждение в ее глазах, а затем радость, дикую и свободную радость. — Если мы не будем грубо обращаться с этой землей, то она многократно отблагодарит нас. Только... — и тут глаза ее стали такими же дикими, как у зверя, — только люди не могут не прикладывать все силы, чтобы подчинить своей воле все, буквально все...

— Ты... а что ты сделала с птицами? — я не хотел спорить с ней. Я все еще был зол — немного потому, что она подчинила меня своей воле и не видела в этом вреда, а в основном потому, что она так просто прекратила нападение на меня и выручила из такой ситуации, из которой я не видел выхода.

— Я... нет. Это не предмет для разговора, Эльрон из дома Гарна. Живи

со всеми живыми существами в мире и не старайся сделать их слугами и рабами.

— Птицы плохие слуги! — возразил я.

— Для нас, конечно. Я думаю, что они слуги древних злых сил. Возможно они оставлены для присмотра. В долине Тугнеса их тоже целая стая — хотя Забина хочет обнаружить, что они охраняют и куда они летают.

Меня поразило то, что я думал о том же самом, наблюдая за птицами. Неужели они обучены шпионить, доносить? Нужно ли предупредить об этом Гарна? Но я тут же представил его презрительную усмешку, когда я изложу ему все это.

— Мудрая Женщина, — сказал я, — она поделится своими знаниями, если узнает все?

— Если это послужит благу для всех, да, — кивнула Гатея. — Мы видели, как они наблюдают и улетают куда-то. Но напали они на человека первый раз. Ты чем-то разозлил их?

Я почувствовал раздражение от того, что она заподозрила меня в провокации.

Я просто стоял здесь и смотрел, как они летят к западу. Они почти все время сидят в лесу, смотрят за работой, а затем с криком улетают.

— Точно также они ведут себя и в долине Тугнеса. Может быть теперь они решили испытать свои силы. Мы должны предупредить всех, чтобы остерегались. Ведь эти птицы могут заклевать до смерти овец, даже коров. Выклевать глаз у человека... Взгляни на свой рукав.

Она показала на мой рукав, которым я защитился от первого нападения. Кожа была порвана и выхвачен здоровенный клочок.

Прежде, чем я смог ответить, она спрыгнула с камня, на котором стояла. Зверь, который сонно моргал глазами, поднялся. Его голова была на уровне ее плеча. Девушка опустила руку на его шею и она полностью скрылась в густой шерсти.

— Ты ходишь одна? Ведь здесь может быть кое-что похуже, чем птицы...

— я говорил и чувствовал, что мои слова не звучат твердо и решительно. В них слышится только робкое предостережение, которое она должна была встретить с той же презрительной улыбкой, с которой бы Гарн слушал мой рассказ о птицах.

— Я ищу то, что может помочь нам, — сказала она уклончиво. — Забина для этого использует видения. Но здесь есть много такого, с чем нужно работать осторожно, чтобы не разбудить того, кого лучше оставить спящим. Эта страна во многих отношениях ловушка для нас. Правда у нас

не было выбора, когда мы шли сюда, и теперь мы находимся в положении человека, находящегося между двух враждебных армий.

Помимо моей воли она подавляла меня. Мы не помнили, что погнало нас через ворота, (может страх перед катастрофой, которая не оставила нам никакого выбора). И теперь, не смотря на заверения Братьев с Мечами, я поверил, что в этой стране много ловушек, враждебных элементов, которые даже наши разведчики не смогли обнаружить.

Но мы были уже здесь и пути назад не было. С чем предстоит нам встретиться лицом к лицу, с оружием в руках?

Она двинулась вперед, и я, так как ее путь совпадал с моим, поспешил за ней. Зверь шел возле ее ног, мягко ступая огромными мягкими лапами. Он изредка останавливался и обнюхивал камни тут и там, хотя я не видел причин для такого интереса.

— А в вашей долине есть места Прежних?

Она подняла голову, отвернулась от меня, устремив взгляд вдаль. Ноздри ее раздувались, как у гигантского кота, обнюхивающего камни.

— Нет. И это не наша долина, — резко ответила она. — Мы не принадлежим к клану лорда Тугнеса... и ни к какому другому. — Она нахмурилась. — Нам было нужно идти с его людьми. А останемся ли мы там...

— она пожала плечами, — это решится в будущем.

И затем она побежала вперед, перепрыгивая через камни, пересекая открытые пространства с легкостью тех оленей, которые ушли из долины, когда пришли мы. Перед ней несли огромный кот, легко перескакивая те препятствия, которые ей приходилось обегать. Из любопытства я побежал за ними, но немного отстал, так как не мог угнаться.

Затем я понял, куда она направляется. Она бежала прямо к маленькой горной долине, где находилось Лунное Святилище. Помня приказ Гарна, я прибавил шаг. Никто не должен входить туда, говорил он. Мы не знали, что может произойти с тем, кто там будет долго находиться. Но остановить Гатею я не мог.

Я дважды позвал ее. Но оба раза она и кот были как бы глухими: они не обернулись, ни замедлили шаг. К тому времени, как я подошел к краю долины, девушка уже стояла между двумя деревьями у площади. Руки ее были прижаты к груди, глаза устремлены на каменные плиты, которыми была выложена площадь, как будто там она видела нечто удивительное, видимое лишь ей одной.

Позади нее стоял кот. На этот раз глаза его не были полузакрыты, а напротив, смотрели настороженно, бдительно.

Гатея сделала шаг вперед.

— Нет! — крикнул я, стараясь перелезть через камни, спуститься и остановить ее до того, как она ступит на плиты.

Я попытался перепрыгнуть, но вдруг неловко опрокинулся на спину, выронив арбалет. Я беспомощно махал в воздухе руками и ногами, как жук, лежащий на спине.

Наконец мне удалось встать на колени. Я протянул руку вперед и почувствовал, что она уперлась в твердую стену, сделанную как будто из камня. Да, здесь была стена, твердая и невидимая. Я ощупал ее пальцами с обеих сторон, поднялся, вытянул руки вверх, но не достал края. Здесь был барьер, непреодолимый для меня, но позволивший пройти Гатее.

Я взглянул вниз и увидел, что она стоит на краю площади. На колонне справа от нее находился темный диск, а на левой колонне — ярко-голубой. Я видел, как ее губы беззвучно шевелились.

Она медленно опустилась на колени, уронила руки, склонила вперед голову, как будто возносила молитву какому-то божеству. Лепестки цветов все еще плавали в воздухе. Несколько штук опустились на ее голову.

Руки ее двинулись, и она аккуратно подобрала несколько упавших лепестков и сложила их в ладонь правой руки. Вскоре ее голова поднялась, и я смог увидеть ее лицо. Глаза ее были закрыты, как будто она слушала кого-то, старалась запомнить, чтобы передать другому.

Она снова поклонилась, прижимая к груди горсть лепестков. Затем она поднялась, повернулась с видом человека, выполнившего свою задачу, и тут барьер, преграждавший мне путь, исчез.

Я протянул руки вперед, но ни на что не натолкнулся. Но все же я не прыгнул вниз, как намеревался. Это было бы святотатством. Я замотал головой, стараясь освободиться от наваждения. Но я знал, что это было не наваждение, это была настоящая реальность. Я не мог заставить себя войти в Лунное Святилище, хотя там не было никаких признаков зла. Просто я понимал, что оно не для таких, как я. Войдя туда, я мог бы разрушить то прекрасное и драгоценное, что было выше моего понимания.

Затем я пошел к Гатее, чтобы присоединиться к ней, и только спустя некоторое время понял, что она идет на юг. Очевидно она больше не желала идти со мной. Кот шел рядом с ней все время, пока я стоял и смотрел ей вслед, не зная, что делать, или что сказать.

А затем серебристое тело мелькнуло в воздухе в грациозном прыжке. Кот оставил ее, направившись на юго-запад. Очевидно он пошел один, отыскивая свой собственный путь в горах. Я стоял и смотрел, как Гатея уверенно идет вперед, и она ни разу не оглянулась и не сказала ни слова

прощания.

Когда я наконец понял, что она возвращается к своей хозяйке, я пошел по своему пути.

Что из того, что я видел, я мог рассказать Гарну? Я еще никогда ничего не скрывал от него. Но теперь я знал, что то, чему я был свидетелем, не только не мое дело, но и не самого Гарна. Ведь он может даже приказать разрушить Лунное Святилище, да эта мысль мелькнула у меня в мозгу. Я хорошо знал, что он не признает те элементы неизвестного, которые нельзя объяснить просто и понятно, и он будет разгневан, если узнает, что Гатея обнаружила здесь нечто, что не укладывается в рамки его отношения к действительности. И я тоже обнаружил. Эта невидимая прочная стена была конечно не сном.

Птицы, да, о них я должен рассказать. Ведь Гатея предупредила, что они могут нападать и на наших овец. Так что нам следует подготовиться к такому повороту событий.

И пока я спускался в долину, я составил свое сообщение Гарну. В то же время я очень хотел узнать, кому же молилась Гатея в Лунном Святилище, и что еще можно найти в этой стране — доброго, или злого — если получить свободу и изучать ее.

Хотя я был первым, кто испытал враждебность птиц, я вовсе оказался не последним. Когда мы углубились в лес и стали рубить огромные деревья, необходимые для постройки большого холма, который должен был послужить нам убежищем в первую зиму здесь, вокруг нас собралось огромное количество этих птиц. И однажды дети, которые пасли наших овец, вдруг стали кричать и размахивать палками. Оказалось, что птицы набросились на новорожденных ягнят, на которых мы возлагали большие надежды, ведь это был первый приплод в новой стране.

Гарну пришлось выделить для охраны стада охотников с луками, отрывая их от работы. Но птицы оказались дьявольски хитры и ловки, они ускользали от стрел самых метких стрелков. Недовольство и раздражение Гарна и людей против птиц все росло — ведь они стали постоянной угрозой для нас.

И в один прекрасный день мы вдруг поняли, почему птицы стали проявлять такую бешеную агрессивность. Гигантское дерево рухнуло под нашими топорами, подмяв собой густой кустарник и показав нам, что в нашей долине Лунное Святилище не единственное, оставшееся от Прежних.

Снова перед нами стояли колонны, открывшиеся нашим взорам после того, как густой кустарник был придавлен деревом. Теперь их было семь. Высотой в человеческий рост они стояли так близко друг к другу, что между соседними едва могла пройти человеческая рука.

Эти колонны были сделаны из грязно-желтого камня, совсем непохожего на те камни, из которых состояли горные хребты, служащие границами нашей территории. Поверхность колонн была гладкой, хотя они долго подвергались воздействию погоды и растений. Они казались сделанными из замерзшей жидкой грязи. В каждую из колонн была врезана пластинка, и на каждой из пластинок вырезан символ, причем ни один из символов не повторялся дважды.

И как только лучи солнца упали на эти колонны, поднялся дикий крик птиц. Они начали бешено кружиться в воздухе, и их движения были столь угрожающими, что Гарн отдал приказ отойти назад, оставив упавшее дерево лежать там, куда оно упало.

К счастью, как мы решили, птицы недолго предавались гневу. Они собрались в стаю и полетели на запад, не обращая ни малейшего внимания

на нас. И они больше не вернулись. После трех дней свободы от этих надоедливых и крикливых созданий Гарн приказал вывезти дерево. Ему не нужно было предупреждать нас о том, что нельзя приближаться к этим колоннам, и о том, чтобы мы не углублялись в лес в этом направлении. нам самим не хотелось больше приближаться к этим колоннам.

Тяжелая работа по вспашке первых полей была завершена, первые зерна легли в землю. И все мы очень волновались, пока не показались первые всходы. Мы не были уверены, что наши зерна приживутся в чужой почве. И теперь только стихийные бедствия, которые хорошо известны тем, кто выращивает хлеб, могли помешать нам собрать первый урожай, пусть даже небольшой.

Несколько женщин под руководством Фастафеи, старой няньки Инны, а теперь домоправительницы Гарна, собирали дикорастущие плоды. Здесь были вишни, а также какие-то ароматные травы. Хотя звезды над головой здесь были совершенно иными, земля была во многом подобной той, откуда мы пришли.

Стены холла уже поднялись, конечно не из камня — камень был нам пока не по силам, — а из бревен. Это было одно большое здание, разделенное перегородками на отдельные секции для каждой семьи. Широкий центральный зал был предназначен для еды. Так было во всех кланах. В одном и другом конце длинного здания были сделаны большие очаги. Еще один был установлен в центре. Он был сделан по указаниям самого Стига, большого мастера по таким делам. Он сам отбирал камни из реки для того очага. Когда здание было подведено под крышу, мы устроили небольшой праздник по случаю окончания строительства первого нашего дома здесь. Младшего сына Стига выбрали для того, чтобы он влез на крышу и закрепил под коньком травы, собранные женщинами.

Для наших небольших стад мы сделали небольшие загоны. Мы еще не знали, насколько суровы зимы в этой земле. А тем временем, когда строительство было закончено, те из нас, кто мог охотиться, ежедневно ходили на охоту, чтобы запастись и засушить мяса на зиму. Рыбы в нашей реке оказалось очень много, и за сравнительно короткий срок мы засолили несколько бочек.

Это было время работы и мы не видели никого из других кланов. Я ждал возвращения Братьев. Но никто не прибыл к нам. Ни Братья, ни люди из клана Тугнеса, которым для этого нужно было бы пересечь горный хребет. Каждый раз, когда выпадала моя очередь патрулировать в горах, — Гарн все еще заставлял нас делать это, — я останавливался у Лунного Святилища, пытаюсь обнаружить свидетельства того, что Гатяя побывала

здесь.

Весеннее цветение давно кончилось, и деревья на площади покрылись большими листьями странной формы. Они были более темные, чем обычные листья, и какие-то пушистые, а в солнечном свете они вдруг становились голубоватыми, как символы, оставленные давно исчезнувшими строителями.

Дважды я встретил там Инну, которая как будто что-то искала там. Каждый раз она делала вид, что удивлена моим появлением. В первую же нашу встречу она потребовала, чтобы я не говорил о ее походах сюда. Это было против законов, но я подчинился ее желанию, но не потому, что она была дочерью Гарна, а потому, что мы были с ней ближайшими родственниками.

И все же тайна ее посещений Святилища беспокоила меня. Ведь она вовсе не была девушкой авантюристического склада. Напротив она была скромной девушкой и находила удовольствие в типично женских занятиях. Она была очень искусна в шитье и почти также хорошо, как Фастафея, занималась заготовками и управлением хозяйством.

Я знал, что Гарн обещал ее руку второму сыну лорда Фаркона. Великолепная партия, она сразу вводила Гарна в круг сильных мира сего. Правда время свадьбы еще не пришло. Мы, родственники лордов, не были свободны в выборе невест и женихов. Все наши свадьбы должны были учитывать интересы Дома, а не свои личные.

Крестьяне в этом смысле были свободнее, но и они иногда страдали, если тот или иной лорд считали, что эта свадьба должна быть выгодной для его Дома.

Мы не говорили об этом, но я был уверен, что красивое лицо Инны, ее спокойный уравновешенный характер привлекут к ней хорошего парня, который будет ей верным мужем. Я видел сына Фаркона, — высокий юноша, достаточно привлекательный, в котором соединились и достоинства его отца и привлекательность матери, — комбинация, не часто встречающаяся среди нашего народа, и я верил, что она будет счастлива с мужем.

Почему же теперь она нарушила все обычаи и тайно ходила в святилище? Она не сказала мне, хотя я спрашивал ее об этом. Единственное, что она говорила, это то, что ей нужно, и затем она начинала плакать, так, что я прекращал расспросы. Но я предупреждал об опасности и пытался взять с нее обещание, что она не придет больше сюда.

Каждый раз она давала это обещание и клялась так искренне, что я не мог не верить ей. Но затем я снова находил ее на самом краю площади, как

будто она была у двери в комнату, куда она должна войти, но у нее не хватает мужества сделать последний шаг.

Во второй раз я сказал, что больше не верю в ее обещания, и что я должен предупредить Фастафею, чтобы ее держали в долине и не позволяли покинуть ее без сопровождения кого-нибудь из женщин. И тогда она заплакала, медленно и безутешно, как будто у нее отобрали что-то ценное, чего заменить невозможно. И она повиновалась мне, но с таким несчастным видом, что я почувствовал себя жестоким лордом, хотя все, что я делал было для ее же защиты.

Вскоре после того, как мы закончили свое жилище, в воздухе почувствовалось дыхание зимы. Мы поспешили убрать хлеб и заготовить сено. Наши семена дали хороший урожай. Стиг ходил очень довольный и непрестанно повторял, что урожай гораздо лучше, чем он надеялся. Он уже начал строить планы засева новых полей на будущий год.

Гевлин из своей охотничьей экспедиции на западные окраины наших владений принес третье свидетельство того, что на нашей земле когда-то жили люди. Он пошел по реке, зажатой между скалистыми берегами, и нашел широкую долину. Там росли деревья, на которых было полно фруктов. И по тому порядку, в каком были посажены деревья, можно было с уверенностью сказать, что это был культурный сад.

Мы поехали собирать урожай: Фастафея с женщинами, Эверад, я и трое наших воинов. Инна отказалась поехать с нами, сказав, что плохо чувствует себя. Фастафея оставила ее в постели.

Мы ехали два дня, так как путь по скалистому берегу был нелегким. Весной, во время паводка, этот путь будет закрыт полностью, подумал я, увидев следы высокой воды на скалах.

Как только мы прибыли, мы принялись за работу. Пока люди наполняли корзины, Эверад и я делали короткие поездки, чтобы хорошенько изучить эту нашу новую долину. И мы оба пришли к выводу, что преимуществ здесь гораздо больше, и нам следует попытаться уговорить Гарна переселиться сюда.

Кроме фруктового сада здесь не оказалось следов присутствия Прержних, и это тоже обнадеживало. К тому же здесь не было зловещих птиц-шпионов. К утру третьего дня мы были готовы в обратный путь. Все были нагружены корзинами, и только два воина были свободны от груза, но их мечи и арбалеты были наготове. Как бы красива и открыта не была эта земля, мы все постоянно чувствовали внутреннее беспокойство, как будто мы жили на границе враждебного государства. Я все время думал, откуда такое ощущение. Ведь если не считать птиц, — а они давно улетели и не

возвращались, — мы не встретили здесь ничего угрожающего. И все же мы были все время настороже, как будто ждали нападения.

И в конце концов то, чего мы так долго ждали, случилось. Мы приближались к дому и навстречу нам ехал Гевлин в полном боевом снаряжении. При виде его мы выехали вперед, а наши женщины сгрудились сзади и среди них наступила тишина, хотя там постоянно слышался смех и шутки.

Гевлин опустил поводья и быстро пробежал по нам глазами, как-бы отыскивая кого-то.

— Леди Инна, — остановился он перед Эверадом, — она не с вами?

— Нет... но она болела... — сказал он. — Фастафея! — Эверад повернулся к домоправительнице, которая вышла вперед, глаза ее расширились, лицо стало бледным, несмотря на загар.

— Миледи... что ты сказал про нее? — она стояла рядом с Эверадом, свирепо глядя на Гевлина. — Она оставалась здесь. Я дала ей сонного настоя. И Трудас сидела с ней. Что вы сделали с ней?

— Она исчезла. Она сказала служанке, что ей стало лучше, попросила провизии в дорогу и сказала, что они вдвоем пойдут догонять вас. Когда девушка вернулась, госпожи уже не было!

И в этот момент я осознал свою собственную вину. Я догадывался, куда пойдет Инна. Но если она исчезла сразу после того, как мы ушли, значит ее нет уже ночь и день. Мне оставалось только сказать, что я знаю, и принять наказание.

Когда я увидел Гарна, я понял, что моя жизнь в его руках, но это было ничто по сравнению с тем, что ждало Инну, если она попала в лапы тому коту, с которым ходила в горах Гатея. Ведь моя кузина не могла приручить его. И я стал открыто говорить о том, что я видел, о тайных походах Инны к Лунному Святилищу.

Я увидел, как поднялся кулак Гарна, закованный в боевую перчатку. И я не сопротивлялся удару, который обрушился на мое лицо и швырнул меня на пол. Во рту появился соленый вкус крови. Рука Гарна потянулась к мечу. Я лежал перед ним, не делая попыток защищаться. Меч был уже на полпути из ножен. Это было его право — перерезать мне горло, если он того пожелает. Ведь я предал своего лорда, разрушил кровные узы, — каждый понимал это. Верность господину, — это первейший долг каждого. Нарушить ее, — значит остаться без клана и без родственников.

Но он отвернулся с таким видом, как будто я не стою того, чтобы меня убить. Он выкрикнул указания тем, кто был в доме, и все оставили меня. Ведь согласно обычаю я уже не существовал. Я с трудом поднялся. В

голове шумело от удара. Но никакой удар не мог поразить меня больше, чем предательство своего лорда. Теперь для меня здесь жизни не было, никто не захочет иметь дело со мной.

Когда я поднялся на ноги, я увидел, что все они идут к тому склону, который ведет в Лунное Святилище. Однако я почему-то был уверен, что они не найдут там Инну. И хотя я был клятвопреступником и теперь мертв для клана, для меня все же кое-что оставалось.

Ничто не могло вернуть меня к жизни в глазах Гарна и клана. Но я остался жив, правда благодаря тому, что Гарн счел меня недостойным смерти от его руки. Нет, я не мог повернуть время и сделать то, что должен был сделать раньше, но может быть мне удастся чем-нибудь помочь Инне.

Хотя я рассказал все о тайных посещениях Инны, я ничего не говорил о Гатее. Если бы мне сейчас удалось добраться до Мудрой Женщины и Гатей (а я был уверен, что они знают о Святилище больше, чем любой из нас), то возможно мне удалось бы найти следы моей кузины.

Без имени, без рода, я не имел права ни на что, даже на свой меч. Гарн не отобрал его у меня, и я решил оставить его себе. Возможно он поможет мне, — не искупить вину, — а просто помочь Инне.

И я повернулся спиной к людям, направлявшимся в Лунное Святилище вслед за Гарном, и пошел на юг, рассчитывая на следующий день войти в долину Тугнеса и найти Мудрую Женщину. Мой шлем с эмблемой Дома я оставил валяться там, куда он откатился после удара, и с ним вместе мой арбалет. С непокрытой головой, пустыми руками, спотыкаясь, так как голова моя гудела, а в глазах двоилось, я пошел вниз по реке.

Я провел ночь на берегу. В морской воде я обмыл лицо, и его стало жечь, как огнем. Один глаз распух и голова болела так, что в ней не осталось ничего, кроме одной мысли, — я должен найти Мудрую Женщину или Гатею, — только они могут знать, какое могущество находится в Лунном Святилище.

За мной может начаться охота, если Гарн не найдет следов дочери. Я был уверен, что так оно и будет, — какие следы могут остаться на голых камнях? И тогда Гарн захочет мстить, гнев воспламенит его. И любой из нашего клана, кто притащит меня, заслужит его благоволение. И если я хочу остаться живым, чтобы попытаться помочь Инне, я должен быть очень осторожным. Голова моя отчаянно кружилась, мысли не задерживались в ней, и я лежал на песке без сознания, пока волны, омывающие мое лицо, не привели меня в чувство.

День и ночь я с трудом шел вперед. Временами мне казалось, что я

слышу крики позади. Однажды я даже обернулся, ожидая увидеть занесенный над моей головой меч, но это были всего лишь крики морских птиц.

В конце концов я добрал до того места, где повозки Тугнеса свернули с дороги. Здесь я прислонился к камню и постарался обдумать все. Прийти открыто в долину, это значит поставить точку. Раз Тугнес не был другом Гарну, вернее потому, что он не был другом Гарну, он не упустит удовольствия схватить меня. Ведь так приятно будет говорить, что один из рода Гарна предал своего лорда, и еще более приятно будет передать этого преступника в тот клан, чье имя он носит.

И поэтому я должен использовать всю хитрость, что еще осталась в моей голове, и все свое искусство, чтобы ускользнуть от людей Тугнеса и отыскать убежище Мудрой Женщины. Я даже не был уверен, поможет ли она мне. Все, что я знал, это то, что такие, как она, не придерживаются старых обычаев, их не связывают узы родства, и она может проявить жалость ко мне и показать путь, на котором я могу служить леди из дома Гарна.

Я не помню, как я проник в долину. Какие-то инстинкты, которые были сильнее, чем мое сознание, помогли мне. Я старался держаться подальше от полей, от домов. Часть дня я пролежал среди камней почти без сознания, и мне показалось, что одна из черных птиц села мне на лицо и клюнула. Боль пронизала меня с головы до ног. Но может мне это только показалось. Была уже черная ночь, когда я очнулся. Меня мучила жажда, кожа была такой горячей, как будто я был завернут в горящие угли.

Я подполз к краю горного хребта. Спуск был очень крут. Единственная мысль поддерживала меня, что где-то здесь Гатейя нашла путь, по которому могу спуститься и я. Спуститься и найти жилище Мудрой Женщины. Я был уверен, что они живут вдали от места, где поселились люди Тугнеса.

Прошло время, в течение которого я вставал и падал бесчисленное количество раз, и наконец, я сделал последний рывок, после которого скатился вниз с такой силой, что из меня вышибло дыхание, и погрузился в темноту, которая была не сном, а чем-то гораздо более глубоким и менее легким для тела и разума.

И в конце концов те, кого я искал, сами нашли меня. Я с трудом очнулся и увидел над собой брусья, перевитые лозой, увешанные сухими травами, и все это напоминало осенний сад, готовящийся к зиме.

Моя голова все еще болела, но тот огонь, что жег меня, прошел. Но я был так утомлен, что руки едва повиновались мне. Моя слабость не позволила даже страху проникнуть в мое сознание. Я попробовал

повернуть голову. Боль была жуткой, но теперь я мог видеть кое-что одним глазом. Я понял, что лежу на постели у стены. В комнате не было ничего, кроме стульев и очага, где горел небольшой огонь. Очаг был сложен из камней и обмазан глиной. Из камней же были сложены полки, на которых находились пучки сушеных трав, глиняные и деревянные сосуды.

Воздух был полон запахов. Одни были приятными, другие, напротив, отвратительными. На огне стоял котел, в котором что-то булькало и распространяло запах, от которого я остро ощутил пустоту в своем желудке.

За пределами моего видения послышался шорох и я, преодолевая боль, постарался повернуть голову еще немного, и в полутьме комнаты я увидел Мудрую Женщину.

Она смотрела на меня и затем подошла ко мне. Рука ее коснулась моего лба, где сосредоточилась вся боль. Я дернулся, хотя пытался скрыть, какие муки причиняет мне любое прикосновение.

— Лихорадка прошла, — голос ее был тихим, но хриплым и суровым. — Это хорошо. Теперь... — Она подошла к огню, налила из котла в грубую глиняную чашку черной жидкости, добавила туда воды, подсыпала несколько щепоток сушеных трав из сосудов и коробочек.

Во время нашего совместного путешествия она была одета, как одеваются наши женщины. А теперь на ней была какая-то накидка, едва доходившая до колен, а из под нее выглядывали брюки и такие же сапоги, какие были одеты на мне.

Она подошла ко мне, положила руку под голову и приподняла меня с такой легкостью, какой я не ожидал от женщины. Она поднесла горячий напиток к моим губам.

— Пей! — приказала она, и я повиновался, как ребенок повинуется главе дома.

Напиток был горячий и горький. Такого бы я по собственной воле не выпил. Но все же я проглотил его, стараясь не показывать отвращения. Я был уверен, что это какое-то лекарство. Когда я допил все, и она хотела отойти, я попытался взять ее за рукав, задержать ее и сказать всю правду о себе. Я знал, что должен сказать ее сейчас, когда мой разум прояснился. А если я промолчу, то совершу второе свое предательство.

— Я лишен рода... — мой голос удивил меня. Слова, которые с легкостью формировались в мозгу, язык произносил с трудом, как будто он и мои губы распухли и потяжелели.

Она опустила меня на постель, затем освободила свой рукав от моих пальцев.

— Ты болен, — сказала она, как будто этот факт освобождал ее от греха, как бы ни был он черен. — Тебе нужно отдохнуть.

Когда я попытался снова заговорить, объяснить ей все, она положила пальцы мне на губы, и я опять содрогнулся от боли. Затем она поднялась и не стала обращать на меня ни малейшего внимания. Она ходила туда–обратно по комнате, переставляла ящички, сосуды, наводя порядок, понятный ей одной.

Наверное ее напиток оказал на меня усыпляющее действие, так как вскоре глаза мои стали закрываться. И вот я уже провалился в освежающий сон без сновидений.

Когда я проснулся во второй раз, я увидел у очага Гатею. Там все еще кипел котел, и она помешивала в нем длинной ложкой, что позволяло ей держаться подальше. А это было необходимо, так как горячая жидкость выплескивалась из котла, и пламя вспышками вырывалось из очага. Должно быть я издал какой–то звук, потому, что она тотчас же оставила ложку и подошла с чашкой ко мне.

На этот раз я без ее помощи поднялся на локоть и обнаружил, что она предлагает мне чашку с чистой водой. Я жадно выпил ее, и мне показалось, что я не пил ничего более вкусного в жизни. Затем я попытался разъяснить Гатее то, что не захотела понять ее хозяйка.

— Они лишили меня своего рода... — я смотрел прямо в глаза ей. Мне было стыдно, но я должен был сказать это. — Лорд Тугнес с большим удовольствием отошлет меня обратно к Гарну. Он может наказать Мудрую Женщину, если она не сообщит ему о моем появлении...

Девушка нахмурилась и оборвала меня.

— Забина не имеет отношения к лорду Тугнесу. Ей нет дела до того, что он хочет, или не хочет. Ты болен, ты нуждаешься в ее помощи. Это ее ремесло и никто не посмеет вмешиваться в ее дела!

Я чувствовал, что она все еще не понимает меня. В нашем народе тот, кто изгнан из рода, проклят навеки, и каждый, кто даст ему убежище, рискует вызвать на себя большие неприятности. Следовательно, ни один мужчина, ни одна женщина не могут заговорить со мной. Я был живым мертвецом, кто захочет общаться с человеком без рода, без имени?

— Это из–за леди Инны... — я внезапно вспомнил, что привело меня сюда. — Она ходила в твое Лунное Святилище. Я несколько раз встречал ее там и не сообщил об этом лорду Гарну. Теперь она исчезла, возможно пострадала от злых заклинаний этой страны.

— Мы знаем... — кивнула она.

— Вы знаете? — я с трудом сел, хотя голова моя была так тяжела, как

будто на ней было одето сразу два металлических шлема. — Ты видела ее? — Может Инна встретила Гатею, и та дала ей помощь и убежище... хотя зачем ей делать это?

— Ты говорил об этом в бреду, — так она уничтожила мою слабую надежду. — И сам лорд Гарн приезжал сюда. Они быстро уехали на запад, так как здесь никто ничего не знал о ней.

— Запад... — повторил я. В эту незнакомую землю, которой даже Братья с Мечами советовали остерегаться. Что могло завлечь туда Инну?

— Может ее туда позвали... — сказала Гатея, как будто прочла мои мысли. — Она пошла в Лунное Святилище в полнолуние и не имела защитного экрана.

— Позвали... кто и куда? — спросил я.

— Возможно ты не имеешь права знать это. Забина решит. А сейчас, — она достала с полки кусок свежее испеченного хлеба и чашку мягкой массы из фруктов. — А сейчас ешь и набирайся сил. Возможно тебя... ждет дорога.

Оставив пищу в моих дрожащих руках, она вышла из хижины, и мне стало некого спрашивать, кроме самого себя. А у меня ответов не было.

Я боролся со слабостью, желая сделать себя поскорее способным уйти отсюда. Я знал, что независимо от того, Мудрая она женщина, или нет, но Забина рискует навлечь на себя большие неприятности, укрывая меня. Лорд Тугнес, я был уверен в этом, не будет считаться с обычаями, если ему будет выгодно нарушить их. Правда все, что я знал о нем, я знал из слухов, но в каждом слухе есть доля истины.

Моя голова все еще тупо болела, но я уже мог видеть тем глазом, который раньше был распухшим, и осторожно ощупывая пальцами голову, я обнаружил, что она вся туго стянута бинтами. Я уже смог, несмотря на приступы головокружения, одеть штаны, сапоги, влезть в рубашку, которая была выстирана и лежала поверх остальной моей одежды, когда вернулась Мудрая Женщина.

Она быстро подошла, нахмурившись, ко мне.

— Что ты хочешь делать?

Я натягивал через голову рубашку, морщась от боли даже при таких легких прикосновениях к голове. — Леди, — я не рискнул поклониться, но вложил в обращение всю почтительность, — я должен покинуть твой дом, как можно быстрее. Я изгнан из клана... — я не мог дальше продолжать, так как она резким жестом остановила меня и сама спросила:

— Ты знаешь, какие плохие отношения у Гарна и Тугнеса?

— Не между ними, — она удивилась, услышав мой ответ. — Между домами. Это старая вражда.

— Да. Очень старая. Почему у глупых людей такая долгая память? — Тон ее был нетерпеливым. Она сделала резкий жест рукой, как бы отмечая то, что считала людской глупостью. — Это началось задолго до того, как отец Гарна вышел из чрева матери. Произошло похищение невесты.

Я сидел неподвижно, даже не пытаясь сунуть рубашку за пояс штанов. Хоть голова у меня и кружилась, я был не так глуп, чтобы не понять, на что она намекает.

— Сын Тугнеса?

То, что исчезновение Инны можно было объяснить самым простым человеческим способом, никогда мне не приходило в голову. И теперь мне стало ясно, что Инессу похитили не какие-то злые силы Лунного Святилища, а наши старые враги. Но если так, то насколько большая вина ложится на меня! Допустить такое! Торг, наверное, долго шпионил за нами,

следил за всеми передвижениями Инны, изучал ее маршруты. А я, кому было поручено патрулирование, даже не заподозрил, что мы находимся под наблюдением, Я был по-дурацки захвачен странностями этой страны и совсем забыл про наши старые обычные неприятности.

Та мысль, которую Забина посеяла в моем мозгу, взошла быстро. Она же возродила мои силы, и теперь я уже был на ногах. Я не мог надеяться победить в битве с неизвестным, хотя ничто не могло отвратить меня от этой попытки, но победить Торга я мог. Мне для этого нужен только меч в руках!

И теперь я заговорил с той уверенностью, какой у меня не было несколько моментов назад.

— Твоя воспитанница говорила о силах Лунного Святилища, теперь ты натолкнула меня на мысль о Торге и старой вражде. Где правда?

Она нахмурилась еще сильнее, и я заметил, что она прикусила губу как бы стараясь сдержать нетерпеливые или предательские слова. Затем она сказала:

— Торг много раз за эти дни добровольно ходил на охоту. Он ездил в горы, но несколько дней подряд возвращался без добычи. А кроме того, он еще ни с кем не обручен. Я предупредила его, когда обнаружила, что он стал слишком заглядываться на Гатею. Сейчас женщины очень воспаляют его. Это очень бурная семейка, и немногие могут сказать об этом доме что-нибудь хорошее, в течение трех поколений и даже больше. А кроме того еще и Кампур...

— Кампур? — я мог принять все, что она сказала, за исключением последнего, что для меня не имело никакого смысла. Она пожала плечами. — Теперь дело не в этом, ведь все в прошлом. Однако это внушает людям сомнение в том, действительно ли лорд Тугнес думает о важных проблемах сегодняшнего дня.

Глаза ее встретились с моими и буквально впились в них, как будто она старалась воздействовать на меня, чтобы я забыл все сказанное ею, что она сожалеет о сказанном — но так ли это? Я был уверен, что Забина не делает промахов, вероятно она специально произнесла это имя, чтобы проверить меня

— но я не мог понять, с какой целью.

— А Торг? — Я старался понять все ее мотивы. Гораздо более важно думать о настоящем, чем погружаться в прошлое.

— Он сейчас укрывается здесь?

Она покачала головой.

— Он уехал вчера утром и до сих пор не возвращался. Перед этим он

тоже пропадал целый день.

Значит у него была возможность сделать то, что предполагала Забина: встретиться с Инной и завоевать ее расположение, или, что более вероятно, подстеречь ее, схватить и спрятать в укромном месте, которых было так много в этой неизученной стране. Да, это было более просто предположить, чем объяснять похищения неведомыми силами. Торг был человеком, и пусть он был искушен в военном искусстве, я был уверен, что могу сравниться с ним в этом. Хотя я мало знал о нем, да и видел всего лишь несколько раз во время путешествия, он был всего лишь человек, и человеческий разум мог победить его.

То, что он совершил, было когда-то принято в нашем народе, и послужило причиной вражды между многими кланами. В далеком прошлом юноши и девушки обручались при рождении, и затем тот, кто похищением разрушал намеченные связи между родами, подвергался гонению и наказанию.

Может Торг решил, что раз мы в новой земле, то он может совершить это злодеяние и ускользнуть от наказания? Тем более, что сын Фаркона был далеко. Я плохо знал Торга, но такое объяснение вполне могло оказаться справедливым. Чтобы добраться до лорда Фаркона, требовалось затратить много времени, а у самого Гарна была всего лишь горстка людей, плохо знавших страну. Лорд Тугнес мог притворно присоединиться к экспедиции Гарна и чинить всякие искусственные препятствия, чтобы задержать ее и дать возможность сыну добиться своей цели. Ведь как только Торг ляжет с ней в постель, она будет считаться его невестой по праву, хотя она и обещала Фаркону, и Торг может откупиться от сына Фаркона.

Я уже видел, что стал причиной кровавой вражды между двумя, а может и тремя кланами. Разве не я позволил Инне тайно посещать Лунное Святилище? Разве не я проворонил шпионящего за нами врага? Да, суд Гарна надо мной был полностью справедлив.

Теперь мне ничего не оставалось делать, как выследить Торга. Он, скорее всего еще не знает, что я изгнан из клана. И если я его вызову на поединок, он должен принять вызов. Я могу... нет, должен... убить, смыть его кровью оскорбление нашего... нет дома Гарна.

— Лорд Тугнес знает? — я положил рубашку на место. Теперь я взял фуфайку с утолщенными плечами, чтобы они смягчали давление кольчуги.

Она пожалала плечами.

— Ты изгнан из рода.

— Торг этого не знает, — ответил я. — Если я смогу добраться до него раньше...

Мудрая Женщина улыбнулась, но ничего приятного не было в движении ее губ.

Я был перед ней в большом долгу — она залечила мои раны, вернула меня к жизни, хотя я все еще чувствовал слабость. Но я не думал, что она сделала это из-за большой любви ко мне. Нет, это было ее ремесло. И чем скорее я уйду из ее дома, тем это будет приятнее ей.

— Тебе нужно перевязать голову, — она повернулась к полкам и стала копаться там, отыскивая снадобья. Затем она смешала что-то в ступке и намазала смесью тряпку.

— Тебе повезло, — сказала она, подходя ко мне и накладывая на голову тряпку, от которой пахло травами. — У тебя был расколот череп — рука Гарна действительно тяжела. Но внутренних повреждений не оказалось, иначе ты не сидел бы здесь.

— Это сделал не кулак лорда — я разбил голову при падении. Вот его рука, — и я притронулся пальцами к распухшей щеке. Я вспомнил, что оставил свой шлем у Гарна. Хорошо, что он не содрал с меня меч, ведь он имел на это полное право. Может гнев ослепил его и он забыл об этом.

Она ничего не сказала, только сняла старый бинт с головы и намотала новый. Затем неожиданно она схватила меня за подбородок, подняла голову и вперлась в мои глаза.

— У тебя двоится в глазах? — спросила она.

— Сейчас нет.

— Тогда хорошо. Но я предупреждаю тебя, если ты пойдешь по следу до того, как выздоровеешь, ты погибнешь и не сделаешь ничего.

— Леди, я здесь именно потому, что не сделал того, что должен часть своей вины.

— Вины! — презрительно сказала она. — Неси, если тебе так хочется, никому не нужную ношу своей вины. Каждый человек идет по той дороге, которая предназначена ему. Дороге, имеющей много поворотов и изгибов. Он думает, что сам управляет своей жизнью, он не знает, что нити сплелись в ткань еще до того, как он вышел на дорогу своей жизни.

Я поднялся.

— Леди, прими мою благодарность за все, что ты сделала для меня. Теперь я перед тобой в большом долгу — если, конечно, лишенный рода может сказать так. Но у меня есть еще более старый долг. Перед Гарном. Я больше не принадлежу его дому, но я должен уплатить этот долг.

— Иди своим путем, как идут все люди. Я предупреждаю тебя — будь осторожен, иди только туда, куда тебя влекут твои желания. — Она отвернулась, а я взял свою кольчугу.

Пока я с трудом натягивал кольчугу, не желая просить помощи у Забины, я увидел, что она взяла с нижней полки сосуд — не деревянный, и не глиняный — а серебряный, сверкающий полированной поверхностью.

Она взяла его обеими руками и долго смотрела в него, а затем подняла голову и взглянула на меня. Все это было сделано так, как будто она пришла к какому-то чрезвычайно важному решению. Она быстро поставила сосуд обратно на полку.

Затем она взяла сумку, похожую на те, что носят за спиной путешественники, и в нее она начала складывать вещи, сначала она положила остатки лекарства, которым она лечила мою голову, затем начала быстро перебирать сосуды и ящички. А я в это время затянул пояс с мечом и проверил, хорошо ли меч движется в ножнах.

Она сложила в сумку хлеб, но не положила ни кусочка сушеного мяса, однако я тут же вспомнил, что люди ее ремесла не едят мяса животных. Зато она положила мешочек с сухими фруктами. И наконец она показала мне бутылку для воды.

— Наполнишь ее водой из источника. Там хорошая вода — ее благословила луна. — И сумку и бутылку она бросила на постель рядом со мной. Я почувствовал себя страшно одиноким. Как будто и здесь на меня обрушилось проклятие Гарна. Несмотря на то, что она заботилась обо мне, она все же хотела, чтобы я ушел поскорее. Но я не мог ругать ее за это.

И теперь, когда я был на ногах, я не мог уйти не признав, что я в большом долгу перед ней. И как это было положено по обычаю, я вынул меч из ножен, взял его за лезвие и протянул к ней рукоять. Правда я ожидал, что она отвергнет ее, так как я был лишен клана, и со мной нельзя было даже говорить.

Забина посмотрела на меч, а затем перевела испытующий взгляд на меня. Она отказалась принять меч.

— Такие, как я, не имеют дела со сталью, — сказала она. — Но твое предложение, Эльрон, я принимаю. Может быть, когда-нибудь придет день, когда я попрошу у тебя услуги.

Я вложил меч в ножны, ощущая, что на мои плечи легла еще одна тяжесть. Но я выпрямился и постарался забыть все, что теснилось сейчас в моем мозгу. Мудрая Женщина не лорд, не предводитель клана, но она знает, что говорит, и я для нее не просто человек без рода и без имени. Я взял сумку и поблагодарил ее за лечение, хотя я был больше благодарен ей за то, что она считает меня человеком.

— Там в мешке лекарства, — сказала она. — Там все обозначено, как ими пользоваться. Лечи голову, пока боль полностью не прекратится. И

иди. Я благословляю тебя. И Забина сделала жест, который не имел ничего общего с тем, что делают Барды, охраняющие священное Пламя. Но этот символ был могущественным, и я снова склонил голову, благодаря ее.

Мне бы хотелось увидеть Гатею — поблагодарить ее за заботу обо мне. Но ее не было, а мне пора было идти.

Судя по солнцу, была вторая половина дня, когда я вышел из хижины Мудрой Женщины. На востоке виднелись поля и бревенчатые стены крепости Тугнеса. Жилище Забины было построено прямо у склона, и я подумал, что совсем недалеко отсюда находится Лунное Святилище, куда по своей глупости часто ходила Инна.

Это было действительно лучшее место, откуда можно начинать выслеживание врага. Люди Гарна прочесали все скалы. Интересно, возникла ли у них мысль, которую Забина внушила мне — что не сверхъестественные силы похитили мою кузину, а ее похитил наш старый враг?

А если возникла, то часовые готовы пустить стрелу в любого, кто придет из этой долины, И я буду для них желанной добычей.

Я наполнил бутылку водой из источника, чей бурный поток несся со скал вниз. Затем, чувствуя приятную тяжесть у бедра, я пошел вдоль горного хребта у его подножия. Здесь было много следов. Может здесь были следы и Гатеи, которая ходила к Лунному Святилищу. Я хорошо знал, что Святилище представляет для нее нечто важное. Я стоял в самом начале своего поиска и оглянулся назад в долину.

Стадо овец паслось на склонах холма. Люди работали на полях. Я не заметил всадников. Картина, открывшаяся передо мной, была полна мира и покоя. Мог ли я считать это доказательством того, что Тугнес ничего не знает о действиях своего сына? А может это было просто притворство, чтобы обмануть тех, кто мог следить за долиной. Ответ мог быть любым, а я плохо знал лорда Тугнеса. Я должен идти. Должен идти и знать, что любая стрела и любой меч могут вонзиться в меня.

Может мне лучше начать поиск вечером, когда тьма скроет меня? Но ведь она скроет и следы, которые мог оставить Торг. Да, я теперь твердо уверен, что Инну похитил старый враг Гарна, потому, что это объяснение наиболее логично.

И я решительно направился вверх, так как начинать нужно было со Святилища. Действительно ли оно привлекало Инну своей загадочностью, или же оно было местом тайных встреч с Торгом?

Такое предположение сразу же представило мне Инну в совсем другом свете, чем я думал о ней раньше. Робкая, слабая, полностью поглощенная

мыслями о хозяйстве, бесцветная — была ли она в действительности такой? Или же все это было всего лишь плащом, под которым она скрывала свою сущность, свою жажду свободы, которая удовлетворилась здесь, на новой земле. Теперь, оглядываясь назад, я понял, что ничего не знал о ней. Это страшно удивило меня. Ведь она была часть моей жизни. Мы росли вместе с детских лет, и только потом, согласно нашим обычаям, она отдалилась от меня. Но я не мог припомнить в ней ничего выдающегося.

Как она относилась к тому, что была обещана незнакомому человеку без всякого согласия с ее стороны? Это был древний обычай, и я раньше не думал об этом. Но для Инны это могло иметь значение. Могла же она ощущать неприязнь к незнакомому жениху, на которой мог сыграть Торг и убедить ее нарушить все обычаи предков.

Я взобрался на вершину хребта, но мне показалось, что подъем занял много времени. И не только потому, что я тщательно изучал все, искал следы на тропе, но и потому, что слабость, еще не покинувшая меня, заставляла часто останавливаться для отдыха.

Единственные следы, которые я обнаружил, были следами гигантского кота, который сопровождал Гатею. Отпечатки его мягких лап были хорошо видны на земле. Я передвигался от одного укрытия к другому, используя периоды отдыха для того, чтобы прислушаться. Но я не слышал ничего, кроме криков птиц. Если меня наверху и поджидали, то они хранили мертвую тишину, стараясь не спугнуть меня.

Подход к Лунному Святилищу с этой стороны был очень удобен для меня, так как здесь было много камней, где я мог укрыться. Может они и были здесь расставлены для этого, я не знал, но во всяком случае, они не были сделаны руками человека.

Наконец я добрался до последнего камня, откуда я мог хорошо видеть деревья, укрывающие Святилище. Сейчас они были покрыты листвой и почти полностью скрывали колонны и площадь. С одного из ближайших деревьев были безжалостно обрублены сучья — видимо для того, чтобы прорубить проход.

Долгое время я прислушивался и выжидал, даже нюхал ветер, который дул от долины Гарна. Однако ничего обнаружить я не смог. Если меня здесь ждет западня, то она тщательно укрыта.

И вдруг я насторожился, так как между деревьями появилась чья-то фигура. Гигантский кот вышел на поляну и стал осматриваться. Затем его голова замерла так, как будто он смотрел в мою сторону. Видел ли он меня на самом деле, или просто чувствовал по запаху мое присутствие — я не знал. Но я был уверен, что он знает, что я здесь.

Однако я был уверен, что здесь нет никого из людей Гарна. Этот зверь не стоял бы так спокойно на открытом пространстве, если бы здесь были еще люди. И я поднялся в полный рост и вышел из-за камня, служившего мне укрытием. Раз кот здесь, так вероятно и Гатея где-нибудь поблизости. А если он один, то может по старой памяти позволит мне приблизиться и поискать следы Торга и его пленницы?

Мое первое предположение оказалось справедливым. С кошачьей легкостью из зарослей выскользнула воспитанница Забины. Она была одета так, как будто собралась в далекий путь, волосы ее были заколоты и спрятаны под маленькой шапочкой серо-коричневого цвета. Такого же цвета была и остальная ее одежда. Теперь она стояла между деревьями и тоже смотрела в мою сторону. Она была несколько не удивлена, увидев меня, напротив, она как бы поджидала меня, и даже сердилась, что я опаздывал.

Как и у меня, у нее за спиной был туго набитый мешок, даже больше, чем у меня, а на поясе прицеплена бутылка с водой. У нее не было оружия, кроме ножа, который был нужен ей для приготовления еды, да и вообще необходим в походной жизни.

Она угрюмо смотрела на меня, но не здоровалась, как будто мы не были нужны друг другу. Кот приподнял верхнюю губу, но если это и была угроза, то я не понял ее.

— Значит, ты пришел...

Мне ее слова показались загадочными.

Неужели она думала, что я не приду? Мне уже не оправдаться перед своим кланом, но для самого себя я должен был найти след, ведущий к Инне.

— Если след есть, — сказал я, — то он должен начинаться отсюда. Здесь я встречал ее, здесь мог встретить ее и Торг... или где-нибудь рядом. Другого пути для них...

— Она... он... они?.. — перебила она меня. Изумление было на ее лице.

— Торг, — теперь была моя очередь перебить ее. — Это он решил добыть себе жену и обесчестить дом своего врага.

— Какое отношение имеет Торг к этому? — она махнула рукой в сторону Святилища.

— Он мог увидеть ее здесь, подстеречь и похитить. Ее легко было напугать. — Я не был полностью уверен в этом, но честь дома Гарна требовала, чтобы я говорил о насильственном похищении, а не о добровольном бегстве.

Гатея сделала пару шагов вперед. Она смотрела на меня таким же взглядом, каким смотрела незадолго до того Забина — как будто старалась проникнуть в глубину моих мыслей.

— Почему ты думаешь, что это Торг? — спросила она.

— Твоя госпожа сказала мне это...

— Неужели она? Ты уверен? — она говорила резко и язвительно. Я стал припоминать слова, которые говорила Забина. Сказала ли она, что это сделал именно Торг? Я вспоминал слово за словом. Нет, она только задала пару вопросов и кое-что сказала о прошлом. Все остальное было моей интерпретацией.

Гатея, видимо прочла все мои мысли и поняла, к какому заключению я пришел. Она кивнула.

— Забина этого не говорила, — ровным голосом заявила она. — Ты вложил слова в ее рот.

— Но она сказала так, что мне ничего не оставалось, как прийти к такому заключению.

— Она не отвечает за мысли тех, кто хочет найти себе врага полегче.

— Я и не думал о Торге, — пока она не навела меня на такую мысль, — возразил я. — Когда я сказал, что буду выслеживать его, она не возразила ни единым словом.

— А зачем ей? Какое ей дело до ваших ссор?

Я сделал шаг вперед, взбешенный тем, что эти две женщины играют со мной. Они излечили мое тело. Но это было их ремесло. А какое им обоим дело до меня? Забина весьма коварно послала меня по следу, ведущему в никуда, а эта девушка ведет себя открыто враждебно. Но почему она не подтвердила намеки своей госпожи и не отправила очень надолго по фальшивому следу на дикий запад, откуда я мог вообще не вернуться?

— Где леди Инна? — я решил, что у меня нет больше времени ошибаться и гадать. Мне оставалось только искать Инну. Но оставлять же ее жертвой похитителя — будь то человек из наших долин или выходец из прежних времен.

— Я не знаю.

Я поверил ей. Только... она не может знать, где моя кузина, но может ли она знать, что произошло с ней. В этом я был убежден.

Я готов был вытрясти из нее правду — так силен был мой гнев. Но кот зарычал, обнажил клыки, и я сдержал себя и остался на месте.

— Ее позвали, — медленно сказала Гатея. — Я видела ее. Она приходила сюда не из пустого любопытства, как думал ты. Нет, в ней

всколыхнулись глубочайшие женские инстинкты. Она находится в таком возрасте, когда Великая Леди посылает женщинам зрелость. Даже такие, как эта Инна, которые всю жизнь жили по обычаям и законам людей, откликаются на женскую магию, если она достаточно сильна. Поэтому ее и тянуло туда, где лунное прикосновение было особенно мощным. Однако она не была защищена теми силами, которые известны нам, она была открыта полному потоку энергии.

— Я не понимаю тебя. Она пошла в Святилище. И что же там произошло? Не растворилась же она в воздухе, не провалилась сквозь землю? Ее мог унести только человек — Торг.

К моему удивлению Гатея рассмеялась.

— Запечатай свой мозг, отвернись от непонятного и загадочного, как это делаете всегда вы, люди. Инна исчезла, и ты должен искать ее. Если у тебя хватит мужества — ищи. В этой стране много тайн. Открой их и может ты обнаружишь нить, которая приведет тебя туда, куда надо. А может и не найдешь. Ответ на это может дать только попытка.

Она подтянула повыше свой дорожный мешок и повернулась. Кот, оставаясь между нами, пошел за ней. Гатея направилась на запад с уверенностью человека, твердо знающего, куда и зачем она идет.

Я смотрел ей вслед, уверенный, что больше того, что она сказала, я от нее не узнаю. Но я знал, что она уверена в непричастности Торга к похищению. Я повернулся и пошел к Святилищу, но смог пройти только до прорубленного прохода, а там я натолкнулся на невидимый барьер, который не пустил меня.

Я попробовал надавить на него изо всех сил, но тщетно. Святилище снова было защищено барьером, которого я не мог преодолеть. Я толкал его, бил, но все это ни к чему не привело.

Мой опыт не позволял мне понять это странное явление. Все наши кланы поклонялись Вечногорящему Пламени. Мы слушали песни Бардов о людях, которые выигрывали битвы или погибали на поле боя. Но мы никогда не встречались и никогда не слышали о невидимых силах, против которых не могли сражаться даже самые сильные воины.

Но сейчас я не был охвачен трепетом, я был просто зол на Забину и ее воспитанницу. Так как я был убежден, что они знали больше, чем говорили. Правда они мне ничего не говорили кроме глупых мистификаций и обмана.

Значит мне просто не подойти и не осмотреть место, где нет ничего, кроме голых камней? Ну хорошо, Инны здесь нет. Она не вернулась домой, следовательно она находится где-то в другом месте. Я обернулся, чтобы посмотреть, куда пошла Гатея со своим сопровождающим. Вполне могло быть, что эта надменная искательница неизвестного пошла туда же, куда и Инна, хотя цели их были мне непонятны. Я только думал о набитом мешке на спине Гатеи. Вполне возможно, она несет запасы пищи кому-то. Я не видел причин такого поведения моей кузины, и может она действует по наущению Забины.

Мудрые Женщины... я подумал, что же мне известно о них. Все они были целители, и, согласно слухам, обладали каким-то могуществом. Они давали клятву использовать свое могущество только для добра, так что ни один человек не мог поднять руку против них, и они могли жить и ходить там, где им хочется. И даже выбирать себе учениц. Но как только ученица была выбрана, она сразу же лишалась клана и имени, независимо от того, в каком клане она была рождена. Но я никогда не слышал, чтобы Мудрые Женщины имели двух учениц. Разве могла Забина взять к себе Инну, если у нее уже есть Гатея? А кроме того ученицы выбирались тогда, когда они уже созрели для брачного ложа.

Однако я был уверен, что Гатея знает больше, чем говорит, и если я хочу что-нибудь узнать об исчезновении дочери Гарна, я должен идти за ней. И я пошел за ней, остерегаясь кота, так как я предполагал, что она может заставить его прикрывать ее путь, чтобы я не мог раскрыть ее тайны.

Отчетливого следа не было. Но время от времени я наткнулся на ясные следы кошачьих лап, которые были оставлены на открытом месте, как бы для меня. Я шел по следам, и вскоре мне пришлось опуститься в узкое ущелье, гораздо более узкое, чем наша долина. И тут я наткнулся на след, который заставил меня сомневаться в своем решении. Та, за которой я шел, не могла оставить такого открытого следа. Я протянул руку и поднял кусочек тонкой ткани, которой Инна закрывала свое лицо от солнца.

Сначала следы кота, а теперь это! Они наверное считают меня идиотом! Но у меня нет других следов, и к тому же я почему-то был уверен, что Гатея и Забина не могли войти в союз с лордом Тугнесом, и поэтому я продолжал идти за ней.

Вскоре я обнаружил, что в узком спускающемся ущелье вырублены ступени наподобие лестницы. Старые, выщербленные, заросшие травой, но это были действительно ступени, сделанные рукой человека. Они были слишком правильны, чтобы быть игрой природы.

На некоторых из них была сдвинута почва и виднелись следы сапог и громадных кошачьих лап. Теперь мне стало ясно, почему Гатея так быстро скрылась из виду: она спустилась сюда.

Она двигалась очень быстро, так как я все еще не мог увидеть ее впереди. Я прибавил шагу, понимая, что если я хочу узнать что-либо об Инне, я должен идти с Гатеей.

Лестница вскоре кончилась, и я оказался в узком каменном проходе. На стенах, по обеим сторонам последней ступени были вырезаны два символа. Один из них был в виде пары острых рогов, а другой — какая-то загадочная картинка в виде изогнутых линий — очевидно слово, написанное на древнем, давно исчезнувшем языке.

Спускаясь со ступени я коснулся стены и нечаянно приложил пальцы к рогам. Пронзительный крик вырвался у меня, и я отскочил назад. Меня обожгло так, как будто я сунул руку в костер, пытаясь достать раскаленный уголь.

Я осмотрел пальцы, ожидая увидеть вздувающиеся волдыри — так сильна была боль от ожога. Затем я осторожно обошел эти рога, стараясь держаться как можно дальше от того, что казалось всего лишь серым камнем.

Теперь я мог видеть впереди Гатею, так как кусты не загоразивали

обзор.

— Гатея! — рискнул крикнуть я, хотя и не ожидал от этого ничего хорошего. Но она не оглянулась и не замедлила шаг, также как и ее кот, который шел не обращая на меня внимания.

Следовательно мне оставалось только идти за ней. И по мере того, как успокаивалась боль в обожженной руке, у меня росло желание добиться от нее прямого ответа.

Мы шли довольно долго, не смотря на это она не замедлила шаг. А я, как ни старался идти быстрее, не мог догнать ее. Это стало для меня еще одной загадкой и подогрело мой гнев. Между нами все время оставалось одно расстояние, хотя она не меняла шаг, а я уже чуть ли не бежал.

Впереди появился свет. Я решил, что это коней ущелья. Интересно, куда он привел нас — в долину Гарна, или в долину Тугнеса? И в том и в другом случае мои трудности увеличивались. Ведь тогда мне придется не только следить за Гатеей, но и остерегаться людей.

Гатея и кот исчезли — видимо вышли из ущелья. Теперь я пустился бежать по настоящему, ведь они могли скрыться из виду полностью, и я не смогу найти их.

Я вышел на открытое пространство и понял, что это не долина Гарна. Здесь была земля, лишенная всякой растительности: на каменистой почве тут и там виднелись скопления высоких камней. Эти камни, грубые и необработанные, образовывали круги. Внешний круг был выложен из самых высоких камней, внутри его находился второй круг из камней поменьше, и затем центральный круг из маленьких камней. Здесь не было колонн, как в Лунном Святилище, но можно было сказать без сомнения, что камни расположены разумными существами, правда неизвестно для чего. Это не было оборонительным сооружением, так как расстояние между соседними камнями было достаточно широко.

Я пошел вперед. И в этот момент на меня из-за камней прыгнула бело-серая тень. Она сбила меня с ног. Тяжелые передние лапы громадного кота уперлись в мою грудь, прижав меня к земле, длинные клыки тянулись к горлу. Я пытался протянуть руку к мечу или хотя бы к ножу, но зверь сделал меня совершенно беспомощным. Но все же он не делал попыток перегрызть мне горло.

Откуда-то пришел звук, какое-то слово, которого я не смог понять. Кот оскалил зубы, прорычал. Затем он поднялся, освободив меня, хотя и не отошел далеко, готовый в любое мгновение броситься на меня снова.

Теперь я уже мог достать меч и почти обнажил его, когда из-за тех же камней, откуда на меня прыгнул зверь, вышла Гатея.

— Разве я Торг, что ты следишь за мной? — презрительно сказала она. — Ты думаешь, что я прячу твою леди Инну, чтобы обесчестить ее?

— Да, — ответил я ровным тоном. И затем добавил: — Может, не для того, чтобы обесчестить, а для своих собственных целей.

Она рассмеялась беззаботно, так как чувствовала себя в полной безопасности под охраной своего кота. Она смотрела на меня, уперев руки в бедра, а мой гнев постепенно уступал место ледяному спокойствию и уверенности в том, что мне нужно было делать.

— Спрячь оружие, — приказала она. Улыбка таилась в уголках ее губ. Я заметил, что рот у нее был широкий, с тонкими губами. — Радуйся, что тебя вовремя остановили и не позволили войти туда! — И она движением подбородка показала на первый круг камней.

— Там таится опасность? — И тут я вспомнил, как каменная стена обожгла мне пальцы, и неуверенность охватила меня. Кто знает, что может ждать здесь человека?

— Ты бы быстро узнал это...

Я решил, что она хочет уходить от меня. Под бдительным взором немигающих глаз кота я поднялся на ноги, так как в таком положении чувствовал себя увереннее.

— Это, — сказала она жестко, — западня. Иди сюда и смотри сам.

Она взяла меня за рукав и подвела к тому месту, откуда можно было видеть центр колеса. Там лежал человек лицом вниз. Он лежал неподвижно, но когда я хотел подойти к нему, Гатея задержала меня, а кот, зарывав, преградил мне путь.

— Он мертв, — сказала она без выражения.

— Это Джемил из клана Тугнеса. Он преследовал меня, как когда-то Торг, потому, что он жаждал женщину и хотел сделать меня своей жертвой. Но он вошел в эти круги и никогда не выйдет оттуда. Я думаю, что он обезумел, так как начал с криками бегать внутри, пока не упал замертво.

— Чему из всего этого можно верить мне?

Ни один человек не посмеет поднять руку на Мудрых. Но ведь и сама Забина говорила о том, что наследник Тугнеса заглядывался на Гатею. Девушка видимо заметила мои сомнения и добавила:

— Ты плохо знаешь лорда Торга. Среди его клана есть клятвопреступники и кое-кто похуже. Они... — Она покачала головой. — Мне кажется, и Забина думает также, что Барды поступили недостаточно мудро, пропустив через Ворота слишком много из нашего прошлого. Поэтому, теперь наше зло здесь начинает расцветать. Однако Джемил встретился с силами, которые остановили его.

И снова все мои сомнения в искренности ее слов рассеялись у меня, я спросил чтобы услышать ее мнение об этом.

— Что убило его?

— Могущество, — угрюмо ответила она. — Здесь таится какое-то могущество, которого мы не можем понять. Но Гру может ходить здесь, — ее рука опустилась и потрепала кота за уши. — Я видела, что и другие живые существа пробегают здесь без всякого вреда для себя. Но я ни за что не войду туда. А ты не ощущаешь никакой угрозы, которая исходит оттуда?

Она пристально смотрела на меня, и мне вдруг захотелось укрыться от ее взгляда, и я двинулся к камням, высвободив свою руку. Вроде бы ничего не происходило, но чем ближе я подходил к кругу камней, тем сильнее начинала дрожать вся моя плоть. Невидимого барьера здесь не было. Однако во мне вдруг возникло ощущение опасности, и чтобы избежать ее, я должен был прыгнуть в самый центр круга, только там я видел спасение от неведомой угрозы которой я не мог назвать.

И это ощущение было таким сильным, что когда Гатея схватила меня и потащила назад, а кот преградил мне путь к камням, я готов был драться с ними, освободиться от них, найти спасение в круге...

— Там не спасение... там гибель! — прочла ли она мои мысли, или же такие ощущения испытывала она сама, но смогла справиться с ними?

Они оттащили меня подальше, туда, где не чувствовалось воздействие этого таинственного сооружения. Меня била дрожь.

— Инна! — я содрогнулся при мысли о том, что она могла попасть сюда, если была здесь. В центре лежал только один труп, но если приглядеться, то можно было видеть разбросанные тут и там светло-серые кости и черепа. Ловушка действовала безотказно

— Здесь ее не было. — Гатея отпустила меня. — Я же тебе сказала, ее утащила другая магия...

Я указал на ее мешок.

— Ты где-то спрятала ее, а теперь несешь ей пищу. Она спряталась от Торга, или же ты околдовала ее и хочешь, чтобы она стала такой как ты?

— Как я? Ты спросил так, как будто считаешь меня ниже ваших леди, с их куриными мозгами и мягкими телами, с их желанием попасть поскорее на рынок невест и быть проданными подороже. — Она отошла подальше. — Нет, возможно в твоей маленькой мягкой леди была искра таланта, так глубоко закопанная годами жизни среди вас, что она никогда не подозревала, что спит в ней, пока она не нашла место, которое разбудило, вызвало к жизни спрятанное в ней. Я не прячу Инну и не ношу ей пищу. Она исчезла, хотя я не знаю куда. Но пытаюсь найти. Так как она

не знает сама, что делать с тем, что проснулось в ней. — В ее голосе теперь звучало открытое презрение. — Меня не было в тот момент, когда вернулась жизнь Святилища. Исчезла она... Хотя ею должна была быть я! — Теперь уже звучал гнев. — Она отобрала у меня то, что принадлежит мне по праву. И я даже не могу предположить, что она будет делать с этим, будучи тем, что она есть. Я иду не для того, чтобы освободить твою маленькую глупую леди, воин, но чтобы предотвратить те глупости, которые она может совершить со своим любопытством!

— Где?

— Где? — повторила она, подняв упрямый подбородок. — Там... — И она показала на запад. — Я иду по следу, которого тебе не понять. Мой проводник здесь. — Она коснулась лба между глазами. — И здесь. — На этот раз она ткнула пальцем себе в грудь. — Может оказаться, что я не обладаю могуществом, которое необходимо, но я могу же попытаться... каждый может сделать попытку.

— Ты уверена, — медленно ответил я, — что Инна попала в колдовские сети и похищена. Ты уверена, что можешь найти ее. После этого... — я показал на каменную западню, — как я могу сказать, что истинно, а что ложно в этой стране? Но если есть шанс найти мою госпожу, и ты можешь служить проводником, то я тоже пойду с тобой.

Она хмуро взглянула на меня.

— Это женское могущество, — медленно сказала она. — Я сомневаюсь, что ты можешь идти туда, куда пойду я.

Я покачал головой.

— Я не знаю ни одного могущества. Но я знаю, что на мне лежит долг чести, и я пойду везде, где есть шанс спасти Инну. Я думаю, что Мудрая Женщина знает это. Может она хотела сбить меня с верного пути намеками на Торга, но она дала мне это, — я показал мешок с продуктами, — И она не отговаривала меня от моих намерений.

Гатя улыбнулась уголками губ. Эта улыбка не нравилась мне все больше и больше.

— Забина хорошо знает одно, что бесполезно спорить с теми, разум которых ограничен, закрыт голосу другого разума. Она поняла, что твой разум закрыт наглухо.

— Возможно, как твой?

Она еще больше нахмурилась.

— Ты слишком много говоришь, — она отвернулась. — Если ты способен подвергнуть себя таким опасностям, каких не можешь даже представить, идем, безродный. Скоро ночь, а в этой стране лучше ночевать

в убежище.

И она пошла, даже не оглянувшись на меня, осторожно обходя каменную западню. Идти было трудно. Все было завалено каменными блоками, плитами, колоннами. Мы карабкались по ним, причем я старался держаться как можно ближе к Гатее. Я боялся попасть в какую-нибудь ловушку.

Кот, к большому моему облегчению, шел впереди. Я не доверял ему, хоть он преданно служил моей спутнице.

Кот ушел далеко вперед и затем дожидался нас под нависающим каменным выступом. Дальше расстилалась дикая каменистая страна. Лишь кое-где виднелись зеленые островки растительности. А в основном там вздымались хаотические скопления сломанного камня.

Топлива для костра здесь не было. Но мне не хотелось зажигать здесь огонь. Ведь он мог привлечь... Кого? Людей Гарна, или жуткие создания, гораздо более страшные, чем разгневанный лорд?

Солнце, казалось, задержалось на небе, давая возможность нам изучить все подходы к нашему убежищу, которое отыскал нам кот. Сам он исчез в дикой долине, намереваясь, как я полагаю, немного поохотиться. Гатей и я поели из наших запасов и сделали по глотку воды. Я не видел впереди никаких признаков воды, разве что у островков растительности можно было ожидать источник или лужу с дождевой водой.

Мы не разговаривали, хотя у меня на языке вертелось много вопросов. Однако она отвернулась от меня, ясно показав, что мысли ее находятся не здесь, так, что я не стал разбивать тишину, которая лежала между нами.

Я начал изучать страну, лежавшую впереди, отыскивая легчайший путь среди этого дикого нагромождения камней. Долина была пустынна, но в ней таилась угроза, казалось, что она полна опасности. Вероятно ловушка была предназначена для защиты от тех, кто мог прийти со стороны побережья, и она наверняка всего лишь первый сюрприз на пути путешественника.

— Это не земля Гарна, — наконец сказал я, в основном для того, чтобы услышать свой голос, так как тишина воздвигала все более высокий барьер между нами. Если мы собираемся идти дальше вместе, то нам нужно общаться друг с другом, чтобы мы могли противостоять опасностям, которые, как я уверен, лежат перед нами.

— Но и не Тугнеса. — Гатей удивила меня своим ответом. — Этой страной правят другие. Нет, нет, не спрашивай меня, кто... я не могу сказать. Но мы здесь пришельцы и должны быть крайне осторожны.

Согласилась ли она этими словами на наше партнерство? Во всяком

случае в ее голосе не было презрения, и она не хмурилась недовольно. Солнечные лучи становились все слабее. От камней к нашим ногам потянулись тени, как будто кто-то протянул к нам свои руки.

— Это проклятая страна и мы идиоты, что решили завладеть ею, — вырвалось у меня.

— Проклятая, благословенная и все, что лежит между этими словами. И все же мы должны были прийти сюда, иначе Ворота не открылись бы нам. Следовательно во всем этом есть какой-то смысл, и мы должны раскрыть, в чем он, зачем он здесь.

— Ворота, — медленно сказал я. — Я знаю, что пение Бардов открыло их, но при этом из нашей памяти была устранена информация о том, почему мы должны были уйти. Зачем это было сделано? — и тут мои мысли потекли в другом направлении. — Может потому, что здесь нам придется встретиться с новыми врагами, и воспоминания о прошлом будут только мешать нам? И все же я думаю, почему мы пришли...

Она отложила свой кусок хлеба, завязала мешок.

— Спроси об этом у Бардов, но не жди ответа. Эта страна может быть более благословенна, чем проклята...

Она замолчала, потому, что в вечернем воздухе послышался звук. Я затаил дыхание. Говорят, что Барды своим пением могут выманить душу из человека, оставив ему лишь пустую оболочку. Я всегда считал это выдумками людей, которые любят враньем украсить рассказ. Но этот звук, который слышали мы в этом каменном мире, был пением, какого я не слышал никогда в жизни — даже когда пел Бард Оуз на празднике середины лета.

Это был даже не голос человека, а скорее голос сразу нескольких женщин. Он достигал такой высоты звука, какую можно было услышать только у птиц. И он слышался откуда-то сзади!

Я мгновенно вскочил на ноги, выскочил из-под укрытия и стал всматриваться назад, откуда пришли мы, так ошарашил меня этот голос. Гатя встала рядом со мной так близко, что мы соприкоснулись плечами. Это был хвалебный гимн — нет, это была призывная песня возлюбленных. В ней звучала радость победы, приглашение в домашний уют тех, кто храбро дрался, не щадя себя, в ней звучало...

Теперь я их увидел. Женщины, да, хотя лица их были закрыты длинными волосами, которые волновались по ветру, хотя я не чувствовал никакого ветра. А их тела, стройные женственные тела, тоже были закрыты только длинными волосами, или же на них были одеты одежды, такие же тонкие и невесомые, как эти локоны, плавающие в воздухе? Серебряными

были их волосы, серебряными были их тела. Они были далеко от меня, и тем не менее, по мере того, как каждая из них делала шаг, напевая этот гимн, мне казалось, что я вижу их яркие глаза, огненно яркие, так как они были цвета пламени, который я видел, несмотря на то, что их лица были закрыты вуалью их волос.

Они шли рука об руку, и вот они разошлись и образовали круг... за ним другой... третий... Три круга! Я вскрикнул.

Там, где раньше стояли каменные колонны, образовавшие три круга, теперь шли эти поющие женщины. Может это я вижу колонны, и только предательское вечернее освещение обманывает мое зрение? Серебряные тела, волнистые волосы, которые светились сами по себе мягким таинственным сиянием...

И они продолжали свое обворожительное чарующее пение. Мир и счастье, любовь, счастливый дом, вечная жизнь. Нужно только идти к ним и все это будет, все исполнится. Все слаще, все призывнее, соблазнительнее становилась песня. Я пошел, но мое сознание не участвовало в этом. Но я должен идти...

И снова я был безжалостно и грубо брошен на камни. Сильный удар заставил меня перевернуться через голову. Затем рядом со мной упало второе тело, и мы некоторое время боролись между собой, пытаясь высвободить руки и ноги, до тех пор, пока большое, тяжелое, мохнатое тело не легло на нас, придавив к земле.

Я чувствовал сильный кошачий запах, слышал глухое ворчание, такое низкое, что казалось скорее дрожанием его тела, чем настоящим звуком. Пение все продолжалось и все манило нас, но сбросить Гру было невозможно.

Затем сквозь разрывающее сердце пение прорвался голос Гатеи. Лицо ее было совсем рядом, я даже почувствовал ее дыхание на своей щеке.

— Пальцы... и... уши... заткни...

Я почувствовал, что она заворочалась и решил, что она старается, заткнув уши, отгородиться от сладкого пения.

Я тоже освободил руки, хотя не старался освободиться от пения, заткнув уши. Гру, однако, не шевелился, Гатея тоже не делала попыток освободиться из-под тела кота, прижимающего нас обоих к земле. Я чувствовал запах трав, чистый и свежий, который исходил от ее волос, прядь которых была у самого моего носа.

Понимая, что это вторая часть ловушки, и может быть гораздо более опасная, чем первая, я тоже заткнул себе уши и постарался сосредоточиться на другом, например, когда же мы уберемся подальше от этого опасного

места и сколько таких мест нам встретится в этой незнакомой стране.

Я все еще слышал слабые звуки пения и оно тянуло меня, заставляло делать попытки к освобождению, чтобы бежать к женщинам. Но постепенно оно затихало, таяло вдали. Может мы просто потеряли сознание, во всяком случае я смутно помню все, что происходило, пока белый лунный свет не лег на нас.

Гру наконец поднялся. Я чувствовал себя избитым, так как слишком долго был прижат к камням, и медленно поднялся на колени. Гатя встала раньше меня. Она смотрела на луну и руки ее двигались в каких-то ритуальных жестах.

Луна была очень яркой и лучи ее делали камни серебряными, или угольно черными, если на них падала тень. Я убрал руки от ушей. Ночь была настолько спокойной и тихой, что я мог слышать слова, которые еле слышно произносила Гатя на незнакомом мне языке. Я отошел от нее и снова оглянулся на каменные круги. Они были очень далеко, а между тем женщины были гораздо ближе. Камни теперь снова стали просто камнями, выстроенными определенным образом с неизвестной мне целью. Вечерние певцы исчезли. Только луна висела над нами, да Гру прижимался к Гатее с мурлыканьем более громким, чем ее шепот.

— Опять твои ловушки? — спросил я, стараясь казаться невозмутимым.

— Не моя ловушка. — Тон ее был легкий. Мне показалось, что я увидел тень возбуждения на ее освещенном лунной лице. Сирены... да... они заманивали. — Она раскинула руки. — Сколько здесь чудес? Кто сотворил эти заклинания, это колдовство? Сколько же они должны знать? Насколько больше нас, которые считают свои жалкие знания великими? — Она задавала эти вопросы не мне, а самой ночи. Она вела себя так, как будто подошла к заставленному яствами столу и теперь не может выбрать, с чего ей начать, какое блюдо самое вкусное.

Может потому, что она уже имела кое-какие знания, выходящие за пределы наших обычаев и законов, для нее эта страна была действительно страной загадочных чудес. Но для меня все было наоборот. Однако помимо беспокойства, настороженности, опасений, во мне зрели семена любопытства.

Ночь больше не принесла нам звуков и Гатея послала Гру сторожить нас, заверив меня, что он определит любую опасность гораздо лучше и надежнее, чем самый бдительный человек. Я был вынужден согласиться, что именно он спас меня в первый раз, а возможно и во второй раз вместе с ней. Итак я уснул, и если что мне и снилось, то после пробуждения ничего не осталось в моей памяти. Солнце уже раскинуло свои лучи по небу.

Гатея сидела, скрестив ноги, спиной к солнцу и долинам, где поселялись наши люди. Голова ее была поднята вверх, как будто она изучала страну, лежащую впереди, и по ее напряженным плечам я прочел в ней настороженность охотника, нашедшего свежий след.

Под солнцем земля казалась еще более пустынной, чем ночью, когда луна заливала ее серебряным светом. Впереди, насколько хватало глаза, расстилалась каменная пустыня. Однако я был рад, что впереди нет настоящих камней, кроме тех, что поставила сама природа и она же отполировала их, долгие годы обдувая песчаными ветрами.

Эта проклятая страна была настолько пустынна, что я даже стал сомневаться, правильно ли мы идем. Хотя вполне возможно, что я прав, и Гатея знает, где укрылась Инна, потому, что она сама помогла ей. Однако я оставил все свои сомнения при себе и отдался на волю Гатеи. Я сознавал, что у Гатеи были свои причины идти в эту страну, и причины гораздо более

сильные, чем спасение Инны, или помощь мне в этом.

Я подумал, исследовали ли эту землю Братья с Мечами. Если исследовали, то как им удалось не попасть в каменную ловушку?

— Как мы пойдем? — спросил я самым безразличным тоном.

Гру снова исчез. Хотя я и не очень доверял ему, но вынужден был признать, что его помощь нам может понадобиться в будущем.

— На запад. — ответила она. Она даже не повернула головы и сказала таким голосом, что я понял, что мысли ее находятся где-то далеко.

Мы поднялись и в тишине пошли вперед, по пустынной каменистой стране. Вскоре мы добрались до одного из зеленых оазисов. Здесь мы обнаружили источник, который пробивался из-под камней, протекал на небольшое расстояние и вновь скрывался под землей.

Здесь росли два вполне приличных дерева и множество кустов, где пели птицы, и бегали какие-то мохнатые зверьки. Они двигались с такой скоростью, что глаз не мог заметить их передвижения. Кусты были усыпаны крупными вишнями, я таких крупных ни разу не видел. Огромные темно-красные ягоды, некоторые даже полопавшиеся от зрелости. Много ягод валялось на земле и уже начало гнить.

Гатя сорвала одну ягоду, разломала ее и осторожно лизнула языком. Затем она сунула ее в рот и жадно съела. Я, вполне доверяясь ей, последовал ее примеру. После путешествия по залитой солнцем каменной пустыне было огромным блаженством есть эти сочные, прохладные ягоды, которые одновременно удовлетворяли жажду и голод. Мы ели до тех пор, пока не насытились. Затем мы собрали с собой в дорогу ягод и положили их в кульки из каких-то больших листьев. Я взял обе наши бутылки, вылил то немного, что оставалось там и наполнил их доверху водой из источника.

За это утро мы не нашли никаких следов жизни древнего народа. Чем дальше мы удалялись от зловещих кругов, тем пустыннее казалась страна, и мужество постепенно возвращалось ко мне. Когда мы покончили с нашими запасами воды, я снова отыскал в очередном оазисе родник, и, наполнив бутылки, стал всматриваться вдаль, защитив глаза рукой от солнца, отыскивая наиболее легкий путь вперед.

Отдаленная линия горизонта стала выше и резко выделялась на фоне безоблачного неба. Я решил, что впереди холмы, а может даже горы. Мое внутреннее беспокойство росло. Я был уверен, что Инна, без запасов пищи и без помощи не могла бы проделать этот путь. Может меня обманули, когда поколебали мою уверенность в виновности Торга и подсунули сомнительную идею о потусторонних силах?

Такой путь мог проделать только человек, закаленный в трудных походах. А Инна была всю свою жизнь защищена от всяких трудностей. Даже и наш поход сюда она проделала в фургоне, где для нее были созданы все удобства. Гарн не был мягким и ласковым человеком, но свою дочь он ценил — ведь она должна была обеспечить его маленькому клану союз с могущественным соседом. И в том, что касается ее благополучия, он не хотел рисковать.

Придя к решению, что Инна не могла проделать такой путь одна, я решил снова выяснить отношения с Гатеей и спустился с вершины каменного холма к ручью, где мыла руки Гатая.

Она не взглянула на меня, но заговорила, чем немало удивила меня.

— Ты снова вернулся к мыслям о Торге. Ты уверен, что я не знаю, что же случилось с вашей маленькой домашней леди. Ты не прав! — Теперь она подняла голову и взглянула на меня свирепыми сверкающими глазами. Наверное такими глазами ястреб осматривает с высоты свою территорию и выбирает жертву, на которую он обрушит с высоты свой смертельный удар. — Я знаю! В Святилище есть могущество, которое должно было проявиться в определенное время. Я ждала его! Я должна была пойти по пути, который откроется! Твоя леди собрала плоды, которые были предназначены мне! Она глупа и сама не понимает, куда ее приведет этот путь. Но ничего хорошего ее не ждет — нет, не ждет!

— Я уверен, что она одна не добралась бы сюда. — Я с трудом пробился через ее гневную речь. — Она не из тех, кто может переносить трудности. Следовательно... я должно быть не заметил следов, или...

— Или я тебя сбила с толку и не позволила их заметить? Она взяла то, что принадлежит мне! Я должна вернуть себе это! Я же тебе сказала, что она не ведает, что творит, и мы можем до конца пути и не увидеть ни единого следа на этой земле!

Гатая встала, стряхнула воду с рук и затем приложила мокрые руки к лицу.

— Но здесь нет и следов лошадей, — тупо продолжал я гнуть свою линию.

— Могут быть такие лошади, которые и не снились тебе, — рывкнула она.

— Или другие способы передвижения. Я думаю, что теперь дверь, которую она нашла открытой, ведет туда, что находится впереди.

Так как у меня не нашлось ответа, то я принял ее слова и мы пошли дальше. Гру не было видно нигде. Если он все еще сопровождал нас, то вероятно бегал где-то далеко впереди. Однако мы не успели далеко отойти

от зеленого оазиса, как вдруг набрали на путь, который был для нас большим облегчением в этой раскаленной пустынной долине, где солнечные лучи обрушивались на нас сверху или, отражаясь от светлых камней, разили снизу.

Это было узкое ущелье. Воды там не было, но когда мы спустились вниз, то оказалось, что стены ущелья дают хорошую тень, и воздух там был приятно–прохлаждающим. Дно ущелья было чистым и свободным от камней, и оно было направлено прямо на запад. Я внимательно осмотрел его, но ни нашел никаких признаков того, что ущелье — результат разумной деятельности.

Гатя без колебаний пошла вперед, как будто знала, куда идти, и знала, что нужно торопиться. Я шел позади ее и внимательно следил за стенами ущелья у нас над головами, прислушивался ко всем звукам, которые не были звуками наших шагов.

Может быть из–за этой чрезвычайной бдительности я вдруг увидел то, чего никогда бы не заметил, если бы шел просто так. Это не было какое–то видение или звук. Это было нечто внутри меня, какая–то нить мыслей, которых я не мог осознать. Было чрезвычайно сложно описать то, что я видел своим внутренним зрением, и, что не существовало в реальности.

Если бы мы шли по солнцу, то я приписал бы это жаре. Ведь видят же путешественники, идущие в пустыне, миражи, причем в погоне за ними путешественники сходят с пути и погибают. Но здесь было не так жарко. И чем дальше мы шли, тем выше становились утесы, тем прохладнее становилось внизу.

И все же... разве могут в мозгу человека формироваться видения сами по себе? Видения, которые не рождены памятью о виденном, или памятью о подробных рассказах. Я этого не знал. Я знал только, что в моем мозгу рождались картины, которые пришли не из моей памяти, не из снов.

Дважды я закрывал глаза и шел так некоторое время. И тогда я знал, что иду не по голому камню в пустынной стране. Нет, я иду по хорошо известному мне пути, иду с определенной целью, передо мной поставлена задача, которую я должен выполнить, чтобы победить зло. И не каменные утесы возвышались вокруг меня. Уголками глаз я видел, или это только казалось мне, что вокруг стоят сверкающие здания, между которыми ходят люди — правда я видел только их мелькающие тени. А когда я открывал глаза, я вновь оказывался в ущелье... и... все же... видение оставалось во мне.

Ощущала ли и Гатя такое же странное смещение миров, я не знал. И спрашивать я не хотел. В моем втором мире были и звуки. Не сладостные

песни зла, как той ночью, скорее это был шепот, не отдаленные крики, побуждение к действию, а шепот, убеждающий меня совершить то, что суждено мне.

Мне кажется, что я долго находился между двумя мирами, и внезапно я снова оказался в ущелье. Другого мира уже не было. Солнце стояло на западе, а ущелье расширилось и перешло в широкую зеленую долину, где, казалось, колдовству не было места.

Вдали виднелись животные. Один олень поднял голову, увенчанную рогами, сверкающими так, как будто они были покрыты серебром. Олень был больше тех, что мы видели в долинах у побережья, и шерсть их была светлее

— серебряно-серая, с темными полосками у передних ног.

Он издал предупреждающий крик и сильным прыжком исчез в высокой траве. Но тут же из травы вылетело покрытое серебристой шерстью тело. Это мог быть только Гру. Он обрушился на небольшого оленя и убил его одним ударом страшной лапы.

Когда мы подошли к коту, он жадно слизывал кровь и зарычал при виде нас.

В олене было много мяса, и мне тут же захотелось отрезать от него кусок, развести костер и поджарить его. Это окрасило бы нашу скудную пищу во время путешествия. Однако мне совсем не хотелось вступать в конфликт с Гру относительно его добычи.

Пока я колебался, Гатя прошла вперед, и кот позволил ей подойти. Она наклонилась, положила руку на голову мертвого оленя между его золотистых рогов. Затем она громко сказала:

— Слава Великому Богу лугов. Благодарим его за четвероногих, которых мы можем есть. Нельзя отказываться от того, что дано нам.

Гру поднял голову и прорычал, как бы присоединяясь к ее хвалу. Она повернулась и махнула мне рукой. Я подошел и отрезал столько, сколько мы смогли съесть за вечер, оставив остальное Гру. Я обрезал сучья под ближайшими деревьями и сделал костер, не стараясь спрятать его, так как у меня была уверенность, что ночь не принесет нам опасностей.

Гатя достала из моего мешка небольшой сверток и, развернув его, осторожно высыпала на ладонь какие-то зернышки. Она держала их очень аккуратно, боясь выронить, а затем резким движением кинула в костер. Пламя вспыхнуло ярко-голубым цветом и окуталось дымом. В воздухе запахло травой, но я не был искушен в этом и не смог бы назвать, что это за запах.

Бросив пустой сверток на колени, Гатя наклонилась вперед и стала

движениями рук раздувать дым, и он, повинуясь ее жестам, поплыл сначала на юг, затем на север, восток и наконец на запад. Затем она подняла сук, очищенный от листьев, который она нашла, когда я собирал сучья для костра, и стала водить им над дымом.

Затем она поднялась на ноги, пошла вокруг костра и начала делать на земле какие-то заметки. Она начертила круг и затем возле него зигзаги. Получилось нечто вроде звезды. На каждый луч звезды она капнула кровью убитого оленя и посыпала какой-то трухи, похожей на сушеные и измельченные листья. После этого она вернулась к костру и села, подняв свой сук как знамя — только на нем не трепыхалась ткань.

Я не задавал вопросов, так как за время нашего пути я привык к такому положению. Она вела себя так, что я по ее мнению был туп и необразован, и по сравнению с ней ничто. Итак я молча принял все ее ритуальные действия, с помощью которых она обезопасила нас, хотя я был уверен, что в этой зеленой спокойной стране нам ничто угрожать не может. Впрочем это всего лишь доказывает, что я был слеп и не замечал ловушек, которые окружали нас.

Надвигалась ночь. Я наблюдал за спускающимся к горизонту солнцем и смотрел на линию гор на горизонте, которые еще больше выделялись своими зазубренными вершинами на фоне закатного неба.

Гатея молчала, я тоже. Хотя меня немало удивил Гру, с ревом выскочивший откуда-то и тоже севший у костра, как бы ища убежища возле него.

Я нарезал мясо на куски и, насадив их на сук, закрепил над огнем, чтобы оно поджаривалось. Капли с шипением падали в костер. В воздухе распространился аппетитный запах, и у меня рот наполнился слюной. Я нетерпеливо поворачивал куски, чтобы они быстрее прожарились. Все это вернуло меня в те счастливые дни, когда мы были еще в том мире. Правда помнил я все очень смутно, как сквозь влажный туман.

Наконец я протянул своей спутнице готовый кусок, а сам взял другой и начал вертеть его, чтобы чуть-чуть остудить. Гатея взяла мясо с таким видом, как будто оно ее вовсе не интересовало.

Сначала мне показалось, что она изучает стену гор, но затем я понял, что ее внимание направлено на что-то более близкое. Насколько я мог судить, в долине все было спокойно, лишь кое-где проскакивали олени. Даже птиц не было видно в вечернем небе.

Но я снова удержался от расспросов и стал кусать мясо с жадностью, которую знает каждый, кто много времени питался лишь черствым хлебом. Гру лежал у костра. Глаза его были полузакрыты, и он изредка

облизывался, если что-то и двигалось в долине, то Гру до этого не было никакого дела.

Когда солнце скрылось за горизонтом, сразу же стало темно. Небо тут же заволочили черные тучи. Я решил, что надвигается буря и подумал, что неплохо было бы где-нибудь укрыться. Хотя бы под теми деревьями, где я собирал сучья для костра. Я уже приготовился сказать это, как вдруг увидел, что Гатея вся напряглась. Голова Гру тоже поднялась. Он смотрел широко раскрытыми глазами на запад, в ночь.

В ночи не было слышно пения, не было видно колеблющихся серебряных теней. То, что приближалось к нам, не демонстрировало себя — оно двигалось на мягких лапах — если это были лапы — двигалось через равнину.

Шерсть Гру поднялась дыбом. Он уже не лежал, развалившись. Он подобрал под себя лапы, как бы готовясь к прыжку. Клыки его обнажились, но он не рычал, он молча ждал.

Я не знал, что видели мои спутники, но мне казалось, что мрак расщепился на отдельные части. Некоторые из них поднимались в воздух, затем снова опускались на землю, как бы неспособные покинуть ее, хотя этого им очень хотелось. Это были всего лишь темные пятна в ночи, которая спускалась на долину. Однако было совершенно ясно, что они приближаются к нашему костру, бесшумно и угрожающе. Я еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным и беззащитным.

Правда я обнажил свой меч, хотя было непонятно, как я смогу использовать его против этих бестелесных созданий ночи, которые появились как-бы из под земли. Однако мое движение не прошло незамеченным, и я услышал спокойные слова Гатеи:

— Холодная сталь иногда может защитить, хотя иногда не нужны ни острый конец меча, ни его заточенное лезвие. Я не знаю, кто это, хотя уверена, что они — не создания Света... — и по тому, как она сказала «Света», я понял, что она говорит о чем-то таком, что нельзя определить обычными органами чувств.

Гатея протянула руку и обхватила пальцами свой сук-посох, который она положила на землю, но не поднимала его, а ждала. Ждал и я, сжимая рукоять меча. Тьма мне казалась непроницаемой. Мой глаз не мог ничего различить. Но я почему-то чувствовал, что вокруг звезды, которую начертила Гатея, что-то ходит, нажимая то тут, то там.

Тот, что пришел сюда, ощущал страшный голод и уверенность, что сейчас утолит его, так как добыча здесь, и ей не уйти. Затем уверенность уступила место нетерпению, удивлению и, наконец, гневу, когда тот понял,

что нечто осмеливается сопротивляться ему. Я знал, что это тут, рядом, я вертел головой, чтобы быть готовым вступить в бой с... не знаю чем... когда оно ворвется в наш лагерь. Я понятия не имел, что это может быть и насколько оно опасно.

И вдруг на одно мгновение я увидел, как в освещенное костром пространство просунулась рука — а может это была лапа? — скрюченная, туго обтянутая желтоватой кожей кость. Я не успел ее разглядеть, как она тут же исчезла. И страх охватил меня, так как в отличие от сладостных певиц, которые заманивали нас прошлой ночью, зло на этот раз было в своем собственном жутком обличье.

Гатея подняла одним легким движением свой посох с земли. Она опустила его конец прямо в тот угол звезды, куда перед этим капала кровь и сыпала сушеную траву. И одновременно она говорила, говорила что-то повелительное на незнакомом мне языке.

Там, куда она показывала посохом, зашевелилась земля, казалось, что она стремительно кружится и поднимается столбом вверх. Гатея пела все громче и все быстрее, и столб пыли застыл в воздухе.

Еще мгновение, и вместо него стояло какое-то подобие человеческой фигуры. Во всяком случае у него было две руки, две ноги, тело и круглый шар на месте головы. Примерно таких же человечков дети лепят из глины. Когда он встал прямо, Гатея ударила суком по земле и что-то громко выкрикнула.

И это чудовище пошло вперед на своих уродливых бесформенных ногах. Однако он держался прямо и шел быстрее, чем я ожидал от такого уroda.

— Быстро! — Гатея впервые взглянула на меня. — Твой нож... холодная сталь... закрой входное отверстие. — И она показала посохом, куда я должен идти.

Я вынул нож из ножен. Все еще держа другую руку на рукояти меча, я бросил нож, как в детской игре. Тот воткнулся, как надо, рукояткой вверх, именно туда, откуда появилась эта жуткая фигура.

Гатея, казалось, прислушивалась. Прислушался и я, даже затаил дыхание, чтобы оно не мешало слушать. Все было тихо, ничто не тревожило ночную тьму. Но я ощущал, что то, что пыталось проникнуть в круг, исчезло

— хотя может на время.

Девушка не расслабилась. Я, по ее примеру, тоже. Кот наконец вздохнул и моргнул. Но если кот был удовлетворен, то девушка — нет.

— Еще не все... — заговорила она, как бы не давая себе успокоиться,

обмануть себя. Она не хотела верить, что ее колдовство было успешным.

— Что ты сделала? — спросил я, не в силах больше сдерживать свое любопытство. — Ты его направила тем, кто поджидает нас там?

Она кивнула.

— Он пока отвлечет их, но это не может быть долго. Слушай!

Возможно это было именно то, чего она ждала. Что-то гулко разнеслось в ночи, как будто мы были в пещере, а не под открытым небом. Это был даже не крик, а завывание, наполненное такой жуткой злобой и угрозой, что я не выдержал и вскочил на ноги, выхватив меч, готовый сражаться с врагом, которого я не видел, но в крике которого было столько злобы.

— Бога ради, — сказала девушка, — не выходи за пределы круга. Он вернется, и будучи одураченным, будет в два раза страшнее.

— Что это? — спросил я.

— Это не то, что можно убить этим, — она кивнула на меч. Холодная сталь, конечно полезна, но не как оружие, а как барьер. А что касается этого... — и она содрогнулась, — я не могу назвать его никак. Я даже не знаю, что может прийти. Мои предосторожности были вызваны не ожиданием его прихода, а просто тем, что это странная страна, а мы пролили кровь. Кровь это жизнь, и по ней Темные силы узнают, где они могут найти жизнь.

— Ты с помощью крови сделала защитный круг.

— Я же сказала, что кровь — это жизнь, и с ее помощью можно сотворить контрзаклинание. Теперь...

Ее посох поднялся, как меч. Те, что были, вернулись снова. Они снова давили на круг, стремясь прорвать его. Мы не могли видеть их, только чувствовали. Дважды руки-лапы просовывались в круг в том месте, где был воткнут мой кинжал, но что-то отбрасывало их назад. Я ощущал вокруг себя жар гнева. Он как огонь обжигал мой мозг. Что-то темное, жуткое и страшное старалось пробиться к нам, оно давало нам понять, какие муки ждут нас, когда оно доберется до нас.

Гру поднялся, запрокинул голову и страшно зарычал, зарычал так, что у меня зазвенело в голове. Я сначала подумал, что слышу эхо его крика, но затем услышал этот рев, пришедший издалека. Я уже слышал раньше такой рев, но никогда так ясно и отчетливо. Это был рев рога лорда. Предупреждавший рев на границе с его соседом — врагом.

Лорд этой страны услышал рев Гру и из черноты ночи пришел ответ — лорд ответил на этот вызов.

В третий раз прозвучал рог. Я был уверен, что кроме него слышу и другие звуки — что-то вроде рычания, несомненно производимого каким-то зверем. Гру ответил со всей свирепостью. Он рвал когтями лап землю — он желал вырваться на свободу и броситься на врага во мраке. Гатя шагнула к нему и положила успокаивающую руку ему на голову. Гру взглянул на нее, показав язык и обнажив зубы в улыбке.

Хотя рог больше не звучал, я увидел во мраке вспышку света и услышал грохот, как будто кто-то потрясал молнией, как оружием. Мрак был таким густым, что молния вспыхнула и исчезла, а я не успел рассмотреть ничего вокруг. Молния ударила снова и затем еще раз. Это было похоже на приближающуюся стаю хищников.

Я не мог видеть, но мог ощущать. То, что осаждало нас за пределами круга, тоже съеживалось от страха при приближении того, что сверкало молниями и гремело громом. Затем Гатя взяла свой посох. Она осмотрелась вокруг, подняла его и начала писать в воздухе символы.

Они появились и заколыхались в воздухе, опускаясь и поднимаясь — зеленые... и в то же время голубые — как волны, бьющиеся о каменистые берега. Затем они разлетелись, как птицы, выпущенные на волю, но не погасли, а собрались у границ нашего круга и повисли в воздухе.

Я не услышал злобного рева, но почувствовал, как жгучий гнев ударил меня. И затем он исчез, как будто дверь открылась и закрылась. То, что стремилось добраться до нас и уничтожить, теперь исчезло из этого мира.

Мы слышали шум в ночи, как будто те, что приближались, разделились. Одна часть направилась на север, а другая на юг. Затем и этот шум затих и наступила тишина. Я ощущал пустоту, через которую слышался только шум ветра, и ничего больше. Гру развалился на земле, опустив голову на лапу. Гатя с посохом в руке свернулась клубочком возле него, оставив мне место на другой стороне костра.

Девушка положила голову на плечо кота, как на подушку и закрыла глаза, как будто ей — нам — нечего бояться. Но я все еще сидел, переживая то, что случилось этой ночью. Мне казалось, что с тех пор, как я покинул долину Гарна, нет еще раньше, с тех пор, как впервые заглянул в Лунное Святилище, моя жизнь изменилась, я стал совсем другим. Я уже был не тот Эльрон, который проехал через Ворота, подданный лорда Гарна и не знающий ничего кроме своих обязанностей по обеспечению безопасности.

На меня должно быть очень сильно подействовал удар Гарна. Он не только нанес мне телесную рану, но и поколебал верность клану. Однако теперь это уже не имело никакого значения. Я не только пришел в страну, где никто из моего народа никогда не был, но в страну, где я мог себе сказать: смотри, ты, лишенный рода, и тем не менее ты человек, ты идешь навстречу опасностям и смело смотришь в неизведанное.

Но все же не мое искусство спасало нас. Это я должен был признать. Талант Гатеи снова и снова вставал между нами и катастрофой. Такое признание мне было не очень приятно — и не легко сделать.

Возможно это было обусловлено тем, что до этого я имел дело только с нашими женщинами, которые только занимались хозяйством, а Гатея, я инстинктивно чувствовал это, презирала их занятия. Она была совсем не похожа на наших женщин. Я понял это с момента нашей первой встречи на море. Она никому бы не позволила сказать: это не твоя битва, отойди и дай мне защитить тебя, как это положено по древнему обычаю. Но я тем не менее ощущал стыд, что она руководит нашим путешествием.

Желание Гатеи идти на запад, ее намеки на то, что Инна каким-то образом забрала то, что принадлежит по праву Гатее, могущество, связанное с Лунным Святилищем — все, что я принял, согласился с этим. Много в этой стране приходилось принимать вслепую, с многими людьми никогда не сталкивались, даже в балладах Бардов не упоминалось о том, с чем пришлось здесь встретиться.

Я подумал, кто же пришел ночью, чтобы помочь нам, спасти нас? Отозвался ли он на призыв Гатеи? Или же он сам узнал, что злые силы осадили наш лагерь. Я чувствовал, что это не люди. Но почему я думаю о нем «он»? Весь мой жизненный опыт приучил меня к тому, что охота и битва дело мужчин.

Я раздумывал обо всем этом, подкладывая сучья в костер, хотя он все равно должен был скоро погаснуть из-за недостатка топлива. Но я не ложился, так как мысли тревожили меня, и я играл рукоятью меча, который давал мне какой-то покой и уверенность в себе. Я сразу начинал себя чувствовать связанным с другими людьми, которые, как и мы, пришли в эту страну, полную тайн. Я не знал, сколько прошло времени. Небо все еще было затянуто тучами, хотя дождь не начинался, и буря не приходила. На небе не было видно этих незнакомых созвездий. Мы находились внутри круга у небольшого костра. А за пределами круга сплошной стеной стоял непроницаемый Мрак.

Я услышал мягкий звук и взглянул на девушку и кота. Глаза Гру были открыты. Он изучающе смотрел на меня. Затем он моргнул и перевел

взгляд во тьму. Я понял это как знак, что теперь я могу отдохнуть, а он берет на себя обязанности часового.

Я растянулся на земле, подложив под голову траву и держа руку на рукояти обнаженного меча. Повязка на голове казалась мне очень тугой, и рану под ней жгло. Но не смотря на это, сон пришел ко мне. Я проснулся, как будто кто-то толкнул меня. Но я не понял, кто сделал это, так как Гатея еще лежала, положив голову на кота, а глаза Гру были открыты, и он всматривался во тьму. Костер уже погас, но его свет уже был не нужен. На землю уже приходило утро, и тьма сменилась серым полумраком.

В долине уже началось движение. То тут, то там прыгали олени. А еще дальше паслись какие-то большие животные. Я поднялся на ноги, вложил меч в ножны. Любопытство одолело меня. Мне не терпелось увидеть следы того, кто угрожал нам ночью. По ним я мог хоть как-нибудь оценить его. А кроме того, мне хотелось бы знать, оставил ли следы тот, кто прогнал неведомого врага.

Я подошел к ножу, который все еще торчал в земле, выдернул его, вытер травой и вложил в ножны. Затем я храбро вышел за пределы круга, чтобы осмотреть все вокруг.

В нескольких шагах от меня темнела куча земли. К ней я пошел сначала. Комья земли — достаточно влажные, чтобы из них можно было слепить грубое подобие человека. Я осторожно тронул кучу носком сапога, и комья рассыпались. Это все, что осталось от того чучела, которое сотворила из земли Гатея, чтобы обмануть зло, осаждавшее нас. Всего только земля и ничего больше. Я не мог понять, каким образом она придала этим комьям не только подобие человека, но и вдохнула в него подобие жизни. Как она это сказала? Кровь это жизнь. У нас был старинный ритуал первой охоты: часть животного подвешивается на дереве, и никто не трогает, кроме птиц — таким образом мы делимся добычей с кем-то могущественным. Но кто этот могущественный, уже давно никто не помнит.

Я обошел кучу земли, стараясь найти следы. Здесь было несколько отпечатков, и я измерил их пальцами, стараясь определить размеры того, кто их оставил. Я видел когтистую лапу или руку, которая пыталась добраться до нас ночью. Самый четкий из отпечатков был похож на лапу с когтями.

Я был уверен, что это чудовище передвигается на двух ногах. Оно должно быть огромного размера, и об этом можно было судить не только по размеру отпечатков, но и по их глубине. Я прошелся по следам и нашел их довольно много, но не мог определить, одно чудовище, или несколько

осаждали наш лагерь.

Затем я прошел дальше, пытаюсь отыскать следы других — охотника и его стаи — которые спасли нас. Однако никаких следов я не обнаружил — только полосы содранной почвы были видны в том направлении, откуда пришел звук охотничьего рога.

Я был очень озадачен отсутствием следов, так что я пошел дальше от лагеря, осматривая землю. И вскоре я дошел до очень неприятного места. Мухи роем вились над чем-то, что походило на грудку мяса. Я подошел поближе и увидел те же самые когтистые лапы, которые тянулись к нам ночью. Когти были длинные и острые, как ножи. Остатки кожи были желтовато-белого цвета. На них сидели мухи. Вид этого чудовища вызвал у меня отвращение, и я нарвал травы и прикрыл труп. Судя по всему у нашего охотника была удачная охота.

— Эльрон!

Гатея махнула мне рукой, и я с радостью пошел обратно в лагерь, весьма довольный, что мне не нужно расследовать происшедшее ночью. Я ничего не сказал о своей находке.

Гатея уже принялась за завтрак и кивнула, чтобы я сделал тоже самое. Как обычно она молчала. Я думал о том, какой из тысячи вопросов, которые жгли меня, задать ей. Если она знает что-либо, что представляет ценность для нас обоих, рассудил я, то она должна рассказать все сама без моих расспросов.

И я ждал, раздраженно пережевывая холодное мясо. То, что Забина дала мне с собой, уже кончилось. Я надеялся, что в этой долине найдутся съедобные травы, хотя было бы лучше остановиться на день и накопить мяса на дальнейший путь. А кроме того следовало бы найти воды — ведь это важнее, чем мясо. Может Гатея тоже думает над этими проблемами.

Она подняла голову и смотрела в долину, пока над травой не поднялась мохнатая голова Гру. Кот облизывался, и из уголка его пасти торчало зеленое перо. Видимо он решил несколько разнообразить свой рацион. Девушка и кот обменялись взглядами, значения которых я не понял, и Гру отправился куда-то на север. Гатея собрала свой мешок, взяла посох, которым пользовались этой ночью.

— Там вода... — впервые нарушила она тишину, и мы направились в ту сторону, где исчез кот. Здесь трава была высокой — почти до пояса. Она полностью скрывала кота, и мы могли следить за его передвижением только по колыханию травы. В воздухе летали птицы. Я с опаской посмотрел на них. Может тот, кто приходил ночью, имел крылья? А ведь еще существовали те ужасные черные птицы, которые нападали на меня в

долине Гарна. Может тут у них гнезда.

Но я увидел самых обыкновенных птиц, разнообразной расцветки. Они кружили над пасущимися оленями. Может их привлекали мухи, в изобилии летавшие над травой. Внезапно мы вышли на тропу — полосу земли со множеством отпечатков копыт, несомненно это был путь на водопой. Идти по ней было трудно, но все же лучше, чем по густой траве, которая к тому же острыми краями резала руки. Вскоре мы пришли к довольно бурному потоку, видимо текущему с гор, которые высились впереди. Струи потока, разбиваясь о камни, образовывали пышную пену.

Мы осторожно спустились к воде. Я оставил Гатею и Гру в кустах, а сам подошел к самой воде и встал на камнях. Затем я осторожно разделся, сполоснулся. Бинт на моей голове намок и я снял его. Затем пробежал пальцами по лбу, убедившись, что опухоль прошла, и рана уже зажила. Я выстирал и смотал бинт, будучи уверенным, что в такой стране, как эта, бинт не будет лишним.

Гатея нахмурилась, когда я вернулся, и потребовала, чтобы я показал ей свою голову. Внимательно осмотрев ее, Гатея сказала, что рана действительно закрылась, и я могу ходить без повязки. Сама она несколько изменила свою внешность. Ее волосы, мокрые, несмотря на все ее старания сохранить их сухими, были спущены назад длинным хвостом, который она подвязала кожаными шнурками.

Мы хотели было идти дальше по берегу, но бурная вода захлестывала его, и нам пришлось снова выбраться в долину, заросшую высокой травой. Однако мы пошли параллельно руслу реки.

Гру тоже напился и тут же исчез. Я был уверен, что Гатея каким-то образом общается с ним даже на расстоянии.

Тучи, которые ночью затянули небо, все еще висели над головой, заслоняя солнце. И к ним прибавился утренний туман, который все покрывал полупрозрачной вуалью. Животные скрылись из виду. Видимо они приходили сюда на водопой. И хотя вокруг все было спокойно, я не терял бдительности.

Я заметил, что Гатея все еще несет свой посох в левой руке. Очевидно он для нее значил то же, что для меня мой меч, хотя это был всего лишь сук, очищенный от листьев.

Наконец тишина стала давить меня, и я нарушил обещание, данное себе, не расспрашивать ее ни о чем.

— То, что рвалось к нам в лагерь ночью — ты слышала когда-нибудь о нем?

Она качнула головой.

— Я не знаю, что это было — но оно пришло из тьмы, это порождение Мрака. Следовательно против него можно применять заклинания защиты. А что касается охотника... — она замолчала надолго, так, что я решил, что она вообще не собирается говорить. Но она заговорила. — Возможно он тоже из Тьмы, но он враг тому, что напал на нас. Я не знаю его природы. Мы имеем дело с творениями Тьмы и Света. И в этой стране мы можем встретить и то, и другое. Я так мало знаю!

В ее голосе прозвучало отчаяние. Я подумал, мне ли она жалуется на недостаток своих знаний, или же это просто крик ее души.

— О, у меня есть способности, — добавила она, в противном случае Забина не смогла бы ничему обучить меня. И я знаю, что во мне заложено больше, чем смогла пробудить Забина. Я сейчас нахожусь на таком уровне знаний, на каком ты, воин, был бы, если бы остановился на фехтовании деревянными мечами. Она ругала меня, называла нетерпеливой и предвещала всякие ужасы, потому, что я хотела знать больше и больше, и побыстрее. И в тот момент, когда я прошла через Ворота, у меня возникло ощущение, что я вернулась домой, хотя я не знала прежде о существовании этого мира. Здесь передо мной лежали такие чудеса, о которых раньше я могла только мечтать, до которых жалкое искусство Забины никогда не смогло бы дорасти. Это! — Гатя раскинула широко руки, на лице ее была гордость и жадность. — Это страна, о которой я всегда мечтала и которой никогда не знала. Когда я пришла в Лунное Святилище в первый раз, мне казалось, что я всю жизнь ходила по той тропе. Святилище и все вокруг приветствовало меня, как свою. Следовательно, — и свирепость появилась в ее голосе, — следовательно, ваша леди ограбила меня, ты не согласен со мной? Она, без крупинки таланта — или с талантом, но закопанным так глубоко под всеми вашими обычаями, традициями — она взяла то, что принадлежит мне! Много ли она получит от этого?

— Ты все время говоришь загадками, — я тоже резко ответил ей. — Что же случилось с леди Инной?

Она взглянула на меня через плечо, так как я все время шел сзади. Ее загорелое лицо было в обрамлении густых волос, которые уже высохли, и ветер шевелил их.

— Ворота открылись, — голос ее был напряженным. — О, Ворота не в другой мир, как Ворота, которые привели нас сюда. Скорее, это путь в другое, более мощное Святилище — где-то на западе. Ведь все места былого могущества давно опустели, их могущество истощилось, ослабло. В Лунном Святилище я нашла ключ, но замок был очень стар. Я не могла открыть его, настолько он заржавел за долгие годы. Я разработала ритуал...

я вызывала Луну... я... — Она подняла руки и положила на грудь. — Я сделала все это! Но я опоздала в ту ночь, когда должен был прийти ответ, и ваша леди вошла туда, куда она боялась бы даже посмотреть. И вот она выиграла, а я потеряла все...

Я решил, что леди Инна попала в какую-то западню, ее заколдовали где-нибудь очень далеко. Хотя как ее могли переправить туда, я до сих пор не мог понять. Должно быть она страшно испугалась, и этот страх лишил ее разума. Подумав об этом, я повернулся к девушке.

— Ты знала, что она ходит в Святилище, почему же ты не предупредила ее?

— Предупредить ее? Но я предупреждала! Но зов был настолько могущественен, что противостоять ему мог только очень хорошо защищенный, вооруженный знаниями человек. Инна женщина, и как все дочери своего клана, она была дочерью Луны. Лунная магия влияет на всех женщин, хотя многие не осознают этого. Или осознают, но не понимают, что этой магией можно управлять, но сопротивляться ей бесполезно. И она, несмотря на то, что была под властью всех ваших традиций и обычаев, откликнулась на этот зов... Вы могли ее связать, запереть, но в первый раз, когда она взглянула на Святилище, его могущество уже взяло ее в плен, и она не могла сопротивляться его зову.

Я осмотрелся вокруг, посмотрел на широкую долину, на горы вдаль, которые сейчас были окутаны туманом, и только изредка выглядывали в просветы, чтобы снова скрыться.

— Ты уверена, что можешь найти ее? — это был не вопрос, так как я знал, что она сможет.

— Да. Потому, что она взяла мое... и... смотри!

Она замолчала и взглянула на север. Затем она перевела взгляд на свой посох, который лежал в ее руке. Она смотрела на него с полной концентрацией своих сил. Я тоже посмотрел на посох, и вдруг я увидел...

Этот сук, который лежал на ее ладони так, что она никак не могла воздействовать на него, начал вращаться. Он повернулся, медленно, но безошибочно, и его острый конец показал на окутанные туманом горы на западе.

— Ты видишь? — спросила она. — Я очень много работала, чтобы вырастить это в себе. Оно направляет меня, ведет меня. Оно ведет меня туда, где я должна быть, где находится сейчас она!

Я не сомневался, что она верит в то, что говорит. Такова уж эта страна, в которой так много странного, по которой ведет меня девушка, уверенная в том, что ищет высшую магию, и в то, что она обладает могуществом,

которое приведет ее туда, куда надо, но не только ее, но и меня.

Мы ничего больше не нашли в этой долине. Единственное, что мы видели, это стада оленей, которые паслись в отдалении. Мы затратили два дня, чтобы пересечь ее, и каждый раз, устраиваясь на ночь, расчищали площадку от травы, и Гатея делала защитный круг. Но незваных посетителей больше не было. На вторую ночь тучи разогнало ветром, и луна сияла над нами во всем своем великолепии. Гатея стояла, обливаемая серебряным светом, и пела. Слова этого гимна были мне совершенно незнакомы. Он как будто воздвигнул между нами толстую невидимую стену. Эта страна была не для меня, человека и воина, я был ее спутником только случайно.

К утру третьего дня мы были уже у подножия гор. Теперь Гатея шла вперед медленно, часто останавливаясь, чтобы с помощью посоха проверить правильность направления. И он указывал нам безошибочно на пустынную страну, где травы уже не было, и все было покрыто серыми камнями с тускло-красноватыми и светло-желтыми прожилками. Хотя река осталась позади, мы, с помощью Гру, нашли здесь источники. Но он снабдил нас не только водой. Он охотился и делился с нами своей добычей. Я уже начал думать, что нам придется идти через эту страну целую вечность. Здесь не было ничего, кроме изредка встречающихся диких зверей.

Вскоре мы набрали на долину, которая шла в нужном нам направлении. Здесь было больше растительности, а кое-где даже встречались деревья. Правда они все были низенькие, искривленные, и на них было неприятно смотреть. К вечеру, когда мы устроили лагерь, Гатея была так возбуждена, что не могла сидеть спокойно. Она все время вскакивала и ходила, вертя посох в руках, как бы напоминая самой себе о том, что скоро должно произойти.

Изредка с ее губ слетали непонятные слова. Гру тоже был неспокоен. Он мягко расхаживал возле костра, глядя в том же направлении, что и Гатея. Он как будто искал источник опасности впереди.

— Он чувствует! — Гатея потрянула головой.

После того, как мы ушли от реки, она не стянула свои волосы лентой. И теперь я видел странную вещь. Пряди волос на ее голове приподнялись, хотя в воздухе было абсолютно безветренно. Создавалось впечатление, что от нее самой исходит какая-то энергия, заставляющая шевелиться ее волосы.

Она вытянула руку с посохом и я, клянусь Вечно Неугасимым Пламенем, увидел на его кончике пляшущую искру огня.

— Здесь... я здесь! — она кричала так, как будто стояла перед воротами и требовала открыть их. Она знала, что отказать ей не могут.

И затем...

Гатея бросилась бежать. Я был так поражен, что некоторое время не двигался. А затем подхватил мешки, свой и ее, который она оставила, и побежал за ней. Гру неся впереди — серебряная молния — петля между деревьями. Гатея уже исчезла из виду. Я бежал за ней, хотя уже было темно. К тому же низкие ветви деревьев мешали мне отыскивать следы. В темноте я налетел на ствол дерева и почти потерял сознание. Боль вернулась в мои старые раны.

Ветки хватали меня, цепляли, били по голове, царапали, и в конце концов я не выдержал и, выхватив меч, стал прорубать себе дорогу сквозь заросли. Я очень боялся потерять след Гатеи и никогда не найти ее снова.

Тот шум, который я создавал при своем продвижении вперед, заглушал все остальные звуки. По правде говоря, я боялся остановиться и прислушаться, но еще больше боялся отстать от нее и остаться одному в этой непонятной стране.

К тому шуму, который делал я, прибавилось карканье птиц в ветвях деревьев. Дважды что-то бросилось прямо мне в лицо, оцарапав щеку когтями или клювом. После этого я двигался вперед, закрывая лицо локтем. Пот заливал мне глаза, рубашка прилипла к телу. Я уже изнемогал от усталости, дыхание с хрипом вырывалось из груди, но я боролся.

Это была настоящая борьба. Я был уверен, что эти деревья знают, кто я такой, и всеми силами мешают мне пройти. Мне даже показалось, что я слышу слабые крики — звуки отдаленной битвы. Я уже не мог держаться на ногах. Но что-то заставляло меня стремиться из последних сил вперед. И наконец я вскарабкался на последний склон, почти потеряв равновесие, и обрубил последнюю, утыканную шипами ветку, преграждавшую мне путь. Передо мной расстилалось открытое пространство.

Я стоял на вершине горного хребта, лишенного всякой растительности, и передо мной расстилалась каменная пустыня. Впереди не было никаких признаков ни Гатеи, ни Гру — только голые камни. Я прислушался, думая, что я обогнал их, и они все еще продираются сквозь заросли, но все было тихо. Они, вероятно, исчезли через одни из этих «ворот», которые мне так не нравились, так как я не мог понять, что это такое.

Я медленно пошел через равнину. Луна светила ярко и давала достаточно света, чтобы я мог искать следы, но было мало надежды обнаружить что-либо на голом камне.

Вскоре я приблизился к подножию утеса и увидел то, чего не мог увидеть издали. В каменной поверхности были вырезаны в определенном порядке углубления, достаточно большие для того, чтобы ухватиться за них рукой, или поставить в них ногу. Однако я все еще не мог поверить, что Гатея проделала весь путь с такой скоростью, что совершенно скрылась из виду. Как бы быстро она не бежала, я должен был бы видеть, как она карабкается вверх на утес.

Как охотник, потерявший след, я осмотрелся. Если она все еще шла через лес, то идти дальше смысла не было. Но, поразмыслив, я все же решил идти вперед, попытаться влезть вверх.

Закрепив мешки на спине, проверив, надежно ли держится в ножнах меч и нож, я начал подъем. Это было не просто, так как я быстро понял, что выемки в скале сделаны для кого-то более высокого, чем я, и мне приходилось прикладывать немало усилий, чтобы продвигаться вверх. Интересно, как Гатея умудрилась подняться вверх.

Я лез очень осторожно, проверяя каждую выемку, прежде, чем взяться за нее. Пальцы мои каждый раз погружались в толстый слой пыли, и я начал подозревать, что Гатея не шла этим путем. Однако я решил забраться и взглянуть сверху на то, что ждет меня впереди. Может с высоты удастся увидеть и Гатею.

Тяжело дыша я взобрался на выступ утеса и взглянул, что же ждет меня дальше. Это была вовсе не вершина — а всего лишь выступ, и сделали его, вероятно, чьи-то руки.

Чтобы увидеть то, что возвышалось передо мной, мне пришлось задрать голову. Большое искусство было вложено в это творение. И было

сразу ясно, что тот, кто создал это, был чуждый людям, враждебен им.

Глубоко в поверхность утеса было врезано изображение — огромная фигура, стоящая на ногах. В ней было мало общего с человеческой фигурой — скорее это было что-то птичье, но можно было с уверенностью сказать, что это фигура женского пола. Она была полностью обнажена. Единственное, что можно было считать одеждой — это широкий воротник складками.

Стройные ноги были широко расставлены, руки протянуты вперед, а лицо было мало похоже на человеческое. На лице выделялись два скошенных глаза, чересчур огромных. Эти глаза были сделаны из красных драгоценных камней, и в слабом свете казалось, что в них горит зловещий огонь.

На протянутых вперед руках я увидел когти. Увидев их, я тут же вспомнил тот труп, который я забросал травой в долине возле нашего лагеря. Но здесь и руки и когти были из камня, а не из костей, обтянутых желтой кожей.

Неизвестный скульптор придал лицу именно то выражение, которое соответствовало страшным когтям. Большую часть лица занимал искривленный клюв. Верхняя часть тела была обрамлена крыльями, растущими из тонких плеч.

Между широко расставленными ногами чернело отверстие — похожее на вход в пещеру. Я согнулся и заглянул туда. Удушливое зловоние заставило меня отшатнуться. Видимо это было логово какого-то не очень опрятного зверя. Мой взгляд помимо моей воли обращался к горящим глазам. У меня было беспокойное чувство, что эти глаза рассматривают меня.

Я не думал, что Гатя вошла в эту дыру. Это было не Лунное Святилище, которое дышало миром и покоем. Нет, здесь прямо в воздухе висела угроза, какую излучали Серебряные певички и то чудовище, которое пришло из мрака и пыталось проникнуть к нам.

Я медленно поднялся и с большим трудом оторвался от этих глаз. Мне вовсе не хотелось лезть в эту дыру. Вероятно есть и другой путь вперед.

Он был. Я обнаружил его, обогнув эту фигуру. Мне пришлось ползти по выступу, отыскивая удобный путь для подъема, и в то же время я старался не упускать из виду эту птицу — женщину.

Здесь в утесе не было выемок, чтобы помочь мне. Но на северной оконечности выступа я нашел расщелину в утесе, по которой я мог лезть дальше.

И только я добрался до расщелины и бросил последний взгляд на

статую, как в темной дыре между ног послышались звуки. Я быстро повернулся, прижался спиной к камню и обнажил меч. Сначала послышался шелест, а затем громкий вопль, напоминающий крик совы.

В черном отверстии появилось что-то бесформенное и сторбленное. Оно поворочалось и затем поднялось на когтистых лапах. В отличие от статуи, появившееся из логова чудовище было мужского пола и немного ниже, но когти и клюв были те же.

Голова повернулась на сутулых плечах. Она казалась более уродливой, чем у статуи. Только глаза были такие же огненно-красные и такие же злые.

Оно повернулось ко мне и уставилось на меня. Крылья затрепыхались за спиной, но не раскрылись полностью. Чудовище заковыляло ко мне, а крылья ему служили только для того, чтобы удерживать равновесие. Когти вытянулись во всю длину, готовые вонзиться в меня. Оно издало пронзительный крик.

Сложив крылья чудовище бросилось на меня. Мой меч был готов. Казалось, что чудовище никогда не имело дела с соперниками, готовыми защищаться, так как все его тело было открыто моим ударам.

И острое лезвие меча ударило в том месте, где крыло соединяется с туловищем, как раз в тот момент, когда его когти зацепили ремни мешков.

Голова его упала на второе плечо, и капли черной жидкости брызнули вверх, причем некоторые из них попали мне на кожу и обожгли ее огнем. Существо отпрянуло назад, бессмысленно царапая воздух страшными когтями передних лап. Крылья раскрылись полностью и били воздух. Я решил, что наш поединок на этом кончится, и чудовище тут же погибнет. Но я очень ошибался.

Голова его висела на груди. Она, по-моему, держалась только на полоске кожи, да на сухожилиях. Кровь фонтаном била из раны, когда чудовище пошло в новую атаку.

Я ударил второй раз, на сей раз направив меч на одну из когтистых передних лап. Лапа упала на камень передо мной. Я готовился отражать третью атаку чудовища, и тут уголком глаза заметил, что отрубленная лапа обрела свою жизнь, и как жуткое насекомое подбирается ко мне.

Струя крови из разрубленной лапы, которую зверь протягивал ко мне, как будто не заметив, что на ней уже нет когтей, оросила мою руку с мечом. И снова пламя обожгло мою руку. Я удержал меч, страшным усилием воли преодолевая боль.

Возможно эта гадина знала, что испытываю я, и поэтому она, держа в отдалении свой обрубок, поливала меня черной кровью. Капли жгли мое

лицо, некоторые попали на горло, незащищенное кольчугой. Я очень боялся, как бы капли не попали мне в глаза.

И несмотря на обжигающую боль в пальцах я бросился вперед и нанес сильный удар. Фонтан крови брызнул на меня, на мои укрытые кольчугой плечи. Я отпрыгнул назад. Мой удар пришелся прямо в живот чудовищу. Кровь лила струей и обжигала огнем обнаженные места моего тела.

Казалось, что убить это существо невозможно. Мой сокрушающий удар, которым я развалил его тело чуть ли не пополам, только добавил крови, как будто я разрубил бурдюк с водой. Я не мог поверить тому, что из этого тщедушного существа выливается столько крови. Казалось, что оно было неисчерпаемо. Я заметил, что теперь ему для своих атак требуются крылья для поддержки. Я должен рискнуть получить еще порцию жидкого огня, но постараться обрубить их. Я бросился вперед и чуть не упал, поскользнувшись в луже крови. Со всей яростью я нанес удар и тут же отскочил назад, так как изуродованное окровавленное чудовище снова пошло на меня, раскинув лапы в стороны, хотя голова его висела на груди, держась на тоненькой полоске кожи так, что оно не могло видеть меня.

Это позволило мне сделать шаг в сторону и ударить по крылу. И снова удар пришелся прямо в цель.

Мой враг упал на спину, царапая камень изуродованным крылом, а целое крыло било воздух сильными ударами. Эти несогласованные движения привели к тому, что тело его прижалось к стене выступа справа. Я тут же бросился вперед, чтобы нанести удар по второму крылу.

И вот я, тяжело дыша и прижимаясь к скале, в ужасе смотрел, как этот окровавленный обрубок поднимается, чтобы снова идти на меня. Кровь хлестала из него во все стороны, как из дырявой бочки.

Я думал, что теперь уж чудовище беспомощно. Но одно ли оно в той норе, охраняемой статуей? Внутри не было никакого движения. Но может быть они ведут ночной образ жизни и сейчас летают где-нибудь в ночи. Чем скорее я уберусь отсюда, тем лучше, хотя взбираться на скалу, когда в любую минуту могут появиться эти чудовища, было весьма рискованно... Я мог только надеяться, что мне повезет, и я смогу добраться до вершины без борьбы.

Подвесив меч к поясу и стараясь не касаться его поверхности, испачканной кровью, я вытер руки о штаны. Места, куда попали капли, ужасно жгло.

Закрепив мешки, я повернулся к утесу. Фортуна была благосклонна ко мне, так как выше расщелина расширялась, и я полностью мог укрыться в ней. Так что я мог не опасаться нападения с воздуха. Чудовище, которое

нападало на меня, было еще живо. Оно ворочалось внизу.

Вид этого изувеченного чудовища и звуки, которые оно издавало, придали мне силы для бегства, заставили меня забыть боль в руках. И я очень быстро добрался до вершины утеса. Меня подгоняла необходимость найти убежище, где я смогу спрятаться от жутких созданий.

И здесь меня ждал второй подарок фортуны. В долине рос лес. Я бросился к нему, уверенный, что под прикрытием его кроны я буду в относительной безопасности от крылатых чудовищ.

И с той же яростью, с которой старался выбраться из зарослей внизу, теперь старался забраться в самую гущу этого леса. Я схватил пригоршню листьев и вытер начисто меч и руки. Затем я залез в мешок, чтобы достать лекарства, которые Забина дала мне с собой. Затаив дыхание, я смазал обожженные места сначала на руке, а затем на лице.

Постепенно боль стала утихать, и мне оставалось только надеяться, что яд не очень сильный. Но я в этом не был уверен, так как вскоре я начал дрожать от холода, хотя ночь бала теплой. Кроме того меня все время тошнило, рот был полон слюны, и голова отчаянно кружилась. Я не мог стоять на ногах, не держась за дерево.

Может быть этот яд коснулся моего мозга, так как я вдруг снова очутился на уступе, снова увидел отрубленную лапу, которая угрожающе двигалась ко мне, желая отомстить за своего хозяина. Но потом я взял себя в руки и стал оглядываться вокруг и прислушиваться, чтобы не пропустить приближения врага.

Я должно быть долго был в кошмарных видениях, и когда я очнулся от последнего, где отрубленная лапа приближалась ко мне, а у меня не было даже сил поднять меч, оказалось, что уже наступил день. Яркие пятна лежали на земле тут и там, видимо листва была недостаточно плотной, чтобы полностью закрыть небо. Горло у меня пересохло, и я достал дрожащими руками бутылку и напился.

Зловоние от крови, покрывающей мою кольчугу, вызвало новый приступ тошноты. Я поднялся на ноги, но тут же ухватился за дерево. На руке была огромная запекшаяся рана. Я попытался пошевелить пальцами, и кожа треснула, я еле сдержал крик боли. Я не имел понятия, куда идти, но я знал, что должен найти воду, чтобы вычистить одежду и обмыть раны.

Здесь наверняка были источники воды или ручьи. Оставалось только найти их. Я надеялся, что фортуна еще не отвернулась от меня.

Мухи роились надо мной. Я решил, что их привлекает зловоние, исходящее от моей одежды. Я пробирался от дерева к дереву, часто останавливаясь для отдыха. Вскоре я был уже на краю поляны. Она лежала

передо мной, ярко освещенная солнцем. Это наполнило мою душу радостью. Я почему-то был уверен, что чудовище, напавшее на меня, было ночным зверем, и следовательно теперь у меня впереди целый день, чтобы уйти подальше от его логова.

На западе возвышались горы, но я направился на север, чтобы быть под прикрытием леса. Но вот лес кончился, и я стоял на опушке, выбирая путь полегче, который бы потребовал от меня поменьше сил. Все было покрыто высокой травой, из которой кое-где торчали камни. Долина подымалась вверх, но склон был не очень крут, так что можно было идти вперед. И я пошел по долине, так как не испытывал в себе достаточно сил, чтобы взбираться на утесы.

Я уже отошел достаточно далеко от леса, как вдруг понял, что иду по мостовой — по каменным плитам, которые были уложены так искусно, что между ними не было даже видно земли. Дорога была не такой широкой, чтобы по ней могли проехать фургоны... но всадники могли легко проехать по ней. Как бы то ни было, но мне снова повезло. Я медленно шел вперед, останавливаясь отдохнуть и преодолеть приступы кошмарного бреда, которые приходили внезапно и заставляли меня обливаться холодным потом от страха.

Эта мощеная тропа — я не мог назвать ее дорогой — вела на север. Постепенно я подошел к ущелью между двумя огромными утесами, вершины которых врезались в самое небо.

Несмотря на жар солнца, на меня все время накатывали волны холода, иногда такие сильные, что мне приходилось прислониться к камню и ждать, когда они отхлынут.

Ущелье было широким, хотя вымощена была только центральная часть. Пространство между тропой и утесами было тщательно очищено от камней. Я предположил, что это сделано для того, чтобы здесь невозможно было устроить засаду. Думая об этом, я внимательно осматривался. Вспомнив о крылатых чудовищах, я ускорил шаг, чтобы уйти как можно дальше при свете дня.

О Гатее и Гру я больше не вспоминал. Теперь мне приходилось думать о собственной безопасности, и это требовало концентрации всех моих сил.

Снова дорога пошла в гору. Но наклон был пологим, так что я мог не сбавлять скорости шага. Прохладный ветерок, дующий навстречу, относил назад зловоние засохшей крови, которой была запачкана моя одежда. Наконец я вошел в ущелье и мог рассмотреть внимательно то, что несомненно было первым бастионом западных гор.

Спуск оказался гораздо более сложным, чем подъем. Однако те, кто

сделал эту дорогу, позаботились об удобстве путников: на перевале был сделан каменный бассейн, куда постоянно втекала свежая вода.

Я бросился к бассейну, упал перед ним на колени, погрузил руки по локоть в холодную как лед жидкость, которая успокаивала боль в обожженных руках.

Я не мог противиться искушению. Я снял меч и положил его рядом, затем скинул кольчугу и рубашку и вымыл их влажным песком из бассейна. Затем стал тщательно смывать со своего лица и тела все следы недавней битвы. Обожженные места на коже горели огнем. Я снова намазал их мазью Забины — мне хотелось верить, что она поможет. На руке у меня остался огромный красный шрам в том месте, куда попала ядовитая кровь.

Наконец, избавившись от зловонной грязи, мне удалось немного поесть. Я сидел, скрестив ноги, у бассейна, ел и осматривал то, что лежит передо мной.

Внизу расстилалась странная земля. Некоторые участки выглядели настоящей пустыней, так как на них не было никакой растительности, и земля была желто-коричневого цвета. Дорога, которая была вымощена светлыми камнями, поворачивала на юг, огибая горы. Причем дорога шла по самому краю гор, очевидно она была вырублена в самой скале. Эта гигантская работа строителей дороги поразила меня. Я знал, каких трудностей стоит проложить дорогу даже по равнине между владениями соседних лордов. Для этого требовалось очень много людей, и даже самые большие из наших кланов редко отваживались на такое грандиозное предприятие. А здесь каменные блоки были выложены прямо в скале. Меня изумило искусство строителей. Сколько же времени потребовалось на это, и какой могущественный правитель имел столько людей в подчинении, чтобы решиться на такой титанический труд?

Дорога вела прямо в рощу. Издали мне она казалась лишь большим зеленым пятном. Я сидел и размышлял, стоит ли мне идти дальше, или лучше остаться здесь на ночь? Не слишком ли я близко от зловещей пещеры, откуда на меня могут напасть крылатые чудовища? Может мне лучше пойти по дороге и добраться до деревьев? А может в этих деревьях таится для меня другая опасность?

В конце концов мысли о нападении крылатых чудовищ подняли меня и погнали дальше. Отдых, пища и вода подкрепили мои силы. Если ночь будет лунной, то это поможет мне. Я осмотрел горизонт в поисках туч и не обнаружил ни одной. Да, лучше устроиться на ночь на опушке леса.

И твердо убежденный в том, что я пришел к наимудрейшему решению, я уверенной походкой направился вперед. Я шел и думал о Братьях с

Мечами. Видели ли они чудовище, с которым я сражался, или Серебряных Певец, неведомого охотника, пришедшего нам на помощь? Знали ли они обо всем этом, когда вели нас по прибрежным землям? Я всегда мечтал быть с ними, вести разведку в новых, неизвестных странах. И вот я один в неизвестной земле, и настоящее исследование страны оказывается вовсе не похожим на мои мечты.

Дорога позволяла мне идти довольно быстро. Она нигде не шла круто вверх, видимо строители заботились об удобстве передвижения путников. Она огибала скалы. Камень был здесь тот же, что и везде — серый с красными и желтыми прожилками. Но плиты дороги были сделаны из другого камня, очевидно привезенного откуда-то из других мест. Каменные плиты были светло-серого цвета и существенно отличались от окружающих более темных камней. Я прошел уже треть пути, как вдруг заметил, что каменные плиты, по которым я шел, перестали быть гладкими. В каждую из них были врезаны символы. Одни из них были чернильно-черного цвета и напомнили мне цвет крови чудовища, которое напало на меня из пещеры. Другие были красного цвета, похожие на мою собственную кровь, впитавшуюся в камни.

Сами символы были очень сложными, и мне было трудно рассмотреть их детально. Я старался не рассматривать их, так как от их сложности кружилась голова. Я решил, что эти символы характеризуют какие-то злые, враждебные силы, и те, кто строил эту дорогу, врезали их в плиты дороги, чтобы попирать их ногами и тем самым утверждать свое могущество, свою власть над этими злыми силами. Но это было только мое предположение, и я прервал поток мыслей, чтобы не зайти слишком далеко в размышлениях.

Мне было достаточно того, что цвет символов был неприятен мне, и я решительно отвел взгляд от дороги. Но не все плиты были украшены символами. Довольно часто встречались чистые плиты, и я их использовал для того, чтобы отдохнуть, перевести дух, взглянуть на деревья, которые были все также далеко, как будто я не шел к ним, а стоял на месте.

Воздух был недвижим. Только однажды мою кожу тронул ветерок, но он был, как и полагается в пустыне, горячим и сухим. Когда дорога снова свернула на запад, я решил, что мне нужно побыстрее пройти эту часть страны.

Идти на запад? Когда Гатей исчезла, и некому вести меня? Впервые с момента исчезновения Гатей я понял, что до сих пор не думал, что же мне делать дальше. Если Гатей действительно знала судьбу Инны, то мне она не дала никакого ключа к этому. Бродить по этой дикой стране и пытаться найти следы, которые возможно вообще не существуют, казалось мне

довольно глупым занятием.

И все же, что оставалось делать мне? Единственное, что я знал, путь на запад. И я должен идти на запад. Мне, лишенному имени, лишенному клана, ничего другого не оставалось делать. Эти горькие мысли грызли меня, когда я шел по украшенным зловещими символами плитам. Затем, так как уже близился вечер, я перешел на легкую рысь и, наконец, добрался до низу, до того места, где дорога углублялась в лес. Я остановился, раздумывая, стоит ли мне заходить в лес, когда ночь уже близится.

Я приготовил себе лагерь с большой тщательностью: из толстых сучьев сплел навес, который совершенно закрывал меня сверху, и никакие птицы не могли заметить меня. Могли ли крылатые чудовища отыскивать жертву по запаху, я не знал, но я не собирался разводить костер, чтобы не привлечь чье-либо внимание.

Вспомнив, что Гатей говорила о холодной стали, я положил нож у входа в свой шалаш, а меч положил возле себя. Затем я отложил мешок Гатей в сторону, а свой собственный тщательно исследовал, чтобы определить, сколько пищи у меня осталось.

Головная боль и боль от ожогов вернулись ко мне, и хотя мазь действовала довольно благотворно, но раны мои залечились не полностью. Во всяком случае боль не давала мне уснуть.

В лесу поблизости от моего шалаша тихо не было. Слышались какие-то звуки, тихое шипенье, шелест листьев. Все выглядело так, как будто жизнь здесь пробуждалась ночью. Однажды я услышал зловещее уханье, и моя рука тут же стиснула рукоять меча. Однако никто не обращал на меня особого внимания.

Снова и снова я думал о Гатее, снова ругал себя за то, что упустил ее след, и теперь не знаю, где искать ее, куда идти.

Несмотря на все мои старания, я засыпал, затем просыпался и снова засыпал. Но я все время прислушивался и был готов ко всему.

Что я буду делать утром, я не знал. Но о возвращении обратно по дороге я даже и не думал. Мне совсем не хотелось еще раз встречаться с крылатыми чудовищами. Ведь второй раз мне не будет такого везения в битве. Единственное, что мне оставалось, идти вдоль гор и искать следы Гатей, или Братьев с Мечами, которые тоже поехали на запад. Впервые с тех пор, как Гарн изгнал меня, я понял, что такое быть совершенно одиноким. В эту ночь я осознал, что нет худшего наказания для человека, чем остаться одному. Я понимал, что мои надежды отыскать леди Инну с тех пор, как исчезла Гатей, стали очень призрачными. У меня не было ни малейшего шанса на успех.

Но я решил продолжать свой поиск, пока смерть не остановит меня — а что еще мне оставалось делать?

Ночь была долгой, но мой прерывающийся сон был коротким. К счастью никто не посягал на мой шалаш, как будто я был невидим для всех

обитателей этой ночи. Пришел рассвет. Я перекусил, перебросил мешки через плечо и пошел дальше по плитам дороги.

Она повела меня в лес, где могучая крона деревьев совершенно закрывала небо и не пропускала солнечные лучи. Плиты дороги были абсолютно чистыми и светлыми. Даже казалось, что они сами испускают слабое свечение. И теперь на них не было видно этих неприятных для глаза символов.

Сама дорога не была прямой. Она петляла среди толстых деревьев с гладкой красно-коричневой корой. Стволы были совершенно голые, могучие ветви с листьями росли только высоко над землей у самых верхушек.

Я шел уже довольно долго, когда мое внимание привлекли эти необычные деревья. Листья их были ярко-зеленые и казались совсем свежими, как будто сейчас была весна, и они только что распустились. Но странность заключалась не в этом — когда я проходил мимо, листья начинали шелестеть сами по себе, хотя было абсолютное безветрие. Я остановился и взглянул вверх. Действительно, я не ошибся. Листья над моей головой пришли в движение — они как будто переговаривались друг с другом.

Может это яд действует на мой мозг, что мне чудятся всякие невероятные вещи? Хотелось бы мне, чтобы это было так — ведь не мог же я всерьез думать о говорящих деревьях?

Страх у меня не было — только любопытство. Я думал, стоит ли мне идти дальше? Ведь если одна из этих могучих ветвей рухнет мне на голову, то это означает верную смерть. Листья все шелестели и шелестели. И я начал верить в то, что они разговаривают между собой на незнакомом мне языке.

В этом шелесте я ощущал нетерпение — как будто они ждали от меня ответа и не могли дождаться. Я так проникся этим, что даже спросил вслух: — Что вы хотите от меня?

Листья так зашелестели, как будто ураган пронесся над лесом. Даже толстые суки зашевелились, как бы желая наконец привлечь к себе мое внимание.

Листья шелестели, и чем дольше я смотрел на них, тем больше мне казалось, что это вовсе не листья, что это тысячи языков пламени, ярко-зеленого пламени. Да, ярко-зеленого, но с проблесками ярко-голубого, и желтого, и темно-фиолетового... я стоял как бы под тканью, чудесным гобеленом, на котором был выткан незнакомый мне узор.

Разноцветные огни стали спускаться вниз, может они капали с

листьев. Я не мог отвести взгляда от них, когда они постепенно начали кружиться вокруг меня.

Я был уже в лесу. И не мог сказать, где нахожусь. Единственное, что я знал точно, что здесь никогда не бывали люди. Свет вокруг меня становился все ярче. Страх у меня не было. Я ощущал только благоговейный трепет: ведь я видел то, что никто кроме меня не видел. Световой гобелен разделился и разошелся в две стороны наподобие занавеса. И передо мной пролетело что-то совсем другое.

Во мне вспыхнуло чувство беспокойства, которое охватывает каждого, когда он смотрит в неведомое. Но я ждал, я хотел знать, что ожидает меня.

Она была высокая и стройная, эта женщина, которая возникла передо мной, одетая в сверкающее зеленое платье из множества мелких листьев. Эти листья не лежали спокойно, они непрерывно переливались с места на место, открывая то стройные ноги, то упругую маленькую грудь великолепной формы, то плечи, а затем снова скрывали ее всю от горла до коленей.

Волосы ее были распущены, но они не лежали спокойно на ее плечах. Нет, они как и листья, непрерывно шевелились, образуя туманное облако вокруг головы. Они были тоже зелеными, но красно-коричневые пряди вплетались в них то тут, то там. Красно-коричневой была и ее кожа, которая находилась в поразительном контрасте с ярко-зеленой одеждой.

На ее лице выделялись огромные зеленые как прекрасный изумруд, глаза. Такими же блестящими были и ногти на ее руке, которые я заметил, когда она подняла руку, чтобы поправить пряди волос.

Она была прекрасна. Я даже не подозревал о существовании такой неземной красоты. Такая красота даже не приходила ко мне во снах. Однако во мне не возникло никакого желания, так как между нами не было моста, который я мог бы перейти. Я мог только смотреть на нее, как на прекрасный цветок, и изумляться этой красоте.

Эти огромные черные глаза смотрели на меня и у меня не было защиты от их чар, да я и не искал защиты. Я ощущал прикосновение ее разума, более мягкое, более интимное, чем прикосновение руки или тела.

— Кто ты, который идет по старой дороге Алафиана?

Не слова, мысли. И я тоже не сформировал ответ с помощью губ. Ее вопрос всколыхнул мою память и я начал живо вспоминать то, что я считал давно забытым. Все, с того самого момента, как мы вошли в долину Гарна.

Но я вспоминал не по своей воле. Кое-что мне хотелось бы забыть навсегда, но, увы, это не в моих силах. Я вспоминал и она читала мои мысли.

— ...Итак...

Моя память была высосана насухо, но я не обижался на нее за это. Я считал, что это ее право знать, кто я такой и зачем пришел в эту страну. Ведь мое вторжение должно было нарушить счастливый покой.

— Ты пришел не туда, куда тебе надо, человек. Но твои поиски ведут тебя. И...

Ее мысль исчезла на мгновение, оставив меня страшно опустошенным, чувствующим на себе тяжесть большую, чем просто одиночество.

— Тебя ведет твой долг. Твои заботы далеки от нас. Мы не можем ни помешать тебе, ни помочь. Ищи, и может, ты найдешь больше, чем ожидаешь. Многое возможно, если правильно взяться за дело. Иди в мире, хотя не его ты ищешь, ибо мира нет в твоей душе.

Снова мысль ее исчезла. Но теперь уже занавес захлопнулся и рассыпался яркими искрами, ослепившими меня надолго.

И снова я оказался на старой дороге под деревьями. Листья не шелестели надо мной. Деревья были спокойны, как будто жизнь, только что наполнявшая из, исчезла.

На мою ногу упал маленький лист, совершенный по форме и ярко-зеленый, как глаза девушки. По его краю бежал красно-коричневый ободок. Такого же цвета было ее прекрасное тело.

Может, у меня опять были видения, вызванные телесной слабостью? Нет, я не мог поверить этому. Я наклонился и поднял лист. Он был совсем не похож на обычный лист дерева, который можно засушить и растереть в пыль. Нет, он был тяжелый, как будто вырезанный из камня, неизвестного нашему народу.

Я аккуратно опустил лист в кожаный кошелек. Для чего она оставила его, я не знал, хотя надеялся, что это подарок, но я решил хранить его как сокровище.

Я долго не мог двинуться дальше. Я долго ждал под деревьями, пока наконец не понял, что то, что я видел, больше не вернется. На утесе я встретился с ужасом в виде крылатого чудовища, здесь, в лесу, повстречался с красотой. Видимо, в этой стране можно испытывать либо страх, либо благоговейный трепет — третьего не дано.

Наконец, я снова пошел по дороге, которая вилась среди деревьями, но теперь уже листья не болтали обо мне. Я хотел уйти поскорее отсюда, так как один вид их напоминал мне об утрате, о боли, которая теперь терзала меня, не тело, а душу.

Я даже не остановился поесть, хотя изрядно проголодался. Я только

шел вперед, пока не вышел на открытую местность. Здесь я свернул с дороги, так как она вела на север, а я был уверен, что мне нужно на запад. Впереди снова возвышалась цепь гор, а прямо передо мною расстилалась земля, заросшая кустарником и деревьями. И тут я увидел нечто, привлекавшее мое внимание.

Крепость — здесь?

Каменные стены, башня — строение, подобное тем, которые я помнил с тех времен, когда мы еще не проходили через Ворота. Можно было подумать, что я вернулся в мир, где родился. Вот только знамя лорда не развевалось на башне и никаких признаков жизни в стенах не было заметно.

Я уже в который раз подумал, зачем Барды открыли нам Ворота и привели в этот мир. От какой угрозы бежали мы? Почему многое было оставлено в нашей памяти, а именно это стерто? Передо мной возвышалась крепость, которая могла принадлежать только очень могущественному лорду. Если эту крепость построили люди, как и мы, значит, мы можем найти союзников в этом чужом мире.

Эти стены были мне странно знакомы и я бросился к крепости сквозь кустарник. Когда-то здесь были поля. Тут и там среди травы виднелись колосья, уже созревшие для жатвы.

Я набрал горсть колосьев, потер их в руках, отделяя зерно, и сунул их в рот, как я часто делал на полях моего детства. Вкус был знаком мне. Как близки между собой миры, которые связаны Воротами. Во всяком случае, то зерно, что привезли мы, должно было дать здесь урожай, если конечно не вмешаются враждебные силы.

Я жевал зерно и шел к крепости. И чем ближе я подходил, тем больше она казалась мне знакомой, похожей на наши крепости. Я понял, что те, кто устроил ее, вынуждены были защищаться от кого-то. Толстые стены, узкие окна высоко над землей...

Однако массивные ворота были не просто открыты — они висели на одной петле, открывая проход. Было ясно, что эта крепость давно покинута. Камни, из которых была сделана крепость, были непохожи на камни соседних гор. Они были более веселой расцветки и сверкали в лучах заходящего солнца, как будто в них были врезаны кусочки серебра. В этом была какая-то чужая красота. Она придавала этому могучему сооружению некоторое легкомыслие.

Над воротами в стену была вделана отполированная до блеска каменная плита. На таких плитах обычно у нас изображалась эмблема клана, а здесь был изображен кот — бело-серебряный кот, похожий на Гру.

Он не скалил хищно зубы на входящих, как можно было ожидать из его расположения. Нет, он просто сидел и длинный хвост его изогнулся так, что кончик находился между передними лапами.

Зеленые глаза, такие же блестящие, как у лесной леди, были сделаны так искусно, что казались живыми и каждый, кто входил в ворота, был уверен, что кот наблюдает за ним. Не знаю почему, но я отдал военный салют этому безмолвному стражу, который так долго и бессменно несет свою службу.

Я прошел в ворота и попал в большой двор. Прямо передо мной возвышалась крепость, увенчанная башней. Это был, несомненно, дом, а не просто холл для собраний. Здесь жил сам лорд и находились подсобные помещения, склады, оружейная. Вдоль стен лепились хозяйственные постройки

— сараи, стойла, бараки для слуг и оруженосцев.

За исключением сломанной двери ничто не говорило о том, что время наложило свою тяжелую руку на эти постройки. Любой из наших кланов с удовольствием сменил бы свои деревянные халупы на такое прекрасное сооружение.

Я смело пошел вперед. Может быть, потому, что здесь все было знакомо мне, я не ощущал беспокойства, которое не покидало меня с тех пор, как я вместе с Гатеей вошел в эту страну, полную непонятого колдовства. Дверь в башню была открыта и на полу валялось множество сухих листьев, занесенных сюда ветром. Это с очевидностью доказывало, что крепость пустует уже не первый год.

Над аркой была вделана полоска блестящего камня, на котором затейливой вязью тянулись буквы. Что это? Предупреждение? Приветствие? Имя лорда? Я мог только предполагать, ибо ответа мне ждать было неоткуда.

Затем я прошел в большой холл. Все, что здесь осталось от мебели, все было сделано из камня. Я увидел помост и на нем четыре кресла с высокими спинками, украшенными сложным рисунком, которого я не мог разглядеть отсюда. Кресла были сделаны из зеленого камня, из такого же камня были сделаны два стола и длинная скамья вдоль стены.

Здесь был полумрак, так как окна располагались почти под потолком. Они были довольно маленькими. Возле стола я заметил огромный камин. В него, вероятно, можно было сунуть ствол целого дерева. Камин с обеих сторон поддерживали два кота, каждый из которых был выше меня. И опять здесь тянулась вязь письмен, которые сверкали, несмотря на недостаток света.

Любопытство, которое было смешано со странным ощущением того, что все это мне знакомо, заставило продолжать исследования. По лестнице я поднялся наверх в комнаты. Здесь было пусто. Мебель состояла только из больших каменных очагов, тоже исписанных загадочными буквами. Может, когда-то эти стены были покрыты коврами, но сейчас они были голы. На полах лежал толстый слой пыли, по которому ступала моя нога — первая за много лет.

Я нашел кухню, тоже оборудованную каменными столами для приготовления пищи. Я обнаружил здесь хитроумную систему для нагрева воды — такого не знал мой народ. Сейчас вода была холодная и очень вкусная. Я с большим удовольствием напился. Затем я вернулся в холл, решив провести здесь ночь.

Когда наступила темнота, я обнаружил, что буквы, которые днем, казалось, были чересчур яркими, теперь начали светиться. Они почти освещали внутренность холла. И чем становилось темнее, тем ярче светили они. Я подошел и стал внимательно осматривать изображения на панели. Хотя панель была укреплена слишком высоко, мне все же удалось рассмотреть, что кроме букв там изображены различные сцены. И все это были сцены охоты. Но охотников, которых я ожидал увидеть, там не было. Там были изображены коты, коты, сидящие в засаде, коты, прыгающие на своих жертв. И каких жертв! Я без труда обнаружил крылатых чудовищ, с одним из которых мне пришлось сражаться. И это было наименее странное существо, которое мне удалось рассмотреть. Внимательное изучение этих картин убедило бы любого отказаться от путешествия по этой стране. Если, конечно, эти чудовища не исчезли со временем.

Я рассмотрел змею, вернее, так я назвал этого зверя, когда в первый раз заметил его и не успел рассмотреть повнимательнее. Это была рогатая голова, высоко посаженная на торсе человека, который переходил в чешуйчатое тело змеи, оканчивающееся опять человеческими ногами. В обеих руках чудовище держало по мечу, угрожая ими коту, который искал возможность прыгнуть на него. Вся осанка этого неведомого чудовища выдавала в нем опытного искусного воина.

Другой кот запрокинул голову, издавая торжествующий вопль, какой я, видимо, слышал от Гру. Под его могучей лапой корчилось прижатое к земле какое-то существо. Разглядеть его я не мог, так как видел только спутанные волосы, да вытянутую лапу с огромными когтями, которыми зверь все еще старался ухватить своего упивающегося победой врага.

То, что эти картинки отображали истинные события, сомнений у меня не вызывало. И я подумал о своем беззаботном вторжении в эту страну, где,

возможно еще не перевелись эти чудовища. С одним из таких мне пришлось уже столкнуться. Я также вспомнил о леди Инне и Гатее. Хотя я помочь им не мог, так как понятия не имел, где искать их.

Здесь не было топлива, чтобы разжечь огонь в камине, но я сел возле него и решил немного поесть. Запасы еды у меня уже кончались и я решил, что завтра мне нужно будет пойти на охоту. Здесь, на заброшенных полях, наверняка пасутся олени или еще что-нибудь съедобное. Затем я напился и снова пошел по холлу.

Было уже совсем темно и я представил себе, что здесь собрались люди и ждут сигнала лорда на ужин. Я расхаживал по холлу и представлял себя великим и могущественным лордом, звуки голоса которого способны вселять страх и трепет в сердца людей. Но я был без рода, без имени, и мое будущее было таким же пустым, как этот темный холл. Да, я мог быть лордом только теней, населяющих дальние углы этого громадного холла.

Но все же я гордо прошел мимо громадного холла, поднялся на помост и пошел мимо ряда стульев в центр. На ходу я рассматривал изображения на спинках. Здесь уже не было сцен охоты и сражений. Напротив, на спинках были изображены фруктовые деревья, тучные нивы, красивые цветы. Все это заставило меня вспомнить о лесной леди и подумать, кто же она такая? А может, это был дух леса, который явился ко мне, чтобы узнать мои намерения, оценить меня?

Я прошел к центральному креслу и уселся на него. Оказалось, что оно вполне подходит мне. Конечно, оно было твердым, ведь мне приходилось сидеть на голом камне, но все же оно было достаточно удобным. Я положил руки на стол и всмотрелся вдаль холла. Но тут мое внимание привлек стол. На его поверхности тоже были какие-то символы. Я начал водить пальцами по замысловатым линиям. Раз... другой... третий... Не знаю, почему я водил по ним пальцами правой руки, на которой все еще пламенел шрам, полученный мной в битве с чудовищем.

...Три раза...

Линии стали ярче. Может, я просто стер с них пыль? Я взглянул на другие символы, но то, что было передо мной, светилось ярче всех.

Откуда-то... может прямо в воздухе... родился звук. Он был похож на звук рога. И, кроме того, слышался бой барабана. Или же это был хор голосов, звучащий на одной ноте? Я никогда раньше не слышал такого звука. Я невольно вскочил с кресла, и ухватившись руками за его спинку, широко раскрытыми глазами всматривался во мрак холла, стараясь определить, откуда исходит этот звук.

Он повторился три раза. Последний раз звук пришел откуда-то

издалека, я даже решил, что это просто эхо. Мрак, который не могло побороть даже сияние надписей над камином, все сгущался.

У меня возникло ощущение, что эта крепость, куда я вошел, стала как-то меняться. Хотя я не мог ничего видеть во мраке, я чувствовал, что вокруг меня что-то происходит. Я стал сжимать спинку кресла так, что острые углы врезались мне в ладони. Темнота стала непроницаемой. Я падал... или летел... или меня тащили... куда-то в другое место — а может, в другое время — откуда бежать было невозможно.

Видимо, эта чернота была вызвана каким-то колдовством, и когда я очнулся, я понял, что все это был не сон, хотя мне очень хотелось бы, чтобы это было сном. Я сидел в кресле за столом, но когда я взглянул на холл, то увидел, что он заполнен кем-то. Я пытался рассмотреть тех, кто был в холле, но все они казались подернутыми дымкой и я не мог ясно рассмотреть их. Перед моими глазами были только смутные очертания фигур, да бледные размытые цветочные пятна. Ни одного лица я рассмотреть не мог. У меня возникло ощущение, что многие из тех, что были в холле, походили на меня, но среди них были и другие, незнакомые мне формы тела — некоторые красивые, некоторые уродливые. Но все они дружески общались между собой.

Было ясно, что в холле празднество по какому-то торжественному поводу. Это я скорее почувствовал, чем услышал. В холле слышались какие-то звуки, но они мало были похожи на голоса. Скорее это напоминало шелест волн на песчаном берегу.

Я наклонился вперед, стараясь рассмотреть того, кто сидел передо мной. Я до боли в глазах всматривался в него. Затем я повернулся направо. Рядом со мной сидела женщина в платье янтарного цвета. Но лицо ее было для меня расплывчатым пятном. Когда я взглянул влево, то увидел, что мой сосед мужчина, но больше я ничего не мог сказать о нем.

Все еще крепко держась за ручки кресла, я ждал, что же произойдет дальше — либо они все исчезнут, либо каким-то образом изменятся. Но ничего не происходило, за исключением того, что эти туманные формы двигались, ели, пили, поднимали кубки, переговаривались. Они оставались в своем мире, куда я не мог войти, а мог только смотреть на него со стороны.

Только одно ярко светило в этом холле — это надписи на столе прямо передо мной. Они были полностью в моем мире, я видел их ясно и отчетливо, и мои глаза каждый раз возвращались к ним, когда меня начинала утомлять нечеткость моего зрения. С большими усилиями я оторвал руки от ручек кресла, протянул их вперед и коснулся пальцами линии символа. Если они так заколдовали меня, то возможно смогут вернуть обратно.

Мне пришлось собрать все силы, чтобы мои пальцы не дрожали. Значит, мне нужно провести пальцами по этим линиям. Три раза, что же

случится, если я сделаю это? Я сжал зубы и нажал. Линии были холодными, как будто я опустил пальцы в родник.

Так... так... так...

Один, два, три раза. Я сделал это, сконцентрировав на движениях все свое внимание. И вдруг стал слышать голоса — далекие, но достаточно громкие и чистые. Но язык, на котором они говорили, мне был непонятен.

Я рискнул поднять глаза. Теперь все стало реальным, как будто освободилось от тумана, который окружал их всех. Здесь были мужчины и женщины, одетые с такой роскошью, какой я не встречал даже в домах богатейших наших лордов. Одежда их была из мягких роскошных тканей разнообразных расцветок. На всех были широкие пояса из драгоценных камней, сверкающие искрами воротники, кольца на пальцах движущихся рук.

Волосы у этих людей были темные и почти все женщины на головах имели короны или диадемы, сверкающие драгоценными камнями так, как будто они собрали все звезды с неба, чтобы украсить себя. У мужчин тоже были короны, но их украшал только один большой драгоценный камень надо лбом. Короны были сделаны из золота, серебра, или же из какого-то красного металла, который был мне неизвестен.

Среди подобных мне людей, как я и предполагал, были и другие. Поблизости от себя за столом я увидел женщину, которая была похожа на ту, которая явилась мне в лесу. Затем я заметил мужчину — правда, это я думал, что он мужчина — у которого все тело было покрыто шерстью, а на лбу красовались два черных рога, которые красиво гармонировали с его красными глазами. Единственная его одежда была два украшенных драгоценностями ремня, которые крест-накрест стягивали его мохнатую грудь. Затем мне показалось, что я вдали я заметил кого-то с крыльями, сложенными за спиной. Но когда я попытался рассмотреть его повнимательнее, чтобы убедиться, что это не то крылатое чудовище, с которым мне довелось познакомиться, до меня кто-то дотронулся. Рука осталась лежать на моей руке.

— Лорду не нравится весеннее вино? У тебя такой вид, как будто ты не на празднике.

Голос был тихим, но я слышал его отчетливо, несмотря на шум. Я медленно повернул голову и увидел ту, что сидела рядом со мной и говорила на моем языке.

У нее были темными и кожа и волосы. Даже по сравнению с моим загаром, она казалась совсем черной. Но я был уверен, что цвет ее кожи не связан с воздействием солнца и ветра. Она, должно быть, высокого роста,

так как мне приходилось смотреть на нее снизу вверх. Они тоже были коричневого цвета, того самого цвета темного янтаря, который так ценится среди моих соплеменников. Но прямые брови ее были черными, как смоль. Она держалась так, как будто привыкла приказывать, повелевать. Тот янтарь, который мне удалось рассмотреть сквозь туман, оказался мантией, которую теперь, когда она положила мне руку на ладонь, она откинула назад. Под мантией было платье цвета созревшего зерна. Платье обтягивало тело с пышным бюстом, но тонкой талией. Между ее полными грудями покоился янтарный кулон. Цепь, поддерживающая его, была сделана из чередующихся бусин черного и желтого янтаря. Брелок имел форму колоса с зерном, обвитого виноградной лозой.

Волосы ее были собраны на голове короной и удерживались они не золотыми булавами и драгоценными камнями, как у большинства других женщин, а тонким золотым обручем с кусочком янтаря надо лбом, тоже сделанным в виде колоса.

Я был потрясен, я даже не мог ответить ей, не мог найти слов, так как мысли мои рассеивались, как безумные, страшное возбуждение охватило меня.

Она улыбнулась и ее улыбка была такой, что только усилие воли удержало меня на месте. Я еле сдержался, чтобы не прижать ее к себе.

Ее глаза не менялись, теперь в них было удивление. Нет, больше, чем удивление, я видел, что она поняла мое состояние, поняла, что я совсем чужой и только колдовство принесло меня сюда, усадило между ними.

Теперь я уже не мог двинуться с места, хотя мне безумно хотелось вскочить и бежать. Эти янтарные глаза держали меня. Она подняла руки и стиснула кулон у горла. Я ждал ее гнева, ждал, что она громогласно объявит всем, что я враг, непрощенный пришелец, чужой — вор, который хотел забрать то, что не принадлежит ему.

Но она просто рассматривала меня. Теперь в ее глазах было ожидание. Пальцы ее, которые касались моей руки, двинулись и сжали мою кисть так, что мне, чтобы вырваться, пришлось бы приложить все силы. Я с трудом поверил бы, что женщина может так сильно сжать руку.

Она заговорила и я снова четко расслышал ее слова сквозь царивший гам. Она приказала и я не смог послушаться.

— Пей!

Рядом стоял кубок. Так как она держала мою правую руку, мне пришлось поднять его левой рукой. Этот кубок был сделан из черного дерева, что показалось мне весьма странным здесь, где царили богатство и роскошь. На кубке была вырезана голова человека — или кого-то весьма

близкого человеку. Глаза были скошены и это, в сочетании с причудливым изгибом губ и острым подбородком, придавало лицу крайне своеобразное выражение. На голове красовалась корона, выполненная в виде изогнутых оленьих рогов. Кубок был полон до краев и когда я поднял его, вино, булькая, полилось через край. Но делать было нечего и я выпил.

Жидкость была холодной, хотя я почему-то считал, что она очень горячая. Но когда она проникла в мой желудок, по всему телу разлилось тепло — и даже что-то большее. Она зажгла мою кровь, обострила восприятие, усилило желания.

Я пил и смотрел поверх края кубка на свою соседку. Я видел ее медленную выжидающую улыбку. Затем она усмехнулась. Пальцы правой руки все еще сжимали кулон между роскошных грудей, которые казалось сами вылезали из платья, желая похвастаться своей упругостью, своей формой.

Она снова заговорила.

— В тебе есть могущество, человек из будущих времен, иначе ты не был бы среди нас. — Она наклонилась ко мне. От нее исходил аромат, от которого у меня закружилась голова. Я уверен, что это был запах ее тела, а не одежды. Я был в таком состоянии, что не мог даже поставить кубок на стол, я был ее пленником и она забавлялась мной.

— Жаль, — продолжала она, — что наши времена не накладываются одно на другое, так что твои желания тщетны. Но ты береги их, и подари той единственной, которая предназначена тебе, подари в нужном месте и в нужное время.

Она крепко поцеловала меня в губы. Огонь побежал по моему телу, но это был не тот огонь, который зажгло во мне вино. Я твердо знал в этот момент, что нет для меня другой женщины, что именно она.

— Нет, — прошептала она, отодвинувшись. — Нет. Твоя женщина придет к тебе в твоё время. Я — Гуннора — обещаю тебе это. Ты выпил из кубка самого Охотника. И теперь тебе суждено искать и найти. Она придет — и ты не узнаешь ее, пока не пробьет час.

Ее рука стала двигать моими пальцами. Снова я ощутил под пальцами письма. Но пальцы двигались в обратном направлении. Три раза, и все подернулось туманом, но я все еще чувствовал ее руку. Еще три раза. И вот снова темнота и мое путешествие окончилось. Это было путешествие во времени и в пространстве? Я не мог сказать этого.

Я сидел снова за столом. Но холл был пуст и темен. Холод и мрак ночи царили в нем. Я почувствовал, что у меня что-то находится в руке и слабом свете светящихся букв я разглядел кубок. Оказывается, я захватил с собой

из того времени кубок Охотника. Мое тело все еще ощущало желание, которое пробудила во мне Гуннора, и которое я не мог удовлетворить здесь и сейчас.

— Гуннора!

Я громко выкрикнул это имя. Звук прокатился по пустому холлу. Однако даже эхо не вернулось ко мне. Тогда я нетерпеливо поставил кубок на стол, положил на него руки и голову, прижимаясь щекой к начертанным письменам. Я был уверен, что меня здесь больше не ждет ничего. Три дня я провел в этой крепости, спал перед очагом, целые дни проводил в кресле, пытаясь вернуться в прошлое. Я еще никогда не имел женщины, но я с жадностью слушал рассказы взрослых из клана Гарна об этом. У нас было принято, чтобы люди женились в зрелом возрасте. Может, именно поэтому наши семьи были маленькими. И к тому же лорды соединяли людей в семьи по своим собственным соображениям и личные привязанности людей они не учитывали.

Но затем я наконец понял, что мне нужно идти дальше, хотя мои неудовлетворенные желания заставляли меня снова делать попытки возвращения на праздник в прошлое. Однако я в конце концов заставил себя думать о других делах. Я устроил охоту на зверей, пасшихся на старом хлебном поле и закоптил себе мяса на дорогу. Кроме того, я как мог собрал зерна и перемолол их в муку с помощью камней.

Я знал, что должен был идти, но мне все же хотелось присоединиться к празднику. Правда, я понимал, что никакое колдовство не может помочь мне перейти границу между временами. В эти дни я почти не думал ни о поисках Инны, ни о Гатее. Казалось, что они находятся где-то очень далеко позади, в прошлом и между мной и ними будто опустили занавес, который отрезал меня от прошлого, от того, кем я был раньше.

На четвертое утро я поднялся, понимая, что мне пора идти дальше. У меня было ощущение, что янтарная леди приказала мне пуститься в дорогу. Правда, я мало верил в ее обещание, что какая-то женщина из моего времени заменит ее в моих мыслях.

Вскоре после рассвета я неохотно покинул крепость. Мой путь лежал на запад. Однако после того, как я удалился на порядочное расстояние, я внезапно изменился. Вероятно, я был захвачен какой-то магией, но теперь она освободила меня и я снова начал думать о необходимости отыскать дочь Гарна и найти следы исчезнувшей Гатей.

Снова передо мною лежала дикая страна без единого следа разумной деятельности. Даже дороги не было под ногами. Я пошел прямо на один из пиков гор, которые лежали впереди. Пик врезался в небо, как меч,

поднятый вверх. Я шел, с большой осторожностью осматриваясь вокруг, теперь, когда я удалился от крепости, мне в каждом камне, в каждом кусте чудилась западня. Однако ничего угрожающего я не замечал. На земле не было никаких следов, а в небе беззаботно резвились птицы. Казалось, что здесь нет никакой жизни, кроме растительной, да птиц.

На второй день я подошел к первому подъему в горы. Здесь я поел и пополнил запасы воды. Мой мешок уже заметно похудел, а в мешок Гатеи я ни разу не заглянул — как будто ожидал с минуты на минуту встречи с ней. В одном месте я набрел на вишневые деревья, усыпанные ягодами, и с большим удовольствием поел их и даже набрал на дорогу.

На горные пики опустился туман. Близился вечер. Туман, как медленно опускающийся занавес, полз вниз. Заметив это, я решил остановиться на ночь, не пытаясь идти дальше, пока утреннее солнце не разгонит туман.

Я нашел небольшую пещеру в камнях, куда я смог забиться. Спина моя была защищена от нападения. Ночи в этой загадочной стране требовали большого терпения и мужества и я всегда, с беспокойством ждал их. Спал я очень настороженно, просыпаясь при малейшем шорохе и поэтому ночи не приносили мне отдыха.

Хотя здесь было много топлива, так как деревья росли вокруг, я не рискнул развести костер. Я полусидел–полулежал, уперевшись спиной к камню и вглядываясь в сгущающиеся тени, и вспоминал тот праздник в покинутой крепости. Передо мной в памяти вставали мельчайшие подробности его. Почему они ушли оттуда? Почему оставили прекрасную крепость? Никаких следов войны и насилия я не заметил там. Может, им что–то угрожало, что–то настолько страшное, что им пришлось бежать из крепости?

Вдруг я прислушался.

Я слышал это? Нет, этот крик родился в моем мозгу. Я встал на колени, пытаюсь понять, кто же это зовет о помощи? Откуда донесся призыв?

Снова молящий крик прошелся судорогой по моим нервам. Откуда? С окутанных туманом гор! Но кто? Я поднялся на ноги, глядя на стену гор. Сквозь пелену тумана проблескивал маленький огонек. Костер? Это было не похоже на пламя. Западня? Ловушка? Я хорошо помнил серебряных женщин и их сладостное пение, зовущее на гибель.

И в третий раз пришел этот безумный бессловесный крик о помощи. Осторожность приказывала мне оставаться на месте. Но я не мог заткнуть себе уши, вернее, мог, но крик звучал во мне. И я не мог сопротивляться ему — каким бы он не был странным, но это был крик о помощи —

Гатея?... Инна?... Это могла быть и та и другая. В этой колдовской стране все могло быть.

Я отбросил все свои мысли о собственной безопасности и полез вверх. Ветер дул мне в лицо. Он приносил какой-то запах — не зловоние, но и не божественную сладость, которая связывалась в моем мозгу с Гуннорой, с Лунным Святилищем, с лесной леди. Я не знал этого запаха.

Хотя я знал, что делаю глупость, отправившись в путь ночью, я шел вперед, внимательно осматриваясь и прислушиваясь. И я не слепо двигался вперед. Я часто останавливался и ждал, когда же снова раздастся крик о помощи.

Проблески света все еще были видны, но ничего больше. Ничего, кроме неполного ощущения того, что тебя ждут, на тебя надеются. И это ощущение росло с каждым моим шагом в гору.

К счастью, на склоне рос кустарник и я мог использовать его для поддержки. Наконец, я вошел в туман, который окутал меня мутным плащом. Капли влаги осели на лице. И все же я поднимался вверх, к слабому свету, который пробивался сквозь этот занавес.

Через каждые несколько шагов я останавливался и осматривался. Хотя я ничего не видел в тумане, но старался слушать. В тумане было очень промозгло и он, казалось, поглощал все звуки, так как я ничего не слышал.

Свет не исчезал, но и не увеличивался в размерах. Он оставался как маяк — маяк для кого? Для меня? Не попаду ли я в ловушку? Предназначенную для другого!? Но я уже не мог повернуть обратно, хотя криков о помощи больше я не слышал.

А затем...

Прямо у моих ног с земли поднялось что-то светлое, как прозрачный туман. Оно поднялось во весь рост и я моментально узнал это глухое ворчание, низкий рокот. Горный кот — Гру?

Я остановился, сжимая рукоять меча. Кот был такой же огромный, как Гру, и если он дикий, то мой меч и все мое искусство не остановит его.

Он снова проворчал, затем повернулся и моментально скрылся в тумане. Гру! Конечно, это был Гру, иначе битва была бы неизбежной. А это значит, что здесь Гатея!

Я буквально взлетел по склону, хотел позвать ее, но побоялся насторожить возможного врага. Светло-серебряный кот поджидал меня, когда я вошел в круг света.

Сияние исходило от какого-то предмета, лежащего на голом камне — на полке, которая была сделана в скале разумными существами. Я не видел, что это было. Сейчас меня больше беспокоило распростертое на земле

тело, над которым склонился кот, изредка облизывая шершавым языком лицо.

Это была Гатейя. С ней произошло что-то ужасное. Вся ее одежда была в лохмотьях, руки в глубоких царапинах. Они были обнажены до самых плеч. И даже штаны ее были разодраны в клочья.

Волосы ее были спутаны и в них застряли сухие листья и трава. Лицо ее было осунувшимся, кожа обтягивала кости черепа. Руки тоже были как у скелета, тощие, кости просвечивали через прозрачную кожу.

Я опустился возле нее на колени, стараясь нащупать пульс. Я очень боялся, что крик о помощи, который донесся до меня, был ее предсмертным криком и она умерла еще до того, как я пришел к ней. Гру отодвинулся назад, давая мне место возле нее, но его зеленые глаза неотрывно следили за мной, как бы охраняя свою госпожу.

Она была жива. Но сердце билось так слабо, что вероятно смерть была рядом. Мне нужен был мой мешок. Там была вода. Я обмыл ее лицо и затем, прижав ее голову к себе, я заставил ее немного выпить воды. Это привело ее в чувство. Она открыла глаза и посмотрела на меня.

Она не узнавала меня. Она смотрела куда-то в другие миры, сквозь меня, за меня. Но я все же заставил ее выпить еще и затем, размочив в воде немного муки, ложкой накормил ее. Она жевала и глотала, не понимая, что делает. Она даже не понимала, что я рядом, она не видела меня.

Затем я впервые взял ее мешок и открыл его. В одной коробочке я обнаружил мазь и, уложив ее на землю, я очень аккуратно помазал наиболее глубокие раны.

Гру не сводил с меня глаз. Но когда я закончил, он поднялся и стал смотреть в ночь. Голова его была поднята, как будто он прислушивался и старался определить опасность. Затем он начал ходить взад и вперед между нами и полосой тумана.

Он остановился и прорычал. Это был крик, которым он вызывал на бой тех, кто укрывается в ночи. Прежде, чем я смог опомниться, он прыгнул и мгновенно исчез в тумане. Затем я услышал свирепый рев, рычание, звуки битвы, разыгравшейся во мраке.

Я стоял над Гатеей с мечом наготове. Но из тумана ничего не появлялось, пока оттуда не вынырнул сам Гру. Его шерсть была вымазана в чем-то темном, пасть была окровавлена. Он уселся у огня и стал облизывать себя, удалять следы битвы. При этом он недовольно ворчал, как будто эта грязь вызывала у него отвращение. Я намочил в воде бинт и подошел к нему.

Я стал смывать самую большую грязь, которая глубоко въелась в его

густую шерсть. Он разрешил мне сделать это и я понял, почему это занятие вызывало у него отвращение. То, что я смывал с него, была не кровь, а какая-то скользкая масса с жутким запахом. Так что мне даже пришлось заткнуть нос.

Гатея так и не пришла в сознание, она до сих пор не заметила, что я рядом. Однако я снова постарался накормить ее кашей и после внимательного рассмотрения убедился, что все ее глубокие царапины, красные и ужасно выглядевшие, не были настоящими ранами. Как она могла забраться так далеко без всякой пищи и что это за свет, оставалось для меня тайной. Я уже начал было думать, что она упала от истощения и усталости. И все же тот странный крик о помощи, который привел меня сюда, вряд ли мог исходить из этого ослабевшего истощенного тела.

Когда на страже стоял Гру, я чувствовал себя спокойно. Впервые с момента ухода из крепости у меня возникло это чувство. Кот лежал у огня, облизывая лапы и был полностью поглощен этим занятием. Но я знал, что ему можно верить: он не пропустит опасности.

Я уложил девушку поудобнее, положил под голову мешок и укрыл своим дорожным плащом. Тряхнув бутылкой, я понял, что израсходовал слишком много воды и утром мне надо будет найти родник. Может, мне в этом поможет Гру.

Растянувшись на земле неподалеку от Гатеи, я позволил усталости овладеть собой. Свет все еще не погас, он был такой же яркий, как и раньше, но глаза он не слепил. Он был какой-то мягкий, не раздражающий.

Я лежал в самом центре освещенного круга и тут меня вызвал кто-то. Это был короткий вопрос, прозвучавший в моем мозгу. Откуда я пришел, и что я хочу делать? В ответ в моем мозгу возник символ, который носила янтарная леди — колос, перевитый виноградной лозой. Это произошло помимо моего желания.

Мой невидимый собеседник был удивлен, поражен, как будто он получил неожиданный удар. Но ничто во мне не хотело битвы между нами. Я не чувствовал неприязни к тому, кто требовал от меня ответа, кто спрашивал, имею ли я право находиться здесь.

То, что в моем мозгу сформировалось четкое изображение, удивило меня. Но затем изображение стало трансформироваться: колос превратился в богатые хлебные поля, а затем перед моим внутренним взором поплыли фруктовые сады, причем все было так реально, что хотелось протянуть руку и сорвать плод. Я почему-то был уверен, что в это время за мной стоит женщина из крепости. Но у меня не было сил повернуть голову, чтобы увидеть ее.

Теперь отношение моего невидимого собеседника ко мне резко изменилось. Исчезла та неторопливая надменность, с которой он допрашивал меня. Теперь он задавал вопросы и получал ответы на них помимо меня. Видимо, за меня отвечала та, что пришла и стояла за мной.

Я ощущал, как могущественные силы окружают меня, протекают сквозь меня. Шел оживленный разговор, но я не понимал ничего. Единственное, что мне стало ясно, что могущественные силы, которые концентрировались за огнем, были удовлетворены полученными ответами и пусть без особого желания, но они позволили мне двигаться дальше. И затем, наконец, в мое измученное тело опустился целительный сон.

Я смотрел в безоблачное небо, постепенно освобождаясь от сна, тело мое онемело так, как будто проспал я целую вечность. Затем я снова услышал то, что разбудило меня.

Слова, чистые и ясные, затем тишина, как будто говорящий ждал ответа. А затем снова слова. Они звучали примерно так же, в том же ритме, в каком наши барды расппевают Историю Народа или величественные саги. Но я не понимал этих звуков, которые вероятно были словами.

Я повернулся, Гатея уже не лежала там, где я уложил ее. Она сидела, скрестив ноги, в солнечном свете. Это она говорила, адресуя непонятные слова воздуху, так как поблизости не было никого, даже Гру.

Должно быть, у нее лихорадка и она бредит. Такова была моя первая мысль, когда я увидел ее за таким странным занятием. Она даже не повернула головы ко мне, когда я сел. Действительно ли она в лихорадке, либо она находится под действием чар?

Она сидела и перед ней было то, что, по-видимому, было источником света ночью. Когда я взглянул на это, мне захотелось схватить и утащить ее подальше. Потому что я увидел воткнутый между камнями часть посоха, который Гатея сделала на моих глазах из ветки дерева.

Треть его исчезла. И пока я смотрел на него, от посоха удалился еще кусочек — легкий ветерок сбил обгоревшую верхнюю часть его и унес с собой пепел. И другого топлива здесь не было — только этот обгоревший сук.

Гатея все еще сидела и говорила, затем ждала ответа, которого я не слышал, а потом снова говорила. Временами и в моменты, когда она слушала голос, отвечавший ей, она кивала в знак согласия. Несколько раз она хмурилась, как бы стараясь лучше понять то, что ей говорят. Не знаю, что она слышала в эти моменты, советы или предупреждения.

И она действовала так естественно, что я уверился, что это я глух и не слышу голоса, который разговаривает с ней. К тому же, говорящий был невидим для меня.

Я хотел коснуться рукой ее плеча, но тут же остановился. У меня возникло ощущение, что все происходящее действительно реально. Во всяком случае для нее. Она вздохнула и подняла голову, как будто тот, с кем она говорила, поднялся и теперь ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Рука ее поднялась, как бы для прощания. И глаза ее провожали того,

кто был для меня абсолютно невидим, пока он уходил.

И только после этого я обрел способность двигаться. Я легко взял ее за руку и она посмотрела на меня с искренним удивлением. Однако теперь она видела меня и узнала меня.

— Гатея... — сказал я.

Брови ее гневно выгнулись и она отшатнулась от меня.

— Ты не имеешь права следить за мной... — выкрикнула она.

Она нетерпеливым жестом выдернула свою руку из моей и при этом я выронил свой мешок. Раздался сильный грохот, мешок раскрылся и из него вывалился и покатился по земле кубок с изображением человека с короной из рогов, который я принес из крепости. А из кубка выпал листок лесной женщины. Я сложил вместе эти два чудесных дара, прежде чем спрятать их в мешок.

Глаза Гатеи уставились в кубок, который подкатился к самой ее ноге. Кубок лег так, что она видела рогатую голову. Листок блестел на солнце. Глаза Гатеи расширились от удивления и она смотрела на голову, как будто она была живая.

Она отодвинулась подальше, не спуская глаза с нее, взглянула на листок, снова перевела взгляд на кубок.

Я заметил, что она облизнула пересохшие губы. Теперь в ее лице не было гнева. Я видел, что ее охватывает страх. Тихим голосом, почти шепотом, она спросила:

— Где это ты нашел?

— Это подарки, — ответил я. — Кубок подарила мне леди, которая рассказала мне кое-что о будущем.

Гатея не отрывала глаз от кубка. Лицо ее сильно побледнело под загаром.

— Она тебе сказала свое имя — та, которая дала тебе кубок? — теперь она спросила еще тише. Ее сильное беспокойство выразилось в том, что она быстро повернулась и схватила остатки посоха. Так человек хватается меч, завидев врага.

— Ее зовут Гуннора, — ответил я. Мне было приятно видеть ее такой потрясенной. Ведь она всегда была так далека от меня по духу, хотя чисто физически она была рядом, я мог дотянуться до нее рукой.

Она снова облизнула губы. Теперь она смотрела на меня. Она как бы что-то обдумывала, рассчитывала. Раньше она не принимала меня всерьез, а теперь я приобрел что-то новое и со мной нужно было считаться.

— Какой у нее символ? — Это уже был не шепот. Она спросила громко и повелительно. Она ждала быстрого ответа.

— Хлебный колос, перевитый виноградной лозой. — Я очень хорошо помнил эту прекрасную леди, сидевшую рядом со мной в другом времени, а может быть, и в другом мире.

Гатея кивнула.

— Правильно, но... — она покачала головой, как бы переживая какую-то важную для нее встречу. Затем она посмотрела мне в глаза. Она рассматривала меня, как будто видела впервые, и тем не менее в ее глазах было недоверие, сомнение.

— Почему... почему она дала тебе это? И где ты нашел ее? Здесь нет святилища... — Она поднесла свой посох к груди, держа его как щит, которым она хотела закрыться от неизвестного.

— Я встретился с ней не в святилище, — повторил я, поднимая кубок и лист и аккуратно складывая их вместе. — Там есть крепость, старая и заброшенная. Какие-то силы перенесли меня в прошлое, на пир тех, кто жил здесь когда-то. Моя янтарная леди одна знала, кто я и она дала мне это.

— Но она не сказала тебе... — глаза Гатеи сузились. Ее трепет и беспокойство исчезли на глазах. Если раньше я был какой-то важной для нее фигурой, то теперь терял все, перед чем она преклонялась. — Нет, она тебе ничего не сказала. Правда, кубок у тебя, но раз ты не знаешь, как им пользоваться...

Я был поражен такой быстрой переменой своей позиции, мгновенным возвращением ее надменности по отношению ко мне, ее превосходства надо мной...

— Она дала мне кое-что еще, — сказал я, — то, что я должен использовать в нужное время...

Взгляд Гатеи упал на мешок, куда я прятал свои сокровища. Теперь я покачал головой.

— Нет, это не лист — хотя его тоже мне подарила леди, обладающая своим могуществом. У тебя есть свои тайны — у меня свои.

Я вовсе не желал говорить ей о поцелуе янтарной леди и о том, что она сказала мне затем. Все это не касается ее. Я не желал делиться с ней своими пылкими мечтами и желаниями! И я сам спросил ее:

— А что ты узнала относительно Инны и своей лунной магии? С кем ты только что говорила?

Гатея передернула плечами.

— То, что я ищу... — начала она, но я резко оборвал ее.

— Что мы ищем. Я найду дочь своего лорда, если это возможно в стране магии и колдовства. Ты узнала у своего невидимого друга, куда нам

идти дальше?

Я был уверен, что она хочет просто повернуться и уйти от меня. Но я знал, что она больше не сможет так третировать меня, пренебрегать мной. Я не знал, какое могущество заключено в этом кубке, но он был мой и Гатея неохотно признала мое право на то, что я должен идти с ней.

— Туда, за эти горы...

Я взглянул на эти горы, возвышающиеся перед нами.

— Слишком широкое поле для поиска, — заметил я. — Ты могла бы спросить поточнее.

Несколько мгновений я думал, что она прогонит меня. Брови ее гневно сдвинулись и она держала свой посох так, как будто хочет ударить меня по лицу. Я ощутил ее гнев почти физически, как будто она действительно ударила меня. Я изумился, что могу так ясно и четко воспринимать ее эмоции. Конечно, она не скрывала свой гнев и я мог видеть его на лице девушки, но помимо этого я ощущал то, что она чувствует внутри себя.

Я отстегнул мешок — ее мешок, который я таскал так долго, — и протянул его девушке.

— Твой. Я там ничего не трогал, а ремень порван в бою.

Мои действия несколько успокоили ее. Гатея взяла мешок, держа его так, как будто видела впервые. На нем виднелись следы ужасных когтей чудовища.

— Это на меня напало крылатое существо, — я старался сделать свой голос небрежным.

— Крылатое существо... Варк! Ты дрался с варком?

— Да, пришлось. Я сомневаюсь, можно ли их убить вообще. — Я с содроганием вспомнил отрубленную кисть с когтями, которая сама ползла ко мне. — Я полагаю, что ты многое узнала об этой стране, с тех пор, как мы разделились. Во всяком случае, ты даже знаешь имя этого существа. А что еще?

Снова ее лицо стало непроницаемым.

— Хватит и этого...

Хватит? Нет, это становится невыносимым. Но я спокойно спросил:

— А куда мы дальше направимся? Снова на запад?

Гатея свистнула и откуда-то вынырнул Гру. Он занял место рядом с ней, готовясь сопровождать ее. Гатея была очень угрюмой и мне очень хотелось плюнуть на все, повернуться и уйти, оставив ее одну. Но только она могла привести меня к Инне. А это было дело моей чести — выручить дочь моего лорда, дочь моего народа, которая пропала из-за моего легкомыслия.

Мы поднимались молча. Впереди шел Гру. Он как будто точно знал, куда идти, хотя я не видел никаких следов, никаких знаков. туман уже полностью рассеялся. Я оглянулся назад, на страну, лежащую внизу. Далеко на горизонте я заметил старую крепость. Неужели Гатея прошла мимо? Где же ее чутье на магию? Но спрашивать я не стал. Она уже воздвигла высокий барьер между нами и я был доволен этим.

Мы забирались все выше и выше. Я с опаской поглядывал на небо, ожидая увидеть крылатых чудовищ — варков. Но все было спокойно. День был солнечный и ничего зловещего я не видел.

Вскоре мы уперлись в отвесную стену и Гру повел нас в обход вдоль расщелины. Расщелина была такой узкой, что временами мы с трудом протискивались в нее. К полудню, насколько я мог судить по высоте солнца, мы добрались до выступа, откуда могли бросить взгляд на новую страну.

То, что ждало нас, было смесью пустыни и диких джунглей. Это была дикая пустынная страна. Вдали можно было разглядеть башни и светлые узкие ленты дорог. Гатея долго стояла и смотрела. Затем она бросила через плечо:

— Это охраняемая земля...

Я понял, что она хочет сказать. Она имела в виду, что только у нее есть могущество, благодаря которому она может двигаться дальше. Ну что же, я проверю это, когда придет время, хотя даже беглый взгляд на землю, расстилающуюся перед нами, вселял в меня уверенность, что если Инна попала сюда, то я напрасно боялся: ее положение не такое уж жуткое.

Гатея резко повернулась ко мне.

— Ты что, не понимаешь? — Она даже зашипела, как шипит дикий кот, готовясь напасть на врага. — Тут есть преграды, которые ты не сможешь преодолеть!

— Но все они падут перед тобой? Может, их разрушит твой невидимый друг?

Она постукивала посохом по ладони. Этот жест выдавал ее нетерпение и раздражение. Затем, как бы придя к решению, она сказала:

— Тебе не понять. Нужны многие годы, чтобы перед тобой открылись двери в знание. Я училась с детства. И кроме того, я родилась в семье, где могущество передавалось из поколения в поколение. Я женщина, и эти знания могут быть доверены только тем, кто может стоять под луной и петь хвалу Великой Леди. А ты... У тебя нет ничего!

Я подумал о Гунноре — о моей янтарной леди, о кубке и драгоценном листке, которые покоились в моем мешке. И поэтому я не поверил, что

только женщина может править здесь.

— Ты думаешь о своем оружии, — продолжала Гатея быстро, почти захлебываясь словами. — Здесь есть оружие, о котором ты даже мечтать не можешь. Здесь нет места для тебя! И я не могу помочь тебе. Все мое могущество нужно мне самой — чтобы я сделала то, что должна сделать! Твоя леди украла то, что принадлежит мне! И я возьму это обратно!

Ее глаза были свирепыми, как у коршуна. она стискивала свой посох так, что у нее побелели костяшки пальцев.

— Настало время для мечей. Я не скажу, что не верю в твое могущество, или в странность этой страны. Но у меня есть контакт с ней.

И моя рука сжала не рукоять меча, а узелок в мешке.

Она расхохоталась презрительно.

— Да, кубок Коронованного Рогатой Короной! Но ты даже не знаешь смысла кубка. По древней традиции тот, кто носит Рогатую Корону, обладает могуществом только год или около того же, а затем его плоть и кровь идут на удобрение полей — прекрасный подарок леди...

— Гунноре? — спросил я и не поверил ей.

Гатея взглянула на меня.

— Ты... ты... — в ней буквально кипела злоба и она захлебнулась ей. Затем она провернулась и начала спускаться с такой скоростью, что мне потребовались все мои силы, чтобы не отстать от нее. Затем Гру обогнал меня, выскочил вперед и встал перед ней, задерживая ее, пока я не догоню их.

— Мы идем? — спросил я. — Вместе?

Я знал, что она теперь кипит гневом, что она хочет идти одна, как она это сделала в прошлый раз, но теперь Гру стоял впереди и не двигался, не давая ей пройти.

— Иди, но только вини во всем себя! — рявкнула она. И снова между нами воцарилось молчание, пока я не нарушил его. Я решил, что такая враждебность ни к чему хорошему не приведет.

— Может, ты действительно найдешь здесь хороший прием. Но я поклялся найти Инну, это ведь мой долг перед кланом. Я буду стремиться к этому всеми силами. Может, меч мне не поможет, я не знаю. Но я воин...

Почему я говорил все это? Ведь другого пути у меня нет. Но теперь я ощущал, что мной движет не только долг перед кланом. Кто сказал, что во мне есть зерно, которое должно прорасти? Я знал, что я не Бард. Так что же влечет меня вперед, что заставляет изучать эту страну? Проникать в ее тайны? Мною двигало нечто большее, чем просто поиски Инны. Мною двигало желание узнать эту страну, которую населяли люди, виденные

мною в заброшенной крепости.

— Ты человек! — она сказала это так, как будто обвиняла меня. — Ты мужчина!

Мудрые женщины никогда не выходили замуж. Они были уверены, что потеря девственности влечет за собой потерю могущества. Возможно, в глубине души они даже ненавидели мужчин, и эта ненависть сейчас звучала в ее голосе.

Я рассмеялся.

— Конечно! — и снова я вспомнил тот жар, который вспыхнул во мне после поцелуя янтарной леди. Но если эта тощая обгоревшая на солнце девчонка думает, что вызывает во мне какое-то желание после того, как я видел Гуннору, то она ошибается. — И ты не хочешь посвятить меня ни во что именно из-за этого? Ты говорила о Коронованном Рогатой Коронай и его жертве — почему же я никогда не слышал об этом? Если и был когда-то такой обычай, то мы должны были бы знать об этом...

Она вспыхнула.

— Теперь уже многое забыто. Я даже не понимала этого, пока не прошла в Ворота. Попав сюда, я как будто вырвалась из тюрьмы на волю. Я начала учиться, пошла по тому пути, по которому тебе никогда не пройти. Возвращайся, лишенный рода, тебе здесь нечего делать...

— Мы посмотрим, есть или нет, — резко ответил я. Она пыталась оскорбить меня, очень расчетливо ударив в больное место. Она снова напомнила мне о том, что я должен восстановить свою честь. Теперь я больше, чем когда-либо, был уверен, что должен идти, иначе я осрамлюсь в собственных глазах.

Мне очень хотелось знать что-нибудь о ее таинственном собеседнике. Но раз она не хочет говорить сама, я спрашивать не буду. Я внимательно взглянул на нее и увидел, что злоба исчезла с ее лица, что она растерянно вертит в руке то, что осталось от ее посоха.

— Почему бы тебе не остаться? — тихо спросила она. — Ведь одно твоё присутствие может привести к поражению. Я могу направить это в тебя... — конец посоха медленно стал поворачиваться ко мне. — Но если я использую свое могущество против тебя, оно ударит и по мне. Я не могу прогнать тебя, но я прошу тебя уйти. Я плохо говорила о леди Инне, но ты знай, когда я найду ее, я использую все свои силы, чтобы вернуть ее в прежнее состояние, вырвать оттуда, куда она вошла по собственной глупости. И я сделаю это. Ты не сможешь...

— Потому что я мужчина? — спросил я. — Может быть, я удивлю тебя. Мы идем?

Она пожала плечами и снова начала спускаться, на этот раз более осторожно, так как дорога была трудной. В некоторых местах нам даже приходилось помогать друг другу.

Больше мы не говорили между собой, но руки наши с готовностью протягивались друг к другу, если требовалась помощь. Наконец, мы дошли до ровной тропы, по которой быстро спустились вниз. В долине было много деревьев таких же, как в том лесу, где я встретил женщину в платье из листьев. Между ними совсем не было кустарника, только зеленый мох устилал землю мягким ковром. На солнечных полянах росли цветы — в основном белые, лепестки которых были тронуты слабым розовым или желто-зеленым цветом.

Аромат висел в воздухе над этими полянами, но Гатя не проходила прямо по ним, она обходила их по краю, стараясь не наступать на цветы. Однажды, когда я споткнулся и упал, она повернулась, подала мне руку и сказала:

— Они опасны — для нас. В их аромате таится сон, он может навеять на путника волшебные сны и путник никогда не очнется от грез.

Гатя знала, что для меня это новость, но Мудрые Женщины очень хорошо знали растения, и, возможно, девушка интуитивно чувствовала опасность, хотя сама впервые видела эти цветы...

Гру уже исчез. Он помчался сразу же, как мы спустились с горы. Мы не остановились на обед, но я знал, что пищи, оставшейся в моем мешке, нам надолго не хватит. Я уже проголодался и посматривал по сторонам в поисках дичи или каких-нибудь съедобных плодов. Но в этом лесу ничего такого не было.

Наконец мы вышли из этого леса с его цветочными полянами в более натуральный лес. Деревья здесь походили на те, что росли у меня на родине. Здесь мы быстро набрали на следы оленей.

Но Гатя не остановилась, а я шел позади и грезил о куске свежего мяса, поджаренного на костре. Девушка шла, не замедляя шага. Я уже разозлился и наконец решил обратиться к ней.

— У меня есть кое-какая еда. Может, нам стоит поесть немного?

Она была настолько погружена в свои мысли, что мой голос был для нее большой неожиданностью. Она остановилась и рука ее тронула мешок, который я нес для нее. Девушка осмотрелась. Поблизости валялся обросший мхом ствол дерева, на который она решила сесть. Я присел рядом и открыл свой почти пустой мешок, где лежало зерно и немного сушеного мяса.

Гатя достала из своего мешка сухие фрукты и два куска черствого

хлеба. Чем же она питалась эти дни, пока пропадала где-то? Может, Гру охотился для нее? Или же дорога, где она шла, проходила через фруктовые сады?

— Нет, — покачала она головой, когда я протянул ей кусок мяса. — Я стараюсь не есть мясо в этой стране. И тебе не советую. Было бы лучше, чтобы ты закопал его. Запах может привлечь к нам...

Я подумал над тем, что она сказала. Возможно, это правда, так как она лучше знает эту страну. Может даже ее невидимый друг посоветовал ей это. Следовательно, стоит последовать ее совету.

Вздыхнув, я выкопал ямку в мягкой земле, положил туда мясо и присыпал его сверху землей. Затем я взял кусок хлеба и сушеные фрукты, которые дала она мне, а свое грубое зерно отложил на будущее. Здесь было тихо. Звук наших шагов не заглушал голоса леса и мы могли расслабиться. Я уже различал звуки жизни обитателей этого леса.

Вот по одному дереву проворно спустился какой-то зверек с хвостом, украшенным перьями. Он остановился и посмотрел внимательно на нас, затем он присвистнул и исчез.

Гатя издала какой-то звук. Зверек вновь появился и уставился на нас. По его виду я понял, что у него нет врагов, но зато он сам был удачливый охотник, так как он был довольно упитанный, с лоснящейся шерстью.

Он снова пискнул. Мне показалось, что он отвечает Гатее. Он быстро спустился с дерева и безбоязненно подбежал к девушке, которая держала в руке кусочек сушеного фрукта. Зверек схватил его передними лапами, совсем как человек. Он пожевал, проглотил.

Затем он снова пискнул. Хвост его ходил из стороны в сторону. Было похоже, что он говорит по-своему, и я решил, что он все же обладает разумом.

Гатя тоже посвистывала и затем покачала головой. Мне показалось, что она не очень поняла то, что сообщил ей зверек. Похоже, что она не все знала об этой стране... Зверек издал свой последний звук, в котором я четко расслышал нотку тревоги, и исчез. Его тельце, как молния, мелькнуло в ветвях дерева.

В лесу было спокойно и тихо — чересчур спокойно. Гатя сложила остатки пищи в мешок, завязала его. Затем она наклонилась вперед, прислушиваясь. Я ничего не слышал, но даже в этой тишине было какое-то предупреждение. Я был бы рад сейчас увидеть серебряную голову Гру, поднимающуюся из кустов. Его чувству опасности можно было бы довериться. В том, что в лесу таится какая-то неведомая опасность, я не сомневался.

Я, как можно спокойнее, поднялся на ноги, и вдруг вздрогнул. Послышался громкий зов, который я уже слышал раньше. Это были крики тех самых дьявольских птиц, которые так досаждали нам в долине Гарна. Они не могли добраться до нас, пока мы были в лесу, но я был уверен, что они знают о нас и они будут ждать, пока мы выйдем на открытую местность, где они смогут напасть на нас. Мы раскрыты, и можем стать жертвами какой-то неведомой силы, и несомненно враждебной нам силы, если она руководит этими птицами, приказывает им!

Гатея стояла позади меня, задрал голову. Я видел ее раздувающиеся ноздри, как будто ей, как и Гру, нужны были запахи, чтобы опознать опасность. Если она и ощущала тревогу, то она не показала ее мне. Я слушал крики птиц, затем взглянул вглубь леса. Кота не было видно, хотя мне очень хотелось, чтобы он был с нами сейчас.

Так как я должен был знать, как мы собираемся защищаться, я повернулся к Гатее, решив получить от нее прямой ответ.

— Что это за крики? Я знаю этих птиц и уверяю, что от них ничего хорошего ждать не приходится.

Она встретила мой вопрошающий взгляд и тут я увидел, что она была потрясена.

— Крылья Орда, — голос ее был еле слышен, настолько силен был птичий гам наверху.

— И этот Орд?

Гатея покачала головой.

— Думаю, что он один из древних богов. Я... — она взглянула на жезл в своей руке, затем снова на меня. — Я могу кое-что сделать — конечно, чтобы защитить себя — но это поможет и тебе. Дай сюда кубок!

Приказ был очень повелительным и я повиновался, даже не раздумывая. Лицо Рогатого было обращено на меня. Пятна света бегали по его лицу, ежесекундно изменяя его выражение, и мне даже показалось, что эти серебряные глаза ожили и оценивающе посмотрели на меня.

— Мне нужен виноград... — и она быстро посмотрела вокруг, как бы ожидая, что он тут же вырастет. Затем она полезла в свой мешок и достала несколько сушеных шариков, твердых и черных.

— Положи их в кубок! — я подставил кубок и она выронила в него сушеные ягоды. Я заметил, что их было семь штук. — Теперь воды! Быстро! Нет, их твоей бутылки!

Я капнул на ягоды воду, стараясь сэкономить на этом. Ведь бог знает, когда нам удастся пополнить запасы.

Во мне поднялось какое-то странное ощущение. Я стискивал кубок обеими руками, держа его на уровне подбородка. Затем я немного поболтал его, чтобы вода смочила ягоды. Плохая замена вину — только сильное желание выпить может заставить человека сделать такой компот.

— Смотри туда! — приказала Гатея. — Думай о нем! Думай о вине, о

тосте в честь Охотника! Его кубок подарен тебе. Может, ты заслужишь его милость. Это именно та магия, которой не могут управлять женщины. Думай о вине, вспоминай его вкус, клянись служить Ему! Быстро!

Я смотрел на лицо под Рогатой Короной. Это был, по-видимому, не человек, но в его лице было много человеческого. И это позволяло надеяться, что его магия поможет нам. Хотя я раньше никогда не пытался разумом управлять зрением, однако я знал, что смогу сделать это, даже если я и не посвящен в тайны Магии.

Серебряное лицо смотрело прямо на меня, то, что отличало его от людей, делало чужим, постепенно исчезало. Я уже ощущал его могущество. Это был лорд, который вершит справедливый суд над своими подданными, но и в случае необходимости защищает их.

Я поднял кубок выше, закрыл глаза и стал убеждать себя в том, что в кубке вино, а не простая вода с несколькими сушеными виноградинами. И я приготовился выпить этот напиток, вспоминая вкус того вина, которое преподнесла мне Гуннора. И приложив кубок к губам, я выпил.

И — я могу поклясться всем сердцем, — я выпил действительно вино — ароматное, сладкое, подобного которому никогда не было в наших бочках. Я пил это прекрасное вино и клялся в своей преданности, в своей вечной службе. Я, который был лишен рода и имени, который был обеспечен в своем клане.

Я клялся не кровью, не сталью, и даже не пламенем, как это было принято среди нас, я клялся вином, которое пил. Выпив, я перевернул кубок, как по обычаю принято среди нас. И из него вылились не капли воды, и не выкатились сморщенные черные ягоды — из него вылились капли вина — светлого, как солнце, чистого и желтого. Капли упали на мох и тут же исчезли. Я запрокинул голову и крикнул те слова, которые пришли в мой разум. Выкрикнул, не понимая их смысла, не зная, что они означают:

— Ха, Курноус! Ха, Хе Вентур!

Мой крик прокатился по всему лесу, снова и снова отзываясь эхом между деревьями. Листья на деревьях зашелестели, как будто по лесу пронесся вихрь. Они падали наземь, устилая почву вокруг нас.

Новые силы переполняли меня. Я чувствовал, себя сильнее всех. Во мне кипело что-то такое, чего я не мог назвать, но что возбуждало во мне энергию, такое я чувствовал впервые в жизни.

Сейчас я мог бы один с мечом в руке противостоять целому клану, и, смеясь, победить всех противников. Или я смог бы с голыми руками выйти против гигантского кота, вроде Гру, и он бы потерпел поражение, а не я!

Сквозь завывания ветра мы слышали дикие крики птиц. Они, видимо,

просили помощи у того, кто послал их. Но помощи не было. Я видел, как ветер безжалостно швырял тела птиц и они, разбиваясь о стволы деревьев, черными комочками падали на землю. Некоторые, которые не погибали сразу, смотрели на нас красными злобными глазами, в которых горела ненависть.

Ветер кружил над лесом, постепенно собираясь в компактный вихрь. Затем он улетел. Остались только сорванные им листья, да черные тела птиц.

Мое возбуждение исчезло вместе с этим вихрем. Я испустил глубокий вздох и посмотрел на Рогатого Охотника. В его лице теперь уже не было жизни, оно было теперь старым и измученным. Я с благоговением держал кубок в руках. То, что я сделал с его помощью, потрясло меня. Теперь мне хотелось подумать, как же это произошло, почему я смог это сделать.

Я положил кубок в мешок и взглянул на Гатею. Она стояла, прислонясь к дереву и глядя широко раскрытыми глазами на меня. Она держала перед собой жезл, как бы стараясь оградить себя им от меня.

— Он пришел... — голос ее дрожал. — Он действительно пришел на твой зов. Но ты мужчина — мужчина из клана Гарна, как ты мог совершить это?

— Я не знаю... Но ты не ожидала этого... ты сама научила меня...

Она покачала головой.

— Я только надеялась, но не верила в это. И ты сделал то, на что не решился бы даже Бард. Ты вызвал Того, кто Охотится — и он ответил! Теперь идем быстрее, пока тот, кто послал Черных, не выследил нас снова!

И она побежала между деревьями, огибая препятствия. Я последовал за ней и когда мы выскочили на поляну, я схватился за меч.

Я боялся, что кто-нибудь из стаи остался жив и будет следить за нами. Но в небе не было видно никого, только какая-то черная точка далеко в небе, которая быстро удалялась. И я, несколько успокоенный тем, что не нужно вступать в битву, повернулся к Гатее, схватил ее за руку и стал держать изо всех сил. Пришло время отвечать на мои вопросы.

— Кто Тот, который Охотится? Кто Черные птицы? Орд? Теперь ты мне скажешь все, что знаешь!

Она пыталась вырваться. Она была сильнее, чем я думал. Но я удержал ее и она подняла свой жезл, но я быстро схватил ее за кисть руки, так как ожидал этого. Еще никогда я так грубо не обращался с женщинами и мне совсем не нравилась эта борьба между нами. Однако я должен был получить у нее знания, которые могут помочь нам избежать новых опасностей.

Гатея смотрела на меня. Она прекратила борьбу. Я видел, что губы ее шевелятся, но не понимал, что говорит она. Тогда я потянул ее к себе и зажал рот рукой — вдруг она зовет кого-нибудь себе на помощь — против меня.

— Ты скажешь! — проговорил я ей на ухо, прижимая его к себе. — Я долго шел по твоему пути. Ты даже втянула меня в колдовство — и я получу у тебя ответа на все! — Она была в моих руках, как стальной прут, хотя уже не старалась вырваться. Что я еще мог сделать, чтобы добиться у нее ответа, я не мог себе представить.

— Ты же не дура, — продолжал я. — Нельзя дальше идти в эту страну, если мы не станем полноправными партнерами. Мне не нужны твои тайны, но я же воин. Я не хочу идти вслепую, если могу получить информацию, которая поможет нам обоим.

Я знал, что упрямство ее не сломано. Но я не знал, что делать, не держать же ее в плену постоянно? Когда она не заговорила, у меня мелькнула мысль, как будто кто-то подсказал мне ее. И я стал говорить тоном, требующим немедленного ответа.

— Во имя Гунноры, я требую! — я почувствовал, что обращение к могуществу, с которым был связан кубок, подействует на нее. Она так много говорила о том, что магия женское дело и ни один мужчина не может касаться ее — она так гордилась, что магия разделяет нас. Но Гуннора была настоящая женщина и я был уверен, что она обладала не только тем, чем обладают все женщины, но и большим могуществом.

И я понял, что поступил правильно, так как Гатея еще раз дернулась, чтобы освободиться. Однако я был готов к этому и не выпустил ее. Но я повторил:

— Во имя могущества Гунноры, я требую!

Она внезапно обвисла у меня на руках. Я выпустил ее и отошел в сторону, но глаз с жезла не сводил. Девушка стискивала его руками, держа обгоревшим концом вниз. Она не смотрела на меня, только говорила холодным жестким тоном:

— Ты все еще суешься не в свое дело. Будь осторожен, нельзя обращаться к тому, чего не понимаешь. Ты идиот!

— Лучше я буду живым идиотом, чем мертвым. И я уверен, что ты знаешь эту страну, достаточно хорошо и можешь вооружить нас для похода по ней не только с мечом в руке. Ты знаешь, куда мы идем.

— Куда я иду! — поправила меня Гатея. Она все еще не смотрела на меня, как будто стыдилась того, что я держал ее в плену и она не смогла освободиться. Это унизило ее в своих глазах. Но я всегда с самого начала

держался с ней почтительно, чего нельзя сказать о ней.

— Куда идем мы оба, — спокойно поправил ее я. — И у тебя есть проводник, тот невидимый. Я видел, как ты с ним разговаривала. Он... или она здесь?

— Это Тайна, которую не может знать тот, кто не посвящен, — возразила она.

— Меня уже посвятили. Я разговаривал с Гуннорой. Я вызвал Охотника — и разве он не откликнулся?

Она не смотрела на меня. Глаза ее бегали, как у загнанного в угол зверька.

— Я дала клятву. Ты не знаешь, чего требуешь...

Снова мне кто-то подсказал слова.

— Спроси у того, кто не виден — спроси, должен ли я оставаться слепым среди зрячих? Я требую это во имя Гунноры!

Жезл дрогнул.

— Она... почему ты говоришь о ней? Ее имя не для уха мужчины!

— Она нормально относится к мужчинам. Я сидел рядом с ней за праздничным столом и она говорила со мной так ласково, как никогда не говорила ты. Она подарила мне кубок.

— Я не могу сказать...

— Тогда вызови того, кто может, — настаивал я. — Вызови своего невидимого.

Теперь она подняла на меня глаза и в них горел огонь гнева или ненависти.

— Пусть будет по-твоему! — и она воткнула жезл в землю, отступила на два шага и села перед ним, скрестив ноги. Взгляд ее сконцентрировался на полуобгоревшем конце посоха.

Моя рука скользнула в мешок, где лежал кубок и я сформировал в мозгу изображение янтарной леди, полное жизни и красоты.

Холодная волна пробежала по мне, хотя секунду назад солнце нещадно жгло кожу. Я чувствовал, как холодное дыхание Ледяного Дракона вырывается из обгоревшего посоха, который так много значил для Гатеи. Я каждую секунду ждал, что посох начнет излучать свет, но ничего не происходило. Только холод становился все сильнее, как будто она решила заморозить меня. Я стоял и думал о Гунноре, и о кубке, который она мне подарила. Кроме того, я достал из мешка лист. Может быть, это какой-нибудь талисман.

Гатея заговорила нараспев на чужом языке. Она вероятно читала какую-то молитву. Холод усилился. Должно быть я превратился в ледышку

с головы до ног. Только от руки, которая сжимала лист, исходило тепло, благодаря которому я мог сопротивляться этому убийственному холоду. Я не знаю, хотела ли Гатя причинить мне вред. Может быть, тот, кто отвечал ей, таким образом защищался от непосвященного.

Я не слышал голоса. Однако Гатя перестала петь и заговорила прямо с тем, кто излучал холод. Я снова постарался вызвать в мозгу живое изображение Гунноры. Но оно таяло, несмотря на все мои усилия. Вместо янтарного прекрасного лица появилось другое. Это была молодая женщина, которой я никогда раньше не видел. прямые волосы ее были зачесаны назад и стянуты серебряным обручем с изображением луны надо лбом. Глаза ее были серые, как зимний лед, и тепла в них было не больше, чем в нем. Волосы были цвета черного зимнего неба, а платье, перетянутое тонким поясом, было белого цвета и хорошо стройную фигурку молодой женщины.

В ней не было ничего человеческого. Я не знал, вижу ли я своим внутренним зрением ту, что вызвала Гатя, но эта девушка бесстрастно, почти презрительно изучала меня. И это презрение казалось не меня лично — а вообще мужчин. Я не мог избежать ее изучающего взгляда.

— Гуннора! — выкрикнул я это вслух, или просто подумал?

Во всяком случае это нарушило ее ледяное спокойствие. Она не нахмурилась, даже не отшатнулась, но я каким-то образом чувствовал, что она обеспокоена, потрясена. Видимо, в этой стране существовали разные силы. Я встретился с одной из них, Гатя вошла в союз с другой. И эти силы не были дружны между собой, скорее наоборот.

Все это быстро промелькнуло у меня в мозгу. И затем начали происходить перемены. На белом платье появились цветные разводы, стройное, по детски угловатое тело девушки округлилось, полумесяц надо лбом превратился в круг — полную луну. И в этом обличье я узнал ее — Гуннора, только в другой одежде. Девушка, теперь зрелая женщина — это все она, только с разными символами.

Холод, что окружал меня, постепенно исчезал. становилось теплее. Я ощущал запах лета, зрелых фруктов, пыльный аромат колосьев. Две стороны одного и того же! Гатя поклонялась одной, а во мне жило воспоминание о поцелуе второй.

Но только одно мгновение я видел перед собой мою янтарную леди. Затем она исчезла из моего внутреннего поля зрения. Однако она оставила после себя ощущение того, что я принял, что теперь передо мной откроется больше ворот, ведущих в загадочную страну. Значит, я могу получить то, что желаю, но только силой своей воли, разума. И мало-помалу все придет ко мне, и чем больше я приложу сил, тем больше придет.

— Гуннора! — позвал я ее. Мне страстно хотелось услышать ее бархатный голос, мои губы вспыхнули огнем, как будто вновь их обжег ее поцелуй.

— Диана! — выкрикнул я другое имя.

Гатея протянула руки, как будто хотела удержать кого-то. Но я знал, что мы снова одни. Могущество, которое вызвала она, ответило и мне.

Голос ее стал несчастным, как будто она звала ближайшего родственника, который покинул ее навсегда. Затем ее руки упали на колени, голова безвольно свесилась на грудь.

Я не подошел к ней, так как знал, что любое мое прикосновение только усилит ее боль. Но я сказал:

— Это была Гуннора, девушка, женщина.

— Это была Диана, которая не знает мужчин! Она... — Гатея подняла голову. Слезы на ее глазах удивили меня, как удивило бы плачущее дерево. — Это была Лунная Леди. Затем... Затем... — Снова в ее глазах появилась свирепость ястреба. — Гуннора тоже для женщин, но для тех женщин, которые отдали свою девственность мужчине... подчинились ему...

— Подчинились? — переспросил я. В моей янтарной леди не было ничего, что говорило о смирении, покорности. — Я думаю, ты не права. Женщина если и подчиняется, то только по собственной воле. Женщина поле, на котором рождается новая жизнь. Она тепло... а твоя Диана — холод.

Гатея медленно покачала головой.

— Действительно, Гуннора ответила на твой зов. Я не понимаю, почему она одарила милостью мужчину. Ее тайны не для тебя. Но видимо, как это не невероятно, она действительно выбрала тебя почему-то. Но только... мы направляемся в Святилище Дианы, а это совсем другое дело.

Я заметил, что теперь она сказала не «я», а «мы», но я был достаточно разумен, чтобы не комментировать этого. Гатея медленно поднялась, как будто происшедшее полностью истощило ее силы. Она взяла посох и положила его на свою ладонь.

Посох стал поворачиваться сам по себе, и вскоре конец его указал налево. Гатея кивнула.

— Ну вот. Мы можем идти. Путь указан.

Страна, которая лежала перед нами, была необитаемой, я был в этом уверен. Но появление черных птиц было предостережением нам. Мы должны быть очень осторожны и стараться держаться подальше от того, чего не понимаем, до тех пор, пока не решим, не опасно ли это.

Мы шли и я постепенно убеждался, что когда-то эти долины населяли разные расы, и не всегда похожие на людей. Я вспомнил празднество в холле крепости и вспомнил, что видел там не только людей. Однако мне казалось, что все они были между собой в полном согласии.

— Ты говорила о птицах Орда. — Я решил, что между мной и Гатеей не существует барьера и я могу расспрашивать ее. — Так кто же этот Орд?

— Я не знаю. Мне известно только, что он господин Тьмы и эти ужасные черные птицы нападают на того, кого укажет он.

— А крылатое чудовище, с которым я столкнулся в горах? — я кратко рассказал ей о моей битве с чудовищем и о загадочной статуе, которая охраняла вход в пещеру, откуда оно появилось.

— Это тоже зло, но оно пришло откуда-то из другого мира много лет тому назад. Здесь произошли большие перемены.

— Ты многое знаешь об этой стране, — заметил я.

— Ты еще этого не понял? — спросила она. — Я родилась, зная, что обладаю талантом, но у меня не было ключа, чтобы его раскрыть. И теперь я здесь, где хранятся все ключи! Забина хотела, чтобы я шла вперед медленно, чтобы я училась всему постепенно, как ребенок. Я молода, но жизнь моя не бесконечна и я не могу ждать, ждать и выцарапывать жалкие крохи знания, когда я могу получить все сразу, если постараюсь. Лунное Святилище — оно дало мне ключ. Благодаря ему я могла лететь туда, куда Забина предлагала мне плестись шагом. Но я не успела воспользоваться этим. Ваша леди украла у меня все. Надеюсь, теперь она поняла, что нельзя воровать надежды других.

Она говорила и губы ее кривились. Я понимал, что Гатей в душе шлет проклятия Инне.

— Я знаю Гуннору. Она другая фаза твоей Лунной Леди, и она излучает солнечное тепло. А кто этот охотник, что откликнулся на мой призыв?

— Он именно таков, каково его имя. Женщина хранит семена, высаживает их, ухаживает за ними, собирает урожай, когда они созреют. А мужчина охотится, ищет жертвы, у него рука всегда на рукояти меча, он всегда готов срубить росток жизни. Коронованный Рогатой Короной охотится — и убивает...

— Значит, он олицетворяет зло?

Я увидел на ее лице желание согласиться, но затем она неохотно заговорила:

— Все в мире сбалансировано. Свет и тень, луна и солнце, жизнь и смерть: ничто не может перевесить. Женщина дает жизнь, мужчина

приносит смерть, когда наступает нужное время. Женщина работает на полях, мужчина охотится за четвероногими или имеющими крылья. И так все идет, пока не появляется кто-то, обладающий могуществом и способный нарушить существующий порядок. В этом и есть природа зла — стремление нарушить равновесие между жизнью и смертью.

— Значит, Охотник — противоположность Гунноре или Диане, и тем не менее, о на своем месте.

То, что она считала задачей Рогатого человека смерть и убийства, мне совсем не понравилось. Хотя ведь это была реальная жизнь. Не бывает жизни без смерти. Правда, мы всегда с ужасом смотрели на смерть, хотя бывало и так, что смерть ждали, как благословенную избавительницу от мук. И я призывал смерть на помощь нам. Это вызвало во мне сильное беспокойство. Я даже хотел отшвырнуть от себя этот кубок — и может, даже лист — и не иметь больше с ними никаких дел. Но кубок подарила мне Гуннора, а она была воплощением жизни, с какой стати она стала бы дарить мне символ смерти? Если, конечно, в нем не было какого-то скрытого смысла.

Но я никогда не признался бы Гатее в своих сомнениях относительно Гунноры. Я решил больше не думать о будущем, жить только настоящим. То, что ждет меня, я встречу без колебаний и сожалений. Я не верил в то, что Гуннора подарила кубок, желая предупредить, предостеречь меня, может даже как знак угрозы. Она говорила о моем будущем и склонен был верить в ее пророчество, тем более, что оно было мне по душе.

Гатая не могла прочесть мои мысли. Она нахмурилась. Но не потому, что гнев охватил ее, скорее потому, что я озадачил ее, возбудил в ней любопытство.

— Коронованный не противник Дианы. — Слова ее падали медленно, как бы против ее воли. — Его почитает и Диана — Девушка, и Гуннора — Женщина. Он им брат и муж — даже сын Мудрейшей...

— А кто эта Мудрейшая?

— Мудрейшая умирает, когда в жизнь приходит девушка. Это Темная Луна, которой мы никогда не видим. Да, Коронованный равен ей. Но у него свое собственное Святилище. И...

Но она не успела сказать то, что собиралась, так как в воздухе мелькнула серебряная молния. Одним прыжком Гру присоединился к нам. А за ним следовало что-то еще. Мне показалось это похожим на черную молнию, если бы она существовала. В воздухе раздался сухой треск, как удар хлыста...

Удар хлыста! Вот что это было! Откуда-то к нам летели три всадника.

Один из них на скаку обеими руками размахивал в воздухе черным кнутом, готовясь швырнуть его в нас. Он скакал, не держа руками поводья, и его лошадь летела вперед, оскалив зубы и перебирая сверкающими чешуей ногами с такой скоростью, какой не могло бы достичь ни одно живое существо. Это были необычные лошади, передние ноги у них были короче задних. Седла держались почти на самых их плечах.

Я увидел, как черные кольца хлыста раскручивались, готовые метнуться в нашу сторону. Гру зарычал и встал рядом с Гатеей, оскалив клыки. Я выхватил меч и встал перед Гатеей. Времени бежать обратно в лес уже у нас не было. Действительно, приносящий смерть. Я вызвал Охотника и теперь должен был заплатить ему, принять участие в игре, которой не понимал.

Нападающие не сделали попытки сблизиться с нами. Они стали кружить вокруг нас на своих чудовищных лошадях. Я крутился, следя за ними, а Гру страшно рычал, подняв голову. Хвост его бил по земле. Вскоре я понял, что всадники сидели вовсе не на лошадях, а на больших ящерицах, которые шипели и поминутно высовывали свои раздвоенные языки. Я не понимал, почему эта троица не нападает сразу на нас.

Времени взывать к помощи, как я это сделал в лесу, сейчас не было. Да я и не был уверен, что эта помощь придет. Ведь, возможно эти трое и появились именно потому, что я вызвал того, к кому не имел права обращаться.

Наконец все трое остановились. Я не мог видеть их под капюшоном. Но я разглядел бледную кожу и заостренные подбородки. Один из них остановился слева, другой справа, а третий, тот, который размахивал черной молнией, в центре.

Говорят, что лучшая защита — это нападение. Но в данный момент, я понимал, что нужно выжидать. Нападение ничего не принесет. Но почему они не напали на нас и не испепелили своими черными молниями? Я этого не мог понять.

Несмотря на то, что я встал впереди, Гатея выдвинулась вперед и ее плечо коснулось моего. Правда, вместо меча в руке она держала свой посох. Мы ждали и тишину нарушало только рычание Гру и шипение ящериц.

Я вспомнил, что Гатея говорила, что холодная сталь отпугивает зло. Может, они боятся именно моего меча, а не моего искусства? А если так... может нужно напасть первым?..

И вдруг из самого воздуха раздался голос, подобный грому. Он отвлек мое внимание от этой троицы и заставил поднять голову к небесам, чтобы отыскать, чей же это голос.

Но в небе не было ничего.

Нет! Нет! В воздухе было какое-то волнение, похожее на то, что вызывает камешек, брошенный в пруд. Неужели звук можно видеть? В воздухе появились следы голубоватого дыма. Дым не исчезал, он извивался над нашими головами, окружал нас. И мы пошли, как бы повинуюсь приказу этого еле видимого круга.

Я сопротивлялся изо всех сил, даже старался зацепиться за кусты, за

камни. Но тело не подчинялось мне, я был чьим-то пленником. Гру и Гатея тоже двигались вместе со мной, упираясь изо всех сил. Но они двигались, как будто их тянули невидимые веревки.

Тот, кто сидел перед нами на своем скакуне, повернулся и поехал прочь. Мы следовали за ним. По обе стороны от нас ехали двое других. Над нами светило солнце, земля была вся в зелени и цвету, а мы были пленниками, как бы брошенными в тюремную камеру.

Мы пересекли старую дорогу, но тот, кто ехал впереди, не свернул на нее. Он ехал напрямик через поля. Туманный круг над нашими головами не исчезал. Он двигался вместе с нами.

— Ты знаешь что-нибудь о них? — насколько глубоко Гатея знала эту страну, я не имел понятия, но все же она могла дать мне хотя бы намек, который окажется полезным. Я, конечно, беспомощен против колдовства, но если есть хоть малейший шанс...

— Они из Тьмы, — коротко ответила она. — Их господин очень могуществен. Это его голос наложил на нас заклинание, кроме того, что они враги, я не могу ничего больше сказать.

Она прижала руки с жезлом к груди, как будто хотела защитить ее от враждебных сил. Меня тащило вперед, но я меч не вложил в ножны. Будет лучше, если я буду наготове.

Так мы шли, влекомые неведомой силой и наконец пришли в местность, где растительность была намного богаче. Однако все здесь выглядело зловещим, мрачным. Я увидел цветы, которые были похожи на пасти, готовые с жадностью проглотить все, что приблизится к ним. Другие были мертвенно-бледными и от них исходил сладковатый запах смерти. Деревья стояли все перекрученные, покрытые уродливыми отростками, напоминавшими ужасные маски, головы мужчин и женщин, умерших в страшных муках. Зеленые листья деревьев были покрыты беловатым налетом, как будто они были поражены жуткой болезнью.

Земля была темно-серая и при каждом нашем шаге от нее подымались смрадные испарения. Кое-где виднелись грибы странной формы и цвета, очень похожие на разложившуюся плоть.

Но здесь была и жизнь. Иногда мы слышали шорохи, а временами встречались глазами с какими-то существами. Изредка нам удавалось рассмотреть их, и мне казалось, что это были животные, обезображенные каким-то колдовством.

И перед нами темнел лес деревьев, так переплетенных между собой, что я не представлял, как может живое существо пробраться через него. И тем не менее среди этих деревьев возвышалась башня.

Угрюмые камни, из которых она была сложена, зловеще чернели на фоне безоблачного неба. Нас тащили к этой башне, но я не мог разглядеть в лесу никакого прохода.

Однако, когда всадник приблизился к лесу, деревья расступились в стороны, открыв путь. Вероятно, это была только иллюзия. И тем не менее я понимал, что он был бы по-настоящему реален и стал бы непреодолимым барьером на пути того, кто не обладал могуществом.

Всадник ехал вперед, не останавливаясь, а за ним тащились мы трое, не в силах противиться тому, что гонит нас вперед. Когда мы шли по темному лесу, где было гораздо более шумно, чем в обычном лесу, я осматривался по сторонам.

На ветвях торчали острые шипы, длиной больше чем мой кинжал. Между деревьями росли цветы, белые лепестки которых были пронизаны красными жилками. Создавалось впечатление, что это живые существа и по этим жилам течет горячая кровь. В центре цветов желтели капельки и я мог дать голову на отсечение, что это был смертельный яд. Тут все было чужим и зловещим, мрачная атмосфера страха висела над лесом. Но я старался преодолеть этот страх, подавить его.

Здесь все было создано, чтобы потрясти жертву, воздействуя на все органы чувств — на зрение, на слух, на обоняние. Но внутри я оставался самим собой, я всеми силами сопротивлялся колдовству, старался сохранить мужество. Тело мое может и беспомощно, но дух и разум нет. Почему я думал обо всем этом, я не знаю. Вероятно потому, что это был для меня единственный способ сопротивляться злу.

Вскоре мы уже были на поляне, где высилась башня. Вокруг нее не было ни стен, ни других строений. Только вот эта черная, врезающаяся в небо колонна. В стене чернело входное отверстие, там даже не было ни двери ни ворот.

Всадник остановился возле двери, поднял кнут, из которого вылетела черная молния. Видимо, он отсалютовал, сообщая о прибытии. Он не произносил ни слова. Прекратилось даже зловещее шипение его ящерицы. Возле башни на поляне все было спокойно — но ужасно жарко. Воздух был наполнен какими-то душными испарениями и нестерпимо хотелось вдохнуть свежего воздуха.

Все было тихо, но вот всадник поехал в сторону, как будто получил приказ, которого мы не слышали. Голова его, закрытая капюшоном, повернулась, как бы проверяя, идем ли мы за ним. Он поехал прямо в дверь.

Темнота сгустилась вокруг нас. Здесь не было никаких источников

света. Мы оказались в ночи, когда небо затянуто плотными тучами. Темнота была крошечная.

Мы потерялись в ней. Я попытался протянуть руку и почувствовать тело Гатеи или мех Гру. Но мой приказ не дошел до мышц. Руки оставались на месте, как привязанные. Темнота изолировала нас друг от друга и я слышал только свое дыхание. Я почувствовал, что паника охватывает меня.

Мы... или вернее, я... больше не шли, не шел. Дневной свет не проникал сюда, он остался где-то далеко позади. Я не мог даже себе представить, где мы теперь, так как с того момента, как мы вошли в башню, мне казалось, что теперь нас окружают не ее стены. Мне казалось, что я стою в центре невообразимо широкого пространства.

Сколько времени я стоял так? Этого я никогда не узнаю, так как время здесь текло по-другому. В этой башне существовало только здесь и только теперь. Сокрушающая темнота с каким-то садистским сладострастием медленно и неотвратно давила на меня, превращая мое естество в ничто. Я чувствовал в этом мраке примерно так же, как чувствует себя насекомое, попавшее в липкую сосновую смолу.

Мы, люди, боимся темноты. Это заложено в нас от рождения. Но в нас заложено и то, что мы должны бороться с этим страхом, пытаться подавить его, иначе жизнь наша превратится в кошмар. Но еще ни один человек, я был в этом уверен, не подвергался такому испытанию, какому подвергся я. И к своему удивлению, я обнаружил, что могу сдерживать страх, держать его на расстоянии. Время шло, я отсчитывал его по своим вдохам. Если я до сих пор не поддался страху, значит я смогу держаться и дальше.

Что-то изменилось впереди. Влажные горячие испарения перестали мучить мои ноздри. Вместо него повеяло тяжелым сладковатым запахом разложения.

И это сопровождалось слабым, еле заметным свечением. В воздухе над нашими головами снова появился серый дымный круг, который сопровождал нас сюда. Он еле светился в этом мраке.

Круг постепенно перешел в овал. Серый цвет превратился в болезненно белый, смешанный с желтым. Теперь он стал похож на зеркало, хоть оно не отражало нас. Но вот я понял, что это не зеркало, это овальная дверь. Однако, те силы, что привели нас сюда, не тащили нас к ней. Вероятно, что-то приближалось к двери с другой стороны.

И вот в овале появилась тень. Она медленно сгущалась и постепенно превратилась в туманную фигуру. Только края фигуры были как-то странно искажены. Затем мгновенно изображение стало ясным и четким.

Я увидел женщину с бледной кожей, с волосами темными и длинными,

достигающими до колен. Тело у нее было чисто женское, как тело Гунноры, и меня пронизало острое желание, как при виде Гунноры.

Но что это...

Может, меня обманывает зрение? Когда я думал о Гунноре, сравнивая ее с этой женщиной, это совершенное тело заколебалось, подернулось дымкой, а в глазах изумрудно-зеленых, как у Гру, вспыхнуло красное пламя, почувствовал вспышку гнева в ней.

И все же невольно сделал шаг вперед. Меня охватило то же чувство, которое я испытывал к Гунноре. Я ни о чем не думал, я вложил меч в ножны, я хотел, чтобы мои руки были свободны для...

И тут моя рука коснулась выпуклости на моем мешке. Снова женщина, которая ждала меня, манила меня, подернулась дымкой. Кубок...

Она, должно быть, поняла мое смятение. Теперь она протянула ко мне руки и неистовое желание захлестнуло меня, я был готов пройти расстояние, разделяющее нас, коснуться своими руками ее шелковой кожи, ласкать ее, обладать ею... О такой женщине мог мечтать каждый мужчина и она манила меня... Она была...

И тут что-то мелькнуло передо мной. Гру взлетел в воздух одним прыжком. Я вскрикнул, бросился за ним. Я должен спасти ее от этого зверя. Рука моя протянулась к мечу и женская фигура снова подернулась дымкой. Я коснулся рукой мешка, там, где из него выпирал кубок, и моя рука прилипла к нему, несмотря на мои отчаянные усилия освободиться. Но я видел, что Гру не рвет на части эту женщину. Он сцепился в схватке с другим котом и теперь они катались по земле в смертельных объятиях друг друга. Я слышал их рычание. Но женщины я не видел, здесь были только два кота.

Затем они оба исчезли и в овале снова появилась женщина, ее чары снова стали манить меня. Но теперь в ней было что-то не то, какой-то изъян. По телу ее все время бежала мелкая рябь и я понял, что это только иллюзия. То, что ждало меня, манило меня, возбуждало во мне дикое желание, было всего лишь колдовское создание, предназначенное, чтобы заманить жертву — меня — в западню.

Я крепче прижал руку к мешку. Если кубок обладает каким-то могуществом, то оно мне сейчас очень нужно! Коронованный! Гуннора! Я стремился создать в своей памяти их изображения, чтобы сделать их для себя.

Женщина еще стояла — создание того, кто правил в этом гнезде зла. Возможно, она или он, еще не поняли, что у меня появилась защита. Желание все еще было очень сильным, мое тело помимо моей воли тянуло

вперед, к ней, жар сжигал меня. Я отчаянно боролся с собой, пытался убедить себя, что это всего лишь иллюзия — но не мог подобрать нужных слов.

Я упал на колени, распростерся на земле, но меня тянуло, тянуло к ней. Я цеплялся за все в моей памяти, как утопающий хватается за соломинку, как умирающий старается раздуть последнюю искру жизни в себе. Но я не мог совладать со своим телом, хотя твердо знал, что меня ждет смерть.

Коронованный! Курноус... Курноус! У меня не было вина, чтобы вызвать его: у меня не было ничего кроме моей памяти. Вызвать Гуннору? Нет! Я поспешно отменил эту идею. Гуннора только усугубит сжигающее меня желание. Вызвать ее — значит еще шире открыть дверь. Охотник! Убийца!

Фигура в светлом овале изменилась. Теперь там не было манящей женщины. Там был мужчина, высокий, хорошо сложенный, на голове у него была корона из переплетенных оленьих рогов. У него было спокойное гордое лицо настоящего лорда. И он протягивал руку мне, мне, лишенному рода, лишенному клана, лишенному имени. Теперь я никогда не буду одинок. Стоит мне принять эту руку и я больше не буду захудалым дальним родственником, я буду друг великого лорда. Это не Гарн, он неизмеримо выше Гарна. Это лорд, с которым я могу отправиться в большой поход по этой загадочной стране, могу разделить с ним славу. Это я звал его и он пришел ко мне...

Не спуская с него восхищенных глаз, я развязал мешок, чтобы достать кубок — чтобы доказать себе, что это он, тот, кому я клялся, тот, кто снова спас меня от нашествия Тьмы.

Я открыл мешок. Пальцы мои коснулись кубка, скользнули в него.

Мужчина подернулся туманом. Нет! Не уходи... Я могу доказать... Я могу...

Он снова заколебался. И вот я увидел ее. Эту девушку. Она тянулась ко мне. Руки ее были протянуты ко мне...

Это был не мужчина. Не Коронованный Рогами воин. Это была женщина. Не та, что чуть не заманила меня в свои сети, нет, это была иная, стройная, гибкая девушка. Тело ее частично закрывала серебристая туника, застегнутая на одном плече. На голове ее сверкал символ месяца. Она исчезла, снова начал формироваться мужчина.

Я достал кубок, с трудом поднес его к подбородку. Какая-то древняя, заложенная во мне мудрость заставила меня сделать это. В кубке было пусто, но в ноздри мне почему-то ударил резкий чистый запах — запах листьев, шелестящих под утренним солнцем, аромат полевых трав.

С моих глаз как будто спала пелена и я увидел!

Внутри овала клубились облака. В просветы между ними я увидел неподвижно лежащего Гру. на его теле виднелись кровавые красные полосы. Гатея, вытянув руку, пошла к нему. Она прошла мимо меня, но то, что держало нас, уже разрушилось. Прижимая к себе кубок, я бросился вперед и преградил ей путь, когда она подошла совсем близко к клубящемуся тучами овалу.

Лицо ее было несчастным, глаза устремлены туда, где лежал Гру. Сначала она хотела просто оттолкнуть меня, как будто она не понимала, что может ждать ее там. Я знал, что мне не удастся оттащить ее назад одной рукой, ведь в другой у меня был кубок. Но я схватил ее левой рукой за пояс и потащил, но туман овала уже коснулся ее ноздрей.

Она уперлась и упала, но увлекла меня за собой. Мое тело перекатилось через нее. И она начала отчаянную борьбу за свое освобождение. Она наверняка не узнавала меня. Я был для нее только препятствием на пути к тому, куда она должна была попасть. Она пустила в ход зубы, когти, кулаки, а я мог только прижимать ее к земле, тщетно стараясь избежать этих ногтей. Но я знал, что кубок мое единственное спасение, пока я держу его и вдыхаю странный аромат его, моя голова будет оставаться чистой и никакие иллюзии не смогут обмануть меня.

Я держал его и очень надеялся, что кубок поможет ей, как и мне. Я постарался поднести кубок к ее лицу, хотя она вертела головой, стремясь укусить меня...

Мы все еще боролись, когда...

Я изо всех сил держал ее и прижимал к себе кубок. Теперь мы не лежали уже здесь, где царит мрак. Нас охватил холод, такой жуткий, что я был уверен: ни одно живое существо не может его выдержать секунду. И снова вспыхнул свет — красный и обжигающий. Только что нас жег холод, теперь жар лизал наши тела.

Гатея лежала неподвижно, закрыв глаза, но я чувствовал, как вздымается и опускается ее грудь. Я поднялся на колени и осмотрелся. Жар был таким, что мне казалось, что он сжигает мои легкие. Мы лежали на камнях, тоже очень горячих, даже раскаленных. Я приподнял Гатею, чтобы ее поменьше жгло. До меня донесся запах паленых волос и я, повернув голову, увидел Гру, который лежал поблизости не шевелясь.

Мы были окружены стеной пламени, красно-желтой стеной. Когда дул ветер, которого мы не ощущали, языки пламени протягивались к нам, пытаясь лизнуть. Пламя было очень ярким и стена была сплошной, так что я не мог рассмотреть, что находится за ней. Я решил, что тот, кто завлек нас

сюда, разгневался на нас и решил покончить с нами, своими узниками, самым простым и быстрым способом. Ведь скоро от нас не останется ничего, кроме обугленных костей.

— Диана! — Гатяя открыла глаза. Но она не видела меня, она тревожно осматривалась вокруг. Я был уверен, что она жаждет увидеть, что же еще ждет нас, какую иллюзию создал властитель башни. Она нахмурилась, когда поняла, что к ней вернулось ее настоящее зрение. Она взглянула на меня с такой яростью, что обладай ее взгляд физической силой, я неминуемо был бы брошен в окружающее нас пламя. — Диана... она была здесь! Наконец-то она позвала меня.

Она толкнула меня обеими руками изо всех сил и я действительно чуть не упал в огонь, но успел вскочить на ноги. Однако, я все еще держал кубок, не выпуская его.

— Все это была иллюзия, — возразил я. Она ведь многое знала о колдовстве, неужели она сама не видела этого, не видела, как Гру бросился туда, не видела, как меня дважды чуть не заманили во Мрак?

— Что ты видела? — продолжал я, вставая перед ней и произнося слова с жаром своей души, который заставил даже померкнуть жар неистового огня, окружающего нас. — Гру бросился на другого кота. Я сначала видел женщину,

— тут я не стал вдаваться в подробности. — И затем человека в Рогатой Короне. А ты видела свою богиню? Дочь Луны?

Я уверен, что Гатяя не желала слушать меня. Она была так потрясена иллюзией, что ко мне у нее мог быть только гнев. Она подняла руку, сжала кулак, как будто хотела ударить меня, но затем бросилась к Гру и упала на его неподвижное тело.

— Гру! — громко позвала она. Затем она приподнялась, взяла голову Гру в руки, заглянула в его полужакрытые глаза. Она гладила его шерсть, и вдруг глаза ее расширились, как будто она опомнилась, пришла в себя. Она повернулась ко мне.

— Он... он не!.. — пальцы ее глубоко погрузились в шерсть животного.

— Он не мертв. Ты... — Прижимая голову Гру к груди, она смотрела на меня.

— Ты видел? Что случилось с Гру?

То, что она ничего не видела, меня не удивило. Я уже понял, что для каждого из нас создавались разные иллюзии, для каждого свои. Гру бросился на другого кота, который был несомненно самкой. А меня пытались соблазнить, сначала воздействуя на тело, как было с Гру, затем,

после неудачи, на более тонкие чувства.

— Его соблазнили, показав ему самку.

— Диана! Диана была здесь! — девушка качала головой, как бы не в силах расстаться с чудесными грезами. — Я нашла Святилище... я была... — Она замолчала, но рука ее все время гладила Гру. — Ты не видел ее. Тебе являлись другие... — Гатея посмотрела на стену пламени за моей спиной, как будто только что обнаружила ее. — Тот, кто создает эти иллюзии... — Она вздрогнула, как будто ее охватил холод, хотя это было немыслимо в такой жаре. — Это один из Мрака. Но почему?.. И Гру... — она посмотрела на неподвижное тело зверя. Как мы попали сюда? — спросила она. Голос ее снова стал твердым, она полностью овладела собой и теперь была готова без страха смотреть в лицо неизбежности.

Я рассказал ей все — о кубке, и о том, как запах из него уничтожил мои иллюзии, и как я удержал ее того, чтобы она не бросилась навстречу гибели и как нас затем перенесло сюда. Она слушала, я был уверен, что она не только понимает все, но мой рассказ, в сочетании с ее знаниями, поможет ей придти к какому-то решению.

— Нас было трое, — медленно проговорила она. — И для всех троих одновременно создавались разные иллюзии. Заклинание, с помощью которого слуги привели нас сюда... Оно управляло нашими телами, но при этом ему помогали и всадники. когда же мы втроем остались против него одного, он не смог справиться с нами. Бедный Гру. Он очень умен, но все же не смог понять, что его обманывают, и поэтому попал в западню первым. А ты... у тебя была защита, о которой он не подозревал.

— Что же видела ты?

— Я видела Святилище. Лунное Святилище — и алтарь был освещен. Я ждала, так как была уверена, что она придет, что это именно то место, которое я искала. Нет, я ничего не видела, что создавалось для тебя. Однако он не мог создавать одновременно иллюзии для всех нас. Когда он потерпел поражение с тобой, тогда появилась Диана, которую я ждала. Кубок помог тебе освободиться от его чар, а затем ты помог мне... Однако, — продолжала она, бросив взгляд на стену пламени. — Куда же он теперь забросил нас, когда его усилия не увенчались успехом?

— Мы в его царстве зла, — ответил я. — Я не знаю ничего больше. Но нам нужно поскорее выбираться отсюда, если мы не хотим быть зажаренными здесь.

Гатея положила щеку на голову Гру.

— Я не могу больше воспользоваться посохом, у меня нет его, — сказала она. — Мои знания здесь ничего не значат. И если мы глубоко в

царстве Мрака, то у нас нет надежды выбраться отсюда. Между Мраком и Светом нет переходов. Есть только границы, где они постоянно воюют между собой. Я полагаю, что здесь нам уже ничто не поможет, даже лунная магия.

Я не мог поверить, что она решила безропотно отдаться на милость судьбы. Я знал, я был уверен, что она никогда не сдастся, как бы не безнадежно было положение. То, что мы довольно успешно сопротивлялись тому, чье могущество даже не мог представить себе, вдохновляло меня.

Гатея уже развязала свой мешок. Она достала оттуда пакет с сухими листьями, выбрала семь штук и, сунув в рот, стала жевать.

— Что?.. — хотел спросить я.

Она покачала головой и показала, что не может говорить. Затем она показала на кота и я понял, что она хочет что-нибудь сделать для спасения Гру.

Гатея достала разжеванную массу изо рта и осторожно положила ее на глаза Гру. Затем она положила кончики пальцев на его голову между ушами. Она, казалось, не замечала пламени вокруг нас, хотя его дыхание становилось все жарче. Я пытался взглядом проникнуть сквозь огненную стену, но тщетно.

Огонь всегда был помощником людей, но он же был и их проклятьем... И теперь я чувствовал, что узкое пространство вокруг нас в любой момент может сомкнуться и огонь поглотит нас. Гатея сидела, закрыв глаза и поддерживая голову Гру. Она использовала все свои внутренние силы, чтобы изгнать из тела друга то, что привело его к смерти, почти к смерти.

Гру двинул лапой, показались его страшные когти. какое-то жалобное мяуканье послышалось из его пасти со страшными клыками. Гатея ласкала его голову, поглаживала челюсть.

— Все хорошо. Он пришел в себя.

— Для чего? — спросил я. — Если мы не можем выбраться отсюда, — я показал на пламя, — то может его и не стоило вызывать.

У меня пересохло во рту. Я с вожделием подумал о каплях воды, которые еще остались во фляге, прицепленной к поясу. Пот стекал с головы под рубашку и она плотно прилипла к моему телу.

— Иллюзия, — задумчиво сказала Гатея. — Кажется, это главное оружие нашего врага. И...

Она посмотрела на беснующееся пламя. Не было нужды говорить о том, какая мысль пришла ей в голову. Она все еще гладила кота.

— Может, это и иллюзия, — сказал я. — И все же она такова, что мы не можем уничтожить ее...

— Как сверху, так и снизу... — задумчиво сказала Гатея, не заботясь разъяснить, что она имеет в виду.

— Иллюзия, — продолжала она. — Это введение образа в разум врага, жертвы, и тогда субъект перемещается в другую плоскость — туда, чего он больше всего боится, или чего он жаждет — и он начинает жить в этой плоскости.

— Ты имеешь в виду, что мы сами поддерживаем эту иллюзию, питаем это пламя?

— Пока мы верим, что видим его, наша вера питает это пламя.

— А если ты не права, если это пламя настоящее?

— Только реальность может ответить Могуществу. То, что может быть вызвано, создано, то может быть и уничтожено. Разве ты сам уже не доказал это?

Я видел капли пота на ее лице. Затем голова Гру поднялась с ее колен. Разжеванная масса листьев упала с его глаз, которые раскрылись. Взгляд его остановился на лице Гатеи. У него вырвалось нечто между ворчанием и мурлыканьем.

Да, я сам успешно сопротивлялся иллюзиям, уничтожал их. Но здесь было что-то совсем другое. Я был уверен, что если я суну руку в огонь, то она обгорит до костей. Какие уж тут иллюзии.

Девушка закрыла глаза, а кот с удовольствием устроился поудобнее. Неужели они решили поспать? Но в зловещем красном пламени я увидел шевеленье ее губ, хотя вслух она ничего не произносила.

Черт бы подрал все эти заумности! Неудивительно, что мои соплеменники стараются держаться подальше от Мудрых женщин, конечно, когда не испытывают в их знаниях крайней нужды. Я предпочел бы встретиться с любым врагом, сразиться с ним обычным честным способом, как это было принято среди моего народа. Пусть бы меч решил всю эту запутанную ситуацию.

Ведь я теперь даже не знал, в каком мире мы находимся. Наверняка нас забросило сюда совсем не тем способом, которым привыкли путешествовать люди. И даже если мы сумеем победить пламя с помощью колдовства, которое пытается вызвать Гатея, что потом? Что, если мы совсем в другом мире?... и времени?...

Она посмотрела на меня.

— Ты мешаешь мне! Твое неверие слишком сильно! О! — Она опустила руку в горячий песок, как будто это был холодный родник... — О, если бы я была одна! Ты... ты всячески препятствуешь мне!

Ее эмоции передались Гру. Он поднял голову и оскалился на меня.

Я был потрясен ее обвинением. Она совсем забыла, что я сделал для нее, что это я помешал ей ринуться к фальшивой Диане. Снова я поднял кубок, надеясь, что этот холодный терпкий запах, который однажды уже спас меня, снова поможет мне. Но этого запаха уже не было. Гатея смотрела на меня сузившимися глазами. Выражение ее лица слегка изменилось. Она увидела кубок и думала теперь о нем, о том, что его можно использовать более эффективно.

— Если бы ты знал побольше...

— Так скажи мне! — мне казалось, что стена огня все приближается к

нам.

Гатея подняла руку и отбросила назад прядь волос.

— Ты просишь невозможного. Нельзя сжать годы учения в несколько слов.

И тут язык пламени чуть не коснулся ее. Она отшатнулась и я увидел в глазах ее страх.

— Теперь у нас уже нет времени даже для нескольких слов, — угрюмо сказал я.

— Те, кто имеет могущество, — торопливо заговорила она, — говорят, что можно переносить объекты из одной плоскости в существования в другую. Они смотрят на что-то и видят его внутреннюю сущность. Для каждого объекта, будь он сделан, или рожден, сначала существовала мысль, и, следовательно, он частично остается мыслью. И объект, будучи материальным в той плоскости существования, где мы видим его, существует где-то в другом месте, но в другой форме. Тот, кто обучен, может увидеть в объекте эту мысль и уменьшить его до первоначального состояния, то есть до мысли.

— Ты видела, чтобы это кто-нибудь делал?

Гатея покачала головой.

— Нет, я не видела таких, кто может увидеть внутреннюю сущность вещей и использовать ее.

— Но ты сказала: если бы я знал больше, — настаивал я. — Что я должен знать?

Она снова покачала головой.

— Мы не знаем внутренней сущности сил, которые захватили нас. И...

— Это... — я показал на пламя, беснующееся вокруг нас. Я был уверен, что огненное кольцо все сжимается вокруг нас. — Это огонь. Огонь рождается из дров, горючих жидкостей. Какова же внутренняя сущность огня — что питает его?

В огне я не видел ни дров, ни следов горячего масла, которое мы жгли в лампах.

— Что питает его... — задумчиво повторила Гатея. И затем возбуждение тронуло ее лицо. — Да, возможно, что топливо для огня существует где-то в другом месте.

Это заявление показалось мне абсолютной бессмыслицей, но в ней оно пробудило новую жизнь и готовность к действиям. Она протянула мне руку.

— Кубок... у тебя есть немного воды, чтобы налить туда?

— Очень мало.

— Должно хватить. Я не могу сделать этого, кубок ведь твой. Только

ты можешь вызвать силы, которые содержатся в нем. Налей туда воды, держи его крепко. Затем подай мне руку. Может, Гру тоже присоединит к нам свои силы. Давай — это наш единственный шанс! Я одна не смогу сделать этого!

Я капнул воду в кубок. Она едва прикрыла его дно. Крепко держа его, я сел на корточки, взял ее руку.

— Теперь закрой глаза. Это огонь. Он горит, там дрова. Совсем, как в очаге. И вот вода, источник воды. Воды много. Она все поднимается, поднимается... Увидь это! Ты должен это увидеть!

В ее голосе был приказ, повеление. Но когда я закрыл глаза, мой разум восстал. Я не мог представить себе этого. Я пытался, но картина была слишком бледной, она все время исчезала.

Где-то вдаль слышался голос, очень слабый. Я должен был напрячь все, чтобы расслышать его. Нет, это был не голос, это был костер, костер, горящий на лесной поляне. Огонь, в котором пылали дрова, обычный костер охотника!

Что-то пробудилось во мне. Силы, о существовании которых в себе я и не подозревал. Мне казалось, что могущество огня и могущество воды превратились в какие-то физические субстанции и объединились во мне, наполнили меня. Слабая, трепещущая картинка в моем мозгу стала устойчивой и четкой. И кроме того, я увидел камни, из под которых бил родник. Огонь и вода — старые враги.

Огонь и вода — это был весь мир. Ничего кроме них, только их я изо всех сил старался видеть в мозгу четко и ясно. Вода и огонь!

Во мне бурлила теперь та самая сила, которая позволила мне визуализировать костер и источник. Теперь я с ее помощью заставил воду подниматься все выше и выше. Вот она уже стала перехлестывать через край родника, вот стала приближаться к костру...

Огонь горел, потрескивал. Как только я сконцентрировал внимание на нем, вода отхлынула. Нет! Выше вода! Выше! Выше! Я видел, как она поднимается, заливаает все, превращается в огромное море. И снова, когда картинка заколебалась, я почувствовал прилив новых сил, так что я не выпустил ее из-под своего контроля.

Вода все прибывала. Вот она коснулась дров, вот залила их. Пламя заметалось, стараясь перебраться на еще сухие поленья, но вода преследовала его. Картинка последний раз мигнула. Огонь знал, что силы его кончились. Но я ждал, чтобы вода залила все, до последнего полена. Все. Последние искры угасли. Я освободил воду. Она тут же схлынула, но не показалось ли мне, что в воде на момент отразилась чья-то голова?

Голова Коронованного Рогами? Я не был уверен в этом. Я открыл глаза. Голова была здесь, на стенке кубка. Но все остальное было погружено во тьму. Так как стена огня, окружавшая нас, исчезла.

Я удивленно моргал. Единственным источником света был мой кубок, но и его свет потихоньку таял. Если бы я не сидел на твердом камне, я был бы уверен, что мы умерли и попали в загробное царство. Сгущающийся мрак поглотил меня, стал давить на все мои чувства и на мое тело. Из мрака до меня донесся вздох. Я знал, что это Гатея.

— У меня... у меня получилось, — наконец я овладел собой. — Но мы не вернулись. Мы все еще в башне?

Я не почему-то не поверил этому. Здесь было что-то другое, которое как и Мрак давило на нас. После того, как я победил огонь с помощью своего разума, я понял, что сделать один шаг, это не значит совершить путешествие. Откуда-то из черноты до меня донесся голос Гатеи, еще больше усугубивший мое беспокойство.

— Мы все еще в ловушке, — сказала она. — Это не наше время и не наш мир. И...

Что она хотела сказать еще, я уже не узнал, так как в это мгновение темнота изменилась. В ней не появился светлый овал, нет, но нас куда-то потащило со страшной скоростью. Мы неслись так быстро, что я с трудом набирал воздух в легкие. Но я крепко держал Гатею за руку. Я больше всего боялся, что мы разделимся и каждый будет предоставлен своей судьбе.

Тело мое казалось невесомым, легким и хрупким, как сухой лист, который несет ветер. Я даже закрыл глаза, так как мы летели через сплошной мрак и я боялся, что я ослеп. Нас влекло вперед и швыряло с такой легкостью, как будто мы были туго стянуты веревками.

И затем ощущение полета исчезло. Мы остановились, но все еще оставались узниками мрака, так как я открыл глаза и ничего не увидел. Но я ощущал что-то странное вокруг себя. Я удивился тому, что ощущаю неизвестное. Мне не пришлось долго учиться этому, как Гатее. Что же пробудило во мне это новое для меня чувство, способность ощущать неизвестное?

Мы были совершенно беспомощны в ожидании того, что должно было случиться и чего я не мог даже предположить. Все, что связывало меня сейчас с реальностью — это была рука Гатеи. Я хотел говорить с ней, но давление мрака было таким сильным, что слова застряли у меня в горле.

Я был недалеко от того, чтобы призывать к себе смерть, как убежище от того, что обрушилось на меня. Слабый свет, который излучался кубком, исчез. Я сжимал его крепко и держал руку Гатеи. Я знал, что только в них я

могу искать спасения.

И вдруг мы снова полетели. Тут же я почувствовал нестерпимый холод, как будто мы проскочили барьер. Появился свет... очень слабый, еле заметный... но я все же видел его. Он был где-то внизу, как будто мы были высоко в небесах, но он становился все больше, ярче. Мы летели к нему со страшной скоростью, влекомые чьей-то волей. Чьей?... И почему все это?

Вдруг меня что-то рвануло со страшной силой и я потерял руку Гатеи. Меня потащило куда-то в другом направлении. Я смотрел вниз, как будто через глаза птицы или другого крылатого существа.

Внизу находился каменный круг, серебряно-серый, освещенный лучами луны. В центре круга стоял сверкающий каменный блок. Свет, исходящий от него, был так ярок, что я закрыл бы глаза, если бы мог поднять руку. Снова мое тело не подчинялось мне. На камне лежала женщина. Волосы ее были растрепаны и свисали с камня. На ней не было никакой одежды и я сначала решил, что она мертва. Во всяком случае, она не подавала никаких признаков жизни.

Вокруг стояли четыре каменные колонны, на каждой из которых были укреплены символы разных фаз луны. Точно такие же символы были в Святилище близ долины Гарна. Возле колонн что-то копошилось, колебалось, перемещивалось. Это было похоже на человеческие тела. Они становились более стабильными и четкими по мере того, как я подлетал ближе.

Они все были голыми, как и женщина. Но это были мужчины. В руках каждого из них был посох и они не стояли на месте, а переминались с ноги на ногу, как в танце, но с места они не сходили. Какое-то возбуждение поднималось внизу, достигало меня, пыталось проникнуть в мой мозг, в мое тело.

Откуда-то из тени, окружающей сверкающий круг, вышел пятый. Черное тело его в лунном свете отливало серебром. Кубок в моих руках ожил, он стал нагреваться, наливаясь гневом, яростью.

Я был инструментом, оружием в руках Мрака, с моей помощью он хотел исказить Свет. И я не мог сопротивляться этому.

Черная тень передвигалась в странном танце от одной колонны к другой, от одного человека к другому. Она останавливалась перед каждым на мгновение, воздевала руки к небу и двигалась дальше. Тот, перед кем останавливалась черная тень, становился реальнее, как будто в него вливались свежие могущественные силы. Но все это время женщина лежала на алтаре, погруженная в глубокий сон.

Я все приближался и теперь уже мог видеть лица. Все лица, кроме

лица движущейся по кругу черной тени, которая излучала могущество. Оно струилось вокруг меня, как бурный поток.

Если меня кто-нибудь и видел, то не показывал виду. Я уже достиг поверхности земли. Мои ноги коснулись поверхности вымощенного круга. Я внимательно всмотрелся и увидел — Инну!

Но это уже была не та девушка, что ехала в фургоне Гарна. Она изменилась, но я не понимал, как. Ее губы, темные по контрасту с бледностью лица, были не красными, а скорее черными в лунном свете. Они раздвинулись в легкой улыбке. Я был уверен, что она спит и видит во сне то, что никогда не могла бы видеть скромная девушка, которой она всегда была. Она была так подавлена своим отцом, что боялась даже поднять глаза без его разрешения.

Инна! Жертва. Мне не нужно было это говорить. Все, что происходило сейчас здесь, не было актом добра — это было зло, такое же черное, как Мрак там, откуда принесло меня сюда.

Я стоял, сжимая кубок, который все нагревался. Его металлическое сердце наверное, было наполнено пламенем, так он жег мои руки. Так он защищался от того, что собиралось произойти здесь. Серебряное лицо на кубке сверкало, глаза метали блестящие копыя света — белые, как луна над нами — и все же другие.

Танцующая тень, которую все еще было невозможно разглядеть — видны только костлявые руки — отошла от последнего человека и, пританцовывая, двинулась ко мне. Голова была закрыта капюшоном. В его тени лица не было видно. И все же я знал, что он обеспокоен моим появлением, что он находится в союзе с тем, кто бросил меня сюда.

Руки его вздымались в воздух и опускались. Рукава развевались в воздухе и я мог видеть руки — кости, обтянутые кожей. Старая кожа, старые кости. Я мог видеть их до плеча. Скрюченные пальцы с длинными кривыми ногтями извивались и тянулись над спящей девушкой к кубку. Я крепко сжимал кубок, зная, что в нем единственное мое спасение.

Я напряг всю свою волю, но не против того, кто принес меня сюда, так как я знал, что у меня нет ни малейшего шанса победить его. Нет, я старался извлечь все могущество, которое содержалось в кубке Рогатого Человека. На этом сосредоточил я все свои усилия.

Пальцы коснулись меня и ногти впились в тело, но я вырвался.

Однако черный человек возобновил свои попытки отобрать у меня кубок. При его движении капюшон свалился с его головы. Снова женщина. Пародия на женский пол. Она была стара, но она не была похожа на добропорядочных старушек, состарившихся в мирном труде. Нет, это была

маска ненависти, покрытая глубокими морщинами. На почти лысом черепе болтались жидкие пряди грязно-белых волос, а когда она открыла рот, чтобы выкрикнуть проклятие, увидел во рту один или два желтых зуба, больше похожих на клыки Гру, чем на человеческие зубы.

Она исходила злобой, и от нее истекало могущество. Она обладала гораздо большей силой, чем я мог ожидать в таком хрупком костлявом теле. Потерпев неудачу в первой попытке схватить кубок, она обогнула алтарь, на котором лежала Инна, и устремилась ко мне. Глаза ее горели, как угли. В них было коварство и безумие. Ее скрюченные руки протянулись ко мне, желая разорвать мое лицо в клочья.

Противостоять могуществу, которое швырнуло меня сюда, было бесполезно. Я не мог увернуться от нее, но и не выпустил и кубок. Я старался прикрыться от ее когтей плечами, руками.

С кончиков ее губ стекала желтая слюна. Она хриплым голосом выкрикивала какие-то непонятные слова. К своему удивлению, я видел эти слова. Они плавали в воздухе. Красные, окутанные дымом. Они кружились над моей головой, опускались вниз, как языки настоящего пламени.

И вот тогда я поднял голову и громко крикнул:

— Ха! Курноус — во имя Рогов!

Она как будто со всего маху натолкнулась на стену. Она отскочила назад, затем еще, чтобы удержать равновесие и удержаться на ногах. Губы ее шевелились, слюна стекала по подбородку. Теперь руки ее чертили в воздухе замысловатые фигуры. Они тоже поплыли в воздухе, красные, испускающие дым.

Кубок стал таким горячим, что я еле держал его в руках, но я поднес его к губам, как будто хотел выпить его содержимое, хотя он был пуст. Глаза Рогатого Человека метали копьё света, как будто он хотел ими поразить врага.

Они ударялись в одетую черную каргу, отражались от нее и летели мимо каменного алтаря и распростертой на нем девушки. Этот фонтан света не прекращался. Напротив, он становился ярче, интенсивнее, смешиваясь с лунным светом.

Старуха с прытью, которой я не ожидал от нее, отскочила дальше назад, стараясь держаться подальше от стены света. Она хрипло крикнула что-то и этот крик жуткой болью отозвался у меня в голове.

Но я перенес эту боль. Я твердо стоял на земле. То могущество, что принесло сюда меня, исчезло. Теперь я мог, если бы захотел, отбросить кубок, жгущий мне руки. Но я знал, что этого сделать нельзя. Это была битва, которую я должен был проделать. Я держал кубок и лучи света

простирались все дальше и дальше.

Карга все отступала. Теперь она стояла на самом краю круга. Здесь она остановилась, как бы решившись удержать последний рубеж. Я хорошо знал, что теперь она призвала все свое могущество. Хотя я долго был в плену того, кого не понимал и не мог понять, все же я оставался воином. Я заметил легкое движение, поворот ее головы, заметил, что глаза ее смотрят не на меня, а на девушку.

Теперь была моя очередь нападать. И мое искусство воина не подвело меня. В одно мгновение я встал между девушкой и зловещей старухой. При этом я бросил взгляд на четырех мужчин — не будут ли они защищать свою колдунью? Они были совершенно голые и никакого оружия у них не было, кроме посохов. Однако, кто мог сказать, на что способны они?

Те двое, которых я мог видеть не двигались. Они стояли у колонн, пританцовывая на месте. Глаза их были устремлены ни на меня, ни на каргу. Они смотрели в центр круга, хотя я не был уверен, что они видят Инну.

Огненная молния ударила в меня. Я снова сжал кубок. Ответный удар нанесли не глаза Рогатого. Весь кубок озарился сиянием, яркие лучи ударили во все стороны, создали барьер между мной и каргой. Они достигли голых ног ближайшего мужчины. И он как будто проснулся, понял, что происходит вокруг. Он повернулся, взглянул вниз и увидел, что сияние достигло его колен.

Черты лица его исказились от боли. Его прекрасное тело корчилось, как будто попало в огненную печь. Он вскрикнул от боли, как дикое животное, посох его вспыхнул, охваченный пламенем. Мужчина отбросил его от себя.

И теперь это уже был не высокий, хорошо сложенный мужчина. У подножия колонны корчилось сгорбленное волосатое существо с широким ртом — жуткая смесь зверя и ящерицы. Он бросался в стороны, пытаясь вырваться из моря огня.

Я взглянул на другого мужчину. Тот тоже преобразился, с огненным морем, истекающим из кубка в моих руках, боролось существо, напоминающее громадную птицу, каких я никогда не видал. Она напоминала тех черных птиц, что набрасывались на нас в долине Гарна, только гораздо больших размеров.

Карга — она отступила еще и вышла за пределы круга. Поток пламени еще не достиг ее. Она наклонилась вперед, как бы пытаясь остановить сияние, и все время смотрела на меня. Я внезапно понял, что она не очень далека от поражения.

Губы ее все время шевелились, как будто она посылала мне страшные проклятия. Только теперь эти слова были невидимы. Она хлопнула в ладони и этот звук был подобен удару грома.

Она исчезла!

Я прислонился спиной к алтарю. Те двое не исчезали и оставались на месте у колонн, все еще продолжая борьбу. Я повернулся, чтобы увидеть других двух. Сияние подступало к ним, хотя еще не достигло их ног. Хотя они, казалось, не замечали, что опасность близится, они понемногу отступали назад, как и старуха. И вот они тоже исчезли.

Опираясь на каменный алтарь, я пытался рассмотреть, что находится за пределами круга серебряного. Я был уверен, что меня уже вышвырнуло из того мира, где правил господин башни Мрака. Это был мой мир, но где именно я находился, я не мог понять. Это, конечно, было не то Святилище, что находилось в горах у долины Гарна. А где же Гатейя и Гру? Неужели они все еще остались там? Если так, то как же они выберутся оттуда?

Сзади послышался вздох. Я повернулся. Глаза Инны открылись. Она проснулась, хотя улыбка все еще играла на ее губах, а глаза были счастливыми, как будто она только что вернулась из такого сна, какого не видела еще ни одна обычная девушка.

— Инна!

То, что мы должны бежать отсюда, из этого места, наполненного неведомыми силами, было первой его мыслью. Кубок уже остыл в его руках, он уже больше не испускал сияния. Даже лицо на кубке постепенно темнело, уже ничто не говорило о том могуществе, которым обладало оно.

Девушка спустилась с алтаря. Движения ее были медленны и расслаблены, как у человека, только что вставшего от глубокого сна. Она еще не полностью воспринимала окружающее.

Руки ее поглаживали свое тело, как неоценимое сокровище. Она начала мягко напевать, глаза ее не встречались с моими. Мягкий нежный шепот перенес меня куда-то далеко-далеко, и во времени, и в пространстве. Ведь эту песню я слышал еще в детстве. Это была колыбельная, которой убаюкивала нянька Инну, когда та была ребенком.

Она все еще не видела меня. Взгляд ее медленно обходил ярко освещенный круг, как будто ожидая увидеть то прекрасное будущее, обещанное ей. Лунный свет обливал бледным сиянием ее стройное тело.

— Свершилось! Бог приходил ко мне и я подчинилась его воле. Дитя будет выше и могущественнее любого лорда — могущественнее — могущественнее... — голос ее был таким же мягким, но песня уже была не колыбельной, она стала песней торжества.

Неужели она совсем сошла с ума? Я осторожно поставил кубок на землю, стянул с плеча смотанный плащ, развязал его, набросил на плечи девушке. Она сидела на камне алтаря, на губах ее играла нежная улыбка, а руки бережно укрывали ту новую жизнь, которая, как она была уверена, зреет в ее теле.

— Сын... сын, который поедет вперед и соберет Великие Силы в свои руки и они будут оружием его. Мне оказана великая честь...

— Инна!

Я произнес ее имя как можно более повелительно, чтобы вывести ее из состояния транса и дать ей понять, что я здесь. Теперь она вздрогнула, повернулась ко мне. Я увидел ее расширившиеся глаза и понял, что наконец иллюзии покинули ее.

— Эльрон! — наконец-то узнала. Руки ее схватили плащ, стала натягивать его на себя. — Но... — она осмотрелась, как бы желая видеть, кто пришел со мной. Она должно быть увидела чудовищ, все еще

корчившихся у колонн. Я увидел ее изумление. Она вскрикнула, резко и пронзительно.

— Эльрон! Кто они! — страх овладел ею, вытеснив полностью чудесные видения. — Это... — я увидел, как ноздри ее раздулись, голова вздернулась.

— Здесь зло! Это не должно прикасаться ко мне. Я отдалась богу... его сын во мне!

Она быстро спустилась с алтаря и отошла подальше от чудовищ, которые корчились и испускали жуткие крики. Крики не агонии, а ярости. Я всматривался в ночь за пределами Лунного Святилища. Хотя старая карга исчезла, я не мог поверить, что она так легко сдалась. Нас могло ждать впереди что угодно.

— Эльрон! — Инна придерживала плащ на себе и схватила мою руку, — уведи меня отсюда!

— Сейчас. Как только я буду уверен, что нас не ждет западня. — Я не мог разжать ее пальцы и, держа в руке кубок, как меч, а здесь кубок был более сильным оружием, чем любой меч, я осторожно пошел от алтаря. Я не выпускал из виду чудовищ, но одновременно старался увидеть, не поджидают ли нас те двое, что исчезли вместе со старухой.

У меня возникло чувство облегчения. Значило ли это, что я освободился от колдовства? Я мог только надеяться, что это так.

Инна все еще крепко держалась за меня и она шла следом за мной, не отставая. Мы без особых затруднений дошли до края освещенного круга. Я, держа ее сзади, осторожно высунулся, чтобы посмотреть, что ждет нас в ночи.

Мне потребовалось некоторое время, пока глаза мои привыкнут к тьме, которую не пронизывали солнечные лучи. В отличие от Лунного Святилища, которое я видел в горах у долины Гарна, это Святилище не было окружено деревьями. Вокруг здесь были каменные плиты, хотя и не такие сверкающие, как внутри самого круга. От круга Святилища как лучи отходили низкие каменные строения.

Я почему-то ожидал здесь жизнь, увидеть церемонию встречи меня и Инны. Но все было тихо. Это было давно покинутое место, где не было жизни. Только Святилище осталось здесь неизвестно для какой цели.

Инна рванулась резко назад, попыталась вырвать руку. Теперь я крепко держал ее.

— Райден! — крикнула она. — Райден! Где она? Почему ее нет?

— Успокойся. — Мне не нравилось, что крик ее эхом разносится в этом пустынном месте, среди покинутых строений. То, что мы уже

предоставлены самим себе, мне казалось маловероятным, и я считал, что нужно сохранять осторожность.

— Пусти меня! Райден! — она снова крикнула и я не видел другого пути заставить ее замолчать, как сунуть ей в рот край плаща. Кубок я держал все время в руке. Я доверял ему больше, чем любому другому оружию. Я боялся, что если отпущу Инну, то она сбежит от меня. Мне вовсе не хотелось ловить ее здесь, среди угрюмых темных зданий.

— Она ушла, — сказал я, что мог. Если это было имя той ведьмы, которую я выгнал из Святилища с помощью кубка, то это была правда. — Слушай, — я тянул ее, чтобы завладеть ее вниманием. — Ты видела этих чудовищ у колонн? Вокруг могут быть и другие. Нельзя привлекать к себе их внимание.

Ответ ее был неожиданным для меня.

— Я не понимаю тебя. Что ты здесь делаешь? Райден сказала, что бог возьмет меня и его могущество возродится из моего тела. Поэтому Лунное Святилище и перенесло меня сюда. И это свершилось! Бог пришел... он взял меня...

Я должен был реагировать быстро.

— Ты спала. Должно быть тебя одурманили наркотиками и тебя были видения! Здесь не было бога... это не Лунное Святилище... — мне оставалось только надеяться, что я говорю правду. Что произошло здесь до моего появления, я не имел понятия, но я был уверен, что только я помешал этому всему завершиться так, как было задумано. Может быть, эти монстры были превращены богом Мрака в людей, чтобы они стали отцами ребенка этой наивной девушки, и она произвела бы на свет еще более страшное зло. Это мне казалось наиболее вероятным.

— Пусти меня! — они вертелась как змея в моих руках. — Ты не можешь знать правды! Райден сказала мне...

К счастью, она была гораздо слабее Гатеи. Я ее мог удерживать даже одной рукой.

— Если Райден — это мешок костей, который только что был тут, — сказал я, — то она ушла. И я надеюсь, что очень далеко. Но теперь...

Она вырывалась изо всех сил. Мне пришлось заткнуть кубок за пояс и схватить ее двумя руками. Затем я взвалил ее, плюющуюся и царапающуюся, на спину и потащил ее между строений, от всей души желая, чтобы крики ее не навлекли на нас беды.

Мы шли по мощеной улице. По обеим сторонам ее стояли низкие одноэтажные темные дома. Они были без окон. В их стенах выделялись только темные дверные проемы. Дорога шла все время вверх и мы прошли

мимо тринадцати домов прежде, чем вышли на равнину.

Инна, наконец, замолчала. Она горько плакала, все тело ее сотрясали судороги. Она оказалась более легкой, чем я предполагал. Мне приходилось почти тащить ее за собой и я думал, что это не из-за того, что она хочет остаться тут, а просто она очень устала и ослабла. Она споткнулась и повисла на моем плече. Вероятно, она была в обмороке.

Однако мне хотелось уйти отсюда подальше. Поэтому я подхватил ее на руки и пошел дальше так быстро, как мог. Наконец мы дошли до конца долины. Там я был вынужден остановиться и отдохнуть. Я опустил Инну на землю, поддерживая ее, и оглянулся вниз в долину.

Лунное Святилище все еще сверкало. Но я уже не мог рассмотреть двух чудовищ у колонн. И во всем городе не было ни света, ни звука, ни движения. Дома прижимались к земле, темные и мрачные. Дороги между ними были пусты. Все было спокойно и тихо.

Всхлипывания Инны перешли во вздохи. Она висела на моих руках, как будто силы в конец оставили ее. Я медленно пошел вперед, поддерживая ее и внимательно глядя, что там нас может ждать.

Дорога тянулась далеко вперед тускло-белой линией. Луна светила достаточно ярко и теперь, когда глаза мои привыкли к полумраку после яркого сияния Святилища, я видел, что местность вокруг покрыта густой растительностью. Деревья росли небольшими рощами, а скопления кустов образовывали темные пятна, которые мне чрезвычайно не нравились. Я мог легко вообразить, какие чудовища скрываются там.

Хотя дорога наверняка была под наблюдением злых сил, все же, решил я, идти по ней безопаснее, чем по равнине.

— Ты можешь идти? — спросил я. Тащить ее на себе и не иметь возможности использовать руки для защиты в случае необходимости, было глупо. Но я не имел желания оставаться здесь в опасной близости от Святилища.

— Ты не имеешь права! — она рванулась от меня и плащ наполовину соскользнул с ее тела. Она ахнула и стыдливо закуталась в него. — Райден вернется. Она не позволит увести меня...

— Ты можешь идти, — я не пропустил мимо ушей ее предупреждение, так как сам боялся этого.

— Да, — угрюмо сказала она. Но если она думала, что я выпущу ее и она сможет снова сбежать в Святилище, то она ошибалась. Я положил руку ей на плечо и повел ее, подталкивая по дороге перед собой.

Некоторое время мы шли молча. Так как теперь Инна не доставляла мне беспокойства, я мог повнимательнее посмотреть вокруг. Я был

настороже, чтобы не пропустить внезапного нападения. Но все было спокойно. Только налетающий ветер качал деревья и шумел листвою.

— Почему ты пришел сюда? — этот вопрос немного удивил меня. Я привык думать о ней как о ноше, о грузе, а не о живом существе.

А почему? Я вовсе не стремился сюда. Я направился в эту страну только чтобы загладить свою вину перед лордом Гарном. И то, что я нашел Инну, вовсе не моя заслуга. И я не понимал, почему могущественные неизвестные мне силы забросили меня сюда.

— Я изгнан из клана, — сказал я. — Лорд наказал меня справедливо. Ведь я должен был сказать о том, что ты посещаешь тайно Лунное Святилище.

Она долго молчала. Затем она заговорила и голос ее был тихим.

— Значит, ты пришел сюда, чтобы спасти свою честь?

Это говорила не та Инна, которую я всегда знал. Она была резка, саркастична.

— Мне нечего спасать, я ведь лишен рода, а это бесчестье, которого не смыть. Я пренебрег своими обязанностями и наказан за это.

— И ты думаешь вернуть меня обратно к тем, кто не смотрит дальше своего носа, кто не имеет могущества, кто даже не подозревает о своем ничтожестве?

Голос ее стал громче, пронзительнее.

— Я тебе не простая девушка, которую можно таскать туда обратно, даже если она этого не хочет. Я... — она замолчала и я не мог удержаться от искушения и спросил:

— Так кто же ты теперь, леди Инна?

Она рассмеялась, чем несказанно удивила меня. Голос ее снова стал саркастичным, презрительным.

— Подожди, и ты увидишь, лишенный клана. Сейчас ты коснулся таких вещей, о которых ты не можешь иметь понятия. Я ношу в себе... да... я, девушка, ношу в себе ребенка! Дитя могущества, такого сильного, что он будет править миром! Я избранница бога и я мать его ребенка! Ты не можешь часть этого государства...

Я вспомнил о карге и о ее заклятиях, вспомнил о двух чудовищах, которые корчились возле колонн. То, что они были союзниками Властителя Черной Башни, я не сомневался. Но не могла же Инна добровольно примкнуть к силам Зла. Она была обманута, введена в заблуждение.

Я замедлил шаг, достал из-за пояса кубок и повернул его так, чтобы она могла видеть лицо Рогатого Человека. Оно было хорошо видно в лунном свете. Мне почему-то казалось, что он понимает меня и сделает

все, чтобы помочь мне.

— Ты его знаешь, Инна?

— Да. Это Курноус. Охотник. Но что тебе до него, Эльрон? — сквозь презрительную резкость ее речи прорезалось удивление. — Он защитник Лунной Леди. Это она вызвала меня сюда...

Нет, это не слова Дианы и не Гунноры, и даже не Рогатого Лорда. Кто-то извратил весь ритуал, чтобы обмануть девушку. Как глубоко она запуталась в сетях? Я должен узнать это, чтобы обеспечить безопасность нас обоих.

— Тебя вызвала Диана?

— Диана? — она повторила имя так, что мне стало ясно: она слышит его впервые. — Кто такая Диана? Это была Райден — самая старая. Правительница Лунной тени. Она Мудрейшая. Это она дала жизнь Великому Господину. И теперь вызвала меня, чтобы я дала ему свое тело.

— А Гуннора? — спрашивал я дальше. — Она тоже была?

— Диана, Гуннора! — в голосе снова появилось презрение. — Эти имена ничего для меня не значат. Где ты услышал их, лишенный клана? Впрочем, лучше скажи, почему ты носишь с собой Кубок Рогатого Охотника?

— Его подарили мне. Слушай, Инна, ты попала в руки Зла. Диана, Гуннора — они истинные Лунные Леди. Эта Райден узурпировала их могущество. Неужели ты не поняла, когда увидела чудовищ, что имеешь дело со Злом?

— Ты сошел с ума! — пронзительно крикнула она. — Ты имеешь дело со Злом, а не я! Меня вызвали... я избранница! Эту ночь я спала в объятиях Великого. Я его возлюбленная... я его избранница.

И она едва не вырвалась от меня, так как она царапнула мое лицо, когда я совсем не ожидал. В моих руках остался только плащ. Тогда я бросился за ней, схватил ее, прижал ее к себе так сильно, что лицо ее исказила гримаса боли и страха.

— Я не буду спорить с тобой. — Мне было ясно, что сейчас до нее не дойдет голос разума. Гатя... Гру... сейчас мне нужен меч на боку и они рядом со мной. Когда вся битва в святилище закончилась, я вспомнил про них, и мне стало жутко при мысли, я вспомнил про них, что они находятся во власти Господина Черной Башни.

— Мы сейчас одни в стране, полной колдовства, и нам нужно держаться вместе, иначе мы погибнем.

Ее руки, которые продолжали сопротивляться, опустились. Она посмотрела по сторонам и я увидел на ее лице, освещенном луной,

выражение загнанного зверька.

— Я в безопасности... в безопасности. Райден найдет меня! — но уверенности в ее голосе не было.

Хотя она продолжала сопротивляться, я больше не хотел оставаться на открытой дороге, которая вела прямо в Лунное Святилище. Поэтому я принудил ее идти дальше. И она пошла, прекратив борьбу.

Нам нужно найти убежище, подумал я. Все, что произошло, хоть и было похоже на сон, но истощило мои силы. Но если я найду подходящее место для лагеря, могу ли я быть уверенным, что она не сбежит, пока я сплю? Может, ее стоит связать по рукам и ногам.

Дорога стала описывать широкую дугу и по ее сторонам я увидел темные холмы, которые мне показались похожими на могильные курганы, какие люди клана насыпают над могилами своих лордов. Если это действительно мемориал, то здесь очень долго жили люди.

Ветер, который шелестел листвой деревьев, внезапно сменил свое направление. Теперь он дул справа. Судя по звездам, это был запад. Он принес запах, который приходил ко мне из кубка — чистый, свежий. Я инстинктивно посмотрел туда, надеясь увидеть хоть какую-нибудь нить, связывающую меня с Рогатым Господином. Я был так потрясен случившимся, что даже запах казался мне путеводной нитью.

Еле заметная тропа отходила от дороги. Она вилась между курганами и вела на запад. Можно ли нам идти туда, если нас ничего не зовет, кроме этого, так хорошо знакомого мне запаха? Тропа то и дело исчезала в тени курганов. Я остановился и стал всматриваться вдаль, стараясь пронзить мрак взглядом.

Инна снова стала сопротивляться.

— Куда ты идешь? — спросила она. В ней странным образом уживались две девушки — одна, тихая, скромная и запуганная из клана Гарна, другая, и гораздо чаще, была враждебна мне. Она хотела освободиться от меня.

Я был прав. Этот запах доносился из долины, где высились темные курганы. Не отпуская Инну, я достал кубок и повернул лицом Рогатого в том направлении.

Я уже привык к его помощи, и поэтому совсем не удивился, увидев, как зажглись светом его глаза. Слабые лучи света протянулись, как тонкие нити в самое сердце того, что было мемориалом давно умершим лордам — может здесь были захоронены воины, погибшие во время битвы, защищая свою землю.

Я слышал тяжелое дыхание Инны, но она не сопротивлялась, когда мы

свернули с мощеной дороги и пошли по узкой тропе.

Тени проплывали мимо нас. Я притянул Инну поближе к себе и взглянул вверх. Там я увидел громадную птицу — неужели это то чудовище, с которым я сражался, и которое не погибало от смертельных ран? Но птица пролетела мимо, не обратив на нас внимания. Я не мог рассмотреть ее, но у меня сложилось впечатление, что это все же не птица. Она летела прямо, но вдруг, над курганом, она оглушительно захлопала крыльями и повернула на север. Видимо, заметила какое-то препятствие, невидимое нам. То, что эта птица, или что-то другое, была отброшена, придало мне мужества. Поэтому, дождавшись, чтобы она отлетела подальше, я подхватил Инну и мы пошли вперед как можно быстрее. Правда, она стала жаловаться, что поранила ноги о камни, что нам вообще не нужно так спешить.

Тропа вилась между земляными курганами, но я заметил, что некоторые из них были увенчаны камнями, и из их вершин струилось к небу голубоватое сияние, правда, недостаточно яркое, чтобы помочь нам в пути.

Я знал, что скоро мы доберемся до убежища. Мне очень хотелось есть и пить. Я не знал, в каком состоянии находится Инна. Правда, я чувствовал, что она дрожит от слабости, но нести ее у меня самого не было сил.

Наконец, мы дошли до кургана, который возвышался над другими. На вершине его был камень, из четырех углов которого поднималось голубоватое сияние — как будто там стояли четыре свечи. У нашего народа свечи устанавливаются по углам погребального ложа лорда. Я посмотрел вверх, но не увидел ничего, что могло бы служить убежищем.

С вершины кургана мы могли видеть все вокруг. Тот, кто лежал под курганом, был давно мертв, но он мог дать защиту тем, кто находился в сердце его кургана и кто просит его защиты.

Инна воспротивилась моему желанию искать место для лагеря на вершине кургана. Но когда она попыталась вырваться, двойной луч света из глаз Рогатого стал ярче и показал на курган. Тогда Инна плотнее закуталась в плащ, как будто это была броня, способная защитить ее. Она больше ничего не сказала, но начала взбираться вверх по склону.

Вершина кургана была плоской, и в небольшом углублении лежал камень, как низкий алтарь. Столбы света как пламя на ветру наклонились к кубку, когда я приблизился к камню.

Инна вскрикнула, упала на колени и спрятала лицо в руки. Ее спутанные волосы рассыпались по ее плечам, как второй плащ. Но я стоял и прислушивался. Из ночи пришли какие-то звуки. Я слышал звон мечей,

удары мечей о щиты, крики, очень далекие и слабые, некоторые торжествующие, некоторые крики отчаяния. И затем над всем этим послышались звуки рога — охотничьего рога, и это был не сигнал битвы. Возбуждение охватило меня. Усталость, голод, жажда — все было забыто. Одной рукой я поднял вверх кубок, а второй — меч, сам не зная, почему я это делаю. Я не был готов к встрече с врагом. Нет — враги давно исчезли, осталось только торжество, радость победы, такая же чистая и ясная, как огни, горевшие на вершинах курганов. Нет, мой меч вознесся вверх в салюте, приветствии лорду, для которого я был слугой. Рукоять меча коснулась моих губ.

Кому... или чему... приносил я клятву в верности, я не знаю. Но я знал, что это было нужно и это было правильно. Вокруг меня струилось голубое сияние и кубок светился. И затем все исчезло. Как будто все смел ветер, приносивший запах вина Рогатого Лорда. Меня охватило желание, острое, как боль, найти того, чьи крики я слышал, чей рог звучал в ночи. Но мое время, видимо, еще не пришло и я остался на месте.

Медленно я вложил меч в ножны. Голубое сияние стало совсем слабым. Остались только еле заметные следы его. Инна подняла голову и посмотрела на меня. Глаза ее расширились. Они были полны страха и трепета.

— Кто ты? — спросила она.

Я ответил правду.

— Я Эльрон, лишенный клана, хотя... — мой голос прервался. Горечь потери клана и рода оставили меня с тех пор, как мои ноги вступили в эту загадочную страну. Я посмотрел на того Эльрона, каким я был когда-то и увидел очень юного и очень глупого человека. Хотя я и теперь знал лишь немногим больше, чем он, зато я знал, что мало знаю, а это достаточно много, это большой шаг вперед.

Инна отбросила волосы с лица. Я присел рядом, протянул ей бутылку с водой и немного еды, что оставалась еще в моем мешке. Она жадно ела и ничего не говорила, что еда затхлая, а вода несвежая и пахнет бутылкой, а не чистым родником. Мы сидели и ели. Нас освещала луна и сияние могильных свечей. Каждый из нас думал о своем. Мои мысли все время возвращались к Гатее и Гру.

После еды я взял кубок, поднес его к груди и заглянул в него, как будто это было зеркало... или окно куда-то. Затем я вызвал в мозгу видение девушки, которая стояла рядом со мной в Черной Башне. Для этого я призвал на помощь все свои силы, все свое воображение.

Было очень трудно увидеть четкое изображение ее лица. Она то

появлялась, то исчезала. Я закончил свой поиск, выполнив то, что задумал. Инна была со мной. Гатя выбрала свой путь по собственной воле. Мы не были связаны между собой ничем. Нет! Для меня не может быть покоя, пока я не буду уверен, что она снова в этом мире... что она свободно и может осуществить свои желания. Не может быть покоя! Нет!

— Эльрон!

Сначала этот крик возник в моей памяти — я никогда не слышал такую ноту в голосе Инны. Девушка стояла на коленях и смотрела на страну курганов, освещенную едва заметными огнями могильных свечей.

Луна уже спустилась к горизонту. Свет ее лучей ослабел. Инна указывала на запад. И я тоже увидел их. Между курганов пробирались тени. Их можно было видеть только в те мгновения, когда они перебежали от кургана к кургану. Я напрягся. Мне показалось, что нас окружают.

Их было трудно рассмотреть, так как они все время скрывались в тени. И поэтому я не мог определить, кто же это — стая зверей, люди, или чудовища, населяющие эту страну, которых послал на нас тот самый Властитель Черной Башни, который так активно вторгается в мою жизнь.

— Я вижу, — прошептал я. Хотя ближайšie из них были еще далеко от кургана, где мы находились, я не хотел говорить громко, так как их слух, возможно, гораздо острее слуха людей.

Девушка прижалась ко мне. Ее плечо легло на мое колено. Сейчас она казалась гораздо старше, бледнее и очень усталой. Прошедшие часы отняли у нее много сил. Теперь она смотрела на меня.

— Ты видишь... — зловещие искры плясали в ее глазах. — Они идут за мной! Я... — руки ее легли на живот, как бы прикрывая, защищая то, что как она сказала, находится в ней. — Я ношу будущего повелителя — и они знают это! Беги, лишенный клана, спасайся, если можешь! Даже я не смогу спасти тебя от их мести!

Она непоколебимо верила в триумф тех сил, с которыми она считала себя в союзе. Я бежать не собирался. Но я не был уверен, что те, кто сейчас движется в ночи, мильоны Мрака.

Кубок двинулся в моих руках. Я был уверен в этом, хотя держал я его крепко. Он наклонился назад. В его глубине больше ничего не было. Я взглянул на лицо, направленное на меня. Его глаза — смотрели! Они приковали к себе мой взгляд, хотя я чувствовал, что нужно следить за теми, кто приближается к нам.

Я знал, что я уже не тот неопытный и глупый юноша, который совершил ошибку и был изгнан своим лордом. Теперь... теперь я стал...

Нет! Я испустил громкий крик, чтобы разорвать магическое притяжение этих глаз, который, я был уверен, были просто

металлическими, а не живыми. Они были очень искусно сделаны и казались живыми, да, но тем не менее, они были металлическими, не реальными, они не могли воздействовать на мой разум.

Сила вливалась в меня. И не только сила — а что-то новое. Какой-то новый разум, превращающий меня в кого-то другого. Однако я не был тем сосудом, которого он ждал, в котором нуждался. Оставался между нами барьер. Это было то, что осталось от меня, Эльрона, что решило умереть, но не отдать себя незнакомцу.

Однако, несмотря на то, что неведомая сила воли не смогла полностью войти в меня, я почувствовал, что обладаю могуществом, которого не ощущал в себе раньше. Видимо, тот, кто хотел войти в меня, наделил этим могуществом, чтобы я служил ему. А может он решил служить мне? Но в последнем я сомневался. Я был не колдун, не Бард, я не мог открыть свой разум и подчинить ему невидимое.

Инна вскочила на ноги быстрым движением и отодвинулась от меня. Прежде, чем я успел схватить ее, она протянула руки по направлению к движущимся теням, который все приближались, громко крикнула:

— Холла, лунорожденный, носитель света, я здесь!

Я сунул кубок обратно за пояс и кинулся к ней. Я обхватил рукой ее горло и подтащил ее к алтарю. А она, как будто вновь превратилась в кошку. Она царапалась, шипела, брызгала слюной, старалась укусить меня. И так она боролась, пока я не придавил ее к земле. Плащ соскользнул с нее во время борьбы и лежал у наших ног. Я прислонился к голубой каменной плите, стискивая в руках ее тело, скользкое от пота. Я с трудом сдерживал ее и не рисковал отпустить. Она совсем обезумела. Это была не та Инна, что я знал раньше.

Поднявшийся ветер нагнал тучи, закрыв луну и теперь единственным источником света были призрачные надгробные свечи. Дважды она порывалась крикнуть снова, оба раза я успевал перехватить ее горло.

Должно быть я немного придушил ее, так как она вдруг обвисла у меня на руках. Тогда я немного отпустил ее, но был настороже, так как не доверял ей — она могла и обмануть. Она не шевелилась, тогда я осторожно переменял положение и вскарабкался на камень, втащив и ее. Ее тело пахло чем-то странным, как будто кожа ее была смазана маслом. Она стонала и тяжело дышала, как будто не могла наполнить легкие воздухом. Но я слышал и еще кое-что, кроме тяжелого дыхания. Вдалеке я слышал звук рога — тот самый звук, который донесся до нас Гатеей, когда кольцо смерти стягивалось вокруг нас. В тот раз, когда я впервые прибегнул к помощи кубка.

Это был чистый, высокий звук.

Облака сгустились над нами и пошел мелкий дождь. Я поднял Инну на ноги, одной рукой набросил на нее плащ.

— Прикройся, — хрипло приказал я. Эта мягкая ароматная плоть в моих руках вызвала то дикое непреодолимое желание, которое в Черной Башне использовали как оружие против меня, искушали меня. Нет, ни в коем случае нельзя поддаваться искушению, это откроет дверь для наших врагов.

Звуки рога раздались ближе. Я попытался разглядеть наших врагов, близко ли они. Но все, что можно было — это голубые огни «свечей». То, что стремилось проникнуть в меня, когда я смотрел на кубок, оставило свои попытки стать мной, но одарило меня новым знанием. Окружающие нас враги не рисковали пройти на курган. Когда я обратился к кубку, я не знал, хорошо это или плохо. Ведь могущество, которое я получил от него, могло помочь мне, но могло и оказаться опасным. Сейчас мы были в таком месте, которое имело свои собственные методы защиты.

Инна снова стала всхлипывать. Теперь уже сердито, как я решил, так как других причин у нее сейчас не было. Она схватила плащ, завернулась в него и отвернулась от меня, прислонившись к камню. Она вглядывалась в темноту, тело ее было напряжено, она чего-то ждала. И в третий раз я услышал звук рога, и все еще где-то далеко. Дождь и ветер хлестали нас.

Дочь Гарна погрузилась в угрюмое молчание. Я не видел, что происходит тени между курганами, но ощущал, что опасность приближается. Несмотря на тучи и дождь, небо понемногу светлело, утро приближалось. Свет свечей ослабел и постепенно исчез. Теперь я уже мог рассмотреть надпись на камне

— странные незнакомые мне буквы, совершенно непохожие на наши. На верхнем, восточном конце камня, там, где должно быть сердце захороненного, виднелись очертания кубка. По форме он был похож на тот, который я получил от Гунноры, но на нем не было головы. Однако над изображением кубка я разглядел корону, сплетенную из оленьих рогов — корону древнего лорда.

— Дартиф Двойной Меч...

Я поднял руку ладонью вверх. Это по обычаю означало, что я пойду на битву за ним, даже если мы совершенно не знаем друг друга.

— Ты назвал имя. — Инна, закутавшись в плащ, смотрела на меня.

— Я назвал имя величайшего лорда, — ответил я, понимая, что это имя, это приветствие пришли откуда-то изнутри меня, помимо моей воли. — Это Фартфелл, — я окинул взглядом огромную долину печальных

курганов. — Когда силы Зла, ведомые Арчоном, пришли с севера и Рог Войны созвал все силы Света на битву, здесь произошло страшное сражение. Они убивали, они умирали — их мир кончился. Эта битва не принесла победы — осталась только память о лучших днях.

Я произносил эти слова, но как будто сам впервые слышал их. Я поклонился с глубокой печалью — какой еще никогда не ощущал. Такая печаль возникает у людей, когда Барды своим пением о давно прошедших временах, о великих победах, о страшных поражениях вселяют в людей веру, что раньше люди были сильнее и лучше, что они дали миру героев, идеалы, к которым нужно стремиться.

Ведь если люди будут иметь героев, они будут стараться стать лучше, достичь такого же величия. Именно поэтому мы, слушая Бардов, плачем, или предаемся гневу, что жизнь не такая, какая была раньше. И это укрепляло наше мужество, когда приходило время идти на бой. Барды дарили нам надежду. Барды соединяли нашу жизнь с героическим прошлым. Я был не Бард, у меня не было лютни. И я смотрел на могилу, на Рогатую Корону, хорошо зная, что тот, кто похоронен здесь, намного выше меня, но он не смог поработить меня, так как я другой человек и во мне есть что-то, что позволило мне устоять перед ним.

Вставало хмурое утро, но ничто не двигалось в долине Фартфелл среди курганов. То, что надвигалось на нас под покровом ночи, исчезло. Я протянул руку и помог Инне подняться на ноги.

Я не знал, куда нам идти, Рог звучал на западе и я решил идти туда, хотя долина Гарна, куда я должен был отвести Инну, находилась на востоке.

— Куда мы идем? — спросила она, отказываясь двигаться, пока я не схватил ее и не принудил идти за мной. Я ожидал, что она снова будет сопротивляться, а мне этого совсем не хотелось.

— На запад.

Она оглянулась на долину Фартфелл, в которой кое-где росли деревья среди темных курганов.

— Ты напрасно держишь меня, — сказала она. Меня ждут. Теперь во мне ребенок. Пусти меня, ведь я больше не дочь Гарна. Я та, кто будет величайшей из матерей.

Я пожал плечами. Ведьма внушила ей очень сильную иллюзию. То, что она теперь не простая девушка, было правдой. Но, хорошо это, или плохо, но наши судьбы теперь переплелись, и я не должен был отдавать ее тем силам, с которыми боролся в Лунном Святилище.

Когда мы спустились с кургана Дартифа, я увидел на дороге, которая привела нас сюда, тысячи следов — копыта, лапы, человеческие следы,

только с огромными когтями. Были даже следы обуви, глубоко вдавленные в землю.

Мы пошли по тропе, пока не добрались до реки. Здесь мы наполнили свои фляги и немного поели. Запасы мои совсем истощились и мне нужно было сегодня охотиться, чтобы мы не умерли от голода.

Фартфелл лежал между двумя горными хребтами. Я решил, что восточный хребет я пересек перед тем, как попасть в Черную Башню. Я смотрел на западный хребет и мое внутреннее чувство говорило мне, что именно туда мы должны идти.

Дождь постепенно стихал и вскоре перешел в водяную пыль. Хотя мы могли спрятаться под деревьями, я все же предпочел остаться на открытом месте и продолжать путь. Слишком уж много раз опасность настигала меня именно во время остановок.

Я двинулся вперед, а Инна, казалось, не очень спешила. Мокрые волосы ее лежали на голове и плечах сосульками и она была похожа на ведьму. Я с удовольствием предложил бы ей одежду, но никто не может сотворить ее из травы и листьев.

— Идиот! — она стиснула кулачки и ударила ими друг о друга. — Пусти меня! Ты ничего не добьешься, только вызовешь к себе их ненависть!..

— Теперь я не держу тебя, — ответил я, так как мне надоело воевать с ней, и я бы с большим удовольствием повернулся и ушел от нее, если бы смог.

— Ты держишь меня, держишь своей волей! — пронзительно крикнула она.

Затем она медленно поднялась на ноги, как смертельно уставший человек, и поплелась на запад с таким выражением на лице, что было ясно, что идет она против своей воли.

Мы прошли совсем немного к западу, как плечи ее выпрямились, голова поднялась и повернулась к северу. В нее вливалась новая энергия, такая могучая, что я почти мог видеть ее. Отшвырнув плащ, как будто одежда для нее ничего не значила, она пустилась бежать. Ноги ее сверкали в утреннем свете.

Я подхватил плащ и побежал за ней. Хотя на мне были кольчуга и меч, я все же не выпускал ее из виду и даже понемногу догонял. К счастью, она держалась на открытой долине. Я боялся, что она свернет в лесок, где легко сможет спрятаться от меня. Но, по-видимому, она вообще забыла обо мне. Я был уверен, что ее снова захватили сети колдовства.

Начался подъем. Инна легко бежала наверх, прыгая с камня на камень,

с уступа на уступ. Она уже пропала за вершиной холма, когда я, тяжело дыша, добрался до вершины. И тут я резко остановился, так как увидел, что ждало нас внизу.

Там была та самая одетая в черное карга, с которой я имел дело в Лунном Святилище. Она была не одна и ее спутники не были людьми. Одно из летающих чудовищ, с одним из которых я уже дрался, стояло слева от нее. Чудовище было женского пола и намного выше ведьмы. Громадные крылья лениво колыхались в воздухе, но когтистые лапы твердо стояли на земле. Справа стояло другое чудовище, при виде которого я замедлил шаг.

Это была жуткая смесь зверя и человека, причем самых отвратительных компонентов. Тело его от пояса вниз было покрыто жесткой грубой кожей, а на ногах были копыта, как у быка. Половой орган его тоже был как у быка. Он был хорошо виден, как будто специально выставлен напоказ, как какое-то оружие.

Выше пояса кожа становилась менее грубой, но на груди, плечах и руках она все же оставалась жесткой и шершавой. Сами руки были необычайно длинные и болтались почти у земли. Но поразили меня голова и лицо.

Оно было до ужаса похоже на лицо, изображенное на моем кубке, но его выражение было совсем другим. Если одно было благородным, то другое было гнусным и отвратительным. Это было одно лицо, но человек-зверь был полной противоположностью Рогатому Лорду — и он не был коронован. На его густых курчавых волосах не красовалась корона из переплетенных рогов.

Голова его откинулась назад и он издал крик, похожий на язвительный смех человека или звериный рык. Карга вскинула вверх руки и пальцы ее шевелились, как бы сплетая сложный узор. Крылатая женщина сардонически улыбалась, показывая страшные клыки.

Инна, как бы не замечая ничего, неслась вниз, к ним, правда, замедлив свой бег после того, как она споткнулась о камень и чуть не упала. Я был слишком далеко, чтобы успеть перехватить ее. Тогда я с отчаяния швырнул вслед ее плащ с таким расчетом, чтобы он развернулся в воздухе.

Плащ опустился ей на голову и окутал ее. Она сделала еще шаг и упала, все еще довольно далеко от ожидавшей ее троицы. Я подбежал к ней, пока она боролась с плащом.

Смех человека-зверя затих. И тут запела карга, она призывала на помощь свое Могущество, это я хорошо знал.

Человек-зверь стоял, ухмыляясь, оперев могучие руки в могучие бедра. Он весь дышал уверенностью в победе. В глазах его горел огонь и в

его глубоких глазницах не было видно ничего, кроме этого зловещего огня. Вероятно, эти огненные глаза видели в мире совсем не то, что видели глаза обыкновенные.

Крылатая женщина покачивалась взад и вперед. Крылья ее теперь били воздух сильными ударами и она едва касалась земли кончиками ступней. Я почувствовал, что она сейчас бросится на меня и приготовил меч.

Увидев его, человек-зверь разразился хохотом. Лево́й рукой я обхватил Инну, держа ее как можно крепче. Если она сбежит к ним и ведьма окончательно наложит на нее свою лапу, то девушка будет окончательно потеряна и никакое могущество не сможет освободить ее. Все, что было в ней чистое, доброе, человеческое, умрет и останется только то, чему лучше было бы умереть. Ведь тогда единственное доброе дело, которое я смогу сделать для нее — это убить ее. Когда я думал о том, что эти чудовища могут сделать с ней ради собственного удовольствия, у меня чесались руки всадить ей меч в горло...

— Давай, давай, сделай это, идиот! — я увидел всплеск пламени в глазах человека-зверя. — Дай нам ее кровь, мы с радостью примем ее.

Я помимо своей воли смотрел на него. Он был очень похож на Рогатого. В каждом человеке смешано плохое и хорошее. Так, в изображении Рогатого было собрано все хорошее, а тот, что стоял передо мной, олицетворял все самое худшее, самое темное, самое отвратительное.

— Да, ты правильно думаешь, кретин. Ты мой, если я пожелаю этого, — и он сделал непристойный жест.

Огонь вспыхнул в моих чреслах. Дикое плотское желание охватило меня точно так же, как и в Черной Башне. Сорвать плащ — схватить девушку!.. Я так крепко сжал рукоять меча, что она впилась мне в руку. И эта боль отрезвила меня, я смог оторвать взгляд от чудовища.

Карга плела вокруг нас сеть своих заклинаний. Если мне повезет, то меня постигнет быстрая смерть, а Инну ждет гораздо более страшная судьба.

И тут во мне зашевелились силы, которые вошли в меня на кургане. Я мог принять их, или отвергнуть. Пришло время сделать выбор. И если я решу принять их, то мне нужно будет сделать это полностью. Но я человек. И как человек, я иду своим путем. Могу ли я позволить сделать себя орудием Могущества — Доброго или Злого? — ведь я тогда отдам все то, что делает меня собой.

Время... мне нужно время! Но времени не было. Я поднял голову, посмотрел на небо, на облака, сомкнувшиеся над нами. Как потолок

тюремной камеры. Даже вся долина вокруг нас покрылась серой хмарью, затмившей зелень травы и листья деревьев.

Я облизнул губы. Последний раз я почувствовал себя Эльроном, тем самым Эльроном, которым я был всегда. И затем я крикнул:

— Ха, Холла, Курноус!

Меня как будто стиснула могучая рука, кровь со страшной скоростью устремилась по жилам, кости затрещали под натиском могучих сил. Я закачался из стороны в сторону, как будто сильный ветер накинудся на меня. Но я устоял. Резкая боль пронзила мою голову. Я мог только думать о каком-то месте с огромным количеством закрытых дверей. И в эти двери кто-то ломился и изнутри и снаружи одновременно. Двери слетели с петель и то, что было за ними, освободилось.

Что я такое? Я этого теперь не мог сказать. Я слышал и видел такое, для чего человек даже не имел названия. Дикая боль постепенно уменьшалась. Сколько времени продолжалось это? Моему измученному естеству казалось, что прошли дни.

И вот я встал. Инна скорчилась рядом со мной. Из открытого рта стекала струйка слюны, широко раскрытые глаза изумленно смотрели на меня. Троица все еще стояла впереди. Но улыбка исчезла с губ крылатой женщины, стих смех человека-зверя. Он тоже показал свои зубы и огонь теперь вылетал не только из его глаз, казалось он весь дышит пламенем. Казалось, что под ним вот-вот задымится трава.

Та, которую Инна называла Райден, стояла, подняв руки, но пальцы ее прекратили свое движение. Они безвольно опустились вниз, как будто карга потеряла все силы. Я не знаю, что эти трое увидели во мне. Но сердце мое подскочило от радости и возбуждения. Я думал, что отдавшись неведомой воле, потеряю все. Но оказалось, что я все приобрел. Теперь мне нужно торопиться, забыть о чуде преобразования. Удивляться можно и потом.

Снова я взглянул в затянутое облаками небо и крикнул:

— Холла, Курноус! — голос мой громом прокатился по всей долине.

И ответ пришел — звук рога — он звучал триумфом, как будто жертва была не просто близко — она была уже затравлена. Но я не чувствовал себя гончей собакой, нет, скорее, я был меч в руках охотника.

И затем...

Он появился ниоткуда. Нет, вернее откуда-то из другого мира, который вскоре должен был стать моим миром. Он был высок, как Гарн, и кольчуга его была соткана из разных переливающихся цветов — голубого, зеленого и коричневого. Я был прав, хотя голова на кубке была действительно

изображением Рогатого Лорда, все же лицо человека–зверя тоже было его копией. Это были Свет и Тьма. И я вспомнил, как однажды Гатея сказала: «Как сверху, так и снизу. Каждое Могущество имеет две грани — светлую и темную — и эти грани хорошо сбалансированы. Но когда одно берет верх, когда баланс нарушается, тогда судьба берет все в свои руки. Восстановление баланса очень страшное и кровавое дело, но необходимое. Баланс должен существовать во всех мирах.»

Троица не смутилась. Они начали раздуваться, увеличиваться в размерах. Они готовились к схватке с Охотником в Рогатой Короне.

В воздухе снова что–то возникло.

Сильное желание охватило меня при первом взгляде на нее. Одежда ее была сделана из золотого и янтарного света. Она с гордо поднятой головой встала перед каргой. Да, Райден оказалась старой, гнусной пародией на прекрасную янтарную леди.

И затем появилась третья — крылатая леди. Ее роскошь и великолепие ослепили меня. Я не мог смотреть на нее. Ветер, поднятый ее крыльями, принес мне чистый запах весенних цветов, выросших среди старых прошлогодних листьев.

— Как сверху, так и снизу, — тихо произнес я. За мной кто–то зашевелился. Инна, пошатываясь, вышла вперед. Она как будто ждала поддержки. Я взял пальцы ее вытянутой руки в свою руку. Пальцы были холодными, и она вся дрожала, как будто стояла на холодном зимнем ветру.

И вот они встретились — Свет и Тьма. Хотя Инна и я не были участниками, я понимал, что это не первая их встреча. В этой странной стране баланс между ними был нарушен давно. То побеждал Свет, то Тьма. И я знал, что приход сюда моего народа еще больше нарушил равновесие. И теперь должна произойти последняя битва, подобной которой не видел еще ни один человек.

Заклинание Гунноры держало меня, она управляла одной моей половиной. Другая моя половина принадлежала, и я об этом не сожалел, Рогатому Лорду. Я добровольно поклялся ему в верности. В нем я видел то, чем восхищался в Барде Сузе, открывшем Ворота, и в Братьях с Мечами. Сейчас я уже начал сомневаться, что мы сами выбрали этот мир. Мне стало казаться, что мы были вызваны сюда, чтобы попытаться восстановить баланс между бессмертными силами Тьмы и Света.

Как проявится могущество тех, кто сейчас противостоял друг другу? Может, они нуждаются в простых смертных, не имеющих тайных знаний, чтобы нарушить баланс в свою пользу? Ведь это очень древняя страна и количество прежних жителей здесь стало настолько малым, что им приходится сражаться друг с другом за обладание нами, людьми. Пока я думал, между противниками происходил разговор. Я обнял руками Инну и она повисла на мне, как будто ноги ее совсем отказывались держать ее. Очевидно, силы совсем покинули ее. Костлявые руки Райден висели вдоль тела, прячась в широких рукавах мантии. Крылатая женщина корчила ужасные гримасы. Она плюнула и плевок упал у ног прекрасной женщины, сияния которой не мог выдержать простой смертный

— Это опять час...

Это я слышу ушами, или же слова рождаются в моем мозгу? Говорил Курноус. Он сделал шаг к человеку-зверю.

— Ты вызвал, Кунтиф. Я ответил. Твои Ворота не собираются открываться!

Его противник фыркнул:

— Зато твои открыты настежь. Теперь ты ввел в игру других — разве это не запрещено издавна? — он показал прямо на меня. — Твоя кровь стала жидкой, твои герои все погибли — и теперь ты призвал на помощь этих, сделав их своими слугами. Это против Клятвы...

— Против Клятвы? Но вы же сами хотели использовать его! Кто

вызвал его сюда с кубком, кто задумал грязное дело? Мы не потерпим, чтобы в Авроне рождалось дитя Зла! — это говорила Гуннора. — А ты, Райден, твоя западня разрушена, твоя жертва вырвана из твоих сетей. Она еще девушка, несмотря на все твои заклинания, она не родит зло.

От сверкающей женщины полились трели, напоминающие пение птиц. Эти прекрасные звуки радовали сердце. Та, что была гнусной пародией на нее повела плечами и кончики ее крыльев царапнули землю и высокую траву.

— Да, Ворота открыты, — спокойно заметил Рогатый Лорд. — Когда придет время битвы, мы должны созвать всех, кто может подняться. Они могут стать новым началом. Мы слишком долго были одни в пустынной стране. Не все могут подойти нам, — но всегда есть плодородная почва, которая ждет нужных зерен. Они должны сделать свой выбор, и они сделают его свободно, ведь это право всех живых существ.

— Девушка выбрала! — Райден ткнула костлявым пальцем в сторону Инны.

Я крепче сжал дочь Гарна. Она не собиралась присоединиться к этой зловещей троице.

— Но не свободно. И ей никто ничего не объяснил, — возразила Гуннора.

— Ты думаешь, я не знаю, как ты заманила ее? Ты зажгла в ней искру, которой у нее не было. Посмотри, разве это не так? — Она повернулась и показала на нас.

Я почувствовал такое горячее желание, что думал, что не смогу удержаться на ногах. Но Инна вскрикнула, как будто кто-то ударил ее, и прижалась лицом к моему плечу. Она не хотела смотреть на них.

— Ты хотела использовать ее, предварительно обманув, — жалость была в глазах Гунноры.

— Когда-то, — снова заговорил Курноус, — была борьба между Светом и Тьмой — и многие погибли тогда. Смерть и разрушение опустошили страну. Я считаю, что свобода выбора сейчас должна остаться.

— У меня есть свое место, свое могущество, ты не можешь пренебрегать мной, — рявкнул человек-зверь.

— Разве я пренебрегаю? Свобода выбора. Те, кого вы честно завоеуете, будут вашими подданными, но ими будут те, кто ответит на ваш зов. Эти двое уже выбрали...

— Она нет! Ты сам сказал это! — закричала Райден.

— Она сделала выбор. Она ведь из тех, чей разум закрыт для нас. Колдовство запрещено. Позови ее без заклинания! — приказала Гуннора.

Старуха разразилась проклятиями. Я видел, что рукава ее шевелятся, видимо, она двигала руками, но ритуальные жесты она все-таки не рисковала делать. Возможно, она была вынуждена признать справедливость слов моей янтарной леди.

— Ты видишь? — в голосе Гунноры прозвучала странная нотка. Неужели это была нотка жалости? Неужели она чувствует хоть каплю тепла к этой безобразной, гнусной, отвратительной старухе? — Что сделано, то нужно исправить!

Она излучала могущество, теплое золотое сияние окружало ее фигуру. И из этого золотого сияния вырвалось золотое копье. Я увидел, что ведьма отступила на шаг. Лицо ее перекосила злобная гримаса. Рот ее перекошился, как будто она хотела плюнуть в нашу сторону ядовитой слюной.

Затем плечи ее опустились. Если годы что-то значили для нее, то именно сейчас они легли на нее тяжким грузом. Руки ее вознеслись вверх. Я мог чувствовать, как она борется с могучей силой, но не может преодолеть ее. Но Гуннора тут была не причем. Все дело было в самой старухе. Все ее усилия нарушить баланс, достичь большего могущества, оказывались тщетными.

Она говорила — четыре слова, которые прокатились громом по равнине. Мне показалось, что небо и земля откликнулись на них и содрогнулись, как будто столкнулись два мира с ужасающей силой. И затем все снова успокоилось, мы снова оказались в одном времени и в одном месте.

Я держал — ничего! Инна исчезла. Ее не было в моих объятиях. Я вскрикнул и Гуннора бросила на меня быстрый взгляд.

— Не бойся за нее. Она вернулась к своему народу. Она все забудет. И в ней не зреет дитя зла, которое бы уничтожило всех нас. И это потому, что ты был тверд.

— Вы еще не выиграли! — зарычал человек-зверь. В его голосе была жажда крови и угроза смерти. — Это еще не конец.

Курноус покачал головой в короне.

— Никто из нас никогда не выиграет. Вы все время будете пытаться подчинить все себе, но всегда окажется кто-то, кто встанет на вашем пути — баланс останется...

— Но не навсегда! — человек-зверь жестом негодования ударил себя в грудь.

Он исчез!

Карга показала свои желтые кривые зубы в презрительной усмешке.

— Не навсегда! — повторила она. Ее черные рукава хлопали по

костлявому телу, как будто дул сильный ветер, которого я, правда, не ощущал. Да и трава не шевелилась там, где стояла она. Но странный ветер все сильнее трепал ее мантию и наконец он сорвал ее с места, как сухой лист с дерева, и как сухой лист, она полетела куда-то в ничто.

Теперь крылатая женщина испустила хриплый рев, распустила свои крылья и взвилась в воздух. Затем она быстро понеслась по небу. Сверкающая женщина тоже взлетела и полетела за ней.

Двое остались, разглядывая меня. Во мне оставалось еще много от юного неопытного глупого Эльрона. И тот Эльрон спросил:

— Значит, темные еще будут продолжать свое дело? Какова же тогда будет судьба моих соплеменников?

— Нет стран, где только Свет или только Тьма. Ведь, если не будет Мрака, зачем тогда стремиться к Свету? — спросил Курноус. — Как мы уже говорили, эта страна почти совсем опустела. И среди тех, кто пришел сюда, найдутся люди, чьи сердца откроются нам — Тьме или Свету. Но выбор они будут делать сами. Остальные не будут знать ничего и ни о чем не будут подозревать, так как они не те, кто подходит нам.

Я теперь подумал о властителе Черной Башни — неужели и это Зло будет свободно творить свои черные дела?... И если его жертва останется без помощи...

— Она не останется без помощи...

Я понял, что между нами нет необходимости произносить слова. Это был лорд, которого я выбрал сам и с этого часа я буду жить в соответствии со сделанным мной выбором. И все же может наступить момент, когда меня будут грызть сомнения, когда мне будет казаться, что добро могло бы сделать многое, но не делает.

— Могущество... все дело в балансе могущества, — продолжал Курноус. — Неужели ты не понимаешь, что кто бы не нарушил баланс могущества, Тьма или Свет, это приведет к тому, что в стране воцарится хаос? Мы уже получили один такой урок много лет назад — очень жестокий урок. Страна была сильной и богатой, пока баланс не нарушился. Восстановление страны оказалось очень долгим и трудным процессом и много раз это оказывалось не по силам тем, кто пытался сделать это. И твои люди будут терпеть неудачи, но они будут пытаться, так как в твоём народе заложены семена. Они возрастут в вас, несмотря на то, что вы сами не будете верить, что этого можно достичь.

Какая-то часть меня понимала справедливость его слов. Но человеческое нетерпение оставалось.

— А леди Инна действительно в безопасности?

— Она проснется в том же месте, откуда ее взяли. Райден устроила там западню перед приходом ваших людей. Но у нее сорвалось, потому что она вызвала кубок, а ты, который подчинил его себе, тоже пришел. — сказала Гуннора. Теперь она была совсем другой. Ее влияние на меня в значительной степени ослабло, даже исчезло. Я уже мог спокойно смотреть на нее, и испытывал огромное удовольствие, но безумное плотское желание теперь уже не мучило меня. Я увидел, что она улыбается.

— Еще не время, но тот голод, который ты уже испытал, ты еще удовлетворишь в свое время, когда найдешь ту, которая разделит с тобой наслаждение.

— Гатяя... и Гру?

На лице Курноуса не было улыбки. Он скорее смотрел на меня, как на своего воина, который готовится к битве. Он хотел убедиться, хорошо ли вооружен воин, готов ли к бою.

— Кубок твой. Остальное решишь сам. Выбор свободный — для вас обоих. Вы выберете сами, что хотите — добро или зло.

Я не понимал, о чем он говорит, и задал вопрос, который более всего мучил меня.

— Гатяя... Гру... может быть, я нужен им. Я должен пойти к ним.

Не было ни вихря, который понес меня, ни могучих крыльев за спиной. Скорее всего, этого было мгновение тьмы — крошечной тьмы, как в Черной Башне, там, куда никогда не проникает свет. И затем пришел свет — лунный свет, как будто день остался позади.

Передо мной было Лунное Святилище, но не то, что было расположено возле долины, а то, где Райден со своими помощниками хотела совершить величайшее зло. Оно было освещено ярким светом — возможно другая часть колдовского мира — оно было точной копией того Святилища, где Инна ожидала осквернения тела и смерти духа.

Та, которую я искал, была перед каменным алтарем и тело ее было серебряно-белым. Она сбросила всю одежду и купалась в лунном сиянии, впитывая в себя могущество, которое жило в этом святом месте. В воздухе над алтарем стоял столб, нет, закутанная в вуаль фигура, которую я не мог разглядеть.

Воздев руки к небу, Гатяя молилась с закрытыми глазами, лицо ее было полно радости. Мои пальцы пробежали по пуговицам, по застежкам, по шнуркам. Я отбросил от себя сначала то, что было связано со смертью и войной, и затем все остальное. Теперь на мне был только свет, свет и кубок, а также, как мне приказала память, листок лесной женщины.

Когда я приблизился к святилищу, свет сгустился передо мной, как бы

сопротивляясь моему вхождению. Я чувствовал его сопротивление не только телом, но и разумом. Свет протестовал против того, что я вхожу, что я несу с собой, что я хочу сделать. И затем из света соткалось лежащее между колоннами передо мной серебряное тело Гру. Губы его раздвинулись и показались огненные клыки, как бы предупреждая меня.

Затем глаза его, горящие, как драгоценные камни, остановились на кубке, а затем вновь встретились с моими глазами. То, что пробудилось во мне, позволило мне общаться мысленно с этим котом, который был больше, чем кот. Он занимал и будет занимать определенное место в моей жизни.

— Это мое право — и ее выбор.

И Гру отодвинулся в сторону. Я вошел в Лунное Святилище.

Сколько могущества! Оно обрушилось на меня. Я ощущал его давление на свое тело. Его покалывало тысячью иголок. Мне хотелось броситься вперед, но я сдержал себя и медленно, шаг за шагом стал продвигаться. Кубок я держал у сердца, лист грелся в другой руке.

Гатя резко обернулась, как будто в атмосфере колдовства, наполняющей святилище, появилось что-то чужое. Я увидел ее расширившиеся глаза. Она подняла руку, чтобы отослать меня прочь.

Но я знал, что нужно делать. Я сделал свой выбор, теперь была ее очередь. Я опустил лист в кубок. Он лежал пару секунд, а затем расплавился, бурлящая жидкость наполнила кубок — сама природа благословляла этот час.

Как верноподданный, я опустился на одно колено. Мне показалось, что-то давит на мою голову. Может быть, свет? Но я был готов и для короны

— правда, я к этому не стремился.

Гатя ткнула пальцем в мою сторону.

— Уходи! — это был приказ, но он был окрашен нотками страха. Голос ее увеличил давление на меня. Если бы она была тверда, я вынужден был бы уйти и мы никогда бы не соединились.

— Диана! — когда я не повиновался, Гатя повернулась снова к алтарю, над которым висела сверкающая колонна.

Я мог ее видеть, но не ясно. Ни один человек не мог бы рассмотреть эту фигуру. Но затем в этом ослепительном сиянии выделилась фигура стройной женщины. Ее лицо было похоже на лицо Гатеи — такое же гордое, замкнутое. Она была верна тому, чему решила посвятить жизнь.

— Диана! — снова крикнула Гатя.

Лицо стало холоднее, на нем мелькнула тень враждебности, неприязни. Я вдруг вспомнил, что Диана может убить того, кто покусится

на ее служанку без согласия самой девушки.

Я хотел просить помощи, но понял, что ее не будет. С этим мне придется справляться самому.

— Диана! — может, я ошибся? В голосе Гатеи появились вопросительные нотки, она уже не была столь непреклонна, столь неприступна.

Из кубка спиральями поднимался вверх золотой туман — туман цвета одежды Гунноры. Затем туман стал янтарным и опьяняющий аромат заполнил пространство между нами.

— Диана... — Гатея уже не крикнула, она промурлыкала. Теперь она уже отвернулась от серебряной фигуры, чтобы видеть меня. Я заговорил, и эти слова пришли из моей памяти, где хранились с незапамятных времен, о которых уже давно не помнил никто.

— Поле ждет семени. Могущество леди вспахало поле. Пришел тот, кому суждено пробудить поле, чтобы затем созрел урожай, который оживит тело, разум и душу.

Гатея двинулась ко мне. Один нерешительный шаг, затем другой. На лице ее отражалась ее внутренняя борьба. Я держал кубок, ждал. Выбор. Выбор был за ней. Я не мог настаивать. Она сама должна придти ко мне. Сама.

Очень долго она стояла так близко от меня, что я мог протянуть руку, коснуться ее мягкого тела. Но так нельзя. Да, могущество передается от мужчины девушке, а затем от новой женщины обратно к мужчине. И только тогда, когда обмен будет совершен, целое будет более величественно, чем отдельные части. И все же выбор был за Гатеей.

— Диана... — еле слышный шепот. Серебряный свет запульсировал вокруг нас. Сначала горячий, затем холодный, как будто он отражал внутреннюю борьбу Гатеи.

Она пристально смотрела в мои глаза. Ничто не передавалось между нами. Я не знаю, что она хотела увидеть, а может быть, и увидела. Ее руки медленно поднялись, и... она хочет взять у меня кубок? Или сделать что-то другое?

Ее пальцы обхватили мои пальцы, сжимающие кубок. Затем она вынула его из моих рук. Когда она взяла его, я наклонился и коснулся ее белой ноги. Старые слова полились с моих губ.

— Тот, кто ищет, всегда найдет. В каждой девушке находится королева. И во имя леди я приветствую ее, так же, как приветствую тебя.

Я поднял руки и положил их туда, где ее стройные бедра соединялись с телом.

— В девушке всегда живет поле, ждущее урожая. Во имя Леди, я приветствую тебя.

Поднявшись на ноги, я коснулся ее твердых маленьких грудей.

— В девушке живет тот, кто придет, когда наступит время. Во имя Леди я приветствую тебя.

Гатея держала кубок так, что он находился между ее губами и моими. В глазах ее проснулось другое чувство — удивление, нетерпеливое ожидание.

Я выпил то, что она предложила мне, затем выпила она. Теперь кубок был пуст и она отвела его в сторону. Он не упал на землю, но плавно пролетел по воздуху и мягко опустился на каменный алтарь. Колонна серебряного цвета стала изменяться, густеть, приобретать золотой цвет. Я привлек к себе Гатею и поцелуй, который я дал ей, как и говорила Гуннора, решил мою судьбу и открыл последний барьер.

Золотой свет — тепло — мы забыли обо всем. Все, что осталось — это жрица и Леди, мужчина и Лорд, коронованный Рогатой Короной. Из их соединения родится могущество, которое может совершить все. И когда я взял ту, которая больше не пойдет по девственной дороге Дианы, я ощутил, как что-то опустилось на мою голову — корона. Я был слугой и в этот час стал господином, лордом.

Лишенный клана — лишенный имени — и коронован!

Опасные сны — 2

Часть третья. Уходи из моего сна

У каждого мира свои правила, законы и обычаи. Итлотис Сб Нат полагала себя сыскным агентом, хорошо умеющим справляться с подобными барьерами и препятствиями в проведении встреч. Но внутренне она признавала, что никогда еще не встречалась с такой проблемой.

Хотя она не сидела в шезлонге, который автоматически предоставил бы ее телу максимум удобств, но надеялась, что создала у женщины, сидевшей напротив, впечатление, что она полностью расслабилась и уверена в себе во время их интервью. В том, что эта... эта Фустмэм упряма, не было ничего нового. Итлотис умела управлять как человеческим, так и псевдо-человеческим антагонизмом. Но сама ситуация создавала препятствия и не допускала продолжения.

Она по-прежнему улыбалась, когда медленно и четко излагала свое дело уже, кажется, в двадцатый раз за эти два дня. Терпение было лучшей добродетелью агента, оно служило одновременно щитом и оружием.

– Джентль фам, вы видели полученные мною распоряжения. Вы признали, что они весьма разумны и вызваны необходимостью. Вы сказали, что Ослэн Сб Отто – один из ваших теперешних клиентов. Мои инструкции содержат приказ поговорить с ним. Время не терпит, он должен как можно скорее узнать о положении в своем Доме. Это чрезвычайно важно не только для его будущего, но и для будущего других. Мы не вмешиваемся в дела других планет иначе как с одобрения Верховного Совета.

Выражение лица ее собеседницы не менялось. Двадцать Щетинок Инга! Итлотис могла с тем же успехом обращаться к устройству для чтения лент или даже к изъеденной временем стене позади Фустмэм.

– Тот, кого вы ищете, – голос женщины был безжизненным, словно она была в трансе, но глаза были настороженные, живые, хитрые, – лежит в комнате сна. Я сказала вам правду, джентль фам. Спящего тревожить нельзя. Это опасно как для вашего соотечественника, так и для самого мастера. Он заказал сон на неделю, выдал свои собственные ленты для инструктажа мастера. Сегодня только второй день...

Итлотис подавила желание ударить кулаком по столу и зарычать от злости. Она слышала эти слова, или подобные им, уже в шестой раз. Даже двухдневная отсрочка – и она не отвечает за успех своей миссии. Ослэна Сб Атто необходимо разбудить, сказать ему о ситуации на Бинольде, а затем увезти его на первом же звездном корабле.

– Но он же просыпается поесть? – сказала она.

– Мастера и ее клиента питают в таких случаях внутривенно, – ответила Фустмэм. Итлотис показалось, что она слышит нотку торжества. Она, однако, не была готова так легко принять поражение.

Итлотис наклонилась и коснулась пальцем одного из зеленых дисков, которые разложила на столе. Ее полированный ноготь щелкнул по этому лучшему из удостоверений, на которое мог надеяться агент. Даже если этот диск сделан в другом месте, не местным агентством, уверившим, что никогда не вмешивается в местные дела, все равно вид его открывал все двери в этом городе Ти–Кри.

– Джентль фам, будьте уверены, что я не собираюсь просить вас о каких–либо действиях, способных нанести вред мастеру или ее клиенту. Но я знаю, есть способ прервать такое сновидение... если другой человек войдет в этот сон, чтобы передать важное сообщение клиенту.

В первый раз тень хоть какого–то выражения мелькнула на мрачном с резкими чертами лице женщины, которая могла бы служить воплощением той архаичности, какую Итлотис видела в этой части старого города, где никогда не вздымались небесные башни.

– Кто... – начала Фустмэм и тут же поджала губы.

В Итлотис вспыхнула искра возбуждения – она нашла ключ!

– Кто сказал мне об этом? – dokonчила она невысказанный вопрос. – Какое это имеет значение? Мне иногда бывает необходимо знать подобные вещи... Но это можно сделать? Да или нет?

Женщина очень неохотно чуть заметно кивнула.

– Конечно, – продолжала Итлотис, – я доложила представителям Совета о том, что собираюсь сделать. Они пришлют врача, чтобы мы могли быть под квалифицированным наблюдением.

Фустмэм снова стала бесстрашной. Если она восприняла этот намек как угрозу или предупреждение, то не подала виду, что предполагаемое недоверие Итлотис ей неприятно.

– Этот метод не всегда дает положительный результат, – сказала Фустмэм. – Аккота – наш лучший А–мастер. Я теперь не могу равняться с ней в мастерстве. Не занята сейчас только... – Она, видимо, включила какой–то сигнал, потому что на стене напротив загорелась панель с символами, непонятными инопланетному агенту. Фустмэм изучала их довольно долго.

– Вы можете использовать Элоуд. Она молода, но многообещающа, и однажды ее использовали как вторгающегося мастера.

– Отлично. – Итлотис встала. – Вызову врача, и мы вторгаемся в тот

сон. И ваше сотрудничество будет достойно оценено, Фустмэм. – А про себя подумала: «Но при этом и все твои оттяжки тоже зачтутся».

Она так радовалась своей победе, что только войдя в комнату вместе с прибывшим врачом, осознала, что лезет в жуткую авантюру, с какой не сталкивалась в своих предыдущих назначениях. Одно дело – выслеживать дичь по нескольким планетам необитаемой галактики, что ей приходилось делать уже не раз, и совсем другое – искать ее во сне. Это было нечто новое в ее практике. Она не думала, что эта идея так уж ей нравится, но и отказаться теперь было немыслимо.

Мастера снов в Ти–Кри пользовались всеобщей известностью. Работая в очень древнем улье под руководством Фустмэм, они творили воображаемые миры и приключения и могли разделить их с любым, кто оплачивал их высокий гонорар. Некоторых мастеров на долгий срок арендовали семьи высшего класса, живущие в небесных башнях, где их услугами пользовались для развлечения кого–либо или всего домашнего клана. Другие оставались в улье, и клиенты приходили к ним сами.

Клиент, мысленно сплетенный с мастером, входил в мир, казавшийся ему совершенно реальным. И действия мастера А–класса были теперь модными и дорогостоящими.

Итлотис оглядела комнату, в которой лежала затерянная в своем сне ее добыча.

Здесь было две кушетки. Фустмэм руководила приготовлением еще двух, которые едва могли вместиться в комнате. На одной лежала девушка, худая и бледная, и волосы ее покрывал металлический шлем, соединенный проводами с другим таким же, покрывавшем голову Ослэна, который лежал на другой кушетке. Между ними стоял аппарат с бутылочками питательной жидкости, вводимой в вены рук спящих.

Итлотис видела только часть лица Ослэна, потому что шлем закрывал его до носа, но все же узнала его. Это был тот самый человек, за которым она охотилась. Ей хотелось положить конец своим заботам, сбросить шлем и вернуть Ослэна к действительности. Только представление о высокой опасности подобных действий удерживало ее пальцы.

Помощницы Фустмэм поставили кушетку рядом с мастером и осторожно соединили проводами шлем девушки с другим, свободным. Вторая же кушетка была поставлена за кушеткой Ослэна, и второй ожидающий шлем был подсоединен к шлему Ослэна.

Тревога Итлотис росла и была близка к страху. Ей было до крайности неприятно оказаться под чужой волей. Но, с другой стороны, необходимо было вернуть Ослэна. И у нее был на страже врач.

Хотя Итлотис внешне ничем не проявила неохоты, когда по приказу Фустмэм легла на кушетку и позволила укрепить у себя на голове шлем, у нее все же были несколько секунд смятения, когда хотелось скинуть с себя этот светлый и мягкий внутри головной убор и бежать из этой комнаты.

Никто не мог сказать, в какого рода приключения был введен Ослэн. Никогда не бывало двух одинаковых снов, и даже сам мастер не всегда мог предвидеть, по какому образцу пойдут ее творения, когда она начнет ткать свои фантазии. И Фустмэм из осторожности указала, что Ослэн сам принес ленты, не полагаясь на записи из собрания записей улья. Так что сейчас Итлотис не знала, с каким миром она встретится.

Впоследствии она не могла сказать, каким образом вошла в мир сна. Был момент полной потери памяти и сознания, вроде обычного сна, а потом она открыла один глаз...

Итлотис осознала только, что внезапно оказалась на вершине утеса, где ветер вырезал из камней странные фигуры, и воздух между ними проходил со свистом и унылой жалобой. Был еще и другой звук – ритмичные удары, в которых Итлотис узнала морской прибой.

Но ведь она знала это место! Она оказалась в Юлгриве, на ее собственной планете. Стоит отвернуться от моря, и она увидит древние развалины Юла во всей их давящей на сознание мрачности. Голова у нее пошла кругом. Она готовилась к какому-то необычному, жуткому миру сна, а вдруг вернулась на планету, где родилась! Но зачем... и как?

Итлотис повернулась к Юлу, чтобы удостовериться в своем предположении. Но...

Развалин не было!

Вместо них поднимались тяжелые, массивные башни, словно они выросли из утесов, а не были сложены камень за камнем человеком или созданием, подобным человеку. Древняя крепость во всей своей мощи была куда более впечатляюща, чем руины, которые знала Итлотис... Крепость была шире и более протяженна, чем можно было предположить по остаткам, сохранившимся до тех времен, в которые жила Итлотис.

И, вспомнив, что в ее время было известно о Юле, Итлотис отшатнулась назад, пока плечи ее не уперлись в скалу. Она не хотела видеть Юл целым, но почему-то не могла отвести глаз от темных башен и стен. Юл был в руинах, когда первые люди пришли в мир Бинольда тысячу планетных лет назад. Были и другие разбросанные следы какой-то очень древней цивилизации. Но Юл был разрушен меньше, чем все остальное. Но люди, всегда жаждущие исследовать тайны своих предшественников в колонизованном мире, изучали Юл неохотно. Было что-то неприятное в

обрушившихся стенах, оно так давило на душу любого вторгшегося туда, что он в конце концов торопился уйти.

Итак, его рассматривали только на расстоянии, как сейчас видела его Итлотис, и все Три–Ди изображения его тоже были сделаны только снаружи. Зачем Ослэн захотел увидеть Юл таким, каким он был когда–то?

Эта загадка отмела большую часть ее начального отвращения. Похоже, что сей сон имел реальную цель. Не просто форма ухода в приятное.

Девушка отошла от скалы и стала еще раз обдумывать свою миссию.

Ослэн Сб Атто по обычаям Бинольда был наследником обширных поместий Атто. Следовательно, когда Атто Сб Пэтон умер шесть планетных месяцев назад, было необходимо, чтобы его наследник как можно скорее принял на себя обязанности главы клана. Его брат, Ларс Сб Атто, нанял агентство Итлотис, чтобы срочно вернуть наследника, путешествующего по другим мирам. Позднее, когда продолжительное отсутствие наследника Атто стало сказываться на политике, к поискам присоединился Совет.

Но зачем Ослэн явился на планету мастеров снов, разыскал улей и вошел в сон, направленный на далекое прошлое своей родной планеты? Он словно бы искал что–то очень важное. Итлотис решила, что так оно и есть. Но почему здесь? За чем он охотился?

Ну что ж, чем скорее она узнает это, тем скорее они вернутся в настоящий Бинольд, к ожидавшим Ослэна обязанностям. Как ни противно это было Итлотис, но она двинулась к Юлу, словно сам Ослэн сказал ей, что центр этой путаницы именно там.

Формы жизни, знакомые Итлотис по ее времени, не изменились. Над головой пролетали сипары, их мелодичные крики перекрывали грохот прибоя, а блестящее оранжевое, голубое и зеленое оперенье сверкало даже в этот пасмурный день. За скалами росли мелкие растения, в основном серо–коричневые, как и камни рядом с ними, пуская гордые побеги, которые тянулись к расположенной далее трещине в земле между скалами.

Итлотис настороженно следила за Юлом. И хотя стены его были теперь целыми и неповрежденные башни высоко вздымались, она не видела никаких признаков, что там есть обитатели. На башнях не развевались знамена, в окнах никто не показывался, и сами окна были как глаза, уставившиеся одновременно на море и на резкие края холмов на западе.

Юл находился на краю владений Атто. Итлотис видела его, когда ездил договариваться с Ларсом Сб Атто, перед тем как оставить Бинольд. Она летела из Килламарша и миновала руины, чтобы добраться до

внутренней долины за холмами.

Вообще-то говоря, Дом Атто мог присоединить к себе этот утес и руины, если бы пожелал. Но скверная репутация Юла сделала его непригодной для людей.

Итлотис решительно шла по каменистой дороге и прислушивалась к крикам сипар, одновременно изучая угрюмую громаду Юла. Она думала, что, войдя в сон Ослэна, тут же встретится с ним, но, по-видимому, это было не так. Ну, ничего, она выследит его, даже если след его ведет к Юлу. В ее сознании росла уверенность, что это правильное решение, несмотря на горячее желание оказаться где-нибудь в другом месте.

Когда она подошла к внешней стене, громадные блоки, из которых состояла стена, усилили ее беспокойство. В стене были ворота, это она знала. Очень странно, что они смотрели не вглубь страны, а в море. И если она желала добраться до них, то должна была идти по опасной дороге вдоль края утеса.

Собственно, это была не дорога, а скорее тропа. Здесь не было ничего привычного, что всегда сбивало с толку экспертов народа Итлотис. Почему в стене только одни ворота, да и те выходят не на какую-нибудь подходящую к стенам дорогу? И внизу не было никаких следов гавани, никаких признаков, что здесь когда-либо был порт.

Итлотис колебалась, с сомнением глядя на путь перед собой; это несколько уменьшило ее самоуверенность. Она начала этот поиск уверенная в том, что ее опыт и тренировка подготовили ее к любым неожиданностям. В конце концов она была первоклассным агентом, со множеством удачно выполненных дел за плечами. Но до сих пор она всегда действовала в нормальном мире... нормальном в смысле реальности. А здесь она чувствовала, что все больше и больше отклоняется в сторону от привычного мастерства и пренебрегает осторожностью.

Реальный мир... Она глубоко вздохнула. Она должна заставить себя признать, что в данный момент это и есть ее реальный мир. Если она вновь не обретет уверенность в себе, то пропадет окончательно. В конце концов многие планеты, где она работала, были жуткими и страшными. Следовательно, нечего думать, что это – фантастический Бинольд: просто один из странных миров. Если она будет в этом уверена, то овладеет ситуацией.

Путь вперед был очень тяжелым, и она не знала, наблюдали ли за ней с Юла... Она бросила взгляд на окна, но ничего в них не увидела. Однако ее не оставляло ощущение, что за ней следят.

Вздернув подбородок, Итлотис поплелась вперед. Пространство

между краем утеса и стеной казалось очень узким, прибой – очень громким. Она прижалась спиной к стене и осторожно скользила вдоль нее, боясь оступиться и упасть вниз.

Здесь было множество каменных выступов, и у каждого она останавливалась. Вдруг она скорчилась в укрытии, с бьющимся сердцем затаив дыхание: над волнами парили не только сипары!

Кто бы ни были эти летающие существа, они летали с такой скоростью, что Итлотис только диву давалась. И направлялись они к воротам, куда пробиралась и она. Как стрелы, выпущенные из лука, они влетели в ворота, не снижая скорости.

Машины или какие-то живые существа? Итлотис не могла решить этот вопрос. У нее было смутное впечатление крыльев и тела между ними, сверкающего металлическим блеском. Создания человеческих рук... или живые?

Ее обеспокоило мимолетное движение наверху, и она подняла глаза. Там, прямо над ней, в окне кто-то двигался.

Итлотис прижалась к стене, укрывающей ее. Да, в открытом окне появились голова и плечи. И, если сравнивать размеры, либо незнакомой расы, либо окно было непропорциональным, потому что тело в раме окна казалось карликовым.

И он влез на подоконник!

Итлотис затаила дыхание. Не хочет ли он прыгнуть? Зачем? Нет, он двигался осторожно и потихоньку спускал ноги вниз. Видимо, он нашел для них какую-то опору. О, как он рискует! Он плотно прижался к стене и дюйм за дюймом спускался вниз, ощупывая руками и ногами камни в поисках опоры.

Итлотис в напряжении следила за этим спуском. Ей казалось чудом, что незнакомец отыскивал себе путь. Но он спускался уверенно, хотя медленно находил опору для ног и тела.

Итлотис чуть отошла от своего укрытия, потому что человек опасно висел как раз над ним. Она подняла руки и провела ими по поверхности стены; ее пальцы обнаружили выемку, вырезанную так хитро, что она явно предназначалась для того, чтобы служить невидимой лестницей.

Она отступила на шаг, чтобы видеть, как человек спускается. Было что-то знакомое в форме его головы, в посадке плеч. Ее глаза опознали его.

Ослэн!

Облегченно вздохнув, Итлотис стала ждать. Теперь оставалось лишь завязать контакт, объяснить все и прервать сон. И они вернутся в реальный мир. Ведь Фузмэм признала, что усилия мастера находятся в равновесии с

желанием Ослэна, так что он может проснуться как только пожелает.

Возможно, он уже выполнил ту задачу, что привела его в этот древний Юл. Но в любом случае сообщение Итлотис было достаточно важным, чтобы он здесь не задерживался.

Проверяя еще раз себя, Ослэн ли это, она отметила, что одежда на нем совсем не такая, какую она когда-либо видела. Одежда плотно облегла его тело, но была эластична и как бы сделана из мелких чешуек, слегка находящихся одна на другую. Голыми были только руки и ноги. Кожа была такая же темная, как и камень, по которому он полз. Волосы были гладкие, темные. Хотя Итлотис еще не видела его лица, она знала, что у него были четко выраженные черты его клана; он, вероятно, мог бы считаться красивым, если бы на изображении в Три-Ди, где она его видела, было бы хоть какое-нибудь выражение, прояснявшее тупой, неподвижный образ.

Он опустил голову и закончил свой спуск прыжком. Приземлившись, глубоко вздохнул. Итлотис догадывалась, чего ему стоил этот спуск по стене.

Некоторое время он оставался на четвереньках, тяжело дыша и свесив голову.

– Глава клана Ослэн! – официально произнесла Итлотис.

Он резко поднял голову, словно его приветствовало какое-то морское чудовище. Его взгляд сосредоточился на Итлотис, он медленно встал на ноги и прислонился к стене. Руки его сжались в кулаки, готовые отразить атаку, блестящие зеленые глаза сузились. Теперь его лицо выражало нарастающую злобу. Затем глаза его полузакрылись, кулаки разжались, как если бы он не увидел в ней той опасности, какую ожидал.

– Кто ты? – его вопрос прозвучал почти так же монотонно, как у Фустмэм; возможно он не хотел показывать никаких эмоций.

– Сыскной агент Итлотис Сб Нат, – ответила она. – Глава клана Ослэн, ты очень нужен...

– Глава клана? – перебил он. – Значит, Нэтон умер?

– Во втором ледяном месяце, Глава клана. Ты очень нужен на Бинольде. – Итлотис вдруг поразила странность их теперешнего положения. Ведь они и так на Бинольде! Но, к сожалению, мир сна не то, что мир реальности. А то можно было бы сэкономить массу времени. – Ты должен уладить не только дела клана, – продолжала она. – Нужен новый договор на продукцию рудников, и Совет очень торопит.

Ослэн покачал головой. Лицо его снова приняло выражение тревоги и злобы.

– Нет, агент, ты не вытащишь меня отсюда. – Он подошел ближе.

Итлотис невольно отступила на шаг.

– А теперь, – сказал он, как кнутом щелкнул, – убирайся из моего сна! – Он как бы ударял ее каждым словом.

Но его открытая оппозиция вызвала противоположную реакцию. Итлотис теперь не испытывала колебаний, а твердо решила стоять, ожидая его приближения. Не впервые она попадала в подобную ситуацию. Его угрожающая поза укрепила ее.

– Это дело Совета, – резко сказала она. – Если ты не...

Ослэн засмеялся. Он откинул голову и смеялся, хотя его смех был явно вызван яростью.

– Совет и ты, сыскной агент, что вы предполагаете сделать? Можешь ли ты вызвать сюда вооруженного человека, чтобы увести меня?

В уме Итлотис мелькнуло видение еще одной кушетки, еще одного мастера, если бы они могли уместиться в комнате, и солдата, готового к транспортировке. Это было явно невозможно. Здесь она должна действовать только сама.

– Сама видишь, – он сделал к ней еще один шаг, – имеет ли Совет здесь какой-нибудь авторитет. Ведь сам Совет находится в отдаленном будущем.

– Ты не хочешь понять. – Итлотис оставалась внешне спокойной. – Это же дело величайшей важности и для тебя тоже. Твой брат Ларс и Совет нуждаются в тебе на Бинольде в День Высокого Солнца. У меня есть права отправить тебя на ближайшем гиперкорабле.

– Здесь у тебя никаких прав нет! – снова перебил ее Ослэн. – Это мой сон, и только я могу прервать его. Тебе об этом говорили?

– Да.

– Ну, стало быть, ты знаешь. И ты теперь – моя пленница, со всей своей властью и полномочиями, пока добровольно не согласишься, чтобы я отослал тебя обратно.

– Без тебя не уйду! – Отвечая так, Итлотис думала, что она, возможно, делает роковой выбор. Но она не собиралась так легко сдаваться, как он, по-видимому, предполагал. – Значит, ты хочешь, чтобы тебя считали отказавшимся от управления кланом вообще? – быстро добавила она. – В этом случае у Совета исключительная власть, и...

– Тихо! – он быстро повернул голову к стене Юла. Он настолько явно прислушивался, что она тоже насторожилась.

Откуда это низкое гудение? То ли реальный звук, то ли вибрация через камни, на которых они стояли – трудно было сказать.

– Назад! – Ослэн схватил девушку за руку и потащил за собой, пока

они оба не прижались к стене. Он все еще прислушивался, склонив голову набок.

– Что это? – спросила она шепотом.

– Рой. Молчи!

Весьма малоинформативно. Но его напряжение передалось ей и заставило последовать его примеру. Это был сон Ослэна, и Ослэн родом с Юла – значит, он знал.

Взрыв света, вроде сигнального огня, пронесся над морем. Еще и еще вылетали из ворот вспышки и проносились над волнами с такой скоростью, что Итлотис видела только нечто вроде жесткого излучения. Все это быстро исчезло, затерявшись в дали над водой.

Поскольку Ослэн стоял вплотную к Итлотис, она почувствовала, как напряжение ушло из его тела. Он глубоко вздохнул.

– Ушли! Теперь безопасный период.

– От чего безопасный?

Ослэн взглянул ей прямо в глаза. Итлотис не очень понравился этот испытующий взгляд, он как бы хотел прочесть ее мысли, и это ее возмущало. Она не стала ждать ответа на свой вопрос, а повторила свое сообщение, насколько могла, спокойно.

– Если ты теперь же не разобьешь сон, ты потеряешь Атто. Совет назначил главой клана Ларса, не теряй времени зря.

Его улыбка была такой же яростной, как и его недавний смех.

– Ларс – Глава? Возможно... если только в Атто останется что-нибудь, чем ему править.

– Что ты имеешь в виду?

– Как ты думаешь, зачем я здесь? – спросил он. – Для чего я пересек половину Галактики и нашел мастера снов, который привел меня в прошлое Юла?

Его взгляд все еще держал ее. Его руки опустились на ее плечи и трясли Итлотис, будто бы подчеркивая этим его слова.

– Ты думаешь, Юл в нашем мире – развалины, ничейное место? Люди повторяют это с тех пор, как первые поселения основались на Бинольде. Но Юл – не просто разрушенные стены и ощущение страха; нет, это жилище чего-то очень древнего... и опасного.

Он был уверен в этом, она слышала искренность в его голосе. Но что это? У Итлотис не было возможности задавать вопросы, потому что из Ослэна слова лились потоком.

– Я был в этом Юле. Я видел... – он закрыл глаза, изгоняя какое-то видение. – Наш Юл на поверхности планеты разрушен временем на три

четверти. Но то, что находится в сердце Юла, не умерло. Оно спит, но начинает просыпаться. Я не один год размышлял об этом, искал по всем отчетам. В прошлом году я рискнул принести туда сканнер и послал данные в центральный компьютер. Хочешь знать, каково было его заключение? – Он снова встряхнул ее. – Так вот, новые туннели рудников, протянувшиеся на восток, встревожили, разбудили нечто, и оно готовится выйти ...

Итлотис понимала: он горячо верит в существование того, что привело его сюда, а у нее нет никаких аргументов, которые он захочет выслушивать – фанатизм полностью овладел им.

– Выйти? – повторила она. – Но что оно такое?

– То, что когда-то наполняло Юл жизнью. Ты сама видела, как летел его рой; так вот, это лишь тысячная часть того, что может произвести Юл. Эти летающие вещи есть энергия, и они питаются энергией. Если бы одно из них приблизилось к нам, наши тела превратились бы в пепел. А здесь есть и другие его части. То, что живет в Юле, может принимать разные формы, и все они полностью чужды нам и весьма опасны.

Люди или существа, похожие на людей, построили Юл и те города, следы которых мы находим на нашем Бинольде. Затем... пришло Оно. Может быть, появилось в результате неудачного эксперимента, может, вылезло из другого измерения, из другого мира... Об этом нет сведений.

Но те, кто обнаружил его, объявили его богом и питали его жизненной энергией, пока оно не выросло до абсолютного властителя всей планеты. И тогда Оно сожгло всех людей планеты, поскольку не нуждалось в них больше, или думало, что не нуждается.

Но когда жизненной энергии не стало, Оно начало слабеть и уже не кружилось по всей планете, а вынуждено было вернуться на свой континент, а потом – только в один Юл. Оно испугалось и приготовило себе гнездо, где и залегло в спячку... на многие годы. Лучи, ищущие руду, разбудили его и наполнили новой энергией. Оно снова стало расти. И теперь Бинольд для него – новая пища. И...

– Ты должен предупредить Совет! Разбуди нас!

Он покачал головой.

– Ты не поняла. Это чудовище не может быть уничтожено в наше время. Оно съест мозг тех, кто окажется перед ним, отнимет жизненную силу их тел. Защиты от него нет. Поразить его можно только в прошлом. Если его запечатать в его гнезде, оно умрет с голоду, и тогда Бинольд будет свободен.

Итлотис вздрогнула. Не иначе, Ослэн сошел сума! Он же знает, что это

сон! Что можно сделать во сне? А если она слегка посмеется над ним...

– Я собрал все сведения, – продолжал Ослэн, – и дал их этому мастеру снов. Мастер может использовать их как фон для сна. Клиенты часто хотят побывать в прошлом. И она сосредоточилась на моих записях.

– Но ведь это же сон! – протестовала Итлотис. – Ты не в реальном прошлом Бинольда, и ты не можешь ничего сделать...

На этот раз он встряхнул ее что было силы.

– Не могу? Но смотри и увидишь! Здесь измерение на измерении, мир на мире. И вера дает нам реальность. Я вижу, что этот Бинольд предшествует нашему Бинольду. – Ослэн отвернулся к стене. – Оно послало своих питателей и сосредоточилось только на них. Мое время настало! – И он начал подниматься по стене.

Итлотис не успела остановить его, но и не могла бросить этого сумасшедшего. Если она пойдет за ним, для виду согласившись, что он говорит правду, то, может, ей удастся уговорить его прервать сон? С тех пор, как она вошла в эту фантазию, Итлотис чувствовала, как исчезает ее спокойная уверенность. И ей оставалось только цепляться за надежду, что она сможет в дальнейшем повлиять на Ослэна, если останется с ним.

Она села на камень и разулась. Цепляясь пальцами рук и ног за впадины, полезла по стене древнего Юла.

К счастью, она не боялась высоты, но вниз старалась не смотреть. Ей было страшно, но она все же лезла дальше. Ослэн был уже в окне и протянул ей руку, чтобы помочь. И вот они спустились с широкого подоконника в комнату с темными углами.

– Хорошо, что ты поднялась сюда, – заметил он, – иначе Оно могло почувствовать твое присутствие. Но веди себя тихо, потому что ты и представить себе не можешь, чего может стоить тебе твоя глупость – войти в мой сон.

Итлотис подавила злость. Это сумасшедший. На него нельзя повлиять никакими аргументами. Поэтому она решила не протестовать и кралась за ним вдоль стены, поскольку он явно избегал центральной части комнаты.

Голые каменные стены, пол, потолок. Свет шел из окна. Ослэн не пошел к двери, которую Итлотис видела в противоположной стене. Он остановился на полпути и стал ощупывать стену, вытянув руки вверх, словно бы собираясь лезть на нее.

Однако он не полез вверх, как подумала Итлотис, да это было бы бесцельно, потому что высокий потолок выглядел совершенно целым и крепким. Раздался скрипучий звук, и три массивных блока стены подались назад, открывая темное отверстие.

Откуда Ослэн знал это? Ну, конечно, во сне воображаемый переход сквозь стену вполне возможен. Но чувство реальности этой темной комнаты продолжало воевать с логикой. Как может сон казаться таким реальным?

– Иди, – прошептал он и толкнул ее в проход. Она не сразу двинулась, пыталась протестовать, но блоки снова повернулись и закрыли их в темноте, тем более ужасной, что теперь у Итлотис было неуловимое ощущение опасности того, что жило в Юле.

– Здесь лестница, – он сильно сжал ее запястье, – я пойду первым, держись рукой за стену.

Ослэн выпустил ее руку. Теперь Итлотис слышала только приглушенные звуки его шагов. Пути назад не было, оставалось только следовать приказу. Стиснув зубы, испуганная более, чем когда-либо в жизни, Итлотис осторожно скользила одной ногой вперед, ощупывая каждую ступеньку.

Этот спуск был кошмаром: она измучилась и покрылась потом. Хорошо еще, что тут был не спертый воздух. А лестница продолжалась бесконечно.

С тех пор, как они покинула комнату наверху, Ослэн не произнес ни слова. Итлотис не решалась прервать молчание, потому что у нее было впечатление, что так осторожно они идут из-за великого страха перед опасностью, которую нельзя предупредить о своем присутствии.

Прикосновение к руке заставило ее слегка вскрикнуть.

– Тихо!

Он притянул ее к себе. Ее голые ноги погрузились во что-то мягкое, как будто пыль столетий осела на этом тайном пути. В абсолютном мраке Итлотис с радостью цеплялась за Ослэна, потому что боялась даже подумать, что будет, если она утратит контакт с ним. Наконец он отпустил ее руку и сказал:

– Дай мне пройти, я открою дверь.

Итлотис, дрожа, посторонилась. Впереди появился сероватый свет. После их путешествия в темноте этот свет показался ей ярким сиянием. Через него прошел темный силуэт Ослэна. Итлотис поспешила за ним. Они оказались в комнате, почти вдвое большей той, чем наверху, но потолок здесь был много ниже, и стены слева не было, так что пространство было еще большее. Но оно не было пустым. Свет шел отсюда, и Итлотис не могла определить его источник. При этом свете был виден огромный парк колесных машин.

Ослэн остановился и чуть повернул голову вправо, как бы

прислушиваясь. Затем махнул ей и пошел к машинам.

Там оставалось лишь узкое пространство вдоль стены. Ослэн шел так быстро, насколько позволяла загроможденность места. Время от времени он останавливался и осматривал одну из этих странных машин, но каждый раз, видимо, неудовлетворенный, шел дальше.

Наконец они дошли до другой открытой стены, и он резко остановился. Ноздри его расширились, как будто он услышал предупреждающий запах. Так собаки нюхают след.

Прямо перед ними стоял другой странный экипаж, и Ослэн подошел к его кабине. Когда Итлотис двинулась за ним, он жестом отогнал ее. Возмущенная, она смотрела, как он садится на сиденье водителя и изучает приборную панель.

Наконец он кивнул, как бы в ответ на собственные мысли, и снова махнул Итлотис, и она поспешила сесть рядом с ним. Сиденье оказалось мягким, но очень коротким и узким, так что их тела плотно прижались друг к другу. Ослэн едва дождался, пока она сядет, и тут же положил ладонь на кнопку управления.

Сначала была вибрация, ворчание, машина как бы ожила и двинулась вперед, к открытому проходу напротив. Итлотис не могла больше ждать:

- Что ты хочешь делать?
- Запечатать гнездо.
- А ты можешь?
- Попробую, тогда узнаю. Другого способа нет.

Нечего было и пытаться отыскивать какой-то смысл в его навязчивой идее, пусть идет в своей выдумке до конца. Тогда он, возможно, разрушит сон.

– Это мой второй визит в Юл. Я был тут раньше, в первой части моего сна. Но тогда здесь были люди, обслуживающие Это .

Он был в глубоком сне два дня, когда Итлотис нашла его; видимо, фантазии сна могут прыгать через годы, если понадобится. Это было в какой-то степени логично.

Машина мчалась вперед. Вскоре дорога начала разветвляться, но Ослэн не обращал внимания на боковые ходы и ехал все время по прямой до тех пор, пока путь не преградила скала. Ослэн свернул влево.

Новая дорога была намного уже. Итлотис начала думать, что рано или поздно они и сами не протиснутся между стенами. Время от времени Ослэн останавливался, вставал ногами на сиденье и пытался пальцами коснуться потолка коридора.

В третьей попытке он издал тихое восклицание и сел, но не послал

машину вперед, а согнулся над панелью управления, вглядываясь в кнопки.

– Выходи! – приказал он, не глядя на Итлотис. – Беги обратно! Бегом!

В этом приказе была такая сила, что Итлотис повиновалась, не спрашивая. Она только заметила, спрыгнув на пол, как его руки в сложном движении летают над кнопками.

Итлотис бежала по коридору. Она слышала за собой скрежет машины. Обернувшись, она увидела, что Ослэн бежит за ней, а машина удаляется сама по себе. Радуюсь, что Ослэн не покинул ее, она продолжала бежать. Он догнал ее, схватил за руку и поволок за собой. Звук движущейся малины стал стихать. Они уже добежали до главного туннеля. Ослэн тащил ее, не сбавляя скорости. Страх, бурливший в нем, передался ей, хотя она не знала его источника, и изо всех сил неслась вперед, словно смерть бежала за ними по пятам.

Они достигли машинного парка, когда пол и стены затряслись. Затем послышался оглушительный грохот. А затем мрак...

Что-то охотилось в темноте. Ярость, которая была как удар. Итлотис пряталась от этой ярости, от бродящей где-то рядом гигантской злобы. Трясаясь от страха, она открыла глаза. В дюйме от ее лица было другое лицо, которое она почти не видела. И голос ее прозвучал слабо, как бы издалека:

– Глава клана Ослэн...

Она пришла сюда искать его, а теперь кто-то, какое-то существо ищет ее!

Его глаза открылись. Он смотрел на нее. И на его лице лежала та же тень страха, что и у нее. Губы его шевелились, но звука почти не было.

– Оно знает! Оно ищет!

Его навязчивая идея. Но, может быть, воспользоваться ею, чтобы спасти их обоих? Она схватила руками его голову, заставляя его смотреть на нее. Слава Всем Силам, у него еще есть искра здравого смысла.

Медленно, останавливаясь после каждого слова, собрав всю свою волю, она приказала:

– Немедленно прерви сон!

Что мелькнуло в его глазах? Сознание или тот же иррациональный и дикий страх, который владел теперь и ею, тащил его в глубины его фантазии, куда она не могла за ним последовать. Итлотис снова повторила – твердо и спокойно, как только могла:

– Прерви сон!

Страх мучил ее. То, что искало, подошло ближе. Но впасть самой в безумие, в ужас было хуже всякой боли. Он должен! Он...

А затем...

Итлотис заморгала. Свет, гораздо ярче, чем в подземелье Юла. Она смотрела в серый потолок. Не было запаха пыли, запаха веков.

Она вернулась обратно!

Руки сняли с нее шлем для сна. Она села, все еще не решаясь поверить, что они вернулись. Она быстро повернулась к другому дивану. Помощники сняли с Ослэна шлем, его руки неуверенно поднялись к голове, глаза были открыты. Он с изумлением смотрел на Итлотис:

– Значит, ты была реальной?

– Да.

Неужели он и вправду воображал, что она – часть его сна? Ее почему-то огорчила эта мысль. Она так рисковала, служа ему, а он думал, что она всего лишь плод его фантазии.

Ослэн сел и огляделся вокруг, как бы не вполне веря, что он вернулся. Затем засмеялся – не злобно, как в Юле, а торжествующе.

– Мы сделали это! – он стукнул кулаком о кушетку. – Гнездо было завалено, вот поэтому оно так бесилось. Юл мертв!

Он принес свой бред с собой, навязчивая идея все еще владеет им! Итлотис прямо тошнило от этого. Но Ослэн Сб Атто все еще оставался ее клиентом. Она не может, не имеет права соглашаться с ним. Она удачно провела свою миссию, теперь пусть уж его семья возится с ним. Итлотис повернулась к врачу:

– Глава клана в некотором помрачении.

– Я вовсе не в помрачении! – воскликнул Ослэн. – Подожди – и увидишь! Сама увидишь, джентль фам!

Хотя во время гиперпрыжка на Бинольд она мучилась предчувствиями, Ослэн более не упоминал про свой сон. Он не пытался навязать ей свою компанию и в основном отсиживался в своей каюте. Но когда они приземлились в космопорте своей родной планеты, он стал командовать с таким авторитетом и уверенностью, что подавил инициативу Итлотис.

Прежде, чем она успела что-либо сказать, он быстро отвел ее на борт частного флаера с эмблемой Атто. Его действия не столько злили, сколько смущали ее. Она надеялась, что за это время он избавился от эффекта сна, но теперь видела, что он по-прежнему одержим. Хотя на Бинольде не было мастеров сна.

Ослэн повернул флаер на север и бросил взгляд на Итлотис.

– Ты считаешь, что меня нужно лечить, так, Итлотис?

Она не ответила. Их, наверное, сопровождают. Она ухитрилась

послать сигнал, прежде чем они вылетели из порта.

– Хочешь доказательств, что я в здравом уме? Так я дам тебе их!

Он выжимал из флаера предельную скорость. Впереди по курсу лежал Отто, но и Юл тоже. Что хочет сделать Ослэн?

Меньше чем через час Итлотис получила ответ. Маленький флаер полетел над развалинами. Но это был совсем не тот Юл, что она видела при своем первом полете в Атто. Осталась только часть внешней стены, а все внутри стало обширной впадиной, где валялось несколько разбитых блоков.

Ослэн сбросил скорость и посадил машину в самом центре впадины. Он быстро выскочил из кабины и помог выйти Итлотис. Не отпуская ее, он спросил:

– Видишь!

Слово гулко отразилось от остатков внешней стены.

– Это... – Итлотис не могла не согласиться, что это был другой Юл. Но как поверить, что действия, совершенные во сне, да еще на планете за много световых лет отсюда, могли произвести подобные разрушения?

– Заряд добрался до гнезда! – сказал он возбужденно. – Я поставил энергию краулера на предел. Когда она дошла до опасной отметки, краулер взорвался. И тогда у Этого не осталось никакого места, чтобы погрузиться в сон!

Итлотис пришлось поверить своим глазам. Но то, что она видела, противоречило всякому здравому смыслу. Но какой бы взрыв ни произошел здесь, он был не неделю, не месяц назад, а, по всем признакам, в давние времена! Как могли они повернуть время вспять? Итлотис стало казаться, что это сон, какая-то кошмарная галлюцинация.

А Ослэн продолжал:

– Чувствуешь? Это ушло. Теперь здесь уже нет какой-то иной жизни.

Она стояла, он обнимал ее за плечи. Однажды в детстве, когда Итлотис только начали тренировать для службы, ее привезли в Юл. Тогда можно было только пройти за бывшую внешнюю стену, сделать несколько шагов, и то никто не решался оставаться здесь надолго. И она хорошо помнила это. Да, Ослэн прав! Здесь больше нет этой гнездящейся угрозы. Здесь только крики морских птиц и далекий прибой. Юл мертв, в нем давным-давно нет жизни.

– Но ведь это был сон! – растерянно возразила она. – Всего лишь сон!

Ослэн медленно покачал головой.

– Это была реальность. Теперь Юл свободен. Мы здесь, чтобы доказать это. Я сказал тебе как-то: «Убирайся из моего сна!» Я был не

прав. Это был и твой сон тоже. А теперь это наша реальность... пустой Юл и свободный мир. А со временем, возможно, кое-что еще...

Его руки сжали ее крепче. Не в злобе, не в страхе. Итлотис, встретив взгляд блестящих зеленых глаз, поняла, что сны... некоторые сны никогда полностью не отпускают тех, кто их видел.

Часть четвертая. Кошмар

Глава первая

– Но я совсем не знаю этого сектора! – Младший из тех, кто был в комнате слегка завертелся в шезлонге, словно это полунаклонное сиденье, дающее максимум комфорта, вдруг стало для него неудобным.

– Именно поэтому ты и необходим для этой операции, – холодно прозвучал ответ одного из троих, сидевших перед ним – тристианина, чей гребень оперения слегка опустился с возрастом.

– Землянин из богатого клана, путешествующий в этом секторе, – сказал человек на сиденье слева от тристианина, – может посетить Ти–Кри и заказать услуги мастера снов безо всяких вопросов и комментариев; все знают, что наше высшее общество падко на новые эксперименты. Твоя «легенда» будет, разумеется, безупречной.

Бар Никлас пожал плечами. Он никогда не имел случая пожаловаться на работу департамента службы. Любой тыл, каким они обеспечивали, может быть проверен и перепроверен безнаказанно для того, кто пользуется им, ему могут дать биографию, начиная со дня рождения, и в ней не будет ни одного изъяна. Его беспокоило отнюдь не это. И он откровенно высказал свой основной аргумент:

– Я не эспер.

– Поэтому тебя и выбрали, – ответил Рион и пояснил: – Ни один настоящий эспер, даже если на минуту допустить, что они не проверят тебя тут же, не добьется успеха.

– Значит, я – приманка... и, похоже, незаменимая?

Грегор Нун, единственный этнически человек в этом тайном совете, улыбнулся. Бару показалось, что в изгибе его губ таилась насмешка. Про Нуна говорили – и он, кажется, тому радовался, – что он бывал абсолютно бесчеловечным, когда дело касалось выбора людей для задания.

– Очень хорошая приманка, – тихо сказал он. – Судя по сведениям, ты как раз подходящий тип для этой ловушки, где бы и как бы она ни работала.

– Большое спасибо, командир! – огрызнулся Бар. – А если я скажу – нет?

Нун пожал плечами:

– Конечно, такое возможно. И это твое право.

А ты хочешь, чтобы я отказался, – мысленно произнес Бар. – Ты даже ждешь случая схватить меня за шкуру и вышвырнуть как в случае «да»,

так и в случае «нет». – И у него стало кисло во рту от осознания этого.

– Значит, я иду безо всякой защиты; а что, если я вернусь только трупом? Узнаете ли вы больше, чем знаете теперь? Вы же не можете контролировать эти сны?

Это был полувопрос. Если они не могут контролировать их и вытащить его из сна до роковой минуты, вся операция принимает другой вид.

– Не совсем так, как ты думаешь, – в первый раз заговорил третий, сидящий прямо напротив Бара. Внешне он был настолько гуманоидным, что Бар мог принять его за потомка земных колонистов. Только его странные глаза без зрачков и тонкий пух, покрывающий видимые участки его кожи, выдавали чужака. – Но за тобой будет присмотр. Нам вовсе не нужен еще один убитый.

– Рад это слышать, – иронически ответил Бар, обращаясь к Мастеру спецслужбы Иллану.

Иллан сделал вид, что не слышит. И Гион продолжал:

– Мы обеспечим тебе мастера снов, о которой ты уже знаешь. Полагаю, тебе известно, из полученного тобой инструктажа, что мастера либо сдают внаем, либо продаются из Ульи. В случае смерти покупателя мастер должна вернуться в Улей, половина ее цены выплачивается обратно клану бывшего ее хозяина. А если она снова сдается в аренду, то только на точно согласованное время.

Осдейв, лорд Алэй, купил мастера снов десятого разряда два года назад. У него была последняя стадия кафер–лихорадки. Два дня назад он умер. Его мастер, Юхач, должна теперь вернуться в Улей. По обычаю, такой мастер до конца года не работает, потому что каждый собственник или арендатор настраивает мастера по своему вкусу, и ей просто необходимо отдохнуть, прежде чем настраиваться снова.

Однако Фустмэм не любит праздных мозгов. Она разрешит Улью воспользоваться Юхач при условии, что покупатель времени девушки согласится на любой сон и не будет давать каких–либо определенных инструкций.

Ты будешь туристом, желающим просто попробовать сон, как часть дорожных впечатлений. Таким образом, Юхач отвечает твоим целям так же, как и любая другая. Ты слышал о ней, и у тебя отличная причина просить именно ее...

Гион сделал паузу, и Бар тут же задал вопрос:

– Как же я мог слышать о ней, если никогда не бывал в Ти–Кри?

– Осдейв уезжал с планеты год назад. Он посетил Милитис; там ты с

ним и познакомился. Он так много рассказывал о снах, что тебя соблазнили его слова, и ты приехал в Ти–Кри.

Бар слегка нахмурился. Он не сомневался, что эта якобы состоявшаяся встреча на Милитисе будет так документально подтверждена, что он и сам в нее поверит. Но его смущало другое:

– Эта Юхач... можем мы доверять ей?

– Она наш агент... или будет им, когда вернется в Улей, – объяснил Нун. – С помощью некоторой пластической операции она станет Юхач; она эспер, и некоторое время подвергалась обучению снам. Мы занимались ею задолго до того, как компьютер выбрал тебя.

Бар признал, что эта неизвестная рискует куда больше, чем он. Мастера снов были таковыми от природы, хотя и подвергались усиленной тренировке, чтобы добиться статуса А– или Е–мастера, способного вести любого по своим воображаемым мирам.

– Да, она одна из наших, – снова вступил Гион, – и она была свободна, когда мы встретились при весьма загадочных обстоятельствах. Пять смертей, и все необъяснимые! – В первый раз тристианин не сдержал эмоции. – И все известные люди: два дипломата, инженер, недавно сделавший открытие, настолько обогатившее его, что он основал собственную исследовательскую лабораторию, и двое очень богатых людей, чья смерть во сне привела в замешательство чуть ли не всю Галактику. Кто–то мутит воду, чтобы ловить в этой мути рыбу.

– Может, у них было больное сердце... Я слышал, что сны действия переносятся тяжело, – намекнул Бар, хотя и сам не верил в это.

Нун фыркнул:

– Нельзя получить сна в Улье, если не представишь Фустмэм свидетельства о здоровье при первом же визите. Они могут не обращать внимания на то, что вообще случится с владельцем мастера, но даже при однократной экскурсии в сон в Улье предусматривается, чтобы такого рода случаи не происходили. В Улье не хотят, чтобы их обвиняли в убийстве клиентов. Это разорит их бизнес.

– Однако же, такое случалось, – уточнил Бар. – Пять раз.

– Пять раз за один планетный год, – согласился Гион.

– Но раз произошло пять смертей, вряд ли там играли опрометчиво, – пробормотал Бар скорее себе, чем остальным. – Я думаю, они должны были ждать властей для расследования.

– Власти планеты, – ответил Гион, – сделали все, что могли. Но они не могут закрыть Улей, не могут даже проверить мастеров, потому что это будет иметь катастрофические последствия... Ти–Кри живет мастерами

сна. Умершие все были инопланетниками, и поэтому местные власти не слишком тревожились. К тому же, Виланд и Бивид путешествовали инкогнито и неофициально. Но, во всяком случае, власти позаботились осведомить нас, и это было с их стороны беспрецедентным шагом, потому что местные жители недовольны высокой степенью мысленных контактов. Нас предупредили, чтобы мы не появлялись там официально и что власти не окажут нам никакой открытой помощи, если мы начнем официальное расследование.

Бар невесело усмехнулся.

– Они знают насчет нашего подсадного мастера?

– Нет! И не узнают. Улей имеет монополию на свой бизнес. Если станет известно, что мастер снов может быть произведен искусственным образом, на всей планете будут возмущения. Существование таких девушек имеет важное значение для их религии, и мы не рискуем вмешиваться.

– Но что делает меня таким значительным, чтобы они пытались сыграть в шестой раз? – поинтересовался Бар.

– Бар Никлас становится собственником астероида, состоящего почти из чистого билотита, – ответил Гион.

Бар недоверчиво поднял брови:

– И такой астероид есть?

– Да, он существует. Он под охраной Патруля. Сейчас все права на него записаны на твое имя. У тебя почти нет родственников... и, – Гион сделал паузу, как бы желая подчеркнуть то, что собирается сказать, – к одному из твоих партнеров по «Предприятиям Никласа» уже подъезжали... очень осторожно, но с достаточной серьезностью, чтобы выяснить, будет ли астероид в случае твоей смерти включен в твое общее состояние. Я не сомневаюсь, что уже написано – возможно, не на Ти–Кри, поскольку это было бы слишком заметно – завещание, готовое перевести это состояние на любого, кто бы этого ни хотел.

– Ловко это вы подставили меня под молот, – нахмурился Бар. – И так, я – отличная приманка для убийцы. Ладно, когда я должен добровольно лечь под удар на алтарь Улья?

– Тебя проинструктируют еще раз, – сказал Гион. – Потом ты полетишь в Ти–Кри на собственном космическом крейсере. Там ты постарайся быть очень заметным, как человек с громадным состоянием, ищущий необычного. Я думаю, не будет затруднений в том, чтобы тебя хорошо встретили в Улье, и тогда ты попросишь Юхач...

– И вправду в прекрасный мир смерти, – заключил Бар. – Благодарю вас всех за это замечательное назначение. Я помяну вас в своих снах!

Глава вторая

Ее фигуру скрывало тускло–серое мешковидное платье, а волосы были острижены очень коротко, менее чем на полпальца – для того, чтобы шлем для сна плотнее прилегал к голове. Легкое тело, соскользнувшее с привезшего ее паланкина, могло быть любого возраста – и от ранне–юношеского до пожилого. Лицо ее ничего не выражало, и двигалась она как во сне. Стражница распахнула дверь, и девушка вошла в тихую, занавешенную сокровенную часть Улья.

Когда она шла по центральному холлу, ее глаза пристально смотрели в одну точку, но внутренне она замечала и узнавала то, чего никогда не видела, но что было внедрено в нее интенсивным мысленным инструктажем. Теперь она была не Ладия Тангул, а Юхач, А–Мастер десятого разряда. Чуть более двух лет назад она оставила Улей и теперь вернулась в него. К счастью, удалось войти в мозг Мастера так глубоко, что дублирующей было знакомо все, что она видела, и она хорошо знала ритуал возвращения.

Юхач повернула к двери направо и бесстрастно остановилась, ожидая, чтобы проверяющий луч доложил о ней. Когда барьер отодвинулся, она вошла.

Комната была маленькая, в ней стояло всего два стула – не шезлонги, а архаические стулья с жесткими сиденьями. Похоже, что Фустмэм не имела намерений создавать удобства для тех, кто хотел ее видеть. Между стульями стоял пульт контроля памяти, легко доступный правительнице Улья. На одной стене был пустой экран. На одном из стульев сидела сама Фустмэм, ожидавшая появления Юхач. Она не поздоровалась с Мастером вслух, а только подняла руку, показывая, что Мастер может сесть на второй стул.

– Ты не торопилась придти, – заметила Фустмэм. – Твой лорд умер четыре дня назад.

Она говорила монотонно. Если ее слова и означали вопрос, то вопросительной интонации они не имели. Если же они содержали упрек, то и об этом можно было только догадываться.

– Меня не отпускал наследник моего лорда до тех пор, пока я не получила видеопослание. – Голос Юхач тоже был бесстрастным. Руки ее вяло лежали на коленях. Она сидела, как человек, всю жизнь привыкший повиноваться.

– Правильно. Улью пришлось напомнить лорду Улфу, что наш контракт относится только к его предшественнику. Его нежелание отпускать тебя отмечено должным образом в записях. Может быть, он рассчитывал поторговаться... из-за твоего разряда и того удовлетворения, какое получал твой лорд от твоих снов. Но мы не торгуемся. И ты вернулась. Записи твоих снов внесены в архив. В настоящее время ты в бездеятельном состоянии. Лорд Осдейв требовал многого; возможно, тебе даже надо было бы подвергнуться стиранию памяти. – В глазах Фустмэм теперь мелькнула тень каких-то эмоций. – Записи будут полностью изучены, я не хотела бы применять стирание, если оно не необходимо.

Юхач оставалась с виду бесстрастной, но в ней проснулся инстинкт самосохранения... Предвидел ли такое Мастер спецслужбы? Стирание памяти уничтожит все, что в нее вложили. Если это случится, она и в самом деле станет Юхач...

– У нас тут есть... – тонкие губы Фустмэм отчеканивали каждое слово. – Мы получаем все больше и больше клиентов нового типа – инопланетников, которые ищут незнакомых им ощущений. Знания, которые ты получила для лорда Осдейва, были действиями приключений. И ты можешь быть Мастером Улья, временно обслуживающим таких новичков. Они не скажут, что ты предлагаешь им хорошо знакомое.

– И у меня десятый разряд, – сказала Юхач.

– Так что, на службе Улья? – Фустмэм кивнула. – Договорились. Но ты должна пройти новый инструктаж, прежде чем снова пойдешь в аренду вне Улья. Будь уверена, что тебя не понизят в разряде.

– Вы поведете меня в этом, как и во всем остальном, – ответила девушка уставными словами. Значит, Нун был прав – первый ход в ее игре был сделан.

– Истина – в твоих снах, – сказала Фустмэм также уставными словами, позволяющими уйти. – Я назначила тебе комнату Минтли Скок. Ты можешь пользоваться диском, твой кредит не ограничен.

Юхач встала и коснулась рукой лба. Фустмэм ответила тем же жестом. Неограниченный кредит для Юхач означал, что она еще очень «ценный товар» для торговли. Проходя по холлу и поднимаясь на двадцать ступенек к следующей двери, она уже обдумывала, что должна теперь делать. И поскольку Фустмэм намекнула на службу, она имела право изучать все, что хочет.

Библиотека лент, принадлежащих Улью, была самым впечатляющим хранилищем общей информации, собранной со всей галактики, за исключением штаб-квартиры Патруля. Рассказы путешественников с тысяч

планет, истории, удивительные повести – все, что могло обогатить миры, создаваемые Мастерами сна для клиентов, было собрано в библиотеке Улья. Но можно ли определить, какие ленты заказывали подозреваемые Мастера? Это было единственное, что не могли разузнать для нее. Она знала имена этих Мастеров: Иза и Динамис. Обе были А–Мастерами, но, предположительно, ни та, ни другая не имели десятого разряда и никогда не отдавались в аренду за пределы Улья. Память Юхач, изученная так тщательно, как только умела наука Патруля, дала смутное изображение Изы, а Динамис была совершенно неизвестна. Она была молода, из поздних Мастеров, чей талант достаточно выявился лишь в юношеском возрасте, а не с раннего детства, как у большинства тех, кого обнаруживали и брали в Улей для тщательного обучения.

У Изы два сна убили ее клиентов. По всем местным законам, она была вынуждена перейти почти на растительное существование. Динамис повезло больше. Хотя для нее требовалось стирание, Фустмэм настояла на длительном перепрограммировании.

Само сновидение не было чрезмерно сложным делом, хотя и было важным в этом мире. Машина связывала Мастера и клиента через шлемы, Мастер входила в состояние галлюцинаций, в которых клиент принимал деятельное участие. Тип действий выбирался им заранее. Он мог вернуться в прошлое, мог исследовать другие миры, путешествовать в воображаемом будущем. Если заказывался длительный сон, например, на неделю, то Мастера и клиента питали внутривенно. Но в любую минуту клиент мог потребовать пробуждения.

Однако пять человек спали до самой смерти и не проснулись. Раз, может, два – такое могло случиться из-за неисправности машины, слабости сердца клиента или еще какой-либо причины, вполне естественной, но пять – это уже слишком.

Юхач хорошо знала, что Фустмэм требовала от властей проверки каждой машины; она требовала, и в этом ее поддерживали те же власти, удостоверения о здоровье от каждого будущего клиента. Результаты освидетельствования не могли быть подделаны. И власти Ти–Кри не хотели продолжения скандала, который зашел слишком далеко. Мастера, долгое время обслуживавшие только местных жителей, лишь недавно стали главным увлечением туристов, и ценность этого правители планеты прекрасно понимали.

Юхач подошла к двери, на которой было нарисовано сказочное существо, упомянутое Фустмэм, и знала, что это одна из желаемых всеми сказочных комнат в этой части дома. Это показывало, что ценность Юхач

для Улье не уменьшилась.

Хотя эта комната считалась роскошной для тех Мастеров, кто не жил в Небесных башнях лордов, она была маленькой и мало чем привлекала. Здесь было ложе из подушек тусклого ровно-зеленого и серого цветов – ничто не должно отвлекать внимание Мастера от работы. У одной стены экран для чтения с открывающимся блоком, куда вставлялась лента, на другой стене маленькая полка с рядом кнопок: Юхач могла заказать легкую, почти безвкусную, но высокопротеиновую и питательную еду, обычную для Мастеров.

За занавесом была маленькая личная ванна; занавес, как и ковер на полу, тоже серые. Юхач села на ложе, думая, нет ли у Фустмэм какого-либо тайного способа наблюдать за подопечными. Если да – то этого все равно не узнаешь, так что надо быть в любой момент начеку.

Здесь было очень тихо, ни один звук не проникал извне, хотя Улей был переполнен. Опять-таки для того, чтобы Мастер мог без помех заниматься своими построениями. Видимо, тишина не производила на Мастеров давящего впечатления. Их жизнью был сон, а внешний мир казался им неинтересной тенью.

Она подошла к диску, заказала питье и с чувством благодарности приняла чашечку горячей жидкости. У нее пересохло во рту, и она знала, что это обычная реакция на приближающуюся опасность. Сухость губ и языка, влажность ладоней предупреждали, что следует пустить в ход технику, которой она так долго обучалась.

Ждать всегда трудно. Если человек кидается прямо в действие, он рискует пропасть в нем. Но сидеть и ждать... Скоро ли появится другой игрок Гиона? Она даже не знала, кто он и насколько она может на него рассчитывать. А она не любит работать вслепую. Это совсем не походило на то, в чем она раньше участвовала. И с каждой минутой ей это нравилось все меньше.

Глава третья

– Пожалуй, меня устроила бы эта Юхач.

Руки Фустмэм лежали на краю панели контрольной памяти. Она одарила Бара немигающим взглядом, настолько безличным, что он начал думать, не впала ли сама правительница Уля в какой-нибудь сон. Затем она заговорила без каких-либо модуляций в голосе:

– Вы говорите, что лорд Осдейв рассказывал вам о ней. Да, он нанимал ее. Но вы должны понять, лорд, что она еще не перенастроилась на новые серии, поскольку вернулась в Улей всего два дня назад. Вы не сможете выбрать собственный сюжет...

Бар открыл поясной карман и достал серебряную кредитную пластинку.

– А я вовсе и не требую серий, установленных специально для меня. В сущности... мне просто интересно посмотреть, как работает это... эти сны в Ти-Кри. Любая программа, сделанная ею для лорда Осдейва, и мне вполне подойдет. Вы понимаете, я просто хочу попробовать.

Взгляд Фустмэм на несколько секунд перешел на его кредитную карточку. Бар и сам никогда не держал в руках такие: неограниченный кредит на любой планете, где Совет имеет посольство.

– На единовременный сон, – сказала Фустмэм, – цена выше, поскольку Мастер не имеет обеспечения на будущее.

Бар пожал плечами:

– Цена не имеет значения. Но я хочу, чтобы это была Юхач. Осдейв столько наговорил о ее снах, когда я виделся с ним в последний раз.

Фустмэм снова одарила его тем же невыразительным взглядом. Но ее рука потянулась к одной из кнопок на маленькой панели и дважды нажала ее. На видеоэкране мелькнул узор, не лицо. Она взглянула на него и положила руку на кредитную пластинку.

– Она еще не прошла переподготовку. Ну хорошо, раз вы принимаете серию Осдейва, это можно сделать. У вас есть сертификат здоровья и стабильности?

Он подал ей кусочек перфорированного пластика. Она взяла его и сунула в щель контрольной панели. Серия щелчков – и узор на экране изменился.

– А разве в этом есть опасность? – решил открыто спросить Бар, разыгрывая инопланетянина, незнакомого с процедурой Уля. Он считал

такой вопрос вполне законным.

– А–Мастер десятого разряда, – ответила Фустмэм, – может создать настолько живой сон, что тот целиком захватывает клиента. В таких случаях любая нагрузка на сердце или мозг может дать очень серьезные последствия. А мы, естественно, не хотим этого. У нас есть штатный врач. Но окончательное решение прервать сон всегда остается за клиентом. Если сон вам неприятен, вы заканчиваете его. Поскольку вы мысленно связаны с Мастером, вы тут же сообщаете ей, и она отпускает вас.

– Ну, тогда опасность минимальна.

– Так оно и есть. – По–видимому, Фустмэм не собиралась говорить о недавних роковых событиях в Улье. – Когда вы желаете получить услуги Юхач?

– Как насчет того, чтобы прямо сейчас? Остальные пять дней я – гость лорда Эрлина, и я почти не сомневаюсь, что он запланировал какие–то развлечения, от которых я просто не смогу отказаться.

Фустмэм держала двумя пальцами его кредитную карточку и снова смотрела на Бара, но он был убежден, что она не изучает его, а просто глубоко задумалась.

– Юхач свободна, это верно. Но мы должны сделать множество приготовлений. Сейчас у нас все комнаты для сна заняты. Но если вы согласитесь вернуться после полудня, мы все устроим.

– Прекрасно. – Бар наклонился и выдернул кредитную пластинку из ее пальцев. Ей явно не хотелось отдавать ее. Бар мимолетно подумал, много ли таких пластинок она видела. Не так–то много людей, имеющих безлимитный кредит по всей галактике.

Он позавтракал в лучшем ресторане Ти–Кри и ел умеренно, выбирая из списка, предложенного ему, чтобы соответствовать пластинке, вызвавшей интерес у хозяйки Улья. Было сделано все, что можно, для обеспечения его личной безопасности (кроме отмены самой операции), но он должен был встретиться с неизвестным – и с весьма опасным неизвестным.

Когда он вернулся в Улей, его сразу провели в комнату, почти полностью занятую двумя кушетками. Между ними стояла машина связи, и на одной кушетке уже лежала девушка в надвинутом до носа шлеме. Второй такой же ждал Бара. Мастер дышала спокойно, медленно, и Бар подумал, что она, может быть, уже уснула.

Две помощницы, одна из которых носила эмблему врача, приветствовала его и, как только Бар вытянулся на своей кушетке, ему закрыли глаза шлемом. Бар глубоко вздохнул. Все! Пути назад нет!

Он на мгновение потерял сознание в смутном ощущении кружения и переноса через пространство. Затем вспыхнул яркий свет, как будто он лежал без всякого шлема в открытом месте под жарким солнцем.

Бар медленно сел и осмотрелся. Он такого не ожидал... такой свободы тела и полнейшей реальности того, что видел. И для проверки он дернул пучок серо-зеленой травы. Та сопротивлялась, но вылезла, показав корни и красноватую землю. Это... это же было реально!

Вокруг были невысокие холмы или курганы. Они стояли кругом вокруг низины, в которой он лежал. На вершине каждого холма был вделан вертикальный камень, изношенный непогодой, но, конечно, поставленный здесь не природными силами. Местность была совершенно незнакома Бару, ничего похожего он никогда не видел.

Его внимание привлек ближайший холм. С его вершины, конечно, можно увидеть больше, чем из этой впадины. И Бар полез на эту вершину, увенчанную камнем.

Высокий курган был покрыт такой же серо-зеленой травой, какую он только что рвал. И она была мокрой и скользкой, так что он то и дело оступался и хватался за траву, чтобы не скатиться обратно на то место, где он вступил в этот воображаемый мир.

Поднявшись на гребень, он медленно повернулся, пытаясь составить представление о местности. Холмы со столбами продолжались бесконечными рядами к северу, как он предположил. К югу же их было немного, а дальше шло широкое открытое пространство. Там было множество сваленных вместе камней, и это вызывало предположение, что они представляли собой остатки зданий, давно рассыпавшихся то ли от времени, то ли в результате какого-то бедствия.

Над этим каменным пейзажем царила глубокая тишина. Однако откуда-то шла вибрация, не столько слышимая, сколько ощущаемая. Как будто сама местность медленно и тяжело дышала.

Бару захотелось крикнуть, зашуметь, чтобы разорвать это спокойствие. Он не доверял тому, что видел, и что-то в нем предупреждало, что это... опасно, хотя он не мог уловить, что именно.

Его руки потянулись к поясу, вернее, к тому месту, где должен был быть пояс, инстинктивно ища станнер, каковой носит в незнакомой местности любой осторожный человек. Но его пальцы скользнули по голой коже, и он впервые оглядел себя.

На нем больше не было почти фантастического костюма, предназначенного для Бара Пикласа, весьма богатого человека. И кожа его стала гораздо темнее. Штаны из выглядящей как сталь ткани, видимо,

эластика, почти так же плотно облегающие тело, как и сама кожа. На ногах было что-то мягкое, как бы сделанное из тряпок, но на толстой тускло красной подошве, а верхняя часть этой обуви была прострочена яркими красными нитками вдоль каждого пальца.

Через плечи шли два узких ремня; они перекрещивались на груди и скреплялись тут серебряной пластинкой с ладонь величиной, в которую были вставлены камни, подобранные по оттенкам от глубокого красного до блестящего оранжевого. На плечах его были широкие полосы, тоже серебряные; на одной были только красные камни всех оттенков, на другой – от желтого до оранжевого цветов. Эта одежда показалась Бару какой-то иноземно-варварской, хотя и выполненной весьма изящно, и он, конечно, никогда не видел такой.

Движение в гряде камней в руинах заставило его нырнуть за монолит, стоящий рядом с ним на вершине холма. Он впервые сообразил, какую совершает глупость, так открыто показываясь здесь. Что-то перебегало от укрытия к укрытию среди камней, но так проворно, что Бар не мог ничего разглядеть. Он не был даже уверен, что это гуманоид.

Его одежда явно не предусматривала никакого оружия. Встав на колени позади камня, Бар начал осматриваться, нельзя ли чем-то вооружиться. В конце концов он зажал в руке небольшой камень. Обычный клиент Мастера снов готов к природе сновидения, поскольку сам ее заказывал. Но Бар должен был принять программу, составленную Осдейвом и вложенную в псевдо-Юхач. Поскольку он не знал, чего ожидать, кроме неприятностей, то вполне возможно, что как раз сейчас эти неприятности и двигаются к нему.

Глава четвертая

Он здесь не один... Бар глубоко вздохнул, так крепко сжав камень, что его грубая поверхность врезалась в кожу пальцев. Один прятался за двумя стоящими друг на друге камнями, а другой передвигался с такой же скоростью вправо, исчезая раньше, чем Бар мог заметить что-либо, кроме пронзительно-синего цвета, быстро мелькнувшего среди камней.

Он почему-то знал, что они охотятся за ним. Видимо, Осдейву нравился такой тип возбуждения, и он из-за болезненности в последнее время выбирал для себя во сне охоту и сражения.

Бар взглянул через плечо на цепочку курганов-холмов, уходящую к далекому горизонту. Может быть, следовало бы отступить к северу, раз он уверен, что эта игра в прятки будет смертельной. Но это только затянет действие, заложенное в сон. Нет, он останется на месте до тех пор, пока опасность не станет слишком сильной, что он не сможет управлять ею.

Возможно, они потеряли его из виду, но были достаточно нетерпеливы, чтобы искать его, и двинулись дальше, к открытому пространству. Там, на некотором расстоянии друг от друга, но на одной линии, встали трое странных, неподвижных, как статуи, существа, словно эта неподвижность могла скрыть их присутствие.

Космический путешественник Бар давно потерял способность удивляться какому-либо отличию от его собственного понимания норм. Но эти создания были достаточно необычны и привлекали его внимание.

Об их размерах трудно было судить на расстоянии, однако он решил, что эти трое выше его ростом. И это были птицы или, по крайней мере, птицеподобные. Их тела на длинных тонких ногах были покрыты ярким синим или зеленым оперением (один зеленый и двое синих) с пучком пышных хвостовых перьев. Головы были необычно крупными, с высоким гребнем из перьев, большими глазами и смертоносными по виду клювами, похожими на короткие мечи. Эти громадные головы сидели на длинных гибких шеях с чешуйчатой кожей вместо оперенья.

В них не было решительно ничего привлекательного. Кроме того, Бар точно знал, что был предметом их охоты, что они смертельные враги всего человеческого рода.

Теперь они уже не были неподвижными. Зеленый чуть опустил голову и вытянул шею, указывая направление, где притаился Бар. Человек начал подозревать, что его задержка здесь была ошибкой. Но скорость, с которой

птицеподобные пересекли развалины, внушила ему уверенность, что попытка к бегству окажется для него роковой.

Не так ли умерли те пятеро? Охотились ли за ними – может, не эти оперенные чудовища, а какие–нибудь другие враги? Он вспомнил предупреждение Фустмэм: он в любой момент может проснуться...

Зеленая птица сделала летящий прыжок, который поднял ее над камнями и перенес на вершину ближайшего к ней холма чуть ниже того камня, за которым укрывался Бар. Нечего разыгрывать героя, самое время проснуться.

Но в ответ на его приказ произошло не исчезновение угрожающих ему охотников, а мерцание в воздухе. Рядом с монолитом, укрывшим Бара, в землю глубоко вонзилось копьё; его древко дрожало от силы броска.

Рука Бара инстинктивно схватила копьё. И в то же время с севера раздался крик. Голова зеленой птицы резко повернулась; она напряженно всматривалась туда, откуда раздался крик.

Бар вытащил копьё из земли, но мозг его занимала одна мысль – требование прекращения сна не сработало!

Он взвесил копьё в руке. Значит, вот оно как! И вполне может быть, что его, Бара, забыли здесь, а псевдо–Юхач, приведшая его сюда, не смогла его вытащить. Но его упорный отказ быть убитым взял верх. Кто–то бросил ему оружие, пусть даже такое жалкое против размеров врага. И кто–то отвлек внимание птиц...

Бар огляделся вокруг, пытаясь одновременно не выпускать из виду птиц и обнаружить того, кто пришел ему на помощь, хотя бы и ненадолго. В этот момент зеленая птица издала первый звук, который Бар услышал от нее: пронзительный, душераздирающий визг. Затем она взлетела прямо с места в воздух и приземлилась уже на другом холме.

Птица казалась бескрылой и вроде бы не могла лететь, но чудесный прыжок перенес ее на другой холм, ближе к Бару. Птица больше не следила за Баром, а смотрела на север.

Хотя Бар боялся отвести глаза от двух других птиц, оставшихся пока в развалинах, ему хотелось знать, кто или что теперь пошло в атаку.

Тело птицы напряглось и потом чуть согнулось. Бар был уверен, что сейчас последует третий прыжок. Если так, то птица чуточку запоздала со своим решением: что–то закружилось в воздухе. Длинная веревка с грузами на концах щелкнула по ногам птицы как раз под телом и скрутила их. Птица разразилась яростными воплями, голова ее дергалась вверх и вниз и рвала веревку своим страшным клювом. Пока она корчилась на земле, закружилась вторая веревка, обмоталась вокруг шеи птицы, полностью

опрокинула ее и прикрутила ее голову к телу.

Бар посмотрел, где остальные птицы: они исчезли, хотя под прикрытием холмов могли бы прийти на помощь своему связанному собрату.

– Иди сюда!

Это был уже не крик птицы, а четко различимые слова на бейсике. Бар снова повернулся. На третьем холме от него стояла и махала ему какая-то фигура. Она была в плаще с низко опущенным капюшоном; можно было различить лишь, что фигура напоминает человека. Делать нечего, Бар повиновался: бросился бегом с холма как мог быстро, в то время как связанная птица продолжала кричать.

Бар тяжело дышал, преодолевая последний подъем. Из-под плаща высунулась рука, поймала его руку и дернула так, что оба они ударились о монолит на этом кургане.

– Этот круговой кнут не удержит квакера надолго.

Бар встретился глазами с девушкой. Она отбросила капюшон, и открылись волосы, туго стянутые на голове высокой, как корона, пряжкой, а сзади свободно падающие на плечи. Волосы были темно-синие. Руки – темно-коричневые, как у Бара. Глаза под гладкими синими бровями горели оранжевым огнем.

Бар задумчиво покачал копьем.

– Не сказал бы, что это уж очень эффективное оружие, – начал он. – Куда теперь мы должны бежать?

Он не имел представления, откуда взялась эта девушка. Вроде бы она спасла ему жизнь – на данный момент, по крайней мере.

Она затрясла головой:

– Именно этого они и хотят. Они бегают быстрее любого человека. Нет, мы сменим...

– Что сменим?

– Сменим участок нашего сна. Дай руку!

Ее пальцы стиснули его руку отнюдь не нежно. Другой рукой она сделала быстрый жест.

Мир закружился, и Бар зажмурился, борясь с тошнотой, потому что эта нестабильность была выше его понимания. Когда он заставил себя снова открыть глаза, он стоял на желтоватом песке, который омывала с методичной медлительностью вода, – возможно, море. Рука Бара была все еще зажата в руке девушки, и он облегченно вздохнул. Она отпустила его руку и отошла.

– Так... – сказала она как бы про себя: – Настолько далеко они не

могут изменять.

– Что все это значит? – решился спросить Бар, и его голос неприятно громко пронесся над легким шепотом воды.

– Видишь ли, – она повернулась и взглянула ему прямо в глаза, – нас каким-то образом закрыли. Когда ты потребовал прервать сон, я не смогла этого сделать. Понимаешь? Нас обоих защелкнули в этом сне, и сон этот только частично взят из памяти Юхач. Развалины были... и квакеры тоже. Они и в самом деле существуют, или существовали, на Альтаире-4. Но они не агрессивны. Теперь...

– Память Юхач. – Бар схватился за те ее слова, которые понял сначала. – Значит, ты...

Она рассмеялась:

– Я твой подстраховщик, Мастер снов. Но сейчас я попала в собственные силки. Ты дал сигнал проснуться, и я должна была повиноваться, но тут оказался барьер. Но они пока еще не могут препятствовать нашему движению в этом сне. Сейчас мы здесь, – она указала на взморье, – вместо того, чтобы прятаться от квакеров на тех холмах.

Я не знаю, контролируют ли нас во сне или просто держат здесь, но мы не можем рассчитывать на безопасность.

Бар крепче сжал копьё. Он понял вполне достаточно. Они заперты в этом исключительно реальном сне, и выхода из него нет.

– Мы можем вот так... перемещаться, если нам угрожают?

Она пожала плечами.

– Ограниченно. Я мало чего могу взять из памяти Юхач. Но если меня заставят дойти до конца, тогда... – она покачала головой. – За пределами ее памяти у меня нет образца, чтобы следовать ему. Об этом море я знала. Может быть, найдется еще четыре места, куда мы сможем переключиться.

– А потом, – закончил он за нее, – мы будем пойманы окончательно.

Она медленно кивнула и повторила:

– Пойманы окончательно...

Глава пятая

Бар проверил остроту копья, которое все еще держал в руках. Наконечник был трехгранной формы, мрачно–тусклый по цвету. Бар был обучен пользоваться таким варварским оружием, как меч, кинжал и примитивные метательные снаряды, но с копьем встречался впервые.

– Ты знаешь этот сон, – медленно сказал он. – Он по тому образцу, какой Юхач делала для Осдейва? Видишь ли ты в достаточной мере вперед, чтобы знать следующие события?

– В целом сон должен быть тот же, что по плану, даже квакеры. Но есть небольшие изменения. Квакеры были предназначены, чтобы на них охотиться. Осдейв любил охоту. Тут... – она заколебалась, – он собирался встретиться с Морскими Разбойниками и присоединиться к их экспедиции против древних Морских Лордов. Во сне были три основных вариации: охота на птиц, морское путешествие, и наконец, авантюра с захватом башни Килн–нам–у. Каждый эпизод потенциально опасен, если сон пойдет не так, как предполагается. А теперь здесь давление, которого я не понимаю... – она говорила медленно, и легкие складки собрались у нее на лбу. – Ты понимаешь, что ты теперь совсем другая личность? Ты Гэррет, Воин Правой Стороны.

Бар нахмурился:

– Как это?

– Мастера снов творят Форму реальности: ты часть этого мира, который является древним временем на Альтаире–4, но не точно таким, потому что каждый Мастер добавляет свое. Я – Кайтили, Женщина–Воин Левой Стороны. Традиционно мы враги. Но Юхач во сне изменила эту точку. По ее плану мы с тобой объединились в поиске, поэтому, как положено в легендах любого мира, мы должны найти некие вещи. С ними мы вернемся в Три Башни и там... – она слегка улыбнулась и закончила, – судя по воспоминаниям Мастера, наша награда должна быть очень эффективной. Хотя в этом сне был сильный элемент риска, Осдейв, конечно, не попадал в большую опасность – ее было ровно столько, чтобы удовлетворить его страсть к действиям. Но теперь, с этими изменениями, я не могу предвидеть, что может быть впереди в общей основе первоначального сна.

– Если мы воины, – заметил Бар, – почему у нас нет настоящего оружия?

– Потому что этот поиск означал испытание. Я несла копья и веревки с грузами, но ничем не пользовалась. А тебе было назначено идти с голыми руками.

– Ты вытащила нас из этой атаки. Не можешь ли ты придумать для сна станнер или что–нибудь получше этого? – Бар показал на копье.

– Я ничего не могу добавить от себя, я пользуюсь только тем материалом, что взят из памяти Юхач. Ты знаешь, что я же нетренированный Мастер снов, и, – она повернула голову и оглядела пустынный пляж, – на меня производят давление. Здесь есть еще кто–то, кто вмешивается и изменяет все так незаметно, что я не могу проследить источник этого вмешательства. Так, например, изменилась на противоположное охота в холмах. Не сомневаюсь, что мы увидим и другие зеркальные отражения событий.

– Ловко! – присвистнул Бар. – Не лучше ли нам сразу же сбежать отсюда, а ты попытаешься разрушить сон.

– Мы не можем остановить волну действия, – ответила Мастер. – Нам придется разыграть узор до конца.

Она была уверена в том, что говорит, Бар знал это. И так, роли переменялись. Сумеют ли они одолеть то, что последует?

– Значит, еще два куска действия?

– Ты должен зажечь маяк. – Кайтили, как она себя называла, показала на ободранное морем бревно, возвышавшееся среди береговых скал. – Это следует сделать в сумерках. Тогда подойдет рейдерское судно под названием «Эрн». Ты, или, вернее, Гэррет, уже встречался с капитаном «Эрна» и обещал богатую добычу в Морской Башне Восточного Вура. Тебе самому нужна только Чаша Кровавой Смерти, хранящаяся там. Это дело может быть очень опасным, но «Эрну» повезет – оно войдет и выйдет без больших бед. А имея Чашу, ты сможешь договориться с тем, кто владеет башней Килн–нам–у...

Бар засмеялся:

– Это же похоже на детскую сказку! Неужели ты хочешь сказать, что Осдейв желал пережить такую дикую бессмыслицу?

– Это не история, а легенда, но в ее основе лежит истинная история, – поправила его девушка. – Было сделано множество исследований, чтобы снабдить древний остов героической сказки подлинным фоном и современными ему деталями. Частично это история. Гэррет действительно существовал, он был первым Верховным Полководцем на половине этой планеты, и он добился этого положения, испытав подобное приключение. Мастера снов – эксперты по возвращению в прошлое не только своего

мира, но и в прошлое любой другой планеты, если ее история имеется на лентах.

– Но если это было ... если это история, как она может измениться? Проснувшись здесь, я предполагал делать что-нибудь другое, а не бегать от квакеров, как мне пришлось.

– Да, ты взял в плен двух квакеров, которые хотели отогнать тебя от их места гнездования. В развалинах ты нашел старинный металлический цилиндр, в котором была карта Вура...

– Какой вздор! – прервал ее Бар. – Не могу поверить, что взрослый человек всерьез примет такое, даже если предполагает, что это история!

– Уверяю тебя, что Осдейву это нравилось. Как человек, почти утративший возможность пользоваться собственным телом, он жаждал этой отдушины, как наркоман – порошка, дающего ему вход в другой мир. Это был последний сон Осдейва перед смертью, и он был самым хитроумным сном из всех, какие Юхач когда-либо создавала, потому что Осдейв прекрасно знал о своем близком конце.

– Я думал, что никому в тяжелом состоянии здоровья не позволяют идти в сон, – заметил Бар.

– Инопланетнику не позволяют. А жители Ти-Кри такими правилами не связаны. Некоторые предпочитают умирать во сне.

– Вот как... Я думал, это невозможно. Мы здесь именно из-за того, что умерли люди.

– Тут совершенно иная ситуация. Те жертвы были инопланетниками, в добром здравии и не давали никаких подписок. И сны, которые они выбирали, не были опасными.

Бар покачал головой:

– Однако человек может умереть во сне?

– Да, если такое его желание зафиксировано. И не просто записано, но и утверждено лордами Совета и главой его собственного клана. Но ни одному инопланетнику такого разрешения не дадут.

– Возможно. – Бар знал, что она, без сомнения, хорошо осведомлена в этих делах. – Но этот сон уже был изменен. Я не находил никакой карты, или чего там еще Гэррет предполагал иметь. А что, если я не зажгу сигнальный огонь, и рейдер не придет? Это не разрушит сон?

– Не знаю. Возможно, тебя вынудят сделать следующий шаг.

Бар сел на песок и скрестил ноги:

– В это я не верю.

Она тоже села, несколько поодаль. Морской ветер играл ее длинными волосами.

– Отлично. Вот мы и проверим силу того, кто выступает против нас, – спокойно ответила она.

Через некоторое время он нарушил возникшее молчание:

– Ты все еще не можешь проснуться?

– Нет. И кроме того... – она замялась в раздумье, сказать ли ему, а затем добавила: – Я больше не командую.

– Что это значит?

– То, что я сказала. Раньше я знала, что ждет тебя... нас впереди. А теперь я не могу быть уверена в будущем. Все как бы... расплывается. Это самое подходящее слово. Вроде как ты взял картинку и наложил на нее другую, и разные сцены закрывают друг друга.

– Значит, есть другой Мастер?

– Не знаю. Не уверена. Но только на тот сон, который я знала, накладывается другой и...

Она исчезла. Бар уставился на то место на берегу, где она только что сидела. И в песке все еще оставалась вмятина. Но Юхач или Кайтили, или кто она там еще – исчезла у него на глазах.

Он встал и осторожно коснулся концом копья отметки на песке. Никого и ничего.

Он сомневался, что она сделала это по своей воле. Может быть, другой рисунок, наложенный, как она чувствовала, на сон Осдейва, старался стереть ее, убрать из предназначенного для Бара будущего.

Она спасла его от квакеров. Вполне возможно, что он не будет спасен от следующего испытания, имеющегося в древней легенде. Но она сказала, что он должен зажечь сигнальный огонь и привлечь внимание корабля, и от этого он мог воздержаться.

И вообще тут же уйдет отсюда! Хотя он не мог идти за Юхач, но он все равно уйдет от этого внезапно ставшего предательским берега вглубь страны, даст себе время найти какой-то способ обезвредить неизвестного Мастера, поскольку он не имел ни малейшей надежды, что на его сигнал о пробуждении ответят... иначе, как отказом.

Глава шестая

Бар пошел напрямиком от моря. Перед ним лежала местность, покрытая густыми зарослями не то высокого кустарника, не то низкорослых деревьев. Листья были плотные и темные по цвету, так что каждая группа казалась пятном. В этом ландшафте было что-то зловещее. Местность с курганами казалась странной и чуждой, а эта не производила впечатления активно угрожающей, и потому еще сложнее было определить, в чем именно таилась угроза.

К тому же ему приходилось бороться со вполне определенным и упорно нарастающим требованием не ходить вглубь страны. Видимо, новый рисунок сна хотел заставить его зажечь береговой маяк и последовать, как в первоначальном сне, в рейд на Вур. И теперь две воли сражались в Баре за его путь. Землю покрывала та же жесткая трава, что была на курганах; ее длинные острые концы захлестывались вокруг его ног, едва не лишая равновесия, как бы стараясь насколько возможно затруднить ему продвижение. Но знание того, что продвигается вперед против желания того, что боролось с ним, поддерживало его.

Атмосфера лежащего впереди района была настолько зловеща, что Бар в любую минуту ожидал появления неведомой опасности, жаждущей сражения.

Потрясенная Юхач–Кайтили–Ладия (кто она в действительности?) прислонилась к подпорке, которую она чувствовала, но отчетливо не видела, и попыталась окончательно прийти в себя. Она не была больше на морском берегу, но и не вернулась на свое ложе в Улье. Нет, она снова была на кургане, где оказалась, когда вошла в сон. Вдалеке она увидела мужчину, согнувшегося у монолита, и квакеров, готовых ринуться на него. Ее руки потянулись к поясу, чтобы снять утяжеленную веревку.

Только... это было неправильно!

Ей трудно было привести мысли в ясность. Она должна спасти человека.

Но ей показалось, что вся сцена перед ней заколыхалась: в ней не было глубокой реальности как в первый раз.

Воля ее обострилась, сознание полностью проснулось. Никаких инстинктивных действий... Это не ее сон, а другого мастера. Она была здесь не со своим компаньоном по приключению; это был сон–симуляция.

Квакер прыгнул, целясь в грудь человека клювом, и, легко

уклонившись от ответного удара, ударил. Она услышала всхлипывающий крик человека, торжествующий визг квакера, но вела сейчас собственную битву за то, чтобы разорвать на куски фальшивый сон.

Вся сцена покрылась рябью, отчаянно стараясь сохраниться, хотя была разорвана, точно тряпка, сверху донизу. На миг девушка увидела какую-то тень, удалявшуюся от нее, но действующую как бы на другом плане. Юхач увидела врага, но не могла ни определить, кто он, ни установить, каково его положение по отношению к ним.

Умиравший человек и квакер исчезли, курган окутался туманом, который сгустился над девушкой, так что ей стало трудно дышать. Ее словно завернули в мокрое одеяло. Если бы она не боролась, не призвала на помощь свой природный талант эспера и все то, что узнала от Юхач, она нашла бы здесь свою смерть.

Это был сон, иллюзия. И та, что прядла сон, не могла быть захвачена сном другой без своего полного согласия. Поэтому девушка могла быть убита только в том случае, если бы приняла иллюзию. Она заставила себя дышать глубоко и медленно, бороться с тем, что видели ее глаза. Она не впуталась во вражеский сон, она участвовала в том сне, рисунок которого глубоко лежал в ее сознании. Только он был истинным!

Туман откатился. Она познала минуту триумфа, но не поддалась ему. Случившееся было далеко за пределами знаний, полученных ей от Юхач, или любых записей, какие она видела. Ясно было только одно: несмотря на вражеские усилия, галлюцинация не могла удержаться, коль скоро ее распознали. Каким-то образом, девушка была вооружена; но что с Баром?

Их намеренно разлучили, и она была убеждена, что другой Мастер может вполне захватить над ним власть, несмотря на силу его воли. Он не обладал талантом эспера, иначе его не выбрали бы на роль, которую он играл, и ее помощь была его единственным оружием. Для них обоих оставалась лишь одна надежда: только вместе они могут иметь шанс на спасение. Нужно отыскать Бара.

Туман не развеялся полностью, но разошелся достаточно, чтобы она могла оглядеть местность вокруг. Она была уверена, что ее минутная защита, ее отказ от действия при дуэли на кургане разбил рисунок, составленный другим Мастером. Найти Бара можно было только одним способом: сконцентрировать волю. Они были на морском берегу... Она закрыла глаза и сосредоточилась на этом берегу, как и в первый раз, когда их так быстро перекинуло из одной точки измененного сна в следующую. Закрыв мозг для всего внешнего, а также и для внутреннего, она рисовала себе берег, каким видела его в тот раз, и сильно хотела очутиться там снова.

Возникло ощущение невесомости и резкой боли. Она открыла глаза и огляделась. Да, здесь был песок, вода бесприливного моря, скалы... Но любая часть берега похожа на другую. И Бара здесь не было.

Она отчасти надеялась, что увидит его, зажигающего маяк, поскольку была уверена, что другой Мастер следует общей основе первоначального сна; но и здесь не было и признака Бара.

Обернувшись, она посмотрела вглубь местности. В ландшафте не было ничего приятного. Ее охватила ярость при виде деревьев, очертания которых имели какой-то странный вид. Словно бы деревья могли по своей воле изменять свою природу и принимать другие, смертоносные формы.

И там никого...

Однако она почувствовала... Что же именно? Неопределенную тягу, как будто от ее тела шла тончайшая нить, прикрепленная к чему-то невидимому, находящемуся среди тех устрашающих деревьев. Наверное, это Бар; он оставил берег, желая сломить угрозу сна тем, что пойдет наперекор тому будущему, которое она составила для него.

Ее удивило, что он оказался способным на это. Она была уверена, что всякий сон, достаточно сильный, чтобы вернуть ее к началу всех действий, без труда повернет Бара по новому пути. Бар сам сделал себя уязвимым, играя роль клиента, принявшего первоначальное сновидение.

Возможно, борьба, которую она вела, в какой-то мере сослужила ему службу: она оттянула на себя большую часть чужой воли, и поэтому ему удалось сменить курс.

Но в любом случае они должны идти вместе, иначе у них вообще не будет никаких шансов. Поскольку клиент и Мастер неразрывно связаны, они либо входят в сон и выходят из него вместе, либо этого не происходит вообще. Итак, ей оставалось только последовать этому слабому чувству притяжения. И она решительно двинулась в ту сторону.

Небо потемнело. Видимо, наступала ночь. В настоящем сне они должны были провести эту ночь на борту «Эрна». Но сейчас был новый рисунок сна, и кто знает, какие опасности могут грозить путнику в темноте? Поднялся холодный ветер. Юхач плотнее запахнула плащ-халат и продолжала идти, надеясь, что ведущее ее чувство не обманывает.

Стемнело. Бар, избегая разбросанных групп деревьев, старался обходить стороной даже тени, которые они отбрасывали на землю. Он очень устал, но не от самой ходьбы, а от постоянного сопротивления чужой воле, которая понуждала его вернуться и зажечь маяк. Теперь эта воля шла потоками силы, более тревожащей, чем первоначальное ровное давление, потому что между потоками были интервалы, как бы дающие ему надежду

на победу, но затем следовал новый удар, более резкий, более настойчивый. И то, что действовало на него, казалось, было неустойчивым, так что Бар подумывал, долго ли он еще продержится, прежде чем повернет назад, к прибрежным скалам, зажжет ночной сигнал и примет смерть, которая, как он был уверен, ждет его в измененном сне. После того, как квакеры едва не покончили с ним, он подумал, что вряд ли может рассчитывать на дружелюбие Морских Разбойников; вполне возможно, что они встретят его сталью и с сильным желанием отнять у него жизнь.

Он все еще шел вперед, несмотря на удары. Вдруг он поднял голову и пригляделся к группе деревьев слева. Они изменяли очертания... Тут что-то было не так.

Глава седьмая

Фигура поднялась из полусогнутого состояния, которое делало ее похожей на другие низкорослые деревья. Фигура была крупнее человека, но очертания ее были настолько неопределенны, что Бар даже не мог сказать, стоит ли он перед большим зверем или разумным существом. В быстро надвигающихся сумерках фигура казалась просто черной массой. И странное дело: пока Бар подходил ближе, масса съеживалась в размерах и в конце концов стала не выше человека.

Бар крепче ухватился за копьё. Существо, встав у него на дороге, больше не двигалось, но Бар не сомневался, что это вражеская сила. Это был явно не квакер, но откуда Бару было знать, какие еще опасности могут встретиться ему в этих краях? Хотя в прошлом он повидал немало опасностей, это приключение не походило ни на одну операцию, в которой он принимал участие. То все было в реальном мире, где он мог хоть частично, но оценить опасность. А эта местность – порождение воли и воображения... кого? По собственному признанию Юхач, не только ее.

Он не пытался избежать встречи с ожидавшим его существом. Лучше смотреть страху прямо в лицо, чем позволять своему воображению дополнять его деталями.

Фигура шевельнулась, отбрасывая складки черного плаща. Света было еще достаточно, чтобы увидеть ее голову и лицо.

Она вернулась!

На его губах уже был приветственный взглас, но он не произнес его. Хотя все черты и движения головы были теми же, что он видел раньше, но...

Девушка протянула руку и повелительно махнула. Бар остался на месте. Давление, действовавшее на него с тех пор, как он оставил берег, теперь изменило направление: оно понуждало его идти вперед, к этой Юхач. И это изменение в невидимой воле насторожило Бара.

– Иди сюда! – она сказала те же слова, что и при первой их встрече. Затем еще раз махнула рукой и нахмурилась, возможно, от нетерпения.

Он воткнул конец копья в землю, сжал древко обеими руками, как бы удерживая себя от повиновения приказу.

– Кто ты? – спросил он.

– Я – Кайтили.

Голос имел тот же тембр, ничем не отличался от голоса Юхач. Но

настоячивое принуждение настораживало, а в этом месте Бару следовало обращать внимание на любое, даже самое малое предупреждение.

– Нет, ты не она!

– Я Кайтили. Пойдем... – Она как бы не слышала его ответа. – Наступает ночь, и тут бродит то, что может погубить нас. Мы должны найти убежище... Пойдем! – ее приказ был усилен внезапным потоком принуждения, таким сильным, что оно едва не сорвало Бара с его места, заставив его споткнуться.

– Ты – не она, – повторил он. А вдруг... она? Бар не знал, он полагался лишь на внезапное отвращение к ней, шевельнувшееся в нем.

– Я Кайтили! – она подняла руки и откинула капюшон. – Посмотри на меня, дурак, и увидишь!

Теперь Бар был уверен – она сделала ошибку. На секунду она вышла на свет из своей личины. Она не была той девушкой на берегу!

– Ты не Кайтили, – убежденно сказал он. Она уставилась на него. Всякое выражение исчезло с его лица. Теперь она реагировала так быстро, что он почти не имел времени отреагировать. Ее правая рука взметнулась и что-то бросила в него. Он увидел только искру света, но его тренированные рефлексy не пропали даже в мире сна. Он упал на землю, перекатился и снова вскочил легким и быстрым движением опытного невооруженного бойца.

Что-то ударило позади него, оттуда вырвался огонь. Бар прыгнул, но не к девушке, а в сторону, как только ее рука снова двинулась. На этот раз огненная вспышка слегка коснулась его, и он почувствовал ожог.

Лицо ее стало безобразной маской, она плюнула в его сторону. Плащ ее закрутился вверх, как будто обладал собственной жизнью или подчинялся только ее воле; он обвернулся вокруг девушки, превратив ее в черный столб, снова скрыв ее лицо в своих бесформенных складках.

Эта черная колонна стала погружаться в землю. На тропе со стороны Бара трава обуглилась, и в ней еще горели красные огоньки. Но девушка исчезла.

В ночном воздухе чувствовался едкий запах. Но Бару казалось, что он был один, не считая только теней от деревьев.

– Гэррет?

Он обернулся, взяв копье наизготовку... Еще одна тень шла к нему.

– Гэррет! – с интонацией узнавания сказал голос, но он не обманул Бара. Она что, хочет вторично сыграть в ту же игру? Он приготовился еще раз избежать атаки.

– Не выйдет, – сказал он, – ты не Кайтили.

– Нет, – ответила она, – но я та, которая делала сон.

Бар внимательно оглядел ее. В самом деле, было небольшое различие между этой девушкой (он не хотел назвать ее имя даже мысленно) и той, которая только что исчезла, как будто земля разверзлась под ней.

– Если ты Мастер снов, то дай мне доказательство.

– Какого доказательства ты требуешь?

– Скажи... куда ты уходила и зачем?

Она не пыталась подойти к нему ближе.

– Куда уходила? Назад, к началу сна. А зачем? Не знаю. Знаю только, что та, которая хочет изменить наше путешествие, пыталась уверить меня, что ты умер.

– Почти так оно и было. Если человека можно убить оружием во сне, – она показала концом копья на сожженную траву.

Настороженность, охватившая его, когда он стоял перед той, другой, теперь исчезла.

– Как ты вернулась?

– Своей волей. – Юхач, казалось, была уверена в этом.

Бар покачал головой.

– Тени да сны... Как может человек сражаться с ними? Во всяком случае, у твоего двойника было оружие, которое смогло сделать это. – Он снова указал на обгоревшую землю и испепеленную траву и рассказал ей о той, что приняла ее облик, облик Юхач.

– Другой Мастер? – переспросила она. – Так, значит, ты не пошел по образцу... – Она глубоко вздохнула. – То, что было сломано, другой может обратить в свою пользу.

– Так что мы не знаем, на что рассчитывать? – Он понял значительность ее тревоги.

– Возможно. Осталась только одна вещь, которую мы можем попробовать: подойти ближе к концу сна и попытаться ускорить его завершение. Пока она собирает силы и строит более сильный контроль над рисунком сна, мы сможем вырваться.

– А сумеем?

– Не знаю. Во всяком случае, она не смогла удержать меня своей иллюзией, когда вернула на курганы. Возможно, она не сможет удержать нас обоих, если мы пожелаем конца сна. Нелегкое дело – сохранять рисунок, хотя я не знаю, случалось ли когда-нибудь, чтобы клиент сам желал изменить его. Я твой Мастер, следовательно, связана с тобой; если мы будем работать вместе, мы станем сильнее...

– Ты думаешь, что мы можем... перепрыгнуть? – спросил Бар.

– Попробуем.

Но ему показалось, что в ее ответе есть тень сомнения:

– А что ты выбираешь?

– Башню Килн–нам–у.

Она протянула руку, как это делала другая. И сходство этих жестов было так велико, что Бар секунду–другую не решался подойти, чтобы не оказаться обманутым... Но тут не было давления на него, выбор явно оставался за ним.

Он сделал два шага к ней и почувствовал, как она сжала его пальцы. Прикосновение было чуточку холодным, и он чувствовал через этот контакт напряжение ее тела и сосредоточенность.

– Думай, – резко сказала она, – думай о Башне на море, на том самом море, которое мы видели... Думай о ней!

Он не знал хитростей и уловок мозга эспера, но если это для пользы дела, он, во всяком случае, может думать о Башне. И он, как умел, представил себе Башню, архаичную по стандартам его родного мира, но при этом по разрушенности близкую к кургану. Он закрыл глаза, чтобы лучше построить этот мысленный рисунок, а затем ее прикосновение показалось ему жгущим почти с истребляющей силой, как будто их объединил сильнейший электрической удар.

Глава восьмая

Итак, это была Башня, усилия Юхач привели их к концу сна. Бар уставился на строение. Некоторое время тот мысленный образ, который он создал в мозгу, накладывался, как туманная мелодия, на реальность. Затем иллюзия исчезла, и он смотрел на строение, родное этому миру сна.

Башня была поставлена так, что пики утеса закрывали две ее стены со стороны моря; стены стояли под прямым углом. Древняя кладка была так тщательно пригнана, что даже само время не смогло нарушить ее. Поэтому строение вызывало такое тяжелое ощущение древности, что это ощущение казалось почти визуальным.

До высоты, как оценил Бар, в два обычных этажа не было никаких отверстий; выше находился треугольник клинообразных окон, оправленных в ромб. Они казались абсолютно черными, поскольку ни один солнечный луч не проникал в эти глубокие норы.

Еще один поразительный фокус: в путешествии, которое создала их объединенная воля, они оставили за собой ночь, а здесь, по мнению Бара, время подходило к середине дня.

Башня была сложена из тускло–красного камня, совсем не похожего на желто–коричневый камень утесов, наполовину укрывавший ее. В грубо сглаженной поверхности блоков искрились вкрапления кристаллов, отражающих солнце, так что здание казалось окруженным ожерельем из драгоценных камней.

– Килн–нам–у. – Юхач выпустила руку Бара. – Нам здорово повезло.

– Что Осдейв собирался здесь делать?

– Он омыл этот блок, – она указала на один из камней на высоте плеча Бара – по–видимому, хорошо пригнанную часть основания Башни, – водой из Чаши Кровавой Смерти. Это должно было дать выход существу, которое всегда жило внутри, и Осдейв торговался с ним за Жезл Ара... чтобы он мог править.

– Поскольку у нас нет этой Чаши, – сказал Бар, – не можем ли мы сразу сломать сон?

Она не ответила. Он перевел взгляд с Башни на девушку.

Ее лицо застыло, глаза не смотрели ни на него, ни на Башню, а куда–то вдаль, сквозь нее, что было перед ними.

– Я... не... могу... – Она с трудом выдыхала каждое слово, как будто перед этим долго–долго бежала.

– Мы же дошли до самого конца сна, почти... И ты не можешь прекратить его?

– Тогда мы сразу же попадем в рисунок, выбранный другим Мастером, – высказала она горькую правду.

Бар принял ее ответ как должное. Ладно, значит, они не могут разбить сон, составленный Осдейвом, но должны следовать другому...

– Ты знаешь все, что знала Юхач. Ты должна знать, раз тебя инструктировали. Такое когда-нибудь случалось?

– Насколько я знаю, Юхач не было известно о таких перемещениях. Она Мастер десятого разряда. Это высший разряд по шкале Улья.

– Однако должны существовать разряды и выше, иначе мы бы не были захвачены. Ты не можешь установить источник?

Слабая тень растерянности в ее глазах пропала. Теперь в них было напряженное выражение.

– Могу попытаться. Она... доберется до нас рано или поздно. Сон должен идти до самого конца, иначе врач Улья узнает, что тут несчастье. Они... Фустмэм, если только сама не участвует в том, что мы ищем, не посмеет помешать врачу вмешаться. Мы наверняка лежим там в настоящем глубоком сне. И поскольку наш сон ограничен во времени, та, что ткала новый рисунок, должна спешить. Мы отрезали среднюю часть приключений Осдейва и приблизили конец. Мне остается только ждать следующего хода, и это будет их ход.

Бару это не нравилось. Терпение было оружием, которое он культивировал в своих собственных операциях. Но то относилось к реальному миру, и тогда он имел некоторый контроль над будущим. Ему приходилось ждать нападений, но противник всегда работал на той основе, которую он, Бар, мог понять. А вот такая призрачная борьба выводила его из себя.

– А есть какой-нибудь способ установить защиту заранее? – спросил он.

Вместо ответа она сделала предупреждающий жест. Через секунду он зашатался под ударом – не физическим, хотя у него было ощущение, что некий гигант двинул его кулаком, направляя к Башне. В то же время Юхач поднесла руки к голове и вскрикнула от боли.

Эта... эта сила хотела толкнуть Бара к Башне, ударить его о каменные блоки. Но он не растерялся и снова воткнул копье в землю, чтобы остаться на месте. Тело его качалось туда и сюда под невидимыми ударами, но он крепко держался, стиснув зубы.

Его спутница упала на колени, ее руки все еще зажимали уши, из глаз

текли слезы. Она стонала, и эти стоны отдавались в камнях вокруг. Похоже, что они оба сражались с каким-то насилием, которое почти превышало их сопротивление.

Башня перед глазами Бара затуманилась... Может, тот блок, на который недавно указывала Юхач, двинулся с места? То, что стремилось управлять Баром, хотело швырнуть его туда, в темную щель отверстия. Если это была дверь, то ее очертания были очень неровными, она больше походила на естественный проход между камнями.

Бар стоял крепко. Он не желал повиноваться. Юхач говорила, что они дошли почти до конца первоначального сна; следовательно, Бар может не принимать никакого нового рисунка. Он собрал все свое упрямство и волю и пользовался ими, как броней против ударов.

Девушка медленно встала на ноги. Ее лицо, мокрое от слез, все еще выражало боль, но также и твердую решимость, равную решимости Бара.

Неправильно очерченное отверстие в основании Башни открылось полностью. Юхач говорила, что в подлинном сне существо, – как там она его называла? – должно было выйти и договориться с Осдейвом. Но у Бара не было той таинственной Чаши Крови, которую желало существо. А то, что правило сейчас Баром, хотело, чтобы он вошел туда, а не ждал здесь.

Как и в клинообразном окне, в это отверстие солнце тоже не попадало. И за его порогом – дыхание тьмы.

Выйдет ли существо? И как будет реагировать на то, что у Бара нет того, что обещал существу Осдейв? Бар покачнулся, когда принуждение нанесло еще более жестокий удар.

Оно хочет видеть его внутри, в Башне... Нет уж, он не пойдет!

В первый раз за время этой борьбы Юхач заговорила:

– Этому другому Мастеру не удастся контролировать нас обоих. – Она снова обрела самообладание и независимый вид. – Когда я подниму руку, попытайся податься назад. Старайся из всех сил.

Она пристально уставилась на Башню; тело ее напряглось. За тем она подняла руку. Бар дернулся назад, вложив в это действие всю свою упрямую силу.

Тянувший его «шнур» словно бы лопнул. Бар упал, сильно ударившись о землю и, полуоглушенный, покатился. Девушка стояла прямо, как столб, между ним и отверстием, которое наверняка было западней. Но теперь Бар почувствовал освобождение.

Юхач зашаталась и снова упала на колени, как будто ее прижал тяжелый груз. Даже не успев подумать, Бар выпустил копье, вскочил на ноги и одним прыжком преодолел расстояние до Юхач. Он крепко схватил

ее за плечи и поддержал ослабевшее тело.

Глава девятая

Воздух вокруг них наполнился раздражением и злобой. Бар не мог бы сказать, почему он был так уверен в этих бестелесных эмоциях, он просто знал, что так оно и есть. И от этой угрюмой ярости он приобрел некоторую долю самоуверенности.

Другой Мастер не рассчитывала на столь сильную защиту со стороны их обоих, и ее дело в данный момент не удалось. Но только на данный момент – в этом Бар не сомневался. Неожиданно проявление чужой воли закончилось – даже злоба исчезла.

Юхач глубоко, почти с рыданием вздохнула, прошептав слабым голосом:

– Оно ушло.

– Но она попытается все это повторить снова? – спросил он.

– Кто знает? Во всяком случае, у нее еще хватает сил держать нас здесь.

– Ты уверена?

– Ты думаешь, я не проверила? Да, мы тут прикованы, в сне Осдейва, и я не знаю, каков будет его новый рисунок.

Бар посмотрел на щель в стене Башни. Он надеялся, что она теперь закроется, поскольку давящее на Бара требование войти туда ушло. Но отверстие не только осталось открытым, но и что-то явно угрожающее лежало в его густом мраке. Бару хотелось подойти и ткнуть туда копьем, но другая его часть сжималась при мысли о том, чтобы подойти ближе к этой загадочной крепости.

– Есть ли какой-нибудь способ, – он продолжал изыскивать возможные пути для бегства или хотя бы защиты, – продолжить импровизацию от конца известного сна Осдейва.

Она покачала головой:

– Я не подлинный Мастер. Поскольку я эспер, я могла точно перенять опыт Юхач, возродить его. Но у Мастеров Ти-Кри врожденный талант, и его укрепляют тренировкой с той минуты, как только он обнаружится. Многие из них почти не живут реальной жизнью вне своих снов. Я же знаю только то, что взято из прошлого Юхач и внесено в меня инструктажем.

– Значит, способа нет?

Но Бар отказывался признать поражение. Он не намерен покорно ждать, пока неведомое станет им угрозой.

– Я не знаю...

Сначала ее слова едва проникли ему в сознание. Но когда их значение дошло до Бара, он быстро повернулся к ней; его озлобленность на происходящее вырвалась вопросом:

– Ты можешь не знать, но какие–то догадки ты можешь сделать?

– Возможность есть, но весьма опасная... Она скоро сделает шаг; ты, наверное, чувствовал ее ярость, когда она не смогла нас заставить подчиниться ее желаниям. Если мы позволим какой–либо ее угрозе развиться полностью, то есть шанс, что я смогу связаться с нитью пряжи ее сна. Но тогда сон должен быть ее... не мой и не гибрид этого и другого.

– Но если ты обнаружишь связующую нить, что тогда?

– Если я смогу крепко держаться за нить, мы проложим себе путь отсюда. Мастера полностью запрограммированы насчет одного важного фактора: они обязаны разрушить сон по требованию клиента. Я не могла сделать этого для тебя из–за этой замкнувшей нас ситуации. Сон был дублирован и уже перекрыт силой другого, очень мощного Мастера.

Бар подумал над ее словами. Все это ему совсем не нравилось.

– Как далеко зайдет новый сон, прежде чем ты сделаешь это?

Она отвела глаза:

– Боюсь, достаточно далеко, чтобы сделать последствия очень опасными. Тебе придется встретиться с неожиданной опасностью, какую она произведет, и удерживать ее, пока я не обнаружу нить сна и не прикреплю нас к ней.

В этом была логика отчаяния, и Бар понял, что Юхач предлагает то, что намного превосходит ее опыт. Он ничуть не сомневался в опасности такого действия, но другого выхода не было.

– Значит, будем ждать, пока она снова начнет действовать, – решительно сказал он и неожиданно спросил: – Ты не знаешь, не можешь догадаться, кто она? Фустмэм?

– Нет, Фустмэм обучает Мастеров, но сама Мастером быть не может. Понимаешь, многие Мастера почти полностью отгораживаются от реальности; за ними ухаживают, как за малыми детьми. И те, кто о них заботится, не могут быть Мастерами как раз по этой причине. У Улья есть два Мастера, у которых умерли клиенты. Одна сама покалечилась в мире сна, так что хотя и жива, но... ее спящий мозг то ли мертв, то ли настолько поврежден, что до него нельзя добраться. Другая необычна в том отношении, что ее потенциальные возможности были обнаружены лишь тогда, когда она достигла юношеского возраста. Такое вообще–то случается, но крайне редко. Каждая семья, в которой в прошлом появлялся

Мастер, знает признаки и ищет их с раннего детства, потому что найти такую – гордость для клана. И богатство... Такое позднее развитие время от времени случается, но это исключение из правил.

– Ты думаешь, что это она?

Юхач пожал плечами.

– Откуда мне знать? Два человека умерли во сне, который она прядла для них, но она сама не пострадала. Так что я могу дать тебе только факты.

– Ты видела ее? Разговаривала с ней?

– Нет. Улей держит своих Мастеров высокого разряда отдельно друг от друга. Если Мастер не работает, он рассчитывает повесить свои способности к творению сна сбором информации. Она изучает ленты, собирает материал для своих снов. Те, кто бодрствует, ведут очень одинокую жизнь.

– Для каждого из этих умерших имелись основания, чтобы кто-то желал их смерти, – комментировал Бар. – Либо их богатство, либо их положение делало их уязвимыми. Так что, если кто-нибудь сумел договориться с Мастером, может быть, даже дал собственные ленты...

– Да, это может быть, – кивнула девушка. – Все мы прячем в себе какой-то личный страх. Если узнать природу этого страха и материализовать его на самой высокой волне...

– ...то человек может умереть или проснуться безумным! – закончил Бар. – Но такую информацию может дать только близкий человек.

– А как насчет твоего страха? – спросила она.

– Меня снабдили крепким фоном для установления личности, – смущенно ответил Бар, – но такое едва ли записано.

Он ходил взад и вперед, размышляя. Может ли сам Мастер извлечь из человеческого мозга его самый большой страх и материализовать его?

Когда он снова повернулся к девушке, то увидел, что она изменила позу и теперь пристально смотрит в черную дыру в Башне, которая так и осталась открытой. Тело ее снова было напряжено. Другого предупреждения ему не понадобилось. Что-то собиралось напасть, их враг двинулся снова. Но сколько Бар ни вглядывался в отверстие, он не видел ничего, кроме мрака. Он встал и подошел, встав плечом к плечу с Юхач. Он хотел спросить, нет ли у нее намек на то, что ожидается, но побоялся нарушить ее сосредоточенность. Она уже дала ему понять, что ему придется смело встретить все, что ждало их, и держаться как можно дольше, чтобы Юхач успела добраться до нити сна.

Что-то ползло к ним в черной тени. Часть его высунулась вперед, как черный ищущий язык, двигаясь в свете и воздухе, как остроконечная лента

мрака.

Бар инстинктивно отступил, потянув за собой свою путницу.

В этой видимости жизни было что-то, сжимавшее желудок Бара, покрывавшее его тело пупырышками, словно он стоял под ледяным ветром.

Острый конец поднялся с земли, покачался из стороны в сторону, как змеиная голова. На нем появились выпуклости, они звучно лопались и появлялись красные угольки глаз.

Бар не мог определить, что это за существо. Хотя вид его вызывал в Баре какое-то непонятное болезненное чувство, он старался победить страх. Возможно, не получив никаких сведений насчет его личных страхов, неизвестный Мастер воспроизвела фрагмент собственного больного воображения.

Черная лента медленно поплыла вперед. Голова перестала качаться, угольки глаз сфокусировались на Баре. Если голова была узкой, то пухлое тело, показавшееся в дверном отверстии, было вяло-жирным, бульшую его часть покрывали дрожащие бугорки.

– Нет!

Девушка рядом с Баром вскрикнула, подняла руки, как бы толкая ползущее чудовище обратно в его убежище. Лицо ее казалось маской отвращения и ужаса, а страх довлел надо всем.

Глава десятая

Бар угадал, что случилось. Враг хотел напасть не на него, а на Юхач, поскольку противостоящий им уже знал, что в этой битве девушка была более сильным противником.

От ползущего исходил зловонный запах, настолько густой и отвратительный, что Бар едва не подавился. Он схватил девушку левой рукой за плечо и почувствовал, как дрожь пробегает по ее телу. Это ползущее чудовище было неизвестно только Бару, но не Юхач.

– Держись! – он встряхнул ее. – Это сон... Вспомни... Это сон!

Она не могла унять дрожь, но он видел, что ее голова шевельнулась. Было ясно, что она сейчас не в состоянии делать то, что нужно – выявить нить связи с другим Мастером.

Бар убрал руку с округлости ее плеча к ее горлу и взялся за пряжку ее широкого плаща. Его пальцы отстегнули пряжку, и он быстро собрал в горсти длинную складчатую ткань.

– Встань позади!

Зажав копьё в коленях, он обеими руками взял плащ. Ткань была очень плотной и шелковистой на ощупь. Он развернул плащ и, собрав все свое умение, раскрутил его в воздухе и швырнул вперед.

Складки упали на чудовище и скрыли его. Прежде, чем существо освободилось, Бар бросился вперед и стал колоть копьём эту тварь, шевелящуюся под плащом. Не в его ушах, а в голове слышался пронзительный визг, потрясший Бара, но не заставивший отступить. На плаще множилось пятна, вонючая жидкость проступала сквозь ткань в дыры, прорезанные копьём.

Однако существо не было убито, поскольку шевеление под разорванным и испачканным плащом не прекращалось. Бар колол, колол, колол. Может, существо вообще нельзя убить?

Бар снова ощутил в воздухе жестокую злобу. Но чудовище наконец перестало шевелиться. Бар осторожно стащил с него вонючий плащ, держа наготове копьё для повторной атаки.

Юхач глубоко и прерывисто дышала, но когда Бар встретился с ней взглядом, он увидел в ее глазах понимание.

– Ты смогла сделать что-нибудь? – спросил он без особой надежды. Она была слишком потрясена появлением чудовища.

Но она кивнула:

– Кое–что. Еще недостаточно. Я должна попытаться снова. Я... я не рассчитывала на это , – она все еще вздрагивала, указывая на то, что лежало на земле.

– Это был твой страх?

Она покачала головой:

– Нет, не мой... ее... Юхач! Похоже, в меня вложили не только память Юхач.

Они помолчали. Эта атака была хитро организована... не для того, чтобы просто захватить Бара, а чтобы лишить его поддержки истинного Мастера. Если бы при этом он оказался убит, то одновременно были поражены обе цели второго Мастера. Бар был убежден, что девушка испытала такой же страх, что и он. И когда она заговорила, Бар знал, что она тоже это понимает.

– Если ослабить мою поддержку, – сказала она чуть слышно, – тогда легко будет взять тебя – так она думала!

– Что следующее она пошлет? – спросил он и тут же понял глупость своего вопроса. Пусть его псевдо–Мастер и имеет талант эспера, но предвидеть, что сделает вражеский Мастер, она не могла, на это нельзя надеяться.

Раздался шум, но не из Башни, а откуда–то с утеса. Бар повернулся, и у него остановилось дыхание.

Может быть, враг и не имел представление о личном страхе Бара, но то, что было наколдовано теперь, что ползло по камням, пробудило бы тошнотворный ужас в любом человеке, в чьих жилах есть хотя бы следы крови землян.

На каждой планете есть свои опасности. Но есть наивысшая, которая в прошлом привела к отчаянным мерам, к сознательному выжиганию зараженных миров, пока страшная смерть не успела размножиться и перенестись каким–либо образом на большую часть галактики.

Это существо, ковылявшее к ним... Бар видел такие в предупреждающих Три–Ди; каждый агент обязан был запомнить их в самом начале обучения. Хныкающее создание было когда–то человеком или гуманоидом, скрещенным с человеком–землянином, потому что только земляне были восприимчивы к тому, что носило в себе это создание. Добавочным проклятием отвратительной болезни являлось то, что жертвы, носящие ее в себе, были вынуждены заражать своих товарищей. Прикосновение, дуновение дыхания из их полуразложившейся глотки... Тысячи и тысячи разных недугов мог переносить вирус... вирус, который имел собственную жизнь и питался не только телом жертвы, но и ее мозгом

и внушал своему носителю, где и когда удобнее взять следующую свежую жертву.

Создание, уже умершее, как человек, ковыляло к ним, подгоняемое волей того, что убило его так безжалостно. Все инстинкты Бара гнали его бежать, хотя он понимал, что это не приведет ни к чему хорошему – если существо напало на их след, оно без устали будет преследовать их. Поскольку оно уже мертво, никакое оружие, кроме сжигающего луча, не разрушит его. И оно угрожало им обоим. Похоже, что тот Мастер решил убить их одним ударом.

Бар уверял себя, что это сон, что только его согласие принять такие действия за реальность может дать существу власть убить его. Но знание этой болезни так глубоко вошло в него, что логика такого аргумента была явна слаба.

Море... Позади существа море, а утес... высокий. Если найдется способ скинуть существо назад с утеса, он выиграет время, потому что этому переломанному и объединенному телу понадобится немало времени на то, чтобы снова взобраться на такой барьер и пуститься за ними.

Бар, стиснув зубы, сделал несколько шагов вперед и схватился за плащ, не обращая внимания на зловонную массу рядом.

– У тебя есть вторая веревка? – спросил он через плечо.

Девушка не ответила. Обернувшись, он увидел, что его спутница опять находится в состоянии транса. По-видимому, она не была так напугана омерзительным существом, неумолимо ползущим к ним; она старалась направить кошмарное создание обратно к его создательнице.

Волоча рваный и грязный плащ, Бар бросился к девушке. У нее и в самом деле оказалась веревка, прикрепленная к поясу. Бар сорвал ее, едва не свалив девушку с ног, но она не обратила на Бара внимания.

Бар повернулся лицом к волочившему ноги кошмару. Веревка была для него новым оружием, но другого не было. Подпустить существо достаточно близко и ударить копьем – бесполезно, потому что это тело будет продолжать преследовать, пока его ноги не сгниют, да и в этом случае оно поползет на руках.

Бар раскрутил веревку над головой, как это делала на его глазах Юхач. Это был весьма слабый шанс, но единственный. Он пустил петлю. Она пролетела по воздуху и охватила существо чуть ниже боков как раз в тот момент, когда оно качалось на камне, чтобы прыгнуть и приземлиться рядом с ними.

Но оно не прыгнуло, а упало, понуждаемое к этому веревкой.

Бар тут же бросил плащ на барахтающееся существо. Оно отбивалось;

рука, представляющая почти голую кость, просунулась сквозь дырку в ткани. Но Бар был наготове. Повернув копье, он жестоко ударил создание древком. Дважды его оружие попадало в цель, откатывая существо обратно к краю утеса. Оно ухитрилось снова встать на колени, но Бар ударил в третий раз, вложив в удар всю свою силу, прямо в середину закутанной фигуры.

На этот раз удар отбросил существо далеко. Сначала ему показалось, что недостаточно далеко. Но существо, силясь встать, откатнулось назад и упало... вниз в море.

Глава одиннадцатая

– У нас есть передышка, – закричал он с облегчением, но, повернувшись к Юхач, увидел, что она даже не повернула головы. Она не была свидетельницей его маленькой победы. Губы ее шевельнулись:

– Иди сюда.

Она не сказала этого вслух, он прочел это по ее губам. Ее левая рука сделала неопределенное движение в сторону, словно собираясь что-то схватить. Бар бросился вперед и схватил ее за пальцы. Неужели она сделала это... нашла связь с врагом? Мог ли он поверить в это?

Мир Башни закрылся пеленой непроницаемой тьмы. Бар даже не чувствовал, держит ли он еще руку девушки и держится ли за что-либо вообще. Было ощущение подъема сквозь мрак...

Значит, так кончается сон? Его последним ощущением было пробуждение нового страха: что, если они захвачены этим местом небытия и потому останутся здесь навеки? Дважды мелькнули искры света, возникали туманные башни и скалы. У Бара было впечатление, что его тянут в двух направлениях одновременно. Затем пришла боль, но не в тело, а в сами чувства.

Мрак держался стойко. И ощущение прохождения через это пространство было очень сильным. Потом произошел прорыв в черноте. Там, окутанные туманом, лежали не башни и не скалы, а тело, вытянувшееся на какой-то подпорке, которую никак не удавалось разглядеть.

И его тащило к этому телу.

Это был Мастер; ее голову наполовину закрывал шлем.

И тут Бара захлестнули чьи-то сильные эмоции. Не злоба, ударявшая его раньше – нет, это была потребность в действии, повелительная, требующая. И шла она не от Мастера, а откуда-то сверху.

Он следил за рукой, материализовавшейся неизвестно откуда; ее скрюченные как когти пальцы тянулись к шлему Мастера. И тут же беззвучное требование:

– Пора! Отдай мне... Пора!

В нем бессознательно возник ответ на этот крик. Он должен дать форму и субстанцию этой цепляющейся руке той частью энергии, которую мог собрать. Произошел быстрый переброс такой силы, какой он никогда не подозревал у себя, и он почувствовал себя опустошенным.

Рука стала более плотной, более реальной. Бар был совсем обессилен, а рука начала опускаться, бесконечно медленно, легкими толчками, как бы преодолевая некое защитное покрытие, к телу Мастера.

Он уже не мог ничего дать, но должен был. Если эта рука не выполнит свою миссию, они пропадут. Бар не знал, почему уверен в этом, знал только, что это именно так, словно это входило в инструктаж.

Рука двигалась медленно... очень медленно. Бар невероятно устал от своей опустошенности, он чувствовал, что упал бы от дуновения ветерка.

Согнутые пальцы слегка выпрямились и уже не напоминали когти. Палец повернулся и указал на грудь спящей.

Бар старался держаться. Ничто в прошлом не готовило его к такой борьбе. Все зависело от прикосновения пальца... Но оно должно произойти быстро, очень быстро!

Рука продолжала опускаться толчками, как будто энергия вливалась и выливалась из нее. Затем палец коснулся туманной фигуры Мастера, которая так и не приобрела вещественности за все то время, пока Бар был с ней рядом – по крайней мере, так казалось.

Мастер дернулась, как будто палец был хорошо направленным острым стальным острием. Затем из-под шлема показался рот, губы шевелились, как бы произнося проклятия. Но Бар ничего не слышал.

Снова защелкнулась тьма, и он... потерялся.

Что-то больно ударило его. И эта боль была глубоко внутри... нет, он, чувствовал ее в своем теле. Вирус ужаса? Воображение Бара рисовало образ того, что карабкалось на утес, чтобы обладать им, Баром...

Задыхаясь, он открыл глаза. Человек с эмблемой врача склонился над ним, спокойно и оценивающе глядя на него. Бар заморгал. Он был ошеломлен и сначала не мог сообразить, где он.

– С вами все в порядке?

Даже эти слова, сказанные на бейсике, казались странными и шли как бы издалека.

Все его тело напряглось, когда он рывком поднял руку: шлема не было. Бар вернулся! Осознание этого влилось в него теперь теплым потоком. Он лежал на диване.

– А Юхач? – дрожащим голосом спросил он.

– Она в порядке, – успокоил его врач. – Но здесь близко есть что-то...

– Другая! – вспомнил Бар. – Другой Мастер.

Он увидел, как сузились глаза врача. Этот человек был откомандирован Советом, и его хорошо проинструктировали.

– Она... – голос, столь слабый, как и у Бара, заставил последнего

повернуть голову.

Шлем Мастера был сброшен. На другом диване сидела худенькая девушка с кудрявыми каштановыми волосами. Черты ее бледного лица обострились, как у голодающей. Тонкие руки были сложены под грудью, и она так отличалась от боевой Кайтили, которую Бар знал в другом месте, что почти невозможно было поверить, что это измученное бесцветное существо его спутница.

– Пойдем. – Юхач сделала попытку встать на ноги, но покачнулась и снова упала. Врач быстро повернулся к ней.

– Лежите спокойно! – приказал он.

– Нет! – прозвучал решительный ответ. – Мы должны... идти к... ней... немедленно!

Бар встал, покачиваясь. Он так ослаб, как будто вышел из кошмарного мира Башни серьезно раненый.

– Она права, – сказал он, обращаясь к врачу. – С этим надо покончить.

Он обрадовался, когда в поле его зрения шагнул вооруженный человек и протянул руку, чтобы поддержать его. В это время врач с недовольным видом помогал встать Юхач.

– Где она? – спросил Бар.

– Потерялась... там... – не очень вразумительно ответила Юхач.

Когда врач выводил ее из комнаты, прямо перед дверью стояла Фустмэм с ничего не выражающим лицом. Она загораживала проход и не сделала ни одного движения, чтобы посторониться.

– По распоряжению ваших собственных лордов, – рявкнул врач, – дайте нам пройти.

– Улей нельзя брать силой! – резко ответила женщина.

– В этом случае можно. – Врач отклонил в сторону голову, и стал виден стражник... – Отойдите, или вас оттолкнут.

Спазм открытой ненависти исказил лицо Фустмэм:

– Вы слишком много себе позволяете, инопланетник. В Улье так не полагается.

– А убийства им совершать полагается? – спросил Бар.

Она повернула к нему снова ставшее бесстрастным лицо:

– Это неправда. Ваши же собственные методы расследования доказали мою безупречность.

– Но вы держите небезупречного Мастера, – возразил врач, – и мы сейчас посмотрим на нее. А позднее будет расследование насчет ее обучения. Возможно, вы назовете тех, кто может создать Улью намного более темную репутацию, чем он имел до сих пор.

– Улей не виноват. Мастера не могут убивать... – Броня ее защиты оставалась несокрушимой.

– Могу засвидетельствовать, – сказал Бар решительно, – что они могут попытаться.

Слабость его прошла, он мог уже стоять без поддержки стража.

Юхач ничего не сказала во время этой перепалки. Лицо ее было пустым, тело еще более напряжено, когда она бросила всю свою энергию на поиск неизвестного им врага. Врач глянул на нее и кивнул:

– Посторонитесь!

На этот раз Фустмэм, пожав плечами, повиновалась. Правительница Уля, как видно, шла за ними, когда они прошли по холлу во второй коридор. Теперь ее голос снова повысился в новом протесте:

– Здесь нет комнат сна... Вы не должны входить в личные комнаты!

Врач даже не ответил. Его рука обнимала Юхач, поддерживая ее. Бар решил, что затраты сил эспера ради их возвращения были куда более серьезными, чем его собственные страдания. Однако она шла вперед, ведомая необходимостью найти источник той энергии, которая пыталась закрыть их в мире сна.

Она остановилась перед дверью в дальнем конце коридора и положила кончики пальцев на нее.

– Внутри... – Ее голосу не хватило силы.

Глава двенадцатая

По жесту врача стражник положил ладонь на замок двери. С минуту казалось, что замок противится любому вмешательству извне, но затем дверь начала отходить в сторону, медленно и со скрипом.

Внутри слышался шум, что-то вроде хихиканья больного животного. Врач, глядя поверх плеча Юхач, был так ошеломлен, что Бар встал рядом с ним. Но врач тут же оттащил Юхач назад и загородил рукой проход перед Баром.

– Закройте это, черт побери! – приказал он. И страж, с тем же выражением ошеломленности и ужаса на лице, снова задвинул засов. Но Бар все-таки успел бросить взгляд на то, что полулежало поперек дивана и пыталось встать: слепое, изуродованное лицо вопросительно повернулось к ним, тем, кого хотело заполучить.

Это существо само подверглось действию того ужаса, что охотился за ними на утесе. И здесь были безошибочные признаки той же смертельной болезни. Бар сделал быстрое движение поддержать Юхач, пока медик повернулся к стражу, отдавая ему приказы.

Бар отвел девушку обратно в комнату сна. Когда он устроил ее на диване и сел рядом, обняв ее за плечи, она медленно сказала:

– Это... отдача. То, что она замышляла против нас, стало частью ее самой.

– Как это могло случиться? – спросил Бар. Ему не хотелось вспоминать, что он видел в той комнате, и что должно быть уничтожено без всякой жалости и как можно скорее.

– Не знаю, – ответила Юхач, – но думаю, что она не настоящий Мастер, не такая, какие всегда были в Ти-Кри. И она сознательно пользовалась своей силой, чтобы убивать. Говорили, что она запоздалого развития... Может быть, она была и чем-то еще, мутанткой из рода Мастеров. Но я уверена, что она силилась послать против нас эту ползущую смерть, когда мы пробивались в пробуждение. И тогда эта сила каким-то образом обернулась... против нее самой. Ее звали Динамис. Теперь нам надо узнать, откуда она явилась, и кто стоял за ней.

– Теперь это уже не наша работа, – сказал Бар. – Пусть по этому следу идут умеющие делать это специалисты.

Юхач вздохнула:

– Мы должны составить рапорт...

– С этим я вполне согласен. Но все остальное пусть делает организация. А мы, я уверен, заслужили внеочередной отпуск. Да, кстати, – добавил он, помолчав, – как твое настоящее имя? Я отказываюсь отдыхать с Кайтили, хотя она и прекрасный боец, и с Юхач, Мастером снов...

Она вздрогнула:

– Я не Мастер снов!

И этим утверждением она как бы отмела все, что угрожало им, включая последний взрыв ужаса, обнаруженного в комнате Улья.

Бар улыбнулся:

– Конечно, ты не Мастер! Говорят, Аво–при – отличная планета для проведения отпуска. Но я хотел бы знать твое имя, чтобы вписать его в заявочный талон.

– Я – Ладия Тангели, – ответила она, и ее голос окреп. – Да, я действительно Ладия Тангели! – Она как бы утверждала свою личность и уверяла, что в ней нет ничего от Юхач.

Бар кивнул.

– Прекрасно, Ладия Тангели, теперь ваш долг – отправиться в штаб–квартиру, сдать записи отчета, а затем...

Она выпрямилась в обхватившем ее полукруге его руки, будто в нее влились новые силы.

– А затем... я подумаю о твоём предложении, – сказала она с уверенностью в голосе.